

The background of the cover features a dark, textured image of an old manuscript. The text is written in a historical Cyrillic script. A prominent feature is a diagonal strip of parchment or a similar material, which appears to be a page from the manuscript, showing some wear and tear. The overall color palette is dark and muted, with shades of brown and black.

Л. В. МИЛОВ

Исследования
по истории
памятников
средневекового
права

Л. В. МИЛОВ

Исследования
по истории
памятников
средневекового
права

Москва
РОСПЭН
2009

УДК 930.27
ББК 63.3(2)Л6
М60

Милов Л. В.

М60

Исследования по истории памятников средневекового права: Сборник статей / Л. В. Милов; [под ред. Б. Н. Флори, А. А. Горского]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 336 с.

ISBN 978-5-8243-1105-1

УДК 930.27
ББК 63.3(2)Л6

ISBN 978-5-8243-1105-1

© Милова О. Л., 2009
© Российская политическая
энциклопедия, 2009

ОТ РЕДАКТОРОВ

Научное творчество академика РАН Леонида Васильевича Милова (1929–2007), одного из выдающихся историков нашей эпохи, отличалось необычайно широким хронологическим и проблемным диапазоном. Одним из главных направлений исследовательской деятельности Л. В. Милова была история русского средневекового права.

Работа в этом направлении была начата им в 1950-е гг. под руководством учителя — М. Н. Тихомирова. Леонид Васильевич подготовил к изданию древнейший славянский законодательный памятник — Закон Судный людем¹. Впоследствии он продолжил его изучение. Одним из первых в отечественной науке он использовал математические методы для реконструкции первоначального текста памятника и путей эволюции его рукописной традиции. Кроме того, его внимание привлек славянский перевод Эклоги, византийского кодекса законов VIII в. Вопреки традиционному представлению, что этот перевод болгарский (X в.), Л. В. Милов обосновал гипотезу, что Эклога была переведена на Руси. Затем он высказал предположение, что перевод Эклоги был сделан в конце X в., при крестителе Руси Владимире, и именно об этой попытке ввести на Руси напрямую византийские правовые нормы говорит легендарный летописный рассказ о временной замене Владимиром традиционных вир на смертную казнь для «разбойников». Неудача реформы вызвала необходимость письменной фиксации норм традиционного права, отмененных было княжеской властью. Исследователь привел также ряд серьезных аргументов в пользу того, что перевод так называемой Ефремовской кормчей был выполнен не в начале X в. в Болгарии, а в XI в. в Древней Руси. Благодаря этим работам резко расширился круг текстов, которые теперь можно использовать для реконструкции древнерусской юридической терминологии и правового сознания; совсем по-новому охарактеризованы те исторические условия, в которых зарождалась древнерусская правовая традиция.

От этой проблематики ученый вышел на источниковедческое исследование Пространной редакции Русской Правды, списки которой содержатся в тех же рукописях, что и списки Закона Судного. Он пришел к выводу, что Пространная Правда была создана в начале XII в., в период киевского кня-

¹ Закон Судный людем Краткой редакции. М., 1961; Закон Судный людем Пространной и Сводной редакций. М., 1961.

жения Владимира Мономаха. Такое мнение существовало в науке и ранее, но его сторонники исходили, главным образом, из соображений, связанных с содержанием памятника². Равно другие авторы, также отталкиваясь от анализа содержания, относили создание Пространной редакции Русской Правды к началу XIII в., т.е. на целое столетие позднее (хотя и признавали, что большинство составных частей ее появились ранее этого времени)³. Работа, проведенная Л. В. Миловым, вывела исследование на качественно иной уровень — сочетания текстологического (выявление наиболее близкого к оригиналу списка, в том числе с помощью математических методов) и кодикологического (изучение особенностей рукописи и содержащего ее сборника) анализа. Использование новых методов исследования позволило прийти к новым, обоснованным выводам о первоначальном, наиболее близком к протографу тексте памятника и о путях эволюции его текста в меняющихся исторических условиях, а также о более раннем, чем полагали, создании на древнерусской почве сложных по составу юридических сборников, частью которых, по убеждению исследователя, с самого начала стала Пространная Русская Правда.

Занимался Л. В. Милов и другими памятниками древнерусского права — церковными уставами Владимира и Ярослава, Ефремовской Кормчей, Мерилом Праведным. Сквозной исследовательской темой его штудий по древнерусскому праву была рецепция на Руси византийских правовых норм.

Леонид Васильевич не успел оформить корпус своих трудов о древнерусском праве в виде книги. Но его статьи в совокупности представляют собой цельное исследование. Поэтому стало возможным появление этой книги. Ее структура определена редакторами. Вместе с тем помещенная в конце статья являет собой по сути заключение к масштабной работе, проведенной автором.

В настоящем издании сохранены особенности публикаций статей, относящиеся к выделению терминов и названий памятников.

Рукопись подготовлена к изданию И. Е. Тришкан при участии А. А. Горского и К. С. Гвозденко.

Б. Н. Флоря, А. А. Горский

² См.: *Зимин А. А.* Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. Т. 76. М., 1965. С. 260–277; *Свердлов М.Б.* От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 165–167.

³ *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 204–238; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 276–278.

ЗАКОН СУДНЫЙ ЛЮДЕМ НА РУСИ

К ИСТОРИИ ТЕКСТА ЗАКОНА СУДНОГО ЛЮДЕМ ПРОСТРАННОЙ РЕДАКЦИИ

Закон Судный людем принадлежит к числу наиболее загадочных славянских памятников древней поры. До сих пор идут споры о происхождении Закона Судного людем Краткой редакции. Немного сделано и в области изучения другого памятника — Закона Судного людем Пространной редакции. В наиболее крупных работах дореволюционной историографии Закон Судный Пространной редакции (Н. С. Суворов, Х. Орошаков, Т. Сатурник и др.)¹ традиционно рассматривается как более поздняя славянская (болгарская) компиляция византийского законодательства. Поддерживается эта точка зрения и в некоторых новейших работах (В. Ганев)². Правда, еще Н. С. Суворов в одном из своих трудов по Закону Судному бегло высказал предположение о вероятном появлении Закона Судного Пространной редакции на Руси³. Эту гипотезу развил в одной из своих последних работ Михаил Николаевич Тихомиров⁴.

В отличие от Н. С. Суворова М. Н. Тихомиров связывал появление Закона Судного людем Пространной редакции с концом XIII — началом XIV в. — периодом, когда согласно наблюдениям М. Н. Тихомирова прослеживается определенная тенденция возрождения древнерусской городской письменности, когда вновь возрождается и кодификационная работа. По мысли М. Н. Тихомирова, Закон Судный людем Пространной редакции представляет собой русский памятник, созданный древнерусскими книжниками на основе переработки славянских переводов византийского законодательства и материалов Библии.

¹ Суворов Н. С. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888; Oroschakoff H. Ein Denkmal des Bulgarschen Rechtes (Zakon Sudnyi Ljudem) // Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft». XXXIII. Stuttgart, 1916; Saturnik Th. Prispěvky k šitěni byzantského prava u Slovanů // Rozpravu česke Akademie ved a umeni. Trida I. № 64. 1922.

² Ганев Венелин. Законъ соудный людьмъ. София, 1959.

³ Суворов Н. С. Следы западно-католического церковного права. С. 153—158.

⁴ Тихомиров М. Н. Пространные списки Закона Судного людем // Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции. Подгот. к печ. М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961. С. 13—21.

Интересная гипотеза М. Н. Тихомирова о происхождении Закона Судного, памятника «так несправедливо отвергнутого русскими исследователями», осталась, к сожалению, не разработанной.

Одна из объективных причин малой изученности Закона Судного людем Пространной редакции — состояние источников. Дело в том, что от наиболее ранней редакции памятника сохранился лишь один список второй половины XIV в. Остальные списки, во-первых, датируются XV—XVI вв., во-вторых, они сохранили лишь позднейшие редакционные переработки памятника⁵. Вот почему достоин внимания обнаруженный нами в одной из Кормчих Егоровского собрания список Закона Судного людем Пространной редакции, принадлежащий, по-видимому, к наиболее раннему Пушкинскому изводу. К сожалению, список дефектный: он не содержит начальной части текста. Кроме того, он датируется весьма поздним временем — последней третью XVI в. Однако это не помешало ему сохранить основные черты наиболее ранней редакционной обработки. «Наша старинная письменность, — писал И. И. Срезневский, — богата примерами того, что списки позднейшие гораздо важнее древнейших как более или менее верные копии с очень древних изводов, не сохранившихся в подлиннике»⁶.

Кормчая, в которой содержится интересующий нас список, фигурирует в академическом издании Русской Правды как Егоровский III список (ГБЛ. Собр. Егорова. № 254)⁷. Это рукопись в лист, на 558 пронумерованных листах, имеет счет тетрадей по 8 листов в каждой (всего 71 тетрадь). Тетради 32 и 41 по 7 листов. Листы 556—558 в счет тетрадей не входят. Рукопись написана полууставом двумя основными почерками (1-й почерк — лл. 1—412 об., 517 об. — 556, 2-й почерк — лл. 412 об.— 517). Кроме того, на лл. 476—476 об. и 556 об.— 558 две вставки беглым полууставом, переходящим в скоропись, конца XVI — начала XVII в. Вставки представляют собой тексты посланий митрополита Макария новгородскому архиепископу Пимену. Водяные знаки датируются 70-ми годами XVI в. (№ 1936,

⁵ В публикации текстов Пространного Закона Судного все списки разделены на две редакции: пространную и сводную. Пространная редакция имеет два извода — Пушкинский и Археографический. Сводная редакция делится на Летописный извод и Троицкий. См. «Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции». Далее все ссылки в тексте даются на это издание.

⁶ Известия Академии Наук. Отд. русск. яз. и словесности. Т. II. СПб., 1853. С. 157

⁷ Правда Русская. Т. I. Тексты. Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940. С. 144

1937 у Н. П. Лихачева и № 1940 у Брике). Текст Закона Судного людем Пространной редакции расположен на лл. 465 об.— 472. Данное обстоятельство привлекает особое внимание, так как это первый из списков Пространного Закона, который дошел до нас непосредственно в составе Кормчей книги. Все известные до сих пор списки Пространного Закона сохранились лишь в составе юридических сборников в приложениях к летописям и тем же кормчим книгам. Вполне естественно, что подобный факт требует более внимательного разбора как самой Кормчей, так и того окружения, в котором сохранился текст Закона Судного людем Пространной редакции.

Интересующая нас Кормчая, как и многие Кормчие XVI столетия, очень сложна по своему составу. Ее компилятивность бросается в глаза даже на беглом обзоре статей. Единая нумерация глав оканчивается на 68-й главе «Никиты мниха пресвитера о пресноцех» (л. 375), следующая за ней глава «О фрязах и прочих латинех» (л. 379) уже имеет номер 36-й, причем эта пагинация идет лишь до 45-й главы («Юстиниана цесаря шестого собора»), а далее сразу же обозначена глава 70 («Сказание известно и хитро о чювствах телесных»). Следующая, 71-я глава обозначена лишь через 35 листов. За ней следует неполное оглавление всей Кормчей, затем две почти чистые страницы и глава 74-я («Федора Студита о останцех»), далее счет продолжается до последней главы книги (глава 93 — «Сказание Енифания о пророцех»).

В академическом издании Русской Правды Егоровская Кормчая № 254 охарактеризована как Кормчая Новгородско-Софийского вида. Однако это не вполне верно. Дело в том, что эта Кормчая скроена из двух разных по типу. Первая ее часть до мелочей совпадает с Чудовской Кормчей 1499 г. (Чуд. собр. № 167), которую М. Н. Тихомиров считал образцом особого типа Кормчих, появившихся, видимо, в конце XV в. Речь идет о так называемых «Кормчих в соединении с Мерилом Праведным»⁸. В наших хранилищах от конца XV — начала XVI в. есть несколько таких сборников (Троице-Серг. собр. № 205 и 206, Увар. собр. № 560, Соловец. собр. № 414 и др.).

В Егоровской Кормчей совпадают с составом Кормчих указанного типа первые 65 глав (гл. 65 «Поучение епископле к иереом»), т. е. более половины текста (лл. 1—368 об.).

⁸ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 106—113.

Что же касается второй части, то состав ее очень сложен, а выяснение его затрудняют неоднократные нарушения в последовательности статей. В конечном счете обнаруживается, что основная масса статей этой части Егоровской Кормчей совпадает, правда не в прямой последовательности, со второй частью Кормчей 1519 г. из Соловецкого собрания (№ 415)⁹. В академическом издании Русской Правды эта Кормчая отнесена В. П. Любимовым к типу Новгородско-Софрийских. Это справедливо лишь по отношению к первой части, в то время как вторая (впрочем, это бывает довольно часто) носит в значительной мере индивидуальный характер.

Из почти двухсот листов Егоровской Кормчей (лл. 371 об.—558) с составом Соловецкой Кормчей № 415 совпадает ряд больших комплексов статей. Это, во-первых, лл. 375—425 об. (с главы «Никиты мниха пресвитера о пресноцех», следующей за ним главы 36 «О фрязех и прочих латинех» и до главы 45 «Юстиниана цесаря шестого собора»). Хотя первая из глав упомянутой группы имеет номер 68, а не 35, однако, все остальные статьи этой группы имеют ту же нумерацию, что и соответствующие статьи Соловецкой Кормчей № 415.

Второй большой комплекс статей, совпадающих со статьями Соловецкой Кормчей № 415, расположен в заключительной части (лл. 477—558). Это главы 74—93 (гл. 74 «Преподобного Федора Студита о останцех» и глава 93 «Епифания сказание о пророцех»). В Соловецкой Кормчей № 415 точно совпадает не только порядок глав и их нумерация, но даже мелкие ненумерованные статьи (л. 517 об., «О ризах архиереевых первого закона»; л. 526 об., «В ту же меру от новаго закона о чернцех» и т.п.). Однако в отличие от Егоровской Кормчей Соловецкая Кормчая № 415 не оканчивается статьей «Епифаниево сказание о пророцех». В ней далее следуют: «Никифора патриарха о епископех», затем глава 94 «Речь жидовскаго языка» и ряд статей, перечень которых уместно здесь привести:

«Седящим святим патриархом в месте своем святыя Софии», «Вопрос о святых божественных агницах», «Ведите же се яко да никто же», «Феодоритово, како подобает крестити», «О святых пречистых икон Германа патриарха». Здесь Кормчая № 415 заканчивается, и этот

⁹ Кормчая подробно описана в «Описании рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии». Ч. II. Казань. 1885. Хранится рукопись в ГПБ ОР (ныне — РНБ, отд. рук. — *примеч. ред.*).

конец сугубо индивидуален (в близких к ней по составу, например в Кормчей Царского № 215, конец связан с указанной выше 94 главой и отрывком из Никифора Исповедника).

Таким образом, из всего содержания Егоровской Кормчей, не считая четырех небольших статей на лл. 371 об.— 373 об., остался неразобранным лишь ее фрагмент на лл. 437—475. Именно здесь и помещены два текста Закона Судного людем: Краткая, точнее, Особая редакция ЗСЛ — на лл. 448—454 и Пространная редакция ЗСЛ — на лл. 465 об.— 472.

Причудливое переплетение статей, среди которых обнаружены тексты ЗСЛ, открывает текст «Сказания известно и хитро о чювствех телесных», обозначенное главой 70, заключает же отрывок «О черноризцех правило... Глава 71». Все, что помещено между ними, представляется нам позднейшей вставкой, ибо в новгородской Синодальной Кормчей 1280 г. и, что особенно важно, в Соловецкой Кормчей № 415 указанные тексты идут подряд с той только разницей, что в Соловецкой Кормчей № 415 главой 70 является «Правило Кирилла митрополита русьского», далее без обозначения главы следует «Сказание о чювствех телесных» и, наконец, № 71 обозначены «О черноризцех правила».

Эту вставку между главами 70 и 71 Егоровской Кормчей можно разбить на три совершенно независимые друг от друга группы. Первая из них составлена из статей: «Избрание из Законов Моисеевых», Особая редакция Закона Судного людем и «Толк Козьмы Халкидонского». Это издавна сложившийся комплекс статей 23-й главы Новгородской Синодальной Кормчей, Варсонофьевской Кормчей, многих Кормчих Новгородско-Софийского вида. В Егоровской Кормчей текст явно не на месте. Причем редактор-переписчик поставил в заголовке «Избрания из законов Моисеевых» сразу два номера: на полях стоят киноварные 24, в конце же заголовка — «глава 94». Последняя нумерация скорее тянет к нумерации «Кормчих в соединении с Мерилом Праведным», где «Избрание» стоит под № 101, а Закон Судный людем — под № 102¹⁰. Но вероятнее всего,

¹⁰ Объяснение возможно свести и к тому, что № 94 — это номер последней главы многих Кормчих Новгородско-Софийского вида (на 94-й главе кончается, например, Кормчая Царского № 215), да и сама Егоровская Кормчая завершена главой 93, а «Избрание» с Законом Судным людем, попавшие случайно в середину текста, имеют тем не менее № 94. Возможно, что эти статьи и должны были стоять в конце, ибо в древнейшей Кормчей Новгородско-Софийского вида (Софийское собрание № 1173) Закон Судный людем и «Избрание» пропущены в тексте и стоят в конце книги (лл. 424—428).

текст данных статей списан не с «Кормчей в соединении с Мерилом Праведным», легшей в основу первых 368 листов Егоровской Кормчей, а с Соловецкой Кормчей № 415, где «Избрание» вместе с Законом Судным людем из-за недочетов нумерации обозначены так же, как и в Егоровской Кормчей, номером 24.

Вторая группа вставленных статей (лл. 455 об.—465) представляет собой буквальное повторение текста, которым оканчивается Соловецкая Кормчая № 415 (перечень их приведен выше). Это статьи, начиная с текста «Сядящим святым патриархом» и кончая текстом «О святых пречистых икон Германа патриарха». Наконец, третья группа — интересующий нас текст Пространной редакции Закона Судного людем, начинающийся с заголовка «О поучении».

Весь ход наших рассуждений при анализе происхождения статей Егоровской Кормчей убедительно показывает, что решительно все статьи находят аналогии в исходных текстах либо «Кормчих в соединении с Мерилом Праведным», либо в Кормчих Новгородско-Софийского вида. Исключением служит только статья «О поучении» и следующие за ней статьи Пространной редакции ЗСЛ. Предположение о взаимной связанности этого текста с примыкающей группой статей на лл. 455 об.—465, которая завершается текстом «О святых пречистых икон Германа патриарха», легко опровергнуть. Как уже указывалось, данная группа статей является индивидуальной концовкой Кормчей Соловецкого собрания № 415, а в Соловецкой Кормчей текста Закона Судного людем вовсе нет. Следовательно, никакой преемственной связи между ними и текстом Пространной редакции Закона Судного людем не существует. Между тем можно считать, что статьи второй части Егоровской Кормчей списаны именно с оригинала Соловецкой Кормчей 1519 г. (№ 415). Доказывается это демонстрацией прямых повторений в Егоровской Кормчей дефектов Кормчей Соловецкого собрания.

В изучаемой нами Егоровской Кормчей из-за того, что она составлена (и довольно небрежно) из Кормчих двух различных типов, многие статьи повторены дважды. Так, дважды встречаются такие тексты, как «Толк божественной службы» (лл. 342 об. и 508), «Василия Великого толк священнического чина» (л. 360 об. и л. 505), «Правило иереом» (л. 362 и л. 519), «Егда стоит новосвященный поп» (л. 365 и л. 500 об.), «Толк апостольстей соборней церкви» (л. 339 и л. 506 об.) и т.д. Среди них повторены и такие статьи, как «Вопрошание Кириково» (л. 316 и л. 477 об.) и «Правила Кирилла

митрополита русьского» (л. 331 и л. 485). Последние две статьи механически разделены каждая на две и в Соловецкой Кормчей 1519 г. Разница заключается лишь в том, что в Соловецкой Кормчей они разделены из-за каких-то дефектов при переписке. Здесь с л. 369 об. начинается «Вопрошание Кириково», но только до слов «а смердов дея помолвих иже по селам живоуть, а покаются у нас, ож от друзии». Текст со слов «ядят вѣверичину» и далее отсутствует. Вслед за этим в Соловецкой Кормчей дано окончание «Правила Кирилла митрополита русьского». На л. 385 об. продолжено «Вопрошание Кириково», вслед за ним следуют «Правила Кирилла» без окончания. В Егоровской Кормчей на лл. 316–337 даны совершенно полные тексты и «Вопрошания Кирикова», и «Правил Кирилла», так как даны они по тексту «Кормчих в соединении с Мерилом Праведным». Во второй же раз они даны точно по тексту Соловецкой Кормчей 1519 г., следовательно, «Вопрошание Кириково» на л. 477 об. идет без начала (со слов «ядят вѣверичину»), а на л. 485 «Правила Кирилла» — без конца. Больше того, в Соловецкой Кормчей 1519 г. (№ 415) разорвано изложение Студийского устава. Точно таким же образом оно разорвано и в Егоровской Кормчей. Следовательно, Кормчая 1519 г. (№ 415) является непосредственным источником второй части Егоровской Кормчей. А раз это так, то текст статей Пространной редакции Закона Судного людем полностью изолирован, т.е. он попал в Егоровскую Кормчую конца XVI в. непосредственно в результате работы редактора-переписчика из какого-то другого источника. Таким образом, снова подтверждается вывод о том, что Пространная редакция Закона Судного не входила в состав собственно Кормчих книг.

Каков же источник, откуда Егоровский список попал в конечном счете в Кормчую?

В ответе на этот вопрос поистине замечательную услугу нам оказывает случайно попавшая в текст Егоровского списка Закона Судного вставка «О судной и бессудной грамоте». Она следует непосредственно вслед за статьей «О вражды»:

«Аще кто того утяжить, то имати под ссудной грамоти сребро с веса без 10 золотникъ рубль а по бесудной грамотѣ... О грамоте»¹¹.

¹¹ РГБ, ОР. Собр. Егорова. № 254. Л. 467 об. (далее — Егоровская Кормчая).

Этот не имеющий непосредственного отношения к Закону довольно испорченный текст может привести нас лишь к загадочной вставке «О точном серебре» в одном из списков XIV в. договора Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. Точнее, следует говорить не о списке договора 1229 г., а о сборнике, в котором он помещен. В этом широко известном сборнике, принадлежавшем Мусину-Пушкину, текст «О точном серебре» несколько шире, так как начало его содержится в заключительных строках «Избрания из Законов Моисеевых». Вот как он выглядит:

«А что по суднуи грамотѣ по утягальной, а то точное серебро без 10 золотник.

А что ся в кое время начнет дѣяти, то утверживаите грамоу да быша ся не забывали. Познаите и память держите нынешней. И по сем времени будущи. Тако же и по бесъсудной грамоте точное серебро без 10 золотникъ. А взяти с веса. А грамота судная и безсудная, то томо же серебру по точному без 10 золотник»¹².

Вся выдержка, если исключить подчеркнутые фразы, являющиеся вступлением к Смоленскому договору, четко делится на две самостоятельные части, причем вторая повторяет то же самое лишь в несколько иной формулировке («А грамота судная...»). М. Н. Тихомиров в своем «Исследовании о Русской Правде» высказал предположение, что составитель Пушкинского сборника нашел текст «О точном серебре» в виде приписки и вставил ее в текст не вполне удачно. То обстоятельство, что во вновь найденном Егоровском списке Закона текст «О серебре» вставлен также невпопад, подтверждает это предположение. Видимо, в протографе Егоровского списка этот текст был помещен на полях рукописи. Однако, не предугадывая смысла вставки и ее места, отметим, что сходство ее с текстом вставки «О точном серебре» сборника Мусина-Пушкина, несмотря на дефекты, вполне очевидно. А это делает весьма вероятным предположение о происхождении Егоровского списка в конечном итоге из сборника, подобного сборнику Мусина-Пушкина XIV в. В пользу только что высказанного соображения есть и другие аргументы. Среди них в первую очередь надо упомянуть принадлежность Егоровского списка именно Пушкинскому изводу, а не Археографическому, который также сохранился в составе Юридических сборников при летописях и кормчих. Из сопоставления текстов следует, что все основные особенности редакторской обработ-

¹² Русские достопамятности. Ч. II. М., 1843. С. 239, 246.

ки Археографического извода Закона Судного людем чужды статьям Егоровского списка. И, наоборот, основные характерные черты Пушкинского списка свойственны Егоровскому. Так, в частности, в Пушкинском и Егоровском списках статьи «О волѣ», «О глаголании», еще раз «О волѣ» и «О скотѣ» идут подряд, с той лишь разницей, что в Пушкинском списке две последние объединены¹³. Во всех же списках Археографического извода последняя из них статья «О скотѣ» отделена от трех предыдущих статьями «А се о пьсѣ», «А се о похвалении» и в свою очередь слита в одно целое со статьей «О враждѣ («О скотѣ и о враждѣ»)¹⁴. Далее, в списках Археографического извода статьи «О разбойницех», «О клятве» и «О клевете» слиты в одну, — в Егоровском и Пушкинском списках они даны самостоятельно¹⁵. Точно так же обстоит и со статьями «О послушании» и «О попе»¹⁶. Наконец, во всех списках Археографического извода есть лишь начало статьи «О ризе» («Иже ризу заложить»), в Егоровском и Пушкинском списках она дана полностью¹⁷. В отличие от списков Археографического извода в Егоровском списке Закона Судного статья «О мертвеци» перенесена, как и в Пушкинском, в самый конец памятника¹⁸. Общность Пушкинского и Егоровского списков доказывается также и множеством более мелких, но характерных отличий от списков Археографического извода. Среди них, например, употребление термина «теперь», который в Археографическом изводе заменен глаголом «бить». Статья «О судиахъ» в Пушкинском и Егоровском списках начинается словами: «Но все достойть», в то время как в списках Археографического извода начало иное: «А се ведати достойть»¹⁹. В Пушкинском и Егоровском списках название статьи о телесном наказании рабов обозначено примерно одинаково («Оударивъ око» — в Пушкинском, «О ударе-нии ока» — в Егоровском), но заголовок списков Археографического извода резко отличен («Иже оударить въ око или в зуб раба») и т. д.²⁰

¹³ Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции. С. 39; Егоровская Кормчая. Л. 467 (см. Приложение).

¹⁴ Закон Судный людем... С. 68.

¹⁵ Там же. С. 70, 40; Егоровская Кормчая. Л. 468.

¹⁶ Закон Судный людем... С. 69, 39; Егоровская Кормчая, л. 467 об.

¹⁷ Закон Судный людем... С. 72, 41; Егоровская Кормчая, л. 469—469 об.

¹⁸ Закон Судный людем... С. 65, 43; Егоровская Кормчая. Л. 471.

¹⁹ Закон Судный людем... С. 38, 67; Егоровская Кормчая. Л. 466.

²⁰ Закон Судный людем... С. 40, 71; Егоровская Кормчая. Л. 468.

Число подобных примеров легко умножить, но, думается, что из приведенных сопоставлений принадлежность Егоровского списка именно Пушкинской ветви вполне очевидна.

М. Н. Тихомиров назвал Пушкинский список Закона Судного людем уникальным. Теперь таких списков два, хотя вновь найденный Егоровский список неполон и содержит примерно 60% общего объема. Как уже упоминалось, Егоровский список датируется примерно концом XVI в., но свое происхождение он ведет от сборника того же содержания, что и сборник XIV в., принадлежавший Мусину-Пушкину. Больше того, текстологическое сопоставление Егоровского списка Закона Судного людем и списка Пушкинского показывает, что в ряде мест Егоровский список донес до нас более верные чтения, чем Пушкинский список XIV в. Обратимся к примерам. В статье «О мщате» Пушкинского списка из-за порчи протографа фигурирует домысел писца — «смущаеть»²¹. В Егоровском списке чтение более точное — «съ мщатемъ» (л. 467 об.). В той же статье по тем же причинам в Пушкинском списке стоит «облыному», а в Егоровском — «области иному» (л. 467 об.). В Пушкинском списке отражено множество писцовых описок, исправить которые, не имея под руками точного текста, было невозможно. В Егоровском списке эти чтения более верные. Например, в статье «О ослятъ» в Егоровском — «в суди его, все слово криваго» (л. 469 об.), в Пушкинском — «в судъ его всего слова его». В статье «О ризе» в Егоровском — «въ чемъ ему» (л. 469 об.), в Пушкинском — «в чему», в статье «О умираньи» (второй ее части) в Егоровском — «от работы въ слободу» (л. 470 об.), в Пушкинском — «от работы въ своду», в той же статье, в первой ее части, в Егоровском — «да ся все сиротамъ» (л. 470 об.), в Пушкинском — «дасть все ротою», в статье «О повѣси» в Егоровском — «погребете и въ той день» (л. 470), в Пушкинском — «погребете въ днь». В статье «О поклажеи» в Егоровском — «всеположение дружне» (л. 469), в Пушкинском — «всепожение дружне». Коснемся, наконец, и более существенных изъянов Пушкинского списка. К их числу относится дефект в статье «О послушании» («Попъ иже бывает за 12 мужа»), которая в Егоровском списке читается правильно («Попъ же бывает в послушествѣ за 12 мужа»)²². Искажает смысл и пропуск в статье

²¹ Здесь и далее по I Пушкинскому списку см. «Закон Судный людем...». С. 40, 47, 42, 41.

²² Закон Судный людем... С. 39.

«О умирании» Пушкинского списка: «Аще есть поручникъ о собе самъ ся творя приимъ, строя домъ оумершаго, ти что погубить, то возметь на судищи казнь...»²³. Конец этой фразы читается в Егоровском списке следующим образом: «...ти что погубить женѣ и дѣтемъ, то да възметь на судищи казнь...». Таким образом, вполне ясно, что Егоровский список восходит в конечном счете к протографу I Пушкинского списка.

Теперь вполне уместно выяснить еще одно обстоятельство, связанное с характеристикой Егоровского списка Пространной редакции Закона. Мы уже упоминали, что вновь найденный список Закона Судного людем Пространной редакции неполный. В нем отсутствует начало (примерно 40%) статей. В то же время несколькими листами выше в Кормчей помещен Закон Судный людем Краткой редакции, содержащей отсутствующие в Пространном Законе статьи. Точнее, это не Краткая, а Особая редакция Закона, так как текст ее имеет добавочные статьи²⁴. На первый взгляд, казалось бы, логично предположить, что налицо две части одного и того же памятника. Однако это не так. Во-первых, как мы уже убедились, анализ характера статей, окружающих Закон Судный Краткой, точнее, Особой редакции, свидетельствует о том, что этот текст взят из Кормчей Новгородско-Софийского вида. Во-вторых, текст Краткого Закона Особой редакции отличается от начальной части I Пушкинского извода Закона Судного людем Пространной редакции. Как будет видно из последующего текста, это важный аргумент для доказательства непричастности друг к другу текста Краткого Закона на лл. 448–454 и Пространного Закона на лл. 465 об.— 472.

В несходстве Краткого Закона Особой редакции с Пушкинским изводом убеждает сопоставление текстов.

«Преже всякыя правды достойно есть о б[о]жи правдѣ г[лагола]ти» (л. 448)	«Преже всякой правдѣ подобно есть о б[о]жи верѣ г[лагола]ти» (л. 22 об.).
--	---

Разумеется, от списков, отделенных друг от друга почти двумя столетиями, нельзя требовать буквального совпадения. Однако здесь

²³ Там же. С. 42.

²⁴ Закон Судный людем... Приложение.

много принципиальных различий. К ним принадлежит, в частности, отсутствие в Пушкинском списке широко известных разделов о епитимийных наказаниях и присутствие их в Егоровском списке Краткого Закона Особой редакции. Сравнимые части списков расходятся и в местоположении статьи «О послусах». В Пушкинском списке она следует после статьи «О жене», в Егоровском же списке Краткого Закона Особой редакции она стоит сразу же после второй главы (как в Устюжском списке Краткого Закона). Наконец, основное доказательство несходства — Закон Судный Особой редакции и неполный список Пространного Закона имеют в Егоровской Кормчей совпадающий или общий текст. Самое любопытное заключается в том, что при сопоставлении обнаруживаются совершенно разные редакции обоих текстов. Вот они:

Особая редакция	Пространная редакция
<p>«...во время е да фарисѣи вопрошиша Х[рист]а б[о]га нашего аще достоинъ на всякъ грѣхъ отпуцати жену свою» (л. 453—453 об.).</p>	<p>«...въ оно время егда въпросиша фарисѣи г[оспод]а нашего И[сус]а Х[риста] б[о]га нашего аще достоинъ ч[елове]коу во всякои вине пуцити жену свою (л. 466)</p>
<p>«Тѣм же в число нарицающе закономъ вещи их же для разлучается малжена разлучается муж от жены своя за таковой грѣхъ и аще обличатся проказоу дѣючи животу его или ины кыя злобы но мужу оцишоу не исповѣсть да емоу» (л. 453 об.).</p>	<p>...тем же в число нарицающа закономъ вещей ихъ же ради разлучается малжена».</p> <p>О томъ же. Разлучаетъ бо ся от своего мужа и за сия грѣхы блуда ради, аще обличится, проказы дѣючи животу его сведущи иного мужа кромѣ своего и мужъ оцишь и запрети ему и женѣ своеи» (л. 466).</p>

Таким образом, из сказанного вытекает, что тексты Закона Судного людем, помещенные на лл. 448—454 и 465—472, ничего общего между собой не имеют. Один из них составляет Особую редакцию Краткого Закона Судного людем, другой — является неполным списком Закона Судного Пространной редакции, восходящего в итоге к протографу Пушкинского списка Закона.

Был ли протограф Егоровского списка в составе сборника, аналогичного сборнику Мусина-Пушкина? Видимо, да. Это предположе-

ние опирается лишь на одно обстоятельство — присутствие в тексте Егоровского списка Закона Судного уже упоминавшейся вставки «О точном серебре». Прежде всего о смысле этой вставки. В том виде, как она была в Пушкинском списке Закона Судного, вставка загадочна (взять «точное» серебро без 10 золотников). По мнению первого издателя сборника Мусина-Пушкина — Д. Дубенского, данная вставка в текст имела в виду величину лигатуры по отношению к чистому серебру²⁵. В этом же плане понимал запись «О точном серебре» и П. В. Голубовский, считая ее неофициальной припиской, адресованной княжеским чиновникам-вещам, производившим взвешивание серебра при его продаже и покупке²⁶.

Думается, что подобная версия неудовлетворительна, ибо не вполне увязана со смыслом текста. Начнем со значения термина «точное». Д. Дубенский понимает его как «равное». Но невольно напрашивается вопрос, чему же оно «равное»? Видимо, «точное серебро», взятое «с веса» (т.е. равновесное), должно быть «равным» по своему качеству, т.е. единой пробы. Что же означают слова «без 10 золотников»? Здесь, на наш взгляд, многое объясняет вариант из Егоровского списка, где сказано «имати по судной грамоте серебро с веса без 10 золотник рубль». Таким образом, речь должна идти, видимо, о размере какого-то взимания. Второе возражение по поводу трактовки текста «О точном серебре» как статьи о пробе серебра сводится к тому, что в ее тексте речь идет о взимании судебных пошлин, а не о продаже и покупке серебра: «А что по судной грамоте по утягальной» («Тако же и по бесъсудной грамоте»). В тексте Егоровского списка это место, вероятно, сохранилось в более точном виде: «Аще кто того утяжетъ, то имати по судной грамоти сребро с веса без 10 золотникъ рубль, а по бесудной грамотѣ...» (конец оборван). Интересно, что этому чтению есть в некотором смысле аналогия в Новгородской судной грамоте: «А кто кого утяжетъ в татьбе с поличным или в розбое, или в грабежи, или в поголовщине, или в холопстве, или от полевой грамоты, ино взять судьям от судной грамоты 4 гривны, а от бесудной 2 гривны» (ст. 33)²⁷.

²⁵ Русские достопамятности Ч. II. С. 274—275.

²⁶ Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия.

²⁷ Памятники русского права Вып. II. М., 1953. С. 216, 213. См. также текст ст. 8 и в Исковской судной грамоте ст. 82: «А княжой писец имет писати судницу о земли—ино ему от судници взять 5 денег, а от юзювницы денга, а от печати денга, а от бесудной и от приставной, все то им имати по денги» (Там же. С. 296).

Сходство очень сильное, хотя в Егоровском тексте нет упоминания о видах тяжбы, нет и размера взимания с «бессудной грамоты»²⁸. Эта аналогия дает основание предполагать, что отрывок из Егоровского списка Закона Судного является фрагментом какого-то законодательного положения о сборе пошлин, впоследствии нашедшего отражение в Новгородской судной грамоте. В такой трактовке статья «О серебре» созвучна и общему заголовку Пушкинского сборника: «Судь Ярослава князя П. Оустав о всяцихъ пошлинах и о оуроцехъ».

Неудачное место расположения этой статьи, вторгнувшейся в текст Закона Судного, не должно смущать. В книгописной практике Древней Руси новые юридические установления (да и не только новые) иногда оказывались вписанными на место пропуска какого-либо текста²⁹. Не случайно и в Пушкинском сборнике этот текст (правда, в иной редакции) оказался в конечном счете на стыке двух самостоятельных разделов — «Избрания из Законов Моисеевых» и Смоленского договора.

Изложенная трактовка статьи «О серебре» свидетельствует о том, что она не имеет никакого отношения к тексту «Договора Смоленска с Ригюю и Готским берегом». В целом это было ясно и раньше, но наиболее четко представляется после недавно проведенной В. А. Кучкиным датировки всех известных списков смоленско-рижских договоров³⁰. Для конца XIII — первой половины XIV в. действующими списками, заверенными княжескими печатями, были списки А, В и С готландской редакции. Пушкинский список второй половины XIV в. (список F рижской редакции) далек от них и является неофициальной новгородской копией с устаревшего списка Е середины XIII в. Итак, текст «О серебре» дает право утверждать, что протограф Егоровского списка Закона Судного входил в сборник, послуживший протографом сборнику Мусина-Пушкина. Труднее решить вопрос о составе предполагаемого сборника.

²⁸ Правда, взимание, отмеченное в тексте «О серебре», по расчету Новгородской судной грамоты, втрое больше 4-гривенного сбора.

²⁹ Примером может служить, в частности, вставка статьи «О уставлении татьбы» в текст выборки из Эклоги, носящей название «Леона и Константина верная царя», помещенной в Троицком списке Мерила Праведного (см. *Милов Л. В. К истории древнерусского права XIII— XIV вв. // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 55—56; [см. также с. 190—191 настоящего издания — примеч. ред.]*).

³⁰ См. отзыв В. А. Кучкина на великолепное новейшее издание «Смоленских грамот», подготовленное Т. А. Сумниковой и В. В. Лопатиным (*Кучкин В. А. О древнейших смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 3*).

Характеризуя историю текста Пушкинского сборника, М. Н. Тихомиров подчеркивал обилие грубых описок во всех его основных частях. Это дало М. Н. Тихомирову основание предполагать, что Пушкинский сборник списан с идентичного по содержанию, но явно дефектного экземпляра. Дальнейшие изыскания привели М. Н. Тихомирова к выводу, что в основу Пушкинского сборника в конечном счете лег сборник, содержащий: 1) Русскую Правду Пространной редакции, 2) Закон Судный людем Пространной редакции и 3) Устав Ярослава о мостех.

Этот же сборник также лег в основу юридического сборника из Археографического списка Новгородской первой летописи и ряда других юридических сборников в приложениях к летописям и Кормчим книгам. Последнее предположение М. Н. Тихомирова основывалось на сопоставлении текстов Пушкинского и Археографического изводов. Но, как известно, текст Пушкинского извода дефектный. Поэтому весьма важно включить в это сопоставление новый Егоровский список.

Сравнение Пушкинского и Егоровского списков Закона Судного Пространной редакции с Археографическим списком прежде всего подчеркивает теснейшую зависимость Егоровского и Пушкинского списков. Кроме того, подтверждается и наличие в Археографическом списке Закона ряда более ранних и более верных чтений. Можно начать хотя бы с того, что в статье «О скотѣ» Пушкинский и Егоровский списки повторяют одну и ту же ошибку: «Аще... скотъ в нощи проломляет плоды» — л. 467 (в Пушкинском — плоды), в то время как в Археографическом списке мы найдем более верное чтение — «плоты»³¹. В статье «О сварѣ» в Егоровском списке явно испорченное чтение: «ти пришедше жена его едина ею оттять, единаго ею от руку убивающего» (л. 470). Редактор-писец Пушкинского сборника явно пытался исправить этот нарушенный повторениями и пропусками текст: «ти пришедши жена единого ею от руку оубивающего», выкинув (а может и пропустив) слова «его едина ею оттять»³². В Археографическом списке и ему подобных имеется более верное чтение: «то пришедши жена единого ею от[ъ]ять моужа своего от руку оубивающяго»³³. Еще один пример из статьи «О умирањи». В Пушкинском списке в тексте статьи есть также явно дефектное (из-за пропуска) место: «Аще

³¹ Закон Судный людем ... С. 39, 69.

³² Там же. С. 42.

³³ Там же. С. 74.

есть поручникъ о собѣ самъ ся творя примъ строя домъ оум[е]ршаго, ти что *погубить*, то возметь на судищи казнь...»³⁴. В Егоровском списке пропуск частично восстановлен: «Аще есть поручникъ о собѣ, самъ ся творя примъ, строя домъ умершаго, ти что *погубить женѣ и дѣтемъ*, то да възметь на судищи казнь...» (л. 470 об.). Наконец, в Археографическом списке этот текст выглядит, на наш взгляд, наиболее верно: «аще ли есть поручникъ о собѣ самъ ся творя примъ строить оумершаго домъ, то что *погубить от имѣния женѣ и дѣтемъ*, то да возмет на соудищи казнь...»³⁵.

Таким образом, наличие в Археографическом списке Закона Судного людям ряда чтений, более верных и более ранних, чем в Егоровском и Пушкинском, дает нам основание подтвердить вывод о существовании протографа Археографического списка более раннего, чем протографы и Пушкинского и Егоровского списков³⁶. Следовательно, общий вид сборника, куда входил протограф Егоровского списка, мог быть сложнее сборника трехчленного состава. В нем уже были какие-то постановления о сборе судебных пошлин, в частности, касающиеся составления судебных и бессудных грамот. Возможно, в нем было уже «Избрание из законов Моисеевых», поскольку в позднейшем Пушкинском сборнике второй половины XIV в. текст статьи «О серебре» дан сразу же после «Избрания». Что касается соотношения списков Закона Судного людям Пространной редакции и их протографов, то в итоге оно может быть выражено следующим образом:

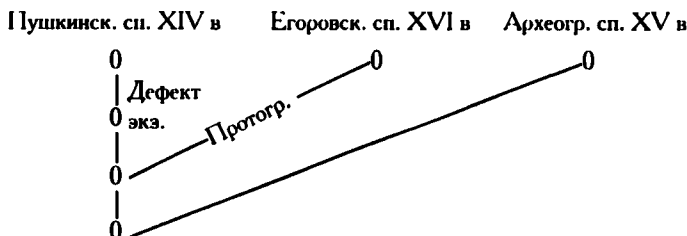
³⁴ Там же. С. 42.

³⁵ Там же. С. 74–75. Вывод о более верном чтении относится только к прокурсивленным словам, не более.

³⁶ Сопоставление текстов не обнаружило ни одного случая, где бы более раннее чтение сохранилось в одном лишь Егоровском списке. Точнее, во всех случаях, когда в Пушкинском и Археографическом списках чтения единые и отличаются от Егоровского списка, речь идет о позднейших искажениях Егоровского списка. Наиболее труден для решения вопроса лишь один отрывок из статьи «О женѣ» (Археограф. «О отпуцене женѣ»).

В Пушкинском и Археографическом	В Егоровском
«да разлучиться жена от мужа, аще покажу створити живити его или ино чюя не исповсть еи» (Закон Судный. С. 38, 67)	«.. да разлучается жена от мужа Аще покажу створити живити его или ино что чюя не створити живити его, неисповѣсть еи...» (л. 466)

Из двух сопоставляемых текстов видно, что в Егоровском списке нарушена логика. Вероятнее всего, причина заключается в том, что писец переписал второй раз слова «створити живити его не». Таким образом, это дефект или самого списка, или ближайшего к нему протографа.

Самым важным в этой схеме является, на наш взгляд, установление сравнительной распространенности юридических сборников, аналогичных по составу со сборником Мусина-Пушкина. Видимо, составление их было основным путем кодификационной работы в конце XIII — начале XIV в. Именно в сборнике такого типа встречается выборка из «законов Моисеевых», не имеющая аналогии ни в одном из известных нам церковно-правовых руководств в виде Кормчих. «Избрание из законов Моисеевых» в сборнике Мусина-Пушкина — прямое свидетельство творчества древнерусских юристов в области церковно-светского законодательства.

Не только «Избрание» впервые появляется в подобных сборниках. Фрагментом каких-то установлений о пошлинах является и статья «О серебре». В сборниках появляется и древнейшая редакция Пространного Закона Судного людем. Все это, на наш взгляд, придает большую твердость гипотезе М. Н. Тихомирова о появлении этой компиляции церковно-светского права на Руси в конце XIII — начале XIV в.

Приложение

(л. 466) Сие же глаголи и в нахождение иновѣрныхъ и ратныхъ.

О поучении. Въ оно время, егда въпросиша фарисѣи господя нашего Исуса Христа, бога нашего аще достоитъ человеку во всякой винѣ пустити жену свою. Отвѣща Исус: еже богъ сочтая, человекъ неразлучаетъ, развѣ словеси прелюбодѣйнаго. Послѣдующе убо и мы, яко приснии ученицы Христа бога, несмѣемъ сего взаконити, но понеже от приязни ненависть нападаетъ клеветы ради и плотьскыя похоти или единая коея злобы, тем же в число нарицающа закономъ вещей ихъ же ради разлучается маложена.

О томъ же. Разлучаетъ бо ся от своего мужа и за сия грѣхы блуда ради, аще обличится, проказы дѣюща животу его сведущи иного мужа кромѣ своего и мужъ оищъ и запрети ему и женѣ своей.

О томъ же. И пакы аще в недугъ владеть прокаженнъ, да разлучается жена от мужа. Аще проказу сътворитъ животу его иль ино что чюя не сътворитъ животу его, неисьповѣсть ей, аще в прокаженъ недугъ владеть.

О том же. Аще ключится единому ея умрети, въ злу язю впадшу от твари, тварнику всякому огнемъ да сожжеть.

О судиахъ. Но все достоинъ княземъ и судиямъ с по // (л. 466 об.) слухы истязати, яко же преди писахомъ в суде божии, им же суть къ богу, от князь осужати. Да не сего осужати, да не сего ради и недостоитъ обинovati никого же, но все по вся дни въ божии законъ наставляти, уповающе от Христа бога в велицей суд. Блаженъ есть суд сеи и услыша: грядеть блажени вѣрнии, въ мнозѣ усътрою вы: внидетъ в радость господу богу нашему, веселящеся въ вѣкы аминь.

О детѣхъ. Аще отецъ не равняетъ дѣтеи: овому мало предасть, овому много, а другаго лиха сътворитъ за гнѣвъ, нѣкакъ, да ся раздѣлитъ всѣмъ равно на чясти.

О шевцы. Аще швецъ исказитъ свиту, не имѣя шити, или гнѣвомъ, да ся тепеть, а цены лихъ.

О ключарехъ. Аще кто до ключаря ласковъ възметъ что любо от него, да тепета ся оба, но ключарь больма.

О отбѣгании. Аще людинъ бѣгает от князя своего подъ иного князя, да ся тепеть добрѣ.

О попѣ. Аще попъ бѣжитъ от своего епископа ко иному епископу, да не поеть, аще // (л. 467) проститъ свои епископъ, да поеть на своемъ мѣстѣ.

О орудии. Аще кто орудие възметъ, непрашавъ господина орудию, да ся тепеть.

О волѣ. Аще кто волѣ биеть оря, да ся тепеть, аще ли уразитъ, да ваставитъ, тако же и конь.

О глаголании. Аще кто глаголетъ господии велми несмирено^а, да ся тепеть.

О волѣ. По укравѣ аще воловѣ ходят, то ли спасуть ниву или виноград, да ся тепеть от господина кравѣ и платитъ, еже будетъ испаслъ.

О скотѣ. Аще той скотъ в нощи проломляетъ плоды, тѣи да ясть ношью ходятъ, да ся предасть гоподину дважды, а третье да ся усътрелитъ стрѣлою. Аще конь или говядо, аще ли свѣнѣ, боровъ полomitъ плоды и подрываеть нощи, да ся убиеть. Звѣрь бо есть злонравъ, да еже развравъ, то ребры заплатитъ.

О пси. Аще песъ показы дѣтеъ, аще подрывъ лелет^б иль продравъ стропъ, влѣзеть, да ся побиетъ, аще ли дверми влѣзеть, да ся не биеть.

О похвалѣ. Аще кто похвали // (л. 467 об.) тся на кого, иже на него же ся хвалилъ будетъ, да ся сътворитъ винограду иль нивѣ, или скоту, иль самому, похвальникъ да ся тепеть и продасться.

О вражды. Аще кто вражду сътворить, Моисии бо поручи: да идетъ рука за руку и око за око, главу за главу. Аще ли ся искупивъ, от земля да отженется.

Аще кто того утяжетъ, то имати под судной грамоти сребро с веса без 10 золотникъ рубль, а по бесудной грамотѣ...

О грамотѣ. Аще кто етеру человеку речеть: еретикъ, да ся ударить и ножемъ, аще ли пред судьи идетъ, да подиметь глаголивый, еше было еретику подъяти, да ся тепеть твердо.

О ратаи. Аже ратаи, не дооравъ времени, идетъ проч, да есть лих оранія, тако же и пастырь, иже пасяты стадо.

О попѣ и о епископѣ. Аще имуть попа или епископа с чюженою^в или диака урарнаго^г, да измутся сана.

О послушании. Попѣ же бываетъ в послушествѣ за 12 мужа. // (л. 468)

О попѣ. Аще биеть попа, рука его да ся усѣкаетъ, аще ли да даст 12 златиць.

О повствѣ. Аще упойть друга своего до порога, да ся тепета по 12 ранги.

О черноризици. Аще имуть черныца с черизицею, блудъ дѣюща, то да окують и всадыть в темницу, допдеже умереть, отрекъ бо ся свѣта.

О осяяти. Аще имется муж со осятем или жена съ осятемъ, да побьетася, аще ли тепетася, иль продасться в поганы, погано бо есть зѣло, и дати ту цѣну бѣднымъ.

О разбоиницехъ. Аще разбойникъ имется, мечеви да предасться.

О клятвѣ. Аще кто ся кленеть скупости ради, да тепетася.

О клеветани. Аще кто оклеветаетъ друга, да тепетася и да подъяметъ, еже было оному подъяти.

О мщати. Аще кто блуд створитъ съ мщатемъ да побьется, яко уставнѣи патриархъ чести правилнѣи, яко не дасть имъ восхыщати, области иному достойны на свецѣнни, строении на въсхы // (л. 468 об.) щенныя по обѣдѣ возвратити.

О сваритася о дву мужехъ. Аще сваритася, 2 мужа, то ударит единъ друга каменемъ иль пястию, ти умереть^а, но сляжетъ на ложи. Аще воставъ походить внѣ о жезлѣ, чистъ есть ударивый его, точно недѣланию его да дасть личьбу.

О рабѣ. Аще кто биеть раба своего иль рабу свою жезломъ, ти умереть от руки его, судомъ да ся мститъ, аще ли пребудетъ день иль два, да не мститъ, свое бо ему есть имѣние.

О сварѣ. Аще которае та ся 2 мужа и уразита жену непраздну, ти не изыдетъ младенецъ ея, обличень, да дасть цѣну, елико задежетъ муж жены

тоя свободою. Аще ли обличень будеть да дасть душу за душу, а око въ ока мѣсто, рука в руку мѣсто, зубъ в зуба мѣста, язву въ язву мѣсто.

О ударении ока. Аще кто истъкнетъ око рабу своему или раби своей, ти да ослѣпнетъ, свободь да отпустится въ ока мѣсто, иль зубъ рабу своему иль ра // (л. 469) бѣ своей, свобод да отпустится в зуба мѣсто.

О татьбѣ. Аще кто украдетъ теля иль овцу, 5 да дасться в телца мѣсто, а въ овцу мѣсто 4 овци.

О татбѣ. Аще кто в подкопанин застанется тат, ти явленъ умереть, нѣсть ему убоя. Аще ли взыдетъ солнце на нь — повиненъ есть. Аще не имать, да ся продасть в татьбы мѣсто, аще ли останеть в руцѣ его татба от осляте до овчате, живи, сугубо да дасться.

О поклажеи. Аще кто дасть другу серебро или ино что скрыти, украдетъ е кто из дому его, и аще обрящется тать, да тяжеть сугубо. Аще не обрящется тат, то да придетъ господинъ дому пред бога и да ся кленеть, аще нѣсть самъ сулковаль на всеположение дружне, по всему словеси в кривину о всей погибели суть обою, украдыи бога, да дасть сугубо другу.

О братѣи. Аще даси брату нищю взаимъ, не буди тощъ его, ни задежи роста.

О ризе. Аще ризу заложить подруга своего до // (л. 469 об.) захода солнца отдаи же ему: си едина риза ему, стыдениа емъ, в чемъ ему спати. Аще убо възопиеть ко мнѣ, слухомъ услышу и милостивъ бо есмь.

О ослятѣ. Аще узриши осля брата своего, падъшееся с рухо, да не минеши его, но да въздвигнеши или ино что, да превратиши сии суд нищаго, в суди его, все слово криваго да отступиши, чиста и правдива не убиеши, ни оправидиши нечестива мзды ради и да не возмеши мзды, мзда бо очи ослѣпляетъ видящимъ и разсыплетъ словеса правдивая.

О сыну. Аще будетъ кому сынъ непокоривъ, губитель, не послушая рѣчи отца своего и ни матери, и кажутъ, и не послушаетъ отца его и мати, изведета пред врата градная мѣста града того, глаголюще: сынъ нашъ непокорливъ есть и губитель, непослушая рѣчи наших, съвѣтуя и пианица, да побияють и камениемъ мужи града того, да умереть, да измуть злое сами от себе, да друзини узривши убоятся.

О повѣси. Аще кто кимъ грѣхомъ судомъ // (л. 470) смѣртнымъ умереть и повѣсити на древѣ, не пребудуть тѣло его на древѣ, но въ гробѣ погребете и въ той день.

О овчатѣ. Аще видиши овца брата своего иль ино что, плавающе по полю, ни мини его, но обрати е к брату своему. Аще ли нѣсть. братъ твой, заими е в домъ свои, дондеже възыще его братъ твой, и даси ему,

яко же сътвори всякой погибели его, ти обращеши, не мини его, но эми, ни мози потаити, да не согрѣшиши богу.

О сварѣ. Аще будетъ пря межѣ человеки и прииде на суд, да судять и, да оправдають праведнаго и осудять нечестиваго. Аще есть достоинъ раны нечестивый, да поставивше предъ судиами по бесчестию его 40 ранъ, да не приложитъ паче сего, без лѣпоты бо есть. Аще сварится человекъ с братомъ своим, ти пришедше жена его едина ею оттять, единаго ею от руку убивающаго и, простеръши руку иметь мужа своего за лоно, да усикнешѣ руку ея, да не пощади ея око твое.

О умираныи. Иже повелѣваемъ: аще будетъ // (л. 470 об.) умирая и повелѣлъ кому устройте имѣние, или с дѣтми торень есть иль с женою, ти тому поручитъ устоити* имѣние предъ послухи, то дасть ему. Нужа будетъ скончати все, но аще есть строи не противяся су повелѣние умершаго строящему, то глаголетъ противу женѣ и дѣтемъ, да скончаеть волю умершаго. Аще есть поручникъ о собѣ, самъ ся творя примь, строя домъ умершаго, ти что погубитъ женѣ и дѣтемъ, то да възметъ на судищи казнь 70 ранъ и да ся все сиротамъ и пол того да приставитъ.

О томъ же. Призываемъ же и поручникъ умершаго, аще буду потщени от работы въ слободу на обѣщание господищемъ и госпожи, аще не будетъ свободъ, да не оставятъ ихъ претити по госпожи и по господичихъ, яко выше рѣхомъ. Аще ли не правдивъ суд, то въздуть к великому отместнику, его же постави влас[тъ] наша помагати сироти и вдовицѣ в правду, рекше богу пророкомъ: судите сироти и вдовицу // (л. 471) то да исправит великий судия, обидяи сироту, примьтъ судъ противу дѣломъ.

О томъ же. Повелѣваемъ же и поручнымъ имѣниемъ подобно быти повелѣнию умершаго, да не буде пианица, ни которы имуща с тѣми, яже начнуть стояти, ни пустошницы безаконнии, но да подобни будутъ я цимъ же устройти: первое задушии, второе о дѣтех и о женѣ.

О томъ же. Се же [начи]нающимъ велимъ, обиащая боящаяся казни и не минующая ни великих, ни малых, устраати имѣние сдравомъ ходяща с цѣлым умомъ, послухы подобны поставите, свѣдѣтельствованы о добрѣ, а не будутъ разбойницы, ни татие, ни иноя никоея злобы имуще от того града, идѣже живутъ, ил[и] от веси, иль аще откуда пришли будутъ, но подобны послушеству. Попоощаем же о рабѣхъ, дастают и ти в послушество, а не почтены въ свободу бихма не велимъ.

О томъ ж. Вписая иже о имѣнии своемъ, первое да впишетъ вѣры своя образъ, еже // (л. 471 об.) душу избавити. Аще же и бѣдною избавити преже житиемъ чистымъ неустроивше, ни руку простерше убогимъ, ни

свобожше. Обаче, аще все до конца не получить, то аще и мука легши будет, глаголетъ: не лживъ есть рекыи, едина душа вящей небо и земли. Да аще кто в лестнемъ семь житиѣ не достигъ есть чим, ти отходяще оставя ты многа уста за ся, гуть³ и по нас вѣчному огню отяти. Предая свое имѣние пред послухы, да впишетъ первое свобод, что ли дати убогим, что дѣтемъ или средоболи, или другомъ или женѣ веценѣ, иль попомъ. Попущает бо судъ нашъ: да аще хочеть дарити от своей части жену вѣщную да дарить достоиную чястию еже наречется поль дому, на полу бо дому да⁴ ему суд власть, а поль вѣщъ челоуческа не даетъ ему, долъжно суще отцьмъ чяда своя кормите, тѣмъ бо ся множество родное сдръжить.

О мачехах. Мачехамъ же // (л. 472) и матеремъ великимъ крѣпощимъ имѣния чюжен чяд[и], еже не сердоболи, ти ся наметъ крѣеное, да ся изведуть на судъ и крѣвши, в нихъ же есть кровено, да ся того лишить, еже будетъ крыла. А они примуть, яко татие, казнь 70 ранъ и дадутъ общую татьбу скрѣвшю мачехою, и да дѣ теля⁵ дѣти особъ первыя жены са мачехинами дѣтми. Аще ли будетъ кыи дѣтище с мачехою выдалъ, то и тои дасть татьбу с нею, да ему не будетъ ча и в томъ, яко же и мачесѣ.

О мертвецы. Иже совлачить мертвеца въ гробѣ, да продасться в сугубину и тепется въ 300.

¹ В тексте: несмотрено. Исправлено писцом рукописи на полях.

⁶ Описка. Правильно: клѣт.

³ В тексте описка. Следует читать: чюжею женою.

⁷ В тексте описка. Следует читать: уларнаго.

⁴ Следует читать: ти не умереть.

⁵ Следует читать: с рухлом.

^{*} Следует читать: устроити.

⁸ Вместо гуть следует читать яже начнуть кричати: помяни, яже ны могутъ.

⁹ Следует читать: дает.

^{*} Следует вместо дь теля читать поделять.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ АВТОМАТИЗАЦИИ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (Закон Судный людем)*

Анализ развития текстологии (или критики текста) за последние десятилетия позволяет отметить две основные тенденции: с одной стороны, это усиление позиций исторического подхода к вопросам текстологии, с другой — дальнейшее развитие формальных методов изучения истории текста древних памятников. Взаимоотношение этих двух подходов к изучению древнего памятника, дошедшего до нас в нескольких рукописях (списках), академик Д. С. Лихачев определяет следующим образом: «...исторический принцип в классификации списков изучаемого произведения не может быть противопоставлен формальному. Принципы эти отнюдь не исключают друг друга. Формальная классификация — отправная точка текстологического исследования; историческая — один из его конечных результатов... Задача текстолога — развернуть во времени списки произведения, найти между ними последовательность. Для этого как предварительный этап работы может служить классификация их по внешним признакам»¹.

Рассматривая применение формальных методов именно как предварительный этап текстологического исследования, отметим, что этап этот заключается в выполнении следующих стандартных операций: сличение списков, анализ выявленных различий в тексте списков, построение стеммы (генеалогического древа списков) или более общей формальной классификации списков.

Если количество сохранившихся списков изучаемого произведения велико, то даже при сравнительно небольшом его объеме выполнение перечисленных операций может потребовать от исследователей нескольких лет работы. Поэтому весьма актуальным представляется направление, развиваемое с начала 60-х годов во Франции группой исследователей под руководством Дом. Ж. Фроже (Высшая практическая школа), имеющее своей целью автоматизацию (с помощью ЭВМ) формального анализа текста. В его работе², посвященной критике текста и ее автоматизации, описывается новый метод формаль-

* Статья написана в соавторстве с Л. И. Бородкиным

¹ Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). М.: Л., 1962. С. 225.

² Froger Dom. J. La critique des texts et son automatisations. Paris, 1968

ной генеалогической классификации списков (названный методом «групп» — *method «par les groupes»*); адекватным языком для его изложения является теория множеств.

В данной статье исследуется возможность автоматизации формального анализа истории текста древнеславянских памятников определенного типа с помощью метода «групп». В первой части статьи дается краткое описание основных идей этого метода и приводятся конкретные результаты нашего исследования. Во второй части дается экспертная оценка построенной с помощью ЭВМ стеммы списков древнеславянского памятника Закон Судный людем.

Формальная генеалогическая классификация списков с помощью ЭВМ (метод «групп»)

Любой формальный метод, применяемый для работы с эмпирическим материалом, опирается на некоторые модельные представления об исследуемом объекте. В основе метода «групп», так же как и всех других известных формальных методов классификации списков, тоже лежит определенная модель истории текста. Опишем ее сначала на содержательном уровне.

Модель процесса генерации списков предполагает, что, во-первых, у каждого списка имеется только один протограф, во-вторых, что в каждом списке содержатся все ошибки его протографа, в-третьих, что одинаковые ошибки не содержатся в списках, имеющих в качестве своих протографов независимые списки. Эти модельные представления уже несколько десятков лет служат предметом дискуссии между их сторонниками и противниками, доказывающими несостоятельность каждого из трех предположений. Нам представляется бесспорным мнение о том, что описанная модель не может быть адекватной реальному процессу генерации списков любого древнего памятника. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что существовали такие эпохи и области, для которых изучение истории текста с помощью такой модели является правомерным. Весь вопрос в том, чтобы при изучении конкретного произведения определить, в какой мере модель отражает реальную историю текста.

Одно из достоинств метода «групп» заключается в том, что уже на одном из первых этапов его применения ответ на этот вопрос может быть дан с большой определенностью.

Будем называть генеалогию списков произведения «нормальной», если процесс генерации списков происходил в точном соответствии с описанной моделью. Отклонения этого процесса от модели, выражающиеся в нарушении хотя бы одного из модельных предположений, будем называть «аномалиями».

В случае нормальной генеалогии метод «групп» состоит из следующих основных этапов: 1) сличение списков с целью выявления вариантов; 2) выявление групп; 3) определение их связи; 4) построение стеммы; 5) поиск истинной ориентации стеммы.

На первом этапе из всей совокупности сохранившихся списков произведения выбирается какой-либо «хороший» список, который объявляется «фиктивным оригиналом» или «экземпляром ссылок» («*exemplaire de reference*»). Далее производится сличение, т.е. сравнение каждого списка с «экземпляром ссылок». При этом последовательность слов, представляющая собой текст «экземпляра ссылок», сравнивается с соответствующей последовательностью слов текста сличаемого списка. Выявляющиеся разночтения сличаемого списка относительно «экземпляра ссылок» («фиктивные ошибки») называются вариантами.

Группой варианта называется совокупность списков, имеющих общий вариант (т.е. одинаковое чтение в данном месте текста).

Итогом работы на первом этапе является построение таблицы соответствия между вариантами и соответствующими им группами вариантов. Если в процессе генерации списков какие-либо списки порождали не одну, а несколько ошибок, то в данной таблице соответствующие этим ошибкам варианты будут иметь одинаковые, совпадающие группы. Поэтому на втором этапе извлекается (из этой таблицы) полная совокупность групп, среди которых нет ни одной совпадающей. При этом подсчитывается «частота встречаемости» каждой группы, т.е. число вариантов, которым соответствует данная группа. Полученная совокупность групп дополняется еще одной («группой ссылок»), содержащей все сохранившиеся списки, включая и «экземпляр ссылок».

Третий этап начинается с упорядочения групп из полученной совокупности в соответствии с их «уровнями». Уровень каждой группы определяется как количество списков, образующих данную группу; группы, содержащие одинаковое количество списков, располагаются на одном уровне. Далее по некоторому формальному правилу, которое

будет описано ниже, для каждой группы находят одну или несколько групп — «прямых потомков»; поиск «потомков» для данной группы производится при этом среди групп, расположенных на более низких уровнях, чем уровень данной группы. В результате проведения этой операции (над всей совокупностью групп) составляют схему связи между ними: каждая группа на этой схеме связана с одной группой — «прямым предком» и с одним или с несколькими «прямыми потомками». При этом вся схема «восходит» к одной группе, той, которая содержит все списки.

На четвертом этапе производится построение стеммы — схемы генеалогических связей списков. При этом стемма должна иметь ту же структуру, что и полученная на третьем этапе схема связей групп. Стемма «восходит» к «экземпляру ссылок»; положение на ней остальных списков определяется в результате некоторой формальной процедуры над схемой связи групп, которая будет также описана ниже.

Наконец, на пятом этапе производится «ориентирование» полученной стеммы, имеющее целью назначение одного из сохранившихся списков «оригиналом». Каждый из выявленных при сличении вариантов рассматривается в определенном порядке с целью определить, представляет ли данный вариант безусловную ошибку. При этом привлекаются все доступные сведения («внешние» относительно самого текста) об истории изучаемого памятника, учитываются филологические особенности варианта, его осмысленность и т.д. Аналогично рассматривается и соответствующее чтение, даваемое «экземпляром ссылок». Если вариант признается «ошибочным», то каждый из списков, входящих в состав группы, соответствующей этому варианту, отпадает как претендент на звание «оригинала». Список, называемый «оригиналом», определяется в результате этой процедуры как экземпляр, в котором не встречается ошибок трансмиссии (т.е. ошибок, возникающих при копировании текста).

В отличие от предыдущих этапов, «ориентирование» стеммы является существенно неформальной процедурой. Остальные же этапы имеют формальный характер.

Перейдем к изложению метода «групп» с помощью теории множеств. Это важно также для того, чтобы яснее представить себе, как метод «групп» реализуется на ЭВМ. Ниже приводится краткий пере-

чень основных терминов и понятий из теории множеств и теории графов, которыми мы будем пользоваться³.

Множество — это собрание объектов любой природы, называемых элементами. Множество A , элементами которого являются a, b, c , обозначают символом $A = (a, b, c)$. Целесообразно также рассматривать пустое множество, не содержащее элементов; его мы будем обозначать символом \emptyset .

Пусть A и B — два данных множества; будем пользоваться следующими обозначениями:

$A \in A$: a есть элемент множества A .

$a \notin A$: a не является элементом множества A .

$A = B$: A совпадает с B .

$A \neq B$: A не совпадает с B .

$A \subset B$: A строго содержится в B , или A есть подмножество множества B (все элементы множества A являются элементами множества B и при этом $A \neq B$).

$A \cap B$: пересечение A и B (множество элементов, принадлежащих как A , так и B).

$A \cup B$: объединение A и B (множество элементов, принадлежащих или A , или B , или обоим этим множествам).

$A \setminus B$: множество элементов, принадлежащих A , но не принадлежащих B .

Объединение и пересечение можно определить не только для двух множеств A и B , но и для семейства множеств $\{A_1, A_2, \dots\}$.

Объединение множеств A_i — это множество элементов, каждый из которых принадлежит хотя бы одному A_i ; оно обозначается символом $\bigcup_i A_i$.

Пересечение множеств A_i — это множество элементов, принадлежащих каждому из множеств A_i ; оно обозначается символом $\bigcap_i A_i$.

Пусть X и Y — два данных множества; закон Γ , согласно которому каждому элементу $x \in X$ ставится в соответствие элемент $\Gamma x \in Y$, называется однозначным отображением X в Y .

Многозначное отображение Γ множества X в множество Y есть закон, по которому каждому элементу $x \in X$ ставится в соответствие некоторое подмножество $\Gamma x \subset Y$.

³ Более подробно с теорией множеств и теорией графов можно ознакомиться, например, по кн.: Берж К. Теория графов и ее применение. М., 1962; Хаусдорф. Теория множеств. М., 1937.

Будем говорить, что задан *неориентированный граф* $G = (X, \Gamma)$, если заданы:

- 1° непустое множество вершин X ;
- 2° отображение Γ множества X в Y .

Элементы множества X будем изображать точками на плоскости, а пары точек x_i и x_j , для которых $x_i \in \Gamma x_j$ или $x_j \in \Gamma x_i$, будем соединять линией. Такую пару элементов (x_i, x_j) назовем *ребром* графа. Далее множество ребер графа будет обозначаться через U . Говорят, что x_i и x_m являются *граничными* вершинами ребра $u = [x_i, x_m]$, если эти вершины соединены ребром u .

Цепь — это последовательность ребер (u_1, u_2, \dots) , в которой у каждого ребра u_k одна из граничных вершин является также граничной вершиной для u_{k+1} , а другая — граничной вершиной для u_{k-1} . *Цикл* — это конечная цепь, начинающаяся в некоторой вершине x и оканчивающаяся в той же вершине x . *Граф связан*, если любые две его различные вершины можно соединить цепью. *Дерево*, по определению, есть конечный связный граф без циклов, имеющий не менее двух вершин. В таком графе всякая пара вершин соединена цепью и только одной.

В ориентированном графе $G = (X, \Gamma)$ вместо понятия ребра вводится понятие дуги. Пара элементов (x_i, x_j) множества X называется дугой графа G , если $x_j \in \Gamma x_i$. В этом случае пара вершин (x_i, x_j) соединяется линией со стрелкой, ведущей от x_i к x_j . Аналогично понятию цикла неориентированного графа вводится понятие *контура* ориентированного графа. Конечный граф $G = (X, U)$ есть *прадерево* с *корнем* x_1 , если: 1) в x_1 не заходит ни одна дуга; 2) в каждую вершину $x \neq x_1$ заходит одна единственная дуга; 3) граф G не содержит контуров. Всякое прадерево является деревом; поэтому в дальнейшем, если ориентация дуг не будет приниматься во внимание, прадерево будет называться деревом.

Примеры.

На рис. 1а изображено прадерево с корнем B , а на рис. 1б — соответствующее ему дерево (неориентированный граф без циклов). Граф, изображенный на рис. 1в, не является деревом, так как содержит цикл $A - B - C - F - A$, а граф, изображенный на рис. 1г, не является прадеревом, так как в вершину F заходят две дуги. Граф, изображенный на рис. 1д, также не является прадеревом, поскольку он содержит контур $A - C - D - A$. На рис. 1е изображено дерево.

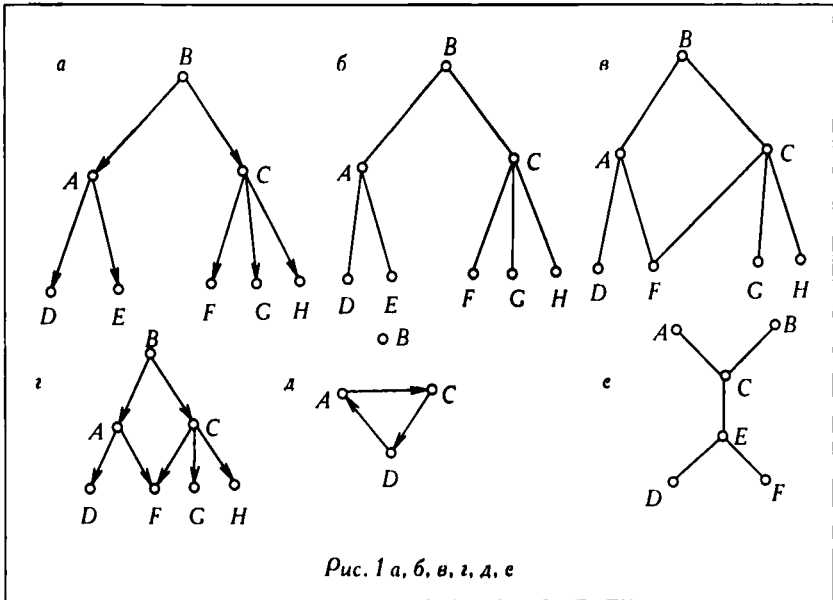

Рис. 1 а, б, в, г, д, е

Итак, обозначим $X = \{x_1; x_2, \dots, x_n\}$ — множество, элементами которого являются n сохранившихся списков изучаемого произведения, $I = \{1, 2, \dots, m\}$ — упорядоченное множество номеров всех вариантов, выявленных при сличении (упорядочение номеров вариантов возникло, например, в соответствии с возрастанием номеров слов текста в процессе сличения).

На первом этапе каждому варианту $i \in I$ ставится в соответствие группа варианта $G_i = \{x_{i1}, x_{i2}, \dots, x_{in}\}$, т. е. подмножество, состоящее из k элементов множества X , обозначающих k списков, имеющих одинаковое чтение (вариант) в данном месте текста. На втором этапе выделяются классы вариантов C_j ($j = 1, 2, \dots, l; l \leq m$). Классом вариантов $C_j = \{j_1, j_2, \dots, j_p\}$ называется подмножество, состоящее из p элементов множества I , таких, что группы, соответствующие каждому из этих p вариантов, совпадают:

$$G_{j1} = G_{j2} = \dots = G_{jp} = G_j.$$

На третьем этапе каждая группа G_j ($j = 1, 2, \dots, l$) приписывается к некоторому уровню: уровень группы G_j равен количеству входящих в нее элементов $|G_j|$. На самом «высоком», n -м уровне будет находиться «группа ссылок».

Определение связи групп основано на свойстве их «вложенности». Для каждой группы G_s ($s = 1, 2, \dots, l$) находят группу G_r , расположенную на более высоком уровне ($|G_r| > |G_s|$), такую, что

- 1) $G_s \subset G_r$;
- 2) нет такой группы G_r ($r = 1, 2, \dots, l$), что $G_s \subset G_r \subset G_r$.

Группу G_r , удовлетворяющую этим двум свойствам, будем называть «прямым предком» группы G_s . Легко доказать, что из наших исходных предположений вытекает, что для каждой группы G_s ($s = 1, 2, \dots, l$) найдется лишь одна группа — «прямой предок»⁴.

Описанная операция определения «прямого предка» каждой из групп G_s ($s = 1, 2, \dots, l$) вводит на множестве групп $\{G_s\}$ отношение частичного порядка, что позволяет изобразить связь групп в виде графа Γ_1 , который в данном случае будет прадеревом. «Группа ссылок» G_{i+1} является корнем этого прадерева.

На четвертом этапе производится построение графа связи списков Γ_2 . Можно обосновать, что граф Γ_2 будет иметь точно ту же структуру, что и граф Γ_1 , т.е. — также прадеревом. Корнем его будет «экземпляр ссылок», а в каждой вершине его будет находиться один или несколько из элементов $x_i \in X$, определяемых по следующему правилу.

Пусть X' — множество, содержащее все элементы множества X и еще пустое множество: $\emptyset \subset X'$.

Обозначим через $\{G_i\}$, $i = 1, 2, \dots, q$, совокупность групп, имеющих в качестве «прямого предка» группу G_r . Будем называть каждую из групп G_i «прямым потомком» группы G_r . Тогда вершине графа Γ_1 , образованной группой G_r , будет соответствовать вершина графа Γ_2 , образованная некоторым подмножеством $y_i \subset X'$:

$$y_i = G_r \setminus \bigcup_i G_i \quad (1)$$

Подмножество y_i может либо содержать несколько элементов множества X , либо состоять из одного элемента множества X , либо являться пустым множеством. Первый случай возможен лишь в такой маловероятной ситуации, когда с какого-либо списка были сделаны несколько абсолютно точных копий или такие копии делались последовательно друг с друга. Тогда любая группа, содержащая общий протограф этих копий, будет содержать и все копии. В результате подмножество y_i будет состоять из этих копий и их протографа.

⁴ Очевидно, набор групп $\{G_s\}$, $s = 1, 2, \dots, l+1$, связанных такими соотношениями, образует семейство Хассе (Берж К. Указ. соч.).

Нетрудно показать, что u_i будет пустым множеством лишь в том случае, когда некоторый список не сохранился, но среди сохранившихся списков имеется не менее двух его «потомков» (необязательно прямых, но независимых). Во всех же остальных ситуациях подмножество u_i будет содержать лишь один элемент множества X .

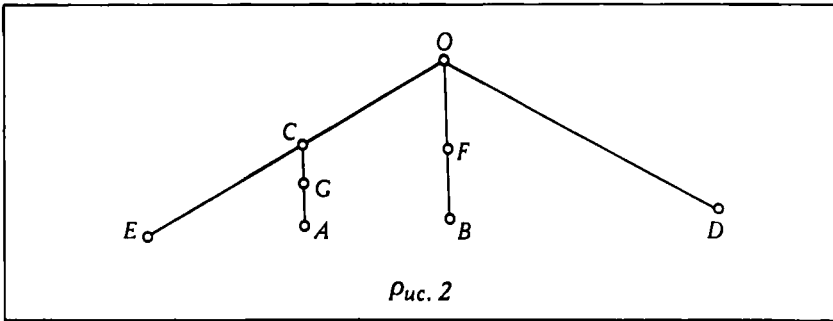
Отметим, что если сохранился всего один «потомок» не дошедшего до нас списка или несколько «потомков», составляющих в генеалогическом древе одну ветвь без разветвлений, то в этом случае факт существования этого списка установлен не будет.

Таким образом, отображение Γ_1 , заданное графом Γ_2 , ставит в соответствие каждому списку $x_i \in X$ некоторое подмножество $X_i \subset X'$ его «прямых потомков». Очевидно, это отображение, вообще говоря, неоднозначно. Изображая списки точками и рисуя стрелку, идущую из x_i в x_j в случае, когда x_j является «прямым потомком» x_i , мы получим *генеалогическое древо*, или *прадерево* связи списков.

Пятый этап — «ориентирование» стеммы — не является, как было показано, формальной процедурой; поиск «оригинала» производится путем содержательного анализа разночтений, однако при этом встает вопрос, как преобразуется граф Γ_2 связи списков при замене «экземпляра ссылок» на «оригинал»? Нетрудно показать, что при нормальной генеалогии замена одного «экземпляра ссылок» на другой может изменить лишь направление связи каких-либо пар списков, но сам факт наличия или отсутствия связи любой пары списков останется при этом неизменным.

Утверждение это удобно интерпретировать с помощью следующей образной модели. Представим себе, что вершины графа Γ_2 — это шарниры, а дуги этого графа — стержни, скрепленные этими шарнирами. Назначая «экземпляр ссылок», мы тем самым назначаем шарнир, к которому будет «подвешена» вся конструкция. Замена «экземпляра ссылок» на другой означает в такой модели замену шарнира, к которому теперь подвешивается конструкция; при этом каждая пара шарниров будет соединена тем же стержнем, что и раньше, но некоторые пары шарниров могут изменить свое положение: шарнир, который был выше второго в некоторой паре, может теперь оказаться ниже его.

Для иллюстрации метода «групп» привлечем конкретный пример генерации списков некоторого произведения. Пусть процесс копирования списков не сопровождался аномалиями; всего было создано восемь списков и все они сохранились. Введем обозначение множества списков $X = \{A, B, C, D, E, F, G, O\}$. Пусть реальная генеалогия произведения такова (см. рис. 2).

Будем полагать, что генеалогия эта нам неизвестна; наша цель — восстановить ее, опираясь лишь на внешние различия в тексте списков. Следуя методу «групп», выберем «экземпляр ссылок». Пусть это будет для простоты список O (архетип). Текст каждого списка будем представлять в виде последовательности всех его m слов. Например, текст списка A представляется в виде последовательности $\{a_1, a_2, \dots, a_m\}$, текст списка B — $\{b_1, b_2, \dots, b_m\}$ и т.д. Зададимся каким-либо конкретным процессом генерации ошибок при копировании списков. Пусть, например, в списке C ошибочно воспроизведены слова c_1 и c_5 , так что все члены последовательности $\{c_1, c_2, \dots, c_m\}$, за исключением c_1 и c_5 , совпадают с соответствующими членами последовательности $\{a_1, a_2, \dots, a_m\}$; в списке E пусть ошибочно воспроизведено двенадцатое слово текста e_{12} , так что последовательности $\{e_1, e_2, \dots, e_m\}$ и $\{a_1, a_2, \dots, a_m\}$ различаются лишь на двенадцатом члене, и т.д. В соответствии со сказанным выше каждое такое разночтение назовем вариантом. (Отметим, что в данном случае варианты соответствуют действительным ошибкам, поскольку в качестве «экземпляра ссылок» взят архетип O .) Перечисление всех ошибок, возникших в процессе копирования, а также соответствующих номеров вариантов, содержится в табл. 1.

Таблица 1

Ошибка	Номер варианта	Ошибка	Номер варианта
c_1	1	b_8	6
d_3	2	e_{12}	7
g_4	3	f_{13}	8
c_5	4	f_{14}	9
a_6	5		

Таблица 2

Номер варианта	Группа варианта	Номер варианта	Группа варианта
1	СЕГА	6	В
2	Д	7	Е
3	СА	8	ВF
4	СЕГА	9	ВF
5	А		

На первом этапе будет произведено сличение текстов всех списков с текстом списка О. Выявленные при этом группы вариантов содержатся в табл. 2. Поясним происхождение в ней, например, группы СЕГА, соответствующей вариантам 1 и 4. Ошибки в написании слов c_1 и c_2 будут в соответствии с предположением о нормальной генеалогии воспроизведены и в «потомках» списка С — списках Е, Г и А; таким образом, одинаковые ошибки в написании первого и пятого слов (c_1 и c_2) будут присутствовать в списках С, Е, Г, А, что и проявится при сличении в виде группы СЕГА.

Результаты работы второго этапа — выделения классов вариантов — приводятся в табл. 3. Число несовпадающих групп $l = 7$.

Таблица 3

Номер класса вариантов	Варианты	Группа вариантов	Частота встречаемости	Номер класса вариантов	Варианты	Группа вариантов	Частота встречаемости
1	1,4	СЕГА	2	5	6	В	1
2	2	Д	1	6	7	Е	1
3	3	СА	1	7	8,9	ВF	2
4	5	А	1				

Таблица 4

Номер группы	Номер уровня	Группа вариантов	Номер группы	Номер уровня	Группа вариантов
1	1	А	5	2	СА
2	1	В	6	2	ВF
3	1	Д	7	4	СЕГА
4	1	Е	8	8	АВСDEFGO

Результаты распределения наших семи групп по уровням приводятся в табл. 4. Напомним, что уровень группы определяется как количество входящих в нее элементов (списков); так, группа BF отнесена ко второму уровню, а «группа ссылок» $ABCDEFGO$ — к восьмому.

Результаты работы третьего этапа — определения связи групп — содержатся в табл. 5. В соответствии с введенным выше правилом «прямого предка» какой-либо группы, например BF , следует искать среди групп с бóльшим номером уровня; очевидно, для группы BF «прямым предком» является «группа ссылок» $ABCDEFGO$, так как $BF \subset ABCDEFGO$ и нет другой такой группы G^* , чтобы $BF \subset G^*$.

Таблица 5

Номер группы	Номер уровня	Группа вариантов	«Прямой предок» группы
1	1	A	GA
2	1	B	BF
3	1	D	$ABCDEFGO$
4	1	E	$CEGA$
5	2	GA	$CEGA$
6	2	BF	$ABCDEFGO$
7	4	$CEGA$	$ABCDEFGO$

Граф Γ_1 , отображающий связь групп, изображен на рис. 3а. Способ его построения по табл. 4 очевиден: располагая группы по их уровням, соединяют каждую группу с соответствующей группой — «прямым предком», находящимся на более высоком уровне.

Таблица 6

Номер группы вариантов	Группа вариантов	Соответствующий список на графе Γ_2
1	E	$y_1 = E$
2	A	$y_2 = A$
3	B	$y_3 = B$
4	D	$y_4 = D$
5	BF	$y_5 = BF \setminus B = F$
6	GA	$y_6 = GA \setminus A = G$
7	$CEGA$	$y_7 = CEGA \setminus (E \cup GA) = C$
8	$ABCDEFGO$	$y_8 = ABCDEFGO \setminus (CEGA \cup BF \cup D) = O$

Данные о связи списков, полученные на четвертом этапе, приводятся в табл. 6, а на рис. 3б изображено соответствующее генеалогическое дерево списков (граф Γ_2) — цель нашего конкретного исследования. Наименования вершин графа Γ_2 (списков) получены в соответствии с введенным выше правилом (1). Так, вершина *CEGA* графа Γ_1 соответствует вершине *C* графа Γ_2 . Действительно, по правилу (1) «вычтем» из группы *CEGA* ее «прямых потомков» — группы *E* и *CA* — и в результате получим вершину *C* графа Γ_2 :

$$CEGA \setminus (E \cup CA) = CEGA \setminus ECA = C.$$

Поскольку мы предположили, что все списки сохранились и среди них нет ни одной точной копии, то каждая вершина графа Γ_2 на рис. 3б образована в точности одним списком. Чтобы проиллюстрировать возможность появления пустого множества в какой-либо из вершин, сигнализирующего о потерянном списке, предположим, что один из наших восьми списков не сохранился (например, список *C*), но сохранились его независимые «потомки» *G* и *E*. Тогда при сличении вариантам 1 и 4 будет соответствовать группа *EGA* (см. табл. 1), вариантам же 3 и 7 по-прежнему будут соответствовать группы *CA* и *E*; остальным вариантам будут также соответствовать те же группы, что и раньше. На третьем этапе (при поиске связи групп) группа

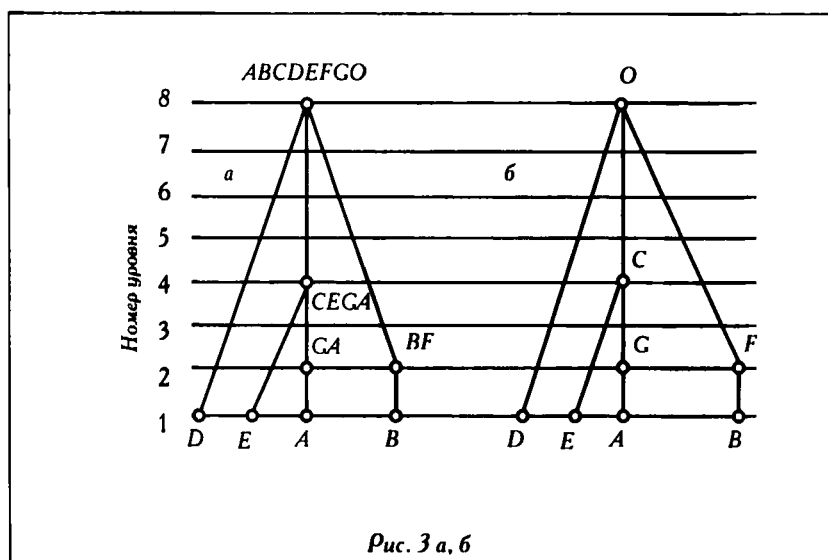

Рис. 3 а, б

EGC будет иметь двух «прямых потомков» — группы CA и E . При поиске связи списков выполнение операции (1) для группы EGC приводит к результату

$$y_7 = EGC \setminus (CA \cup E) = EGC \setminus CAE = \emptyset.$$

Граф Γ_1 для этого случая изображен на рис. 4, а граф Γ_2 — на рис. 5.

Для иллюстрации пятого этапа работы — «ориентирования» стеммы — вернемся к исходному примеру, для которого был получен граф Γ_2 , изображенный на рис. 3б.

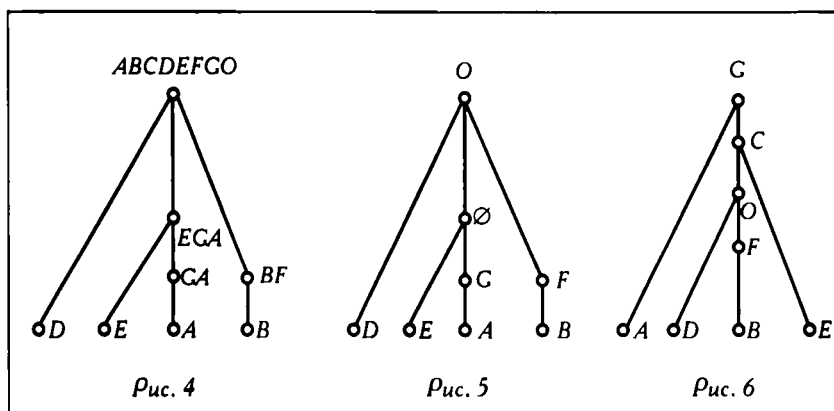
Пусть теперь нам неизвестен «оригинал», а содержательный анализ различий, проведенный на пятом этапе, показал, что «оригинал» — список G , например. Тогда в результате «ориентирования» граф Γ_2 приобрел бы вид, изображенный на рис. 6.

Приведенный нами иллюстративный пример не охватывает все ситуации, возникающие при нормальной генеалогии, однако принципиальные стороны метода «групп» нашли в нем свое отражение.

Прежде чем перейти к изложению модификации метода «групп» в случае наличия аномалий, отметим еще раз основные достоинства этого метода при нормальной генеалогии.

1. В методе «групп» понятие «ошибки» используется лишь на этапе «ориентирования», основной же этап — определение связи списков — производится на основе понятия «вариант», которое снимает проблему установления факта безусловности ошибки.

2. Если в других методах формальной классификации списков выводы о связи списков делаются на основании небольшого числа «характерных ошибок» и поэтому такие выводы часто могут не быть

надежными, то в методе «групп» связь списков определяется с привлечением всего множества вариантов текста.

3. Если стеммы, построенные другими формальными методами, содержат лишь сохранившиеся списки, то стеммы, полученные с помощью метода «групп», могут содержать и некоторые не дошедшие до нас списки.

4. В случае адекватности описанной выше модели процесса копирования списков реальному процессу формальная процедура метода «групп» приводит к построению генеалогического древа, наиболее достоверно отражающего связи сохранившихся списков.

Формальная генеалогическая классификация списков при наличии аномалий

При изучении какого-либо конкретного древнего памятника практически бесполезно ожидать, что мы будем иметь дело с «чистой», нормальной генеалогией. Как правило, текст «загрязнен» аномалиями, и весь вопрос в том, какова степень этого «загрязнения». Поэтому важная роль отводится методам обнаружения аномалий и возможностям их устранения. При устранимых аномалиях предполагается, что генеалогия может быть сведена к нормальной и, следовательно, — применен метод «групп».

Как уже отмечалось, аномалии могут возникать, когда копия не содержит ошибок своего «предка» или когда общие ошибки воспроизводятся в независимых списках. Аномалии бывают *видимые* и *невидимые*. Последние не могут быть обнаружены на основании лишь внешних различий в тексте списков. Видимые же аномалии могут быть обнаружены по виду графов связи Γ_1 и Γ_2 . Можно строго доказать, что при наличии видимых аномалий эти графы содержат циклы и, таким образом, не могут уже считаться деревьями. Видимые аномалии можно обнаружить уже при выполнении второго этапа метода «групп» (когда получен набор групп вариантов) с помощью операции пересечения подмножеств. Для этого составляют пересечения всевозможных пар групп $G_i \cap G_j$ ($i, j = 1, 2, \dots, l+1$). Каждый раз такая операция может иметь три исхода:

- 1) $G_i \cap G_j = \emptyset$
- 2) $G_i \cap G_j = G_i$ или $G_i \cap G_j = G_j$
- 3) $G_i \cap G_j = \tilde{G}$, где $\tilde{G} \neq G_i$; $\tilde{G} \neq G_j$; $\tilde{G} \neq \emptyset$.

В случае третьего исхода констатируют, что одна из групп G_i и G_j образует аномалию.

Первый исход операции пересечения говорит о том, что группы G_i и C_j образуют вершины дерева связи групп Γ_1 , принадлежащие разным его ветвям, а при получении второго исхода можно утверждать, что эти вершины принадлежат одной ветви дерева Γ_1 .

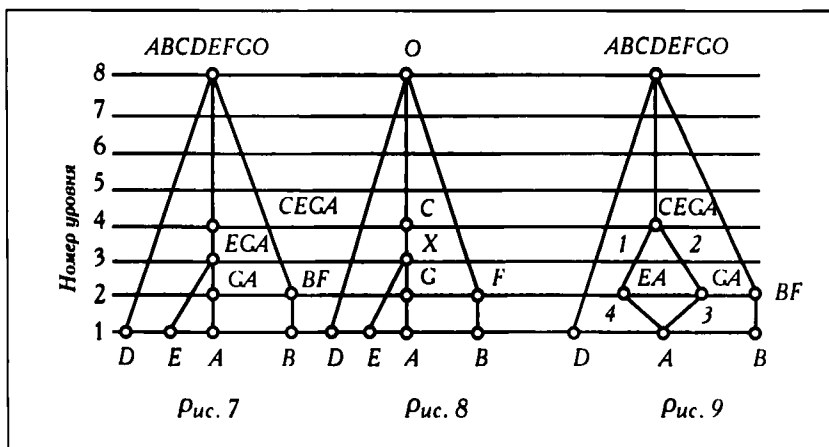
Нетрудно показать, что аномалии будут невидимыми (т.е. операция пересечения даст один из первых двух исходов), если какой-либо список лишен ошибки, внесенной его «прямым предком», или если общие ошибки (варианты) оказались у двух списков, являющихся независимыми «потомками» одного общего «прямого предка». В других случаях, а также при комбинации этих двух видов аномалий аномалия будет видимой.

Для иллюстрации этих положений вновь обратимся к нашему примеру. Предположим сначала, что в процессе копирования списков, отображенном на рис. 2, возникла некоторая аномалия. Пусть, например, в списках E и G — независимых «потомках» их общего «прямого предка» C — была воспроизведена независимо общая ошибка. Это приведет к появлению соответствующей группы варианта EGA (так как эта ошибка будет перенесена и в список A , который является «потомком» списка G). Легко проверить, что пересечение группы EGA с любой из групп, содержащихся в табл. 3, даст лишь один из первых двух исходов, т.е. аномалия не будет зафиксирована. На рис. 7 изображен граф связи групп Γ_1 (ср. с рис. 3а), а на рис. 8 — соответствующий граф связи списков Γ_2 . Из сравнения с деревом связи списков рис. 3б видно, что аномалия привела к появлению мнимого «пропавшего» списка x . Из рис. 7 и 8 видно также, что наличие описанной невидимой аномалии не привело к появлению циклов на графах Γ_1 и Γ_2 , которые в данном случае являются деревьями.

Если же теперь предположить наличие другой аномалии — возникновение общей ошибки в списках E и A (у них также общий «предок» C , но для A это не «прямой предок»), то такая аномалия будет видимой. Действительно, наличие такой общей ошибки приведет к появлению группы EA , пересечение которой с группой A (см. табл. 3) приведет к третьему исходу:

$$EA \cap CA = A \quad (A \neq EA, A \neq CA).$$

Таким образом будет зафиксирована аномалия (видимая). Граф связи групп Γ_1 , соответствующий такой ситуации, изображен на рис. 9. Этот граф содержит цикл, образованный ребрами 1, 2, 3, 4 (рис. 9), и поэтому не является деревом.

Аналогично можно было бы рассмотреть и примеры влияния других типов ошибок на возможность появления видимых и невидимых аномалий (в том числе и так называемых параллельных ошибок и ошибок «в каскаде»).

Итак, мы установили, что в наших силах обнаружить лишь видимые аномалии; имеются, однако, априорные соображения о том, что невидимых аномалий значительно меньше. Установив наличие аномалий (видимых), необходимо решить вопрос о возможности их устранения и, следовательно, о возможности применения метода «групп».

С этой целью предлагается каждый раз, когда обнаружены две конфликтующие группы (т.е. группы, пересечение которых приводит к третьему исходу), обращаться к значениям их частот встречаемости, содержащихся в табл. 3. При этом следует исходить из следующего эвристического правила: если частоты встречаемости двух таких групп сравнимы, то констатируют, что соответствующая аномалия неустранима; если же эти частоты значительно различаются, то из дальнейшего рассмотрения исключается та из этих групп, которая имеет меньшую частоту. В этом случае аномалия считается устранимой. Такой подход к решению вопроса об устранимости аномалий, основанный на различии значений частот конфликтующих групп, с одной стороны, легко формализуем, а с другой — представляется содержательно оправданным. Действительно, если одна из конфликтующих групп характеризуется частотой встречаемости, скажем, $f_1 = 10$, а вторая — $f_2 = 2$, то это означает, что каждый из списков, входя-

щих в состав первой группы, имел на десяти вариантах то же чтение (отличное от соответствующего чтения «экземпляра ссылок»), что и каждый из остальных списков этой группы; для списков же второй группы число таких вариантов равно лишь двум. В ситуации, когда две такие группы конфликтуют, естественно предположить, что вторая группа появилась случайно вследствие нарушения какого-либо из предложений модели; появление же первой группы вариантов представляется, наоборот, закономерным, соответствующим модельным представлениям о «наследовании» ошибок⁵.

Итак, метод «групп» при наличии аномалий в процессе копирования списков применим, если среди выделенных на втором этапе групп (число их может быть весьма велико — сотни или тысячи) найдутся такие, частота встречаемости которых высока и они не образуют конфликтующих пар групп. В этом случае в рассмотрение берутся также группы с малыми частотами, если они не конфликтуют ни с одной из уже отобранных групп, и далее применяется метод «групп». Если же все выделенные группы имеют невысокие и близкие по значению частоты, то, учитывая, что при большом числе этих групп они наверняка будут создавать аномальные ситуации, констатируют, что метод «групп» как способ исследования генеалогии списков непригоден⁶.

Основные этапы работы текстолога при формальной классификации списков сводятся, как было показано, к обработке больших массивов информации. Применяемые при этом процедуры, как правило, настолько формализуемы, что могут быть описаны на языке теории множеств и математической логики. В этих условиях естественным образом возникает задача автоматизации основных трудоемких этапов текстологического исследования. Применение здесь ЭВМ позволило бы колоссально сократить время такого исследования и избежать ошибок, возникающих при «ручной» обработке таких больших массивов информации, как материалы разночтений, групп вариантов и т. д.

⁵ Отметим, однако, что не следует во всех случаях слепо полагаться на абстракции, которыми являются частоты групп, надо считаться и с природой вариантов. Иногда следует исключить из рассмотрения более «представительную», но образующую «легкие» варианты группу, отдав предпочтение группе, конфликтующей с ней, но образующей более значимые варианты со сравнительно невысокой частотой встречаемости.

⁶ Дом. Ж. Фроже предлагает в этом случае устанавливать близость списков между собой, используя так называемый метод расстояний.

Фроже первым провел анализ возможностей ЭВМ в текстологическом исследовании и пришел к следующему общему выводу: не следует ожидать, что машина, имея «на входе» тексты списков, выдаст «на выходе» генеалогическую схему; однако ряд важных этапов текстологического исследования может быть автоматизирован. В первую очередь это касается, по его мнению, этапов сличения списков, выделения групп вариантов, установления стеммы и построения матрицы «расстояний» между списками. Некоторые же «деликатные» моменты исследования должны быть выполнены самим исследователем, например, контроль «машинного» сличения, анализ аномалий.

Нам представляется, что ЭВМ может быть безусловно полезной на двух этапах исследования: при выделении групп вариантов и при построении матрицы расстояний⁷. Построение стеммы имеет смысл поручать машине лишь при большем числе групп, а этап сличения списков при сегодняшнем уровне развития читающих устройств гораздо быстрее выполняется вручную.

В 1960—1961 гг. во Франции была проведена работа по автоматизации отдельных этапов метода «групп». С этой целью были созданы две программы для ЭВМ Gamma ET Bull: одна — для сличения списков (исходным материалом для нее является отперфорированный текст списков)⁸, вторая — для поиска связи списков (исходный материал — закодированные варианты, содержащиеся на перфокартах).

Реализация метода «групп» при изучении генеалогии списков Закона Судного людем

Метод «групп» применялся для изучения генеалогии списков при критическом издании средневековых французских произведений⁹. На-

⁷ Для иллюстрации громоздкости работы по «ручному» сравнению списков с целью построения матрицы «расстояний» Фроже приводит следующий пример. При подготовке издания Graduel Romain имелось $N = 400$ рукописей этого произведения со 150 вариантами. Следовательно, необходимо было сравнить $\frac{N(N-1)}{2} = 79\,800$ пар рукописей. Работа эта заняла более года.

⁸ Об этой программе см.: *Renaud. La collation des manuscrits a la machine electronique // Bulletin d'Institut de Recherche et d'Histoire des Textes. 1964—1965. № 13. P. 135—171.*

⁹ Из опубликованных с помощью метода «групп» критических изданий известно *L'Épître de Notker sur les lettres significatives // Etudes Grégoriennes (Solesmes). 1962. № 5. P. 23—71.*

шей целью в данной работе было, с одной стороны, исследование возможностей применения этого метода для формальной генеалогической классификации списков некоторого класса средневековых памятников, с другой — создание программ для ЭВМ, автоматизирующих ряд стандартных операций, применяемых при формальном анализе текста произведения, дошедшего до нас в нескольких списках.

При выборе конкретного памятника как предмета исследования авторы руководствовались прежде всего тем, чтобы можно было априорно предполагать, что процесс переписывания списков избранного памятника носил в основном «механический» характер и таким образом был бы близок к модельным представлениям, на которых зиждется метод «групп».

Этому требованию, на наш взгляд, отвечает один из древнейших памятников славянской юридической мысли Закон Судный людем. Действительно, уже сам характер произведения (свод законов) налагает жесткие ограничения на процесс переписывания, приближая этот процесс к модельному. Закон Судный людем давно является объектом изучения со стороны историков и лингвистов. Имеются опубликованные еще в прошлом веке частичные издания Закона Судного людем. Все списки этого памятника можно разделить на три редакции: Краткую, Пространную и Сводную. Для нашего исследования было привлечено академическое издание Краткой редакции Закона Судного людем¹⁰. Закон Судный людем получил широкое распространение в древнерусской письменности. Число списков Закона Судного людем в русских рукописях велико. Для указанного издания были, в частности, привлечены 54 рукописи. Но это число меньше действительного количества списков Закона в русских рукописях, так как некоторые поздние рукописи, содержащие текст Закона, не учтены¹¹.

Списки Краткой редакции Закона делятся на изводы (т.е. «виды или типы списков Закона Судного людем, объединенные общими особенностями и вариантами»¹²). 54 списка, привлеченных к данному изданию, относятся к XIII—XVII вв. и делятся на четыре извода: Чудовский извод (31 список), Софийский извод (15 списков), извод Мерила

¹⁰ Закон Судный людем Краткой редакции / Под ред. акад. М. Н. Тихомирова М., 1961.

¹¹ Закон Судный людем. С. 7.

¹² Там же. С. 5.

Праведного (4 списка) и Древнейший извод (3 списка и примыкающий к ним Иоасафовский список). В приложении содержатся названия списков, их нумерация и датировка.

В число вариантов в указанном издании введены главным образом смысловые и орфографические отличия (графические варианты не отмечаются). Варианты списков каждого извода приводятся по отношению к основному списку данного извода. Поскольку применение метода «групп» требует сличения всех списков с «экземпляром ссылок», то в качестве последнего был выбран наиболее древний датированный список — Новгородский список 1280 г. При этом была проведена работа по преобразованию вариантов к основным спискам изводов, приведенных в издании, в варианты к экземпляру «ссылок» — Новгородскому списку¹³.

Все варианты текста, полученные таким образом, были закодированы; при этом списки получили номера от 3 до 56 (см. приложение).

Объем всего закодированного материала вариантов текста Закона Судного людем составил более 15 тыс. чисел. Этот материал был занесен на перфокарты и послужил исходной информацией при применении метода «групп» в нашем исследовании. Нами была создана программа, написанная на алгоритмическом языке «АЛГОЛ-60» (для ЭВМ БЭСМ-6), целью которой является автоматическое выполнение следующих основных этапов метода «групп»: выделение групп вариантов, обнаружение и устранение аномалий, поиск связи групп, построение стеммы¹⁴. Программа состоит из четырех подпрограмм, каждая из которых реализует один из указанных этапов. Укажем основные результаты, полученные с помощью ЭВМ на каждом этапе исследования.

На этапе выделения групп вариантов машиной было выдано 1046 несовпадающих групп (с указанием частоты встречаемости каждой из них). Как было указано выше, уже поверхностный анализ значений этих частот может дать представление о возможности применения метода «групп». Поэтому небезынтересно обратиться к значениям этих частот, содержащимся в табл. 7.

¹³ Авторы выражают благодарность Л. Е. Морозовой, выполнившей эту работу.

¹⁴ Этап «ориентирования» стеммы носит, как было указано, существенно неформальный характер и не может быть автоматизирован.

Таблица 7

Диапазон частот	Количество групп	Диапазон частот	Количество групп
1	891	От 11 до 20	15
2	73	От 21 до 50	10
От 3 до 5	32	От 51 до 100	8
От 6 до 10	16	Больше 100	1

Как видно из данных табл. 7, большинство выделенных групп (891) имеет частоту встречаемости, равную 1, однако часть групп имеет высокие частоты встречаемости. Поэтому данные табл. 7 не отвергают «в первом приближении» гипотезу о возможности применения метода «групп». Более определенные выводы можно получить из анализа аномалий. В программе предусмотрено два режима. В первом режиме аномалии не устраняются, в результате чего граф связи списков Γ_2 может содержать циклы; второй режим предусматривает устранение аномалий. Первый режим в программе был реализован таким образом, что в рассмотрение принимались лишь группы, частоты которых были не меньше некоторого фиксированного значения f^* . Графы связи списков, построенные машиной в первом режиме при $f_1^* = 2$ и $f_2^* = 3$, содержали много циклов, так что интерпретировать результаты каким-либо разумным способом было невозможно.

Работа программы во втором режиме должна происходить полностью автоматически, если группы с относительно высокими частотами ($f \geq f^*$) не образуют конфликтующих пар или если отношение частот групп из каждой такой пары превосходит некоторое пороговое значение K (в наших экспериментах использовалось пороговое значение $K \geq 2+3$).

В этом случае в рассмотрение принимаются также группы с низкими частотами, не образующие конфликтующих пар ни с одной из уже отобранных групп. Если же группы с высокими частотами конфликтуют между собой, машина сигнализирует об этом каждый раз, когда останавливает такой факт, а затем останавливает работу, так как на этом этапе требуется участие исследователя, который должен оценить выявленные аномалии и принять решение о целесообразности применения в данной ситуации метода «групп».

В нашем случае при работе во втором режиме ($f^* = 2$) выявленные аномалии в большинстве своем были устранимы (в соответствии с «частотным» критерием). Так, рассмотрение частот двух конфликтующих

группы {48, 56} и {55, 56} (эти группы образуют аномалию, так как {48, 56} \cap {55, 56} = {56}) позволило устранить группу {48, 56}, поскольку частота встречаемости ее ($f_1 = 5$) значительно уступает частоте конфликтующей группы ($f_2 = 48$). Аналогично были устранены аномалии, образованные парами конфликтующих групп {39, 40, 51} ($f_1 = 2$) и {50, 51, 52} ($f_2 = 8$), — путем устранения группы {39, 40, 51}, {26, 27, 28} ($f_1 = 2$) и {23, 26} ($f_2 = 7$) — устранения группы {26, 27, 28} и т. д.

Однако наряду с этим машиной были поданы сигналы о наличии неустраняемых аномалий, образованных конфликтующими группами с близкими значениями частот f_1 и f_2 . Было принято решение рассмотреть значимость вариантов, соответствующих конфликтующим группам, и, опираясь на содержательные соображения, по возможности устранить такие аномалии.

Большинство неустраняемых аномалий было образовано группами, состоящими из списков Софийского извода; видимо, в процессе копирования списков этого извода писцы нередко пользовались двумя (или более) протографами. Содержательный анализ вариантов позволил устранить большую часть таких аномалий. Так, рассмотрение вариантов, соответствующих конфликтующим группам {45, 48} и {44, 48}, позволило устранить группу {45, 48}. Действительно, группе {45, 48} соответствуют два варианта¹⁵: 1) *вжигааи* (гл. 16); 2) *неприязненя* (гл. 33), незначительно отличающихся от более древних чтений «экземпляра ссылок» (Новгородского списка): 1) *въ жигани*; 2) *неприязникия*.

Варианты же, соответствующие группе {44, 48}, представляются гораздо более значимыми: 1) *перником* (гл. 2); 2) *написа* (гл. 1) соответствуют следующим вариантам «экземпляра ссылок»: 1) *соуперникомъ*; 2) *вписавъ*.

Исходя из этого, группа {45, 48} была устранена из дальнейшего рассмотрения.

Аналогично сравнение значимости вариантов, соответствующих конфликтующим группам {13, 21, 33} и {14, 33}, приводит к устранению группы {13, 21, 33}.

Однако подобный сравнительный анализ значимости вариантов конфликтующих групп не во всех случаях позволил устранить аномалии. Иногда не представлялось возможным отдать предпочтение какой-либо группе вариантов. Это относится к восьми группам, образующим конфликтующие пары, перечисленным в табл. 8.

¹⁵ Здесь и далее деление на главы по Новгородскому и Варсонофьевскому спискам; различия приводятся в облегченной орфографии.

Таблица 8

Конфликтующие пары групп	Номера групп
{39, 40, 41} и {39, 40, 45}	I и II
{39, 40, 41, 43} и {39, 40, 41, 45}	III и IV
{39, 48} и {44, 48}	V и VI
{34—38} и {36—48}	VII и VIII

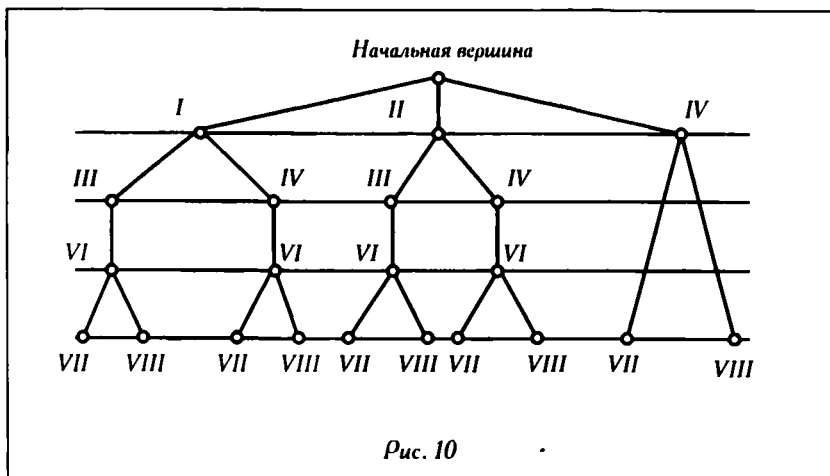
Таблица 9

Группа	Варианты, соответствующие данной группе	Варианты «экземпляра ссылок»	Номер главы
{39, 40, 41}	вдастся	дасться	6
	вдасться	продасться	6
	испытъниемь	испытаньемь	2
{39, 40, 45}	богатство в томъ	бога та в том	1
	усекуть	оусѣкають	17
	глава 33	(пропущено)	33
	о малжину	о малжену	33

Например, анализируя значимость вариантов, соответствующих группам {39, 40, 41} и {39, 40, 45} (табл. 9), трудно принять решение об устранении какой-либо из них.

Поскольку число неустранимых аномалий в данном случае было невелико и все они были образованы группами, состоящими из списков одного izvoda (Софийского), было принято решение перейти к построению (в соответствии с описанной методикой) деревьев связи групп Γ_1 и деревьев связи списков Γ_2 путем поочередного устранения групп из табл. 9 с тем, чтобы оставшиеся группы не образовывали конфликтующих пар. Очевидно, существует всего 10 таких максимально полных наборов из этих групп. Их удобно изобразить на дереве решения поставленной задачи получения таких наборов групп, не образующих конфликтующих пар (рис. 10).

Вершины этого дерева соответствуют группам из табл. 9, а каждый из 10 путей, начинающихся в начальной вершине и кончающийся в одной из конечных, приводит к одному из 10 полных наборов неконфликтующих групп. Отметим, однако, что, на наш взгляд, не все такие наборы имеют одинаковую ценность. Содер-

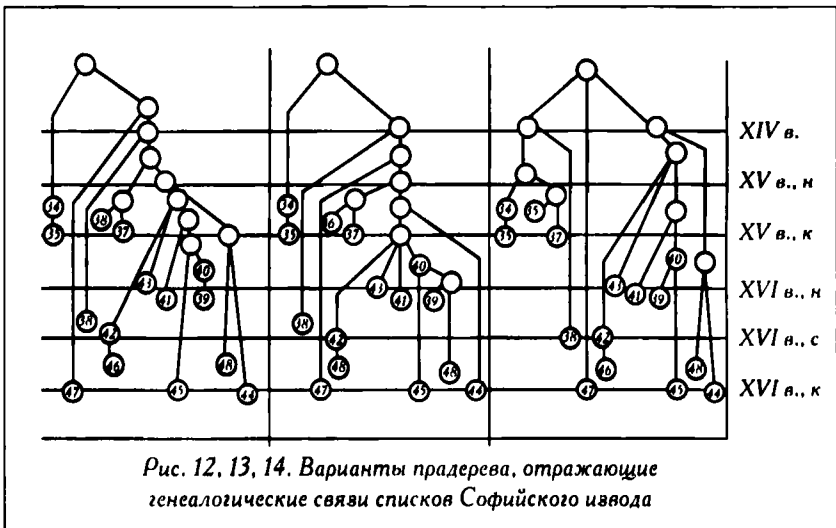
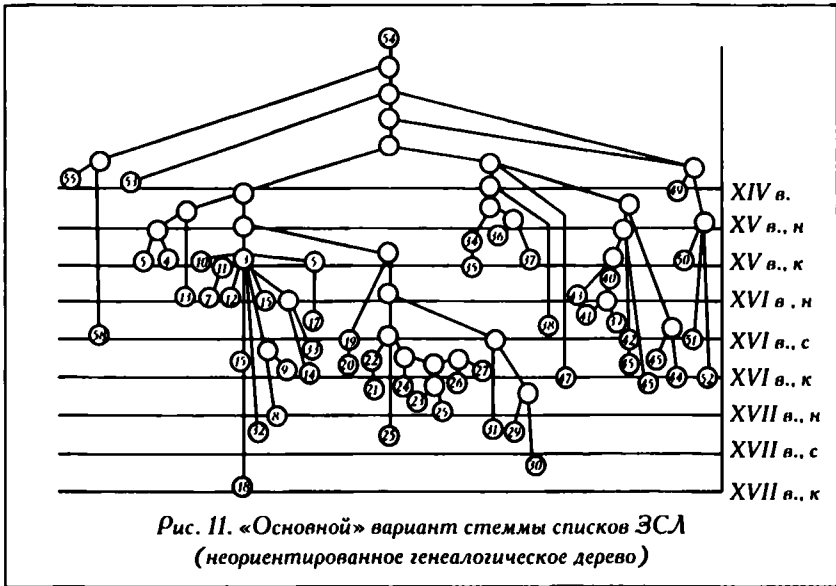

жательный анализ совокупности вариантов, соответствующих указанным наборам групп, позволяет считать надежными следующие четыре набора групп:

- 1) I, III, VI, VII;
- 2) I, IV, VI, VIII;
- 3) V, VIII;
- 4) I, IV, VI, VII.

Таким образом, на дальнейших этапах работы при построении деревьев Γ_1 и Γ_2 использовались группы, оставшиеся после устранения аномалий, а также четыре перечисленных набора групп (поочередно). Машинной были построены соответственно четыре варианта деревьев Γ_1 и Γ_2 . Дерево связи списков, полученное при использовании первого набора групп («основной» вариант), приводится на рис. 11. Поскольку остальные варианты отличаются от «основного» лишь в той части, которая дает генеалогические отношения списков Софийского извода, то на рис. 12, 13 и 14 изображены эти варьируемые части дерева Γ_2 , полученные при использовании второго, третьего и четвертого наборов групп соответственно.

Несмотря на некоторые отличия в виде полученных стемм, они обладают рядом общих черт. Интерпретация результатов будет производиться относительно к дереву связи списков рис. 11, но все сказанное справедливо и для остальных трех деревьев. Интерпретация генеалогического древа может содержать много аспектов; обсудим здесь наиболее важные из них.

Во-первых, отметим, что каждый из четырех изводов образует на стемме рис. 11 прадерево, т.е. все списки каждого извода имеют одного общего «предка» (иначе говоря, изводы на стемме «не пересекаются»).

Во-вторых, полученная стемма не содержит явных хронологических противоречий, т.е. нет ни одной «цепочки» списков, содержащей не

менее двух датированных списков, такой, что хотя бы один «предок» был датирован более поздним временем, чем его «потомки»¹⁶.

Более детальное обсуждение полученной стеммы производится во второй части данной статьи, но уже приведенные соображения говорят в пользу разумности метода «групп» как способа получения генеалогических отношений списков такого древнеславянского памятника, как Закон Судный людем. Однако этих соображений, конечно же, недостаточно для того, чтобы полностью полагаться на построенную машиной стемму. У нас нет точных сведений о реальных генеалогических отношениях между списками Закона Судного людем; наличие же выявленных аномалий и большого количества групп вариантов с малыми частотами встречаемости снижает надежность полученных выводов. Тем не менее важность построенной формальной генеалогической классификации списков очевидна, если рассматривать ее как предварительный этап текстологического исследования. Взаимоотношения сохранившихся списков, полученные с помощью описанной человеко-машинной процедуры, могут дать толчок какой-либо содержательной гипотезе, а наличие на стемме «несохранившихся» списков может послужить основой для гипотетического восстановления утраченных звеньев.

* * *

Итак, каково же отношение историка-источниковеда к работе, проделанной с помощью ЭВМ? Насколько соответствует предлагаемая стемма представлениям о соотношении списков Закона Судного людем (ЗСЛ), основанным на изучении источников историком?

На этот счет можно сделать ряд весьма интересных наблюдений. В огромном количестве Кормчих книг и юридических сборников текст ЗСЛ присутствует одновременно с текстом Пространной редакции Русской Правды, хотя расположены они в разных местах одних и тех же книг. Переписчики и редакторы оставляли следы своей работы на всей книге в целом, поэтому в истории текста Русской Правды и текста ЗСЛ прослеживается много общего. Это обнаружилось при издании текстов Краткой редакции Закона Судного людем. Основные изводы текста ЗСЛ, за некоторыми исключениями, сходны с изводами (вида-

¹⁶ Положение на этих стеммах пустых кружков, отображающих возможность существования потерянных списков, не фиксировано; каждый такой кружок может располагаться в любой точке линии, соединяющей ближайшего датированного «предка» данного пустого кружка с его ближайшим датированным «потомком».

ми) текста Пространной редакции Русской Правды. Это касается, в частности, Синодально-Троицкой группы списков. Однако в отличие от Русской Правды текст ЗСЛ в этих источниках содержит неизмеримо меньшее количество более или менее значительных разночтений. Одно из возможных объяснений этому следует искать в том, что, будучи памятником нерусского происхождения, ЗСЛ встретил у писцов и редакторов Кормчих книг и сборников гораздо более осторожное обращение. Текст его оказался в итоге более каноническим, чем текст Русской Правды. Учитывая это, издатели Краткой редакции ЗСЛ намеренно упростили классификацию списков этого памятника, объединив, в частности, списки Розенкамповского и Ферапонтовского видов в один, дав ему новое название (Чудовский извод). В итоге был выделен Древнейший извод, куда вошли на равных правах три древнейших списка ЗСЛ (Новгородский список из Кормчей 1280 г., Варсонофьевский список из Кормчей второй половины XIV в., Устюжский список из Кормчей начала XIV в. с вариантами Иоасафовской Кормчей XVI в.); извод Мерила Праведного с Троицким списком XIV в. в качестве основного и тремя списками Мерила Праведного XV—XVI вв., данными в разночтениях; Чудовский извод, куда вошли списки из Кормчих в соединении с Мерилом Праведным (списки Розенкамповского и Ферапонтовского видов Русской Правды) и Софийский извод, совпадающий с Новгородско-Софийской группой списков Русской Правды.

На стемме, созданной с помощью ЭВМ, отметим важнейшее: выделение трех древнейших списков как автономных единиц, выделение в особую ветвь списков извода Мерила Праведного, наконец, выделение в самостоятельную ветвь списков Чудовского извода и в особую ветвь списков Софийского извода. Совпадение с существующей классификацией полное.

Однако классификация с помощью ЭВМ получилась, во-первых, более подробной, во-вторых, точно определяющей соотношение всех списков друг с другом, чего нет не только в издании текстов ЗСЛ, но и в издании текстов Русской Правды¹⁷.

В связи с этим важнейшим достоинством стеммы, созданной с помощью ЭВМ, является ввод в систему генеалогии списков ЗСЛ большой группы не сохранившихся до наших дней текстов. Установленная возможность их прежнего существования и место в общей генеалогии списков ЗСЛ высчитаны машиной (на схеме они обозначены кружочками с

¹⁷ Закон Судный людем Краткой редакции; Правда Русская. Т. I. Тексты / Под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.: Л., 1940.

литерной пагинацией и без нее). Разумеется, машина обозначила не все из когда-то существовавших списков, а только те, которые несли в себе какие-либо изменения (искажения) текста. Число же экземпляров ЗСЛ, текст которых был идентичен с текстом какого-либо из обозначенных в стемме списков, могло быть теоретически бесконечно. Таким образом, реконструкция комплекса протографов ЗСЛ помогает историку составить наиболее полное представление об основных изводах, уточнить степень их сохранности, а в какой-то мере и время происхождения.

В свое время, характеризуя извод Мерила Праведного по текстам Русской Правды, М. Н. Тихомиров отмечал, что «списки СII, СIII, КБIII не зависят от Троицкого списка XIV в., а восходят к общему с ним протографу»¹⁸. Наша стемма не только полностью подтверждает эту догадку, но и уточняет ее. В нашем варианте списки извода Мерила Праведного (49, 50, 51, 52) имеют не только общий для всех протограф, но, кроме того, особый протограф для СII, СIII, КБIII.

Чрезвычайно важными представляются итоги реконструкции на ЭВМ соотношений списков ЗСЛ, составляющих так называемые Розенкамповский и Ферапонтовский виды. При создании классификации списков Русской Правды ученые разошлись при определении основного списка для Розенкамповского извода. В. П. Любимов считал наиболее пригодным для этой роли список Русской Правды на Кормчей барона Розенкампа, датируемой концом XV в. Его точка зрения была принята издателями текстов Русской Правды. Иной позиции придерживался Тихомиров, считая, что на роль основного списка более подходит список из Чудовской Кормчей 1499 г. В своем фундаментальном источниковедческом «Исследовании о Русской Правде» Тихомиров объединяет списки Розенкамповского вида под общим названием Чудовского извода. Издатели текста краткой редакции ЗСЛ (М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов) точно так же в качестве основного списка взяли Чудовский список ЗСЛ 1499 г.

На нашей стемме ЭВМ поставила во главе Розенкамповского вида не Розенкамповский, а Чудовский список. Именно этот список 3 и оказывается непосредственно связанным с подавляющим числом списков извода. Стемма ставит как принципиально ведущие начало от Чудовского списка 1499 г. такие списки, как 11, 12, 15, 16 и 6. В свое время Тихомиров обра-

¹⁸ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941 С. 113–114 (далее: Тихомиров М. Н. Исследование).

тил внимание на то, что Чудовский список 1499 г. несет следы правки по списку типа Крестининского. В стемме Крестининский список (10) лишь в итоге ведет начало от Чудовского, т.е. буквального совпадения с мнением ученых здесь нет, но признаки явной близости наблюдений несомненны. Нет буквального совпадения итогов стеммы и с более общими наблюдениями ученых. Так, Тихомиров полагал, что списки Чудовского извода можно разделить на 2 ветви (1 — Чудовский, Розенкамповский и другие, 2 — Крестининский и другие). Обе ветви существовали уже в конце XV в., то есть до создания Чудовского списка 1499 г. Анализируемая стемма так же дает 2 ветви Чудовского извода, но в ином наполнении. Это разделение действительно раннего происхождения (от Чудовского списка оно отделено протографами *d* и *e*). Одну из ветвей образует Чудовский список с 14 списками и 2 реконструируемыми протографами, вторая же ветвь сохранилась чрезвычайно бедно. Однако состав ее не тот, что предполагал Тихомиров, исходя из изучения текстов Русской Правды. В ней сохранилось всего три списка (Троицкий V — 5, Розенкамповский — 4 и Антониево-Сийский — 13). Два из них (Троицкий V и Розенкамповский) имеют сходство в том, что оба сохранились в неполных Кормчих книгах. В Розенкамповской Кормчей текст начинается лишь с 68-й главы, а Кормчая, содержащая Троицкий V список, имеет только тексты основных разделов второй части Мерила Праведного, вошедших в книги, известные под названием «Кормчие в соединении с Мерилом Праведным»¹⁹. Таким образом, оба списка сохранились лишь во фрагментах Кормчих одного и того же типа. Возможно, именно это обстоятельство и послужило причиной выделения обоих списков в особую ветвь²⁰. Из отличий классификации Русской Правды необходимо отметить еще одно: включение в группу списков Чудовского извода Худовского и Никифоровского списков ЗСЛ. По классификации текстов Русской Правды они отнесены были к Ферапонтовскому изводу²¹.

Как уже говорилось, издатели текстов Краткой редакции ЗСЛ не сочли необходимым разделение группы списков Закона, сохранив-

¹⁹ М. Н. Тихомиров считал эту книгу Мерилом Праведным в той редакции, которая позднее вошла в Кормчие в соединении с Мерилом Праведным (Тихомиров М. Н. Закон Судный людем Краткой редакции в русских рукописях // Закон Судный людем Краткой редакции. С. 19)

²⁰ При классификации списков Русской Правды, помимо разночтений самих текстов, немалую роль в объединении списков в виды играло сходство и в составе самих Кормчих книг. В данном случае Троицкий V и Розенкамповский списки оказались лишенными этих признаков.

²¹ Правда Русская. Т. I. С. 233.

шихся в «Кормчих в соединении с Мерилом I Праведным», на два вида (Чудовский и Ферапонтовский), как это сделали издатели Русской Правды. Основной причиной тому послужило отсутствие сколько-нибудь принципиально важных разночтений. Однако материала мелких разночтений по 13 спискам оказалось достаточно, чтобы при обработке их на ЭВМ в итоге все эти списки четко выделились в особую группу, которую мы вслед за издателями Русской Правды также назвали Ферапонтовской. Результаты обработки списков этой группы на ЭВМ дают возможность сделать ряд интересных наблюдений. I Прежде всего отметим буквальные совпадения мнения историков в оценке соотношения отдельных списков друг к другу с итогами нашей стеммы. Так, оценивая Кирилло-Белозерский I и Кирилло-Белозерский II списки, издатели Русской Правды отмечали их теснейшую связь друг с другом²². На стемме, построенной с помощью ЭВМ, эта связь не только подтверждается, но и уточняется: КБ I и КБ II имеют общий протограф. Точно так же издатели Русской Правды писали и о Погодинском I списке: «Этот список Кормчей стоит в ближайшей связи с предыдущим Погодинским II, повторяя его ошибки»²³. И вновь на стемме мы видим и подтверждение этому, и уточнение: П I и П II (29 и 30) имеют общий протограф. Вместе с тем важно отметить, что если ученый-историк отмечает такие взаимосвязи, как правило, на основе каких-либо ярких, бросающихся в глаза общих пропусков и искажений текста, то автоматическая классификация делает это на менее выразительном материале, т.е. «работает» более точно. Так, с помощью ЭВМ в Чудовском и Ферапонтовском изводах были установлены списки ЗСЛ, имеющие в качестве своего исходного предшественника сохранившиеся донные тексты ЗСЛ. Таковы, например, двойные звенья: Соловецкий II и Овчинниковский I как исходный (7 и 11), Архивский II и Чудовский как исходный (12 и 3), Троицкий III и Чудовский как исходный (15 и 3); тройные звенья: Чудовский (3) — Музейский I (16) — Забелинский (18) или Чудовский (3) — список Публичной библиотеки (6) — Возмицкий (17). Двойные звенья есть и в Ферапонтовском изводе (Ферапонтовский и Толстовский II, Соловецкий IV и Фроловский I).

Наиболее принципиальное значение имеет выясненный с помощью автоматической генеалогической классификации общий вид Ферапонтовского извода. Он предстает перед нами на стемме как извод, сохра-

²² Правда Русская. Т. I. С. 241.

²³ Там же.

нившийся лишь в обломках. Если в Чудовском изводе основной его костяк составляли уцелевшие до наших дней списки (номер 3 и др.), то в Ферапонтовском изводе основной костяк составляют реконструируемые с помощью ЭВМ протографы, точнее, целая система протографов (протограф *з* и др.). От извода как такового сохранились лишь остатки в виде позднейших списков. В связи с этим становится понятной ошибка В. П. Любимова, оценившего ферапонтовский вид списков Русской Правды как позднюю чисто литературную традицию. «Ферапонтовский вид списков создан в то время, — писал ученый, — когда Правда Русская уже потеряла значение действующего источника права. Составителю его было чуждо приспособление нашего памятника к потребностям жизни. Такой задачей могли руководствоваться создатели более ранних видов списков»²⁴. Розенкамповский вид В. П. Любимов, наоборот, характеризовал как «юридический памятник древнего происхождения». На анализируемой стемме четко видно, что Ферапонтовский извод отпочковался по крайней мере до 1499 г., т. е. в то время, когда создавались многие из сохранившихся списков Чудовского (Розенкамповского) извода (протографы *е* и *з*). Таким образом, считать Ферапонтовский извод лишь поздней литературной традицией было бы неверно.

Вместе с тем В. П. Любимов верно оценивал Ферапонтовский извод как производный от Розенкамповского²⁵. На анализируемой стемме видно, что названный извод обособился уже тогда, когда Чудовский (Розенкамповский) извод разделился на две ветви (протографы *б*, *ж*, *е* и *з*).

Выше уже говорилось, что ввиду сложности экспертной оценки различий группы списков ЗСЛ не было принято однозначного решения при определении соотношения этих списков друг к другу, а представлено три варианта этих соотношений. На стемме эта группа списков ЗСЛ

²⁴ Любимов В. П. Списки Правды Русской // Правда Русская. Т. I. С. 50. Более осторожно по поводу Ферапонтовского извода высказывался М. Н. Тихомиров: «Основное отличие Ферапонтовского списка Русской Правды от Чудовского заключается в том, что Ферапонтовский список отличается большой полнотой. В нем выполнены все пропуски в тексте, отличающие Чудовский извод от Троицкого при сохранении остальных черт извода. В этом случае следовало бы признать, что Ферапонтовский список сохранил более древний текст Русской Правды, уже искаженный в Чудовском изводе. Но это предположение не оправдывается, так как большая полнота Ферапонтовского списка объясняется позднейшими пополнениями» (Тихомиров М. Н. Исследование. С. 120).

²⁵ Любимов В. П. Указ. соч. С. 47.

соответствует Новгородско-Софийскому изводу. Выбор из трех предложенных вариантов соотношений списков может быть сделан лишь при условии дополнительных знаний историка, либо полученных путем специального исследования материалов, либо почерпнутых из литературы. В данном случае нас устраивает последний вариант. Мы уже писали о неоднократном совпадении наблюдений историков о соотношении отдельных списков друг к другу с результатами обработки текстов на ЭВМ. В данном случае, оценивая пригодность вариантов, нам следует исходить из факта именно такого совпадения. При характеристике списков Новгородско-Софийского извода авторы академического издания Русской Правды отмечали, в частности, что «по разночтениям список Фроловский (Браиловский) стоит в ближайшей связи с Соловецким III списком»²⁶. М. Н. Тихомиров в «Исследовании о Русской Правде» подчеркивает, что Браиловская Кормчая, в сущности, является списком с Новгородской (Соловецкой III) рукописи 1519 г.²⁷ Взяв это наблюдение в качестве отправного, мы избираем из трех предложенных вариантов один, в котором два названных списка связаны ближайшим образом. Таким является вариант, представленный на рис. 13. Здесь Соловецкий III (39) и Фроловско-Браиловский (48) списки ведут происхождение от общего протографа. Больше того, этот вариант полностью совпадает и с наблюдениями историков более общего характера. Так, В. П. Любимов, характеризуя списки Русской Правды, пишет: «Новгородско-Софийский вид списков дошел до нас в двух разветвлениях. В одной ветви, Новгородско-Софийской, только два списка: Новгородско-Софийский второй половины XV века и Румянцевский I конца XV века. В другой ветви — остальные 17 списков; из них древнейшим списком является список Вязниковский третьей четверти XV века, к которому близко подходят списки Ярославский конца XV века и Прилуцкий 1534 г. Из этих двух ветвей вторая (Вязниковская) дошла в списках сравнительно с первой с более поздними разночтениями и с более поздними чертами языка»²⁸. На нашей стемме Новгородско-Софийский список и Румянцевский I как производный от него выделены в самостоятельную ветвь. Списки эти действительно весьма древние, так как непосредственно ведут свое начало от основного протографа Новгородско-Софийского

²⁶ Правда Русская. Т. I. С. 147.

²⁷ Тихомиров М. Н. Исследование. С. 139.

²⁸ Любимов В. П. Указ. соч. С. 46.

извода²⁹. В точном соотношении с представлениями историков стемма выделяет и вторую ветвь, объединяющую остальные 13 списков Новгородско-Софийского извода. Характеристика ее может быть теперь более точная. Прежде всего не вполне справедливо называть эту группу списков ЗСЛ Вязниковской (как это сделано при классификации текстов Русской Правды). Вязниковский и Ярославский списки, близость которых отмечена издателями Русской Правды³⁰, несмотря на то, что датированы XV столетием, восходят к более позднему протографу чем Прилуцкий или даже Годуновский II списки. На наш взгляд, на роль заглавного списка этой группы более подходит Прилуцкий список 1534 г. Кстати, особую ценность этого списка чувствовали и подготовители академического издания Русской Правды: «По вариантам Прилуцкий список относится ко второй ветви Новгородско-Софийского вида, очень близок к Вязниковскому и Ярославскому спискам и вследствие архаичности некоторых чтений производит впечатление копии с раннего оригинала»³¹. Опираясь на данные нашей стеммы, можно уточнить, что это копия с очень раннего оригинала, являющегося исходным для всей группы списков. Характеризуя Вязниковскую ветвь, нельзя не отметить, что, так же как и Ферапонтовский извод, она сохранилась лишь в позднейших осколках, хотя основная масса списков датируется не позднее XVI столетия. Реально сохранившиеся тексты ЗСЛ отделены от исходного протографа всей ветви пятью промежуточными протографами. Можно предположить, что Новгородско-Софийский извод в целом был весьма распространенным и довольно древним по своему происхождению (М. Н. Тихомиров возводил его начало к концу XIV в.³²).

Таким образом, тщательное сопоставление итогов автоматической генеалогической классификации списков ЗСЛ с известными ранее источниковедческими характеристиками как целых изводов, так и отдельных списков блестяще подтверждает эффективность обработки текстов на ЭВМ. Больше того, автоматическая классификация текстов поднимает источниковедческое изучение генеалогии списков исторических памятников на качественно новый уровень, позволяя за-

²⁹ Издатели Правды Русской считали, что оба списка сделаны с одного протографа (Правда Русская. Т. I. С. 138).

³⁰ Там же. С. 139.

³¹ Там же. С. 140.

³² Тихомиров М. Н. Исследование С. 140.

глянуть в глубины истории текстов, сконструировав сложные системы протографов. В перспективе вполне возможно, что какой-либо вновь обнаруженный список Закона Судного, датируемый XV — началом XVI в., займет в стемме одно из пустующих мест в системе протографов, сконструированной с помощью ЭВМ. Наконец, автоматическая генеалогическая классификация, используя массив разночтений, дает возможность установить детальное соотношение всех сохранившихся списков памятника, что, как правило, в обычных исследованиях осуществляется лишь эпизодически.

Все эти неоспоримые и чрезвычайно важные достоинства методики автоматической классификации тем не менее не избавляют историка-источниковеда от ряда трудностей, являющихся своего рода производной от данной методики. Речь идет прежде всего о доводке стеммы до необходимого уровня в ее вершине, т.е. о неизбежности проверки правильности выбора «экземпляра ссылок».

Как уже говорилось, ключевой опорной точкой нашей стеммы служит текст Новгородской Кормчей 1280 г.³³, взятой в качестве «экземпляра ссылок» как наиболее древний список Закона Судного людем. После того как стемма составлена, соотношение списков ЗСЛ позволяет внести дальнейшие уточнения и наиболее правильно выбрать исходный список, к которому будет «подвешена» вся система. Соотношение списков в стемме при этом не меняется.

Итак, что собой представляет «экземпляр ссылок» в качестве действительно исходного экземпляра, лежащего в основе всей генеалогии ЗСЛ? При всей безусловной древности Новгородская Кормчая 1280 г. на роль исходного списка не подходит в силу своего сводного характера. Как известно, в основе ее лежат материалы двух типов Кормчих книг, тексты которых комбинируются в Новгородской Кормчей. Это, во-первых, Кормчая типа Ефремовской Синодальной (восходящей к русским спискам не позже XI в.) с полным переводом канонических текстов без толкований; во-вторых, это Кормчая типа Рязанской (сербской) Кормчей с сокращенным переводом канонических текстов (иногда они даются даже в извлечениях). Многие тексты из Рязанской Кормчей сопровождаются толкованиями. При этом, как известно, сами

³³ Мы принимаем здесь датировку М. Н. Тихомирова (*Тихомиров М. Н. Закон Судный людем Краткой редакции в русских рукописях. С. 11*). Обычно Кормчая датируется 1282 г.

толкования даны в компиляции (по Зонаре и Аристину). Первые списки Кормчей такого типа появились на Руси не ранее 1262 г.³⁴ В обоих текстах Кормчих книг, послуживших основой для Новгородской Кормчей 1280 г., Закон Судный людем отсутствует, как отсутствует он и в более древних текстах сербской Кормчей в переводе архиепископа Саввы. Стало быть, он попал в Новгородскую Кормчую из какого-то иного источника. Кроме Кормчих типа Ефремовской и Рязанской, в качестве источника для ряда статей Новгородской Кормчей фигурируют и иные. Из особого источника взяты в Кормчую русские статьи (Вопрошание Кирика, Правило Иоанна митрополита Русского, Сочинения Ильи архиепископа Новгородского, Правила Кирилла митрополита Русского)³⁵. Точно так же из каких-то иных источников взяты такие статьи, как «Яко не подобает жены звати госпожею», Вопросы Федору Сикивоту, Написание Афанасия к Панкови, статья о тугом опоясывании апостолов и святых, статьи: «Рече господь Моисею», «О кресте, иже на земле и на леду пишут» и др.

Наконец, текст Закона Судного имеет параллель в Устюжской Кормчей начала XIV в. (л. 336 об.). Параллель с Устюжской Кормчей имеет и статья «О возбраненных женитвах» (л. 476 об.)³⁶. На этом основании можно было бы предположить, что текст ЗСЛ заимствован из протографа Устюжской Кормчей.

Однако в качестве предположения должны быть рассмотрены и другие варианты выбора исходного текста. Из них вариант о Варсонофьевской Кормчей XIV в. сразу же отпадает, поскольку она одного (сводного) типа с Новгородской Кормчей и, вероятно, списана с одного и того же или с близких протографов. Наконец, еще одним вариантом может быть представлен извод Мерила Праведного, древнейший Троицкий список которого датируется XIV в.

В дореволюционной литературе господствовало представление о том, что этот сборник юридических текстов составлен на основе Кормчей Софийского типа (типа Новгородской Кормчей) и, следовательно, материалы этого сборника происходят из источников, восходящих либо

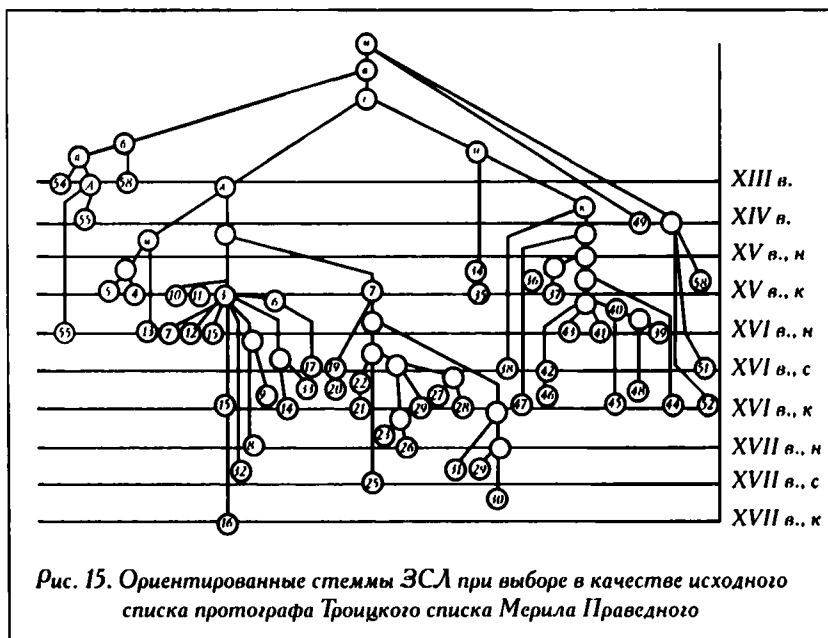
³⁴ Срезневский И. И. Обзорение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897. С. 83–84.

³⁵ Наблюдения проведены по основной части Кормчей, статьи которой зафиксированы в оглавлении.

³⁶ Эти наблюдения принадлежат И. И. Срезневскому (Срезневский И. И. Указ соч.).

к самой Новгородской Кормчей, либо (через нее) к Рязанской Кормчей 1280 г. или ее протографу³⁷. Вместе с тем, согласно представлениям некоторых ученых (Н. В. Калачов, М. Н. Тихомиров), в составе первой части Мерила Праведного представлены материалы, гораздо более древние. Недавно появились аргументы в пользу весьма древнего происхождения некоторых текстов из второй (основной) части Мерила Праведного³⁸. Таким образом, предположение о списке ЗСЛ из протографа Троицкого списка Мерила Праведного как исходном списке нашей стеммы не может быть отвергнуто без ближайшего рассмотрения. При допущении этого варианта «подвешивания» стеммы ее начальные звенья выглядели бы следующим образом (рис. 15).

На данной схеме все гипотетические ранние звенья истории текста ЗСЛ в принципе не нарушают хронологические соотношения, и с этой точ-

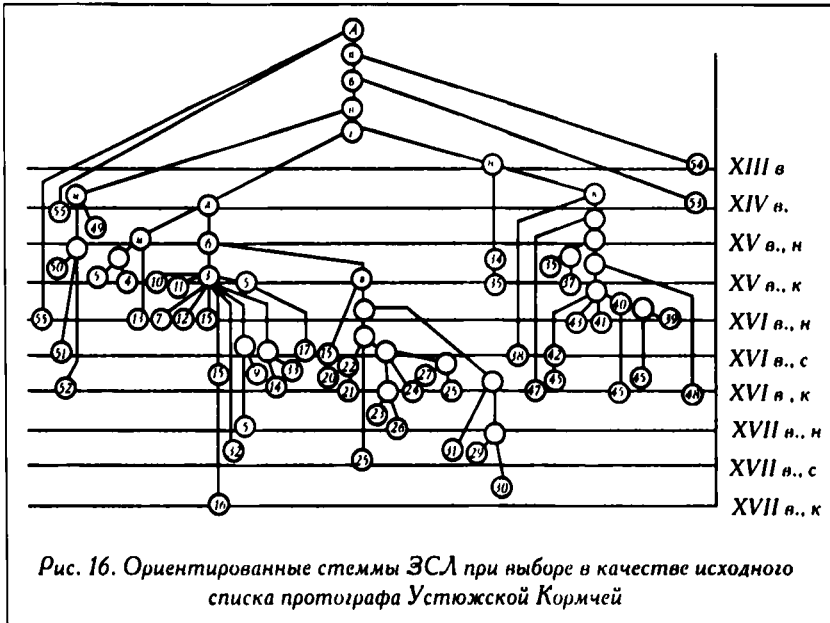
³⁷ Павлов А. С. Книги законные. СПб., 1885. С. 16; Бенеманский М. Закон градской. М., 1917. С. 38.

³⁸ Речь идет о доказательствах в пользу присутствия в Мериле Праведном древнерусского, а не славянского (болгарского) перевода Эклоги, относящегося ко времени не позднее XI в. (Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1; [см. также с. 79–110 настоящего издания — примеч. ред.]

ки зрения подобный вариант стеммы вполне правомерен. Однако в ней есть некоторые несообразности. Как уже упоминалось, Новгородская и Варсонофьевская Кормчие являются сводными Кормчими единого типа и имеют либо общий протограф, либо два промежуточных, восходящих в конечном счете к единому общему протографу. В данном варианте стеммы четко видно, что протограф Новгородского списка (а) восходит к протографу Варсонофьевского списка (б). Протограф Троицкого списка Мерила Праведного XIV в., к которому «подвешена» вся стемма (м), является в этом случае предшественником протографа Варсонофьевской Кормчей (б) через промежуточное звено, которое, возможно, уже было Кормчей Софрийского типа (в). В принципе это допустимо, но тем не менее приводит к следующей ситуации. Списки ЗСЛ из Устюжской и Иоасафовской Кормчих (55 и 56) являются в таком случае производными от списков типа Новгородской Кормчей (точнее, от ее протографа а). Однако выше мы видели, что Кормчие этого типа являются компиляциями, и одним из возможных источников этой компиляции (в части, касающейся текста ЗСЛ) служит протограф Устюжской Кормчей. Следовательно, нарушается элементарная логика. Анализируемому варианту свойствен и ряд иных несообразностей, на которых мы останавливаться не будем. Таким образом, жесткая система взаимоотношений сохранившихся списков ЗСЛ и их протографов, созданная с помощью ЭВМ, помогает нам отвергнуть разобранный вариант, что при отсутствии стеммы сделать было бы весьма трудно.

Итак, перебор вариантов заставляет нас в конечном счете вернуться к гипотезе, которая ставит в качестве вершины стеммы протограф Устюжской Кормчей (рис. 16). Соотношение реальных списков и протографов ЗСЛ в последнем варианте не имеет каких-либо несоответствий. От протографа л происходят два списка (Устюжский и Иоасафовский), находящиеся в Кормчих книгах Устюжского типа. Как известно, Устюжская Кормчая в основе своей имеет Номоканон 50 титулов Иоанна Схоластика в древнейшем славянском переводе, по мнению многих ученых, принадлежащем Мефодию, который принял его в период жизни в Моравии. Факт присутствия в той же Кормчей текста ЗСЛ весьма знаменателен, поскольку существует гипотеза чешского слависта И. Вашицы о том, что автором этой славянской обработки XVII титула Эклоги был Кирилл³⁹. Присутствие обоих памятников кирилло-мефодиевской деятельности в Моравии в соста-

³⁹ Vašica J. Origins cyrillo-methodienne du plus ancien Code slave dit Zakon sudnyi ljudem // Bysantinoslavica. 1951. № 12

ве Устюжской Кормчей, видимо, неслучайно. К тому же состав самой Кормчей весьма своеобразен и лаконичен, что ставит ее особняком среди всех Кормчих книг. Таким образом, вполне возможно, что один из протографов Устюжской Кормчей и был первым списком ЗСЛ данной редакции, которая впоследствии проникла в многочисленные Кормчие и юридические сборники Древней Руси⁴⁰.

Протографы а и б послужили непосредственным источником спискам ЗСЛ, представленным Новгородской Кормчей 1280 г. и Варсонофьевской Кормчей, как и предполагал И. И. Срезневский. Протограф в дал основание семейству списков ЗСЛ в Мерилах Праведных, и одновременно от него шла ветвь (протограф г), которая в свою очередь является предтечей двух больших изводов списков ЗСЛ (Чудовского и Новгородско-Софийского).

Таким образом, на всех этапах анализа выбранный нами вариант «подвешивания» стеммы удовлетворяет представлениям историков о характере и происхождении тех источников, в которых сохранились

⁴⁰ Вопрос о самой Устюжской Кормчей более сложен, так как есть основания говорить о некоторых, возможно, производных нарушениях единства ее состава, что заслуживает специального изучения и к истории текста ЗСЛ прямого отношения не имеет.

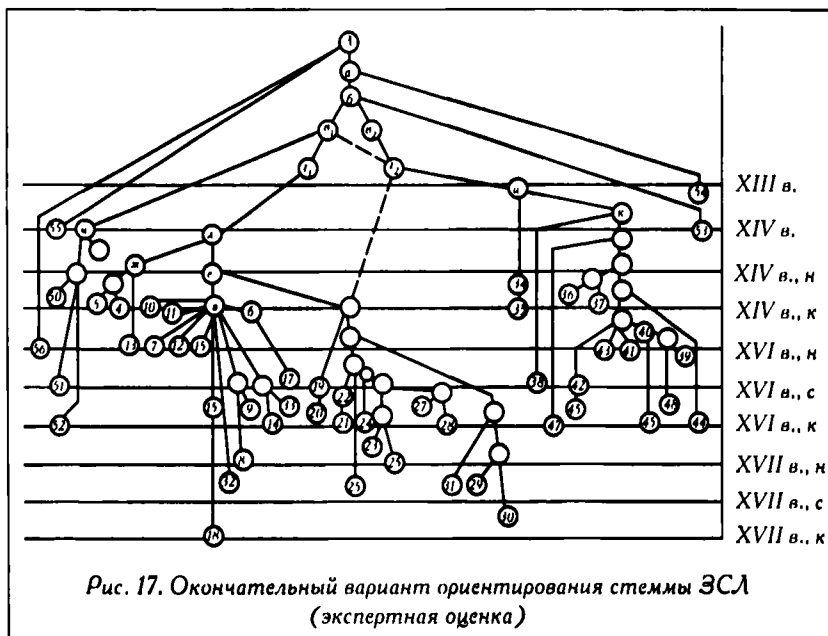
тексты ЗСЛ. Однако, спускаясь на уровень Чудовского и Новгородско-Софийского изводов, мы снова сталкиваемся с несообразностями. В анализируемом варианте извод Мерила Праведного представлен изолированной ветвью, но ведь Чудовский извод является прямым потомком извода Мерила Праведного, так как тексты ЗСЛ Чудовского извода сохранились в составе позднейшей редакции Мерила Праведного, вошедшего в «Кормчие в соединении с Мерилом Праведным».

В поисках ликвидации этого противоречия можно было бы предположить, что протографы *v* и *z* были в составе Мерила Праведного. Но от протографа *z* ведет начало и другая ветвь. Это Новгородско-Софийский извод списков ЗСЛ, т.е. извод, сохранившийся в Кормчих, являющихся прямыми потомками Кормчей Новгородского типа. Как же получилось, что от протографа *z* идут разные, взаимоисключающие линии развития текста ЗСЛ? Объяснение этому надо искать не в ошибках автоматической генеалогической классификации списков памятников, а в специфике самих списков, во-первых, и в специфике методики автоматической классификации, во-вторых.

Оказывается, что при изучении списков Русской Правды ученые обратили внимание на следующее обстоятельство. Списки Русской Правды в Кормчих книгах Новгородско-Софийского извода несут на себе черты влияния извода Мерила Праведного⁴¹. С другой стороны, по мнению В. П. Любимова, списки Русской Правды Ферапонтовского извода имеют явные заимствования из Новгородско-Софийского извода⁴². Таким образом, перед нами примеры двойного влияния на списки того и другого изводов, в то время как программа автоматической генеалогической классификации, положенная в основу работы с текстами ЗСЛ, придерживается альтернативного принципа. Вот почему в двух звеньях нашей стеммы (протографы *v* и *z*) произошло слияние двух разных путей эволюции списков ЗСЛ. Здесь необходимо вмешательство эксперта-историка. Мы вносим в стемму следующую поправку (рис. 17). Протограф *v* разделяем на два (*v*₁ и *v*₂) и такую же операцию продельываем с протографом *z* (*z*₁ и *z*₂). Таким образом, от протографа *v*₁ идут списки извода Мерила Праведного с выделением предтечи Чудовского и Ферапонтовского изводов (протограф *z*₁). От протографов *v*₂ и *z*₂ идет линия Новгородско-Софийского извода. Но этого недостаточно. Для демонстрации дополнительных влияний необходимо протограф *v*₁ соединить пунктиром с протографом *z*₂,

⁴¹ Тихомиров М. Н. Исследование. С. 141.

⁴² Любимов В. П. Указ. соч. С. 50.

обозначая влияние извода Мерила Праведного на Новгородско-Софийский извод, а протограф τ_2 соединить пунктиром с протографом τ_3 , иллюстрируя влияние на списки ЗСЛ Ферапонтовского извода особенностей Новгородско-Софийских списков.

В таком виде построенная на ЭВМ стемма списков ЗСЛ, уточненная корректировкой эксперта-историка, уже не вызывает возражений и может служить адекватным отражением истории текста древнейшего славянского юридического памятника в Древней Руси. Разумеется, история текста отражена здесь лишь в основных, решающих моментах, ибо, как уже говорилось, стемма не учитывает копий, ничем не отличающихся от исходного экземпляра. Не лишним будет отметить еще одну особенность, которая сводится к тому, что есть прямая зависимость числа теоретически реконструируемых протографов от числа ближайших к ним реально сохранившихся списков-«потомков». Именно этим обусловлено малое число реконструируемых протографов в верхней части стеммы, где фигурируют древнейшие списки.

Важно отметить, что, восстанавливая историю текста Закона Судного людем, мы восстанавливаем, по сути дела, и историю Кормчих книг, в составе которых сохранился текст этого памятника. Таким образом, несмотря на то, что разобранный выше методика построения

генеалогического древа рассчитана лишь на некоторые классы средневековых текстов, нетрудно предвидеть обширные перспективы ее применения. Объектом ее применения могут служить не только памятники, сохранившиеся в многочисленных списках. На основе указанной методики может быть поднята и в значительной мере решена проблема воссоздания истории рукописных богатств, сохранившихся от ранних эпох истории нашей страны.

Перечень списков Закон Судный людем

Номер списка	Список	Датировка
Чудовский извод		
3	Чудовский	1499 г.
4	Розенкамповский	XV в., конец
5	Троицкий V	XVI в., конец
6	Список Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина	XV в., конец
7	Соловецкий II	XVI в., начало
8	Троицкий II	XVI в., начало
9	Царского II список	XVI в., вторая половина
10	Крестининский	XV в., конец
11	Овчинниковский I	XV в., конец
12	Академический II	XVI в., начало
13	Антониево-Сийский	XVI в., начало
14	Ионовский	XVI в., конец
15	Троицкий III	XVI в., начало
16	Музейский 1	XVI в., вторая половина
17	Возмицкий	1533 г.
18	Забелинский	XVII в., конец
19	Ферапонтовский	XVI в., середина
20	Толстовский II	XVI в., вторая половина
21	Фроловский I	XVI в., конец
22	Соловецкий IV	XVI в., вторая половина

Номер списка	Список	Датировка
23	Егоровский IV	XVI в., конец — XVII в., начало
24	Архивский II	XVI в., конец
25	Румянцевский II (Никоновский)	1620 г.
26	Рогожский II	XVII в., начало
27	Кирилло-Белозерский I	XVI в., вторая половина
28	Кирилло-Белозерский II	1590 г.
29	Погодинский II	XVII в., первая половина
30	Погодинский III	XVII в., вторая половина
31	Царского III список	XVII в., первая половина
32	Хлудовский	XVII в., первая половина
33	Никифоровский	XVI в., вторая половина
Софийский извод		
34	Софийский	1470–1490 гг.
35	Румянцевский	XV в., конец
36	Вязниковский	XV в., вторая половина
37	Ярославский	XV в., конец
38	Прилуцкий	1534 г.
39	Соловецкий III	1519 г.
40	Архивский I	XV в., конец — XVI в., начало
41	Егоровский I	XVI в., начало
42	Царского I список	XVI в., середина
43	Овчинниковский II	1518 г.
44	Хворостининский	XVI в., конец
45	Толстовский III	XVI в., конец
46	Егоровский II	XVI в., вторая половина
47	Годуновский II	XVI в., конец
48	Фроловский-Браиловский	XV в., вторая половина

Номер списка	Список	Датировка
Извод «Мерила Праведного»		
49	Троицкий	XIV в.
50	Синодальный II	1467–1481 гг.
51	Кирилло-Белозерский	XVI в., середина
52	Синодальный III	1587 г.
Древнейший извод		
53	Варсонофьевский	XIV в.
54	Новгородский	1280 г.
55	Устюжский	XIV в.
56	Иоасафовский	XVI в.

Опубл.: Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. Сб. ст. М.: Наука, 1977. С. 235–280.

К ИСТОРИИ ТЕКСТА ЗАКОНА СУДНОГО ЛЮДЕМ КРАТКОЙ РЕДАКЦИИ

Академическое издание Закона Судного людем (ЗСЛ) Краткой редакции выявило, что в Древней Руси списки этого древнейшего памятника славянского права сохраняют удивительное единство рукописной традиции, представляя собой в сущности единый канонический текст. Исследование истории текста ЗСЛ Краткой редакции по 54 сохранившимся спискам с применением их автоматической классификации на ЭВМ показывает, что в основе рукописной традиции был один из протографов Устюжской Кормчей начала XIV в.¹ Создание единого генеалогического древа, в систему которого логично включаются все древнейшие списки, позволяет предполагать, что до нас дошла единственная рукописная традиция памятника.

Между тем, есть доказательства, что ЗСЛ Краткой редакции бытовал на Руси в разных редакторских версиях. Обратимся к анализу XVIII титула Эклоги, трактующего о разделении добычи. Исходя из того, что постановления Эклоги о военной добыче были основополагающими и практически без изменений повторены в Частной Эклоге, в Градских законах, в Эклоге, измененной по Прохирону (градским законам), в Эпанагоге и т.д., сравним славянские переводы этого постановления.

Греческий текст Эклоги гласит: «Те, кто воюет с врагами, должны остерегаться всех дурных речей и дел и направлять свои мысли и молитвы к одному только богу и вести войну продуманно. Помощь божья ведь дается тому, кто обращает к ней за советом свое сердце. Ибо победу на войне дает не многочисленность войсковых сил, а сила, исходящая от бога. Когда бог даст победу, то шестую часть добычи должно посвятить казне, а остальную долю разделить равными частями между войском, поровну между великим и малым, ибо достаточно хватает архонтам доходов от получаемого ими жалования. Если же среди архонтов найдутся такие, которые сражались мужественно, находящийся там стратиг предоставит им из упомянутой шестой части, предназначенной фиску, и воздаст им должное, как положено. И пропорционально по-

¹ Бородкин Л. И., Милов Л. В. О некоторых аспектах автоматизации текстологических исследований (Закон Судный людем) // Математические методы в историко-социальных и историко-культурных исследованиях. М., 1977 [см. также с. 27–70 настоящего издания — примеч. ред.].

лученному на войне да будет таковой же, в соответствии с записанным, и доля тех, кто следует с обозом»².

Наиболее ранний перевод этого постановления, сохранившийся в древнерусских рукописях, имеет следующий вид: «Исходящимъ на враги на рать хранитис(я) подобаеть от(ъ) всякого лукаваго г(лаго)ла и вещи и къ единому б(ог)у умъ свои имѣти и молбу и съ свѣтомъ творити брань. Помощь бо от(ъ) б(ог)а подается съ с(е)рдцемъ свѣтливомъ не множество[м] бо сил(ъ) побѣда брании, но от(ъ) б(ог)а крѣпость.

Б(ог)у же подающею побѣду ѡ-ю часть достоинъ взимати кн(я)зю. А прочее все число взимати всѣмъ людем равную часть разделить великаго и малаго, довлѣть бо жюпаномъ ч(а)сть княжа и прибытокъ оброку людскому имъ. Аще ли обрящются етири, от(ъ) них(ъ) дерзнувшие или кметици или простыхъ люди подвиг(ъ) и храбрство съдѣ[в]ше, и обрѣтаяся кн(я)зь или воевода в то время от(ъ) реченаго урока княжа да подаетъ, яко лѣпо. Да под(ъ)емлетъ их(ъ) по части и еже обѣтающимся на брани бывает(ъ), и часть останущим(ъ) на стану ть. Тако бо и г(лаго)л(е)но и писано и предано отъ прор(о)ка Д(а)в(и)да»³.

При сравнении текста и перевода сразу же обнаруживаются весьма существенные расхождения в нормативной части. Шестая часть добычи в тексте Эклоги идет в казну, а в переводе — князю. Возможность льготного награждения добычей в Эклоге предусмотрена лишь для отличившихся архонтов, а в переводе и для «кметици или простых людей». Столь сильные отличия, свидетельствующие по существу о качественно иных нормах закона, заставляют нас ознакомиться со славянскими переводами аналогичного постановления из Градского закона (Прохирона). Вот этот текст: «Иже на противныя побѣду поставивше користемъ нѣкимъ яко же подобаеть обретающимъсе 2-я часть токмо отиметьсе въ людское скровище по равнѣи части и властели обладаеми и прочее вся да раздѣлять, довлѣть бо болярюмъ приложение ругамъ ихъ. Аще же обрѣщутъсе нѣщии от(ъ) тѣхъ боляръ изряднее храбровавше воевода от(ъ) прежде рече-

² Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., перевод и комментарий Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 75–76

³ Государственный исторический музей (ГИМ). Отдел рукоп. Синод. собр. № 525. Л. 212–214; Мерило Праведное по рукописи XIV века. / Иадано под наблюдением и со вступ. статьей акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961. С. 379 (с начала до слов «творити брань»).

ное чьсти людьскаго скровища власть имать дати имь почесть по чести же и иже възбрании обрѣтающаго се и иже въ станохъ оставшимс(е)»⁴. Славянский перевод, представленный здесь, сербского происхождения и восходит ко временам деятельности архиепископа Саввы, т.е. к первым десятилетиям XIII в. Известен и древнерусский перевод этого текста в составе так называемых «Книг Законных», по мнению А.С. Павлова, впрочем, позднее оспоренному, датируемых домонгольским периодом. Приведем его полностью: «Иже на съпротив'ныя побѣду поставив'шеи и користѣмъ нѣкымъ обретшимся, шестой токмо доли отдѣленѣ к' об'чей казнѣ, еже есть — ко князю, равными же чьстями владушеи убо и обладаеми прочее все раздѣлять: доволѣвает' бо властелемъ честь и власти, яже от князя. Аще ли же обрящются нѣцци от боярѣ мужьствовавше воевода от реченая доли об'чей казны область имѣеть подарити ихъ»⁵.

Таким образом, с точки зрения передачи смысла нормативов постановления о дележе добычи, разработанного в Эклоге и повторенного в Прохироне, оба перевода следуют за греческим текстом. Здесь нет никаких отклонений, даже отдаленно напоминающих отклонения славянского перевода Эклоги, дошедшего до нас в юридических сборниках «Мерило Праведное»⁶.

⁴ РНБ. Отд. рукоп. Ф, II. № 311. Л. 329.

⁵ Павлов А. С. «Книги законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы... СПб., 1885. С. 78. По поводу перевода этой статьи «Книг законных» выскажем следующее соображение. Еще А. И. Соболевский отметил, что текст «Книг законных» был известен переводчикам полного сербского перевода «Градского Закона», приведа в подтверждение ряд взаимно близких чтений (см. ЖМНП. 1886. Февраль. С. 353–354) Однако есть основание утверждать, что, наоборот, текст полного сербского перевода Прохирина был известен либо переводчику «Книг законных», либо их редактору: один из фрагментов статьи по тексту «Книг законных» явно зависит от сербского перевода. При всей тщательности переработки терминологии на более позднюю во фрагменте статьи «О разделении корысти» видна ее сербская основа. Фраза «аще ли же обрящются нѣцци от боярѣ, мужьствовавше» почти без изменений осталась от сербского текста. Она выглядит даже инородной, так как термин «бояре» здесь кажется нелогичным, ибо ранее речь шла о «властелях» («доволѣвает бо властелемъ честь и власти, яже от князя»). В сербском переводе термин «архонт» последовательно переведен как «бояре». В статье из «Книг законных» несообразность возникла из-за буквального заимствования из сербского перевода. Таким образом, мы имеем важный аргумент в пользу гипотезы о сравнительно позднем появлении перевода «Книг законных».

⁶ Павлов А. С. Там же

Е. Э. Липшиц обратила внимание, что отступления в нормах деяжа военной добычи, которые мы встречаем в славянском переводе XVIII титула Эклоги, полностью совпадают с текстом одной из статей («О полоне») Закона Судного людем⁷. Однако Е. Э. Липшиц не объясняет это сходство. Между тем объяснения на этот счет весьма необходимы. Вот текст этой статьи по Устюжскому списку из Кормчей начала XIV в.: «Исходя к супостатомъ на брань, подобаеть хранитися от(ъ) всѣхъ непри(а)зненныхъ словьсь и вещи, къ б(ог)у мысль свою имѣти и м(о)л(и)тву творити и съ свѣтъ творити брань. Помощь бо даеться от(ъ) б(ог)а съ с(е)рцемъ свѣтливъмъ не въ премногу бо силу побѣда брани, нъ от(ъ) б(ог)а крѣпость. Таже б(ог)у дающую побѣду шестую часть достоить взимати князю, а прочее все число взимати всѣмъ людъмъ в равную часть, раздѣлити великаго и малаго, довлѣеть бо жюпаномъ княжа часть и прибытокъ оброку людьскому имъ. Аще ли обрящютьс(я) етери, от(ъ) тѣхъ дързнувшие или кѣмети или простыхъ людии подвигы и храбрѣство съдѣявшие, обрѣтаяся князь или воевода в то время от(ъ) реченаго урока княжа да подаеть, яко и лѣпо. Да подѣмлетъ ихъ по части еже обрѣтающимся на брани бываеть и часть останущимъ на стану ть. Тако бо и (глаго)лано и писано и предано от(ъ) пр(о)р(о)ка Д(а)в(и)да»⁸.

В нормативной части сходство текста из Закона Судного людем со славянским переводом Эклоги таково, что можно считать эти статьи текстом одного памятника. Шестая часть военной добычи идет князю. Из нее могут получать вознаграждение как отличившиеся в бою «жюпаны», так и простые люди, «кметы» («кметици»). В преамбуле поучительного характера прослеживается вместе с тем много стилевых отличий. Так, вместо «супостатов» в славянском переводе фигурируют «врагы», вместо «брани» — «рать».оборот «от всех неприязненных словес» заменен выражением «от всякого лукавого глагола». В славянском переводе Эклоги вместо слов «к богу мысль свою имети и молитву» идет оборот «к единому богу ум свои имети и мольбу», вместо «не в премногу бо

⁷ Впрочем, здесь нужна оговорка. В фразе «шестой токмо доли отдьлень к' об'чен казнѣ, еже есть — ко князю», есть отступление от греческого текста. Оно заключается в оговорке «еже есть — ко князю». Смысл ее может быть разъяснен в том плане, что шестая доля идет в казну, но, если есть князь — то князю. Думается, что эта не вполне удачная альтернатива обязана своим происхождением явному знакомству переводчика или редактора с текстом Закона Судного людем (об этом ниже).

⁸ Закон Судный людем Краткой редакции. / Подг. к печати М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961. С. 47–48.

силу» — «не множеством бо силы» и т. д. Перед нами, таким образом, не перевод греческого текста Эклоги, а текст, содержащий творческую переработку византийского свода законов. Именно такой переработкой является, как известно, Закон Судный людем. Следовательно, мы имеем в данном случае не просто совпадение, сходство отрывков славянского перевода Эклоги и Закона Судного людем, а включение в славянский перевод Эклоги отрывка из Закона Судного людем. Убедительнейшей деталью, свидетельствующей в пользу этого тезиса, является присутствие в конце текста о дележе военной добычи славянского перевода Эклоги заключительного пассажа — «Тако бо и глаголено и писано и предано от пророка Давида». Этой фразы нет в греческом тексте Эклоги⁹. Она известна только по спискам Закона Судного людем.

Несвойственность, чужеродность разбираемого текста переводу византийского законодательного памятника доказывается рядом других обстоятельств. Автору этих строк удалось показать, что известный в историографии Славянский перевод Эклоги на самом деле является древнерусским переводом, предпринятым в очень раннюю эпоху (не позже XI столетия). В связи с этим специфичная терминология, содержащаяся в статье о дележе военной добычи Закона Судного людем, несвойственна переводу Эклоги, сделанному в Древней Руси. Иллюстрируем это на следующем материале.

В тексте Закона Судного людем термин «архонт» заменен на «жюпан» («довлѣть бо жюпаномъ княжа часть»). Для югославянского перевода Эклоги присутствие такого термина не вызвало бы особого удивления. Но дело, однако, в том, что данному древнерусскому переводу органически свойственна единственная четкая трактовка термина «архонт» как «князь». Так, текст Эклоги «пусть он войдет в святую божью церковь и обратится к надлежащим архонтам» (титул VIII, ст. 5)¹⁰ переведен следующим образом: «да придетъ къ с(вя)тѣи б(ожи)и ц(ѣ)ркви и к под(о)бнымъ княземъ»¹¹. Фрагмент из XVII титула (статья 5) «Если же он забрал что-либо чужое, то да будет он избит местным архонтом как сам себя сделавший эдиком, не будучи архонтом, и затем возвратит за это то, что взял»¹² дан в древнерусском переводе так: «Ли

⁹ См. Эклога. С. 76.

¹⁰ Эклога. С. 57.

¹¹ Мерло I Праведное. С. 368.

¹² Эклога. С. 68.

чюже взя, да отъ князя мѣста того биень будеть, яко не владѣя и самъ себя бывъ суперникъ, ти тако устроение створити, отъ него же отъя»¹³. Отрывок из статьи 21 XVII титула Эклоги, предписывающий наказание женатому человеку за блуд с рабою: «то местному архонту надлежит забрать ее (рабу. — Л. М.) и продать за пределы провинции, а стоимость ее передать в ведомство казны»¹⁴, в древнерусском переводе передан следующим образом: «си отъ мѣстнаго князя пояти отъ него и за епархию продати, цѣнѣ ея приносимъ людѣстѣи»¹⁵. Следовательно, древнерусский перевод знает только одну трактовку термина «архонт» («князь»), и термин «жюпан» в статье о дележе военной добычи является для него чужеродным.

Как же получилось, что в древнерусском переводе Эклоги, сохранившемся в списках Мерила Праведного и попавшем из них в Печатную Кормчую, оказался фрагмент из Закона Судного людем? На этот вопрос ответить пока очень трудно. Сейчас нам известно только одно. Текст древнерусского перевода Эклоги, сохранившегося в списках Мерила Праведного, в том месте, где ныне находится статья о дележе военной добычи, был дефектным.

В Троицком списке Мерила Праведного XIV в. текст о дележе добычи («о разделении корысти») сохранил лишь самое начало статьи (до слов «и съ свѣтомъ творити брань»). Далее в рукописи две страницы чистых (л. 188 и 189), они были заполнены посторонним текстом позже, и лишь с последней строки л. 189 вновь появляется текст славянского перевода Эклоги (глава 5. О ударившем кого мечемь). В другом списке Мерила Праведного (Синодальном II) этого дефекта нет, и мы можем прочитать текст двух страниц, недостающих в Троицком списке. Это полный текст статьи о дележе добычи («о разделении корысти»), заканчивающийся фразой «Тако бо и глаголено и писано и предано от пророка Давида». Но дальше мы сталкиваемся снова с испорченным текстом: третья статья XVII титула Эклоги начинается с полуфразы («съ инеми кленется на на нь или на крестьянское житие творя...»). Не хватает слов: «Поднимающего восстание против императора или злоумышляющего или...». Отсутствуют первые две статьи XVII титула Эклоги. Из XVII титула в рукописи нет еще двух статей

¹³ Мерило Праведное. С. 388.

¹⁴ Эклога. С. 69.

¹⁵ Мерило Праведное. С. 385.

(по Троицкому списку ст. 20, 21), но для них оставлено место. Все эти дефекты сохранились и в тексте Печатной Кормчей¹⁶.

Статья о дележе добычи в греческом тексте Эклоги значится как XVIII титул. В древнерусском тексте она поставлена в начало XVII титула на место недостающих первых двух статей и идет как первая статья XVII зачала. Вполне возможно высказать предположение, что над дефектным текстом протографа древнерусского перевода Эклоги была проделана определенная работа редактора-книжника. Появление статьи о дележе добычи как статьи XVII титула Эклоги могло быть только в одном случае: под рукой редактора-книжника был текст Закона Судного людем — компиляции в основном из того же XVII титула Эклоги. Редактор-книжник пытался править дефектный текст древнерусского перевода Эклоги, сверяя статьи по Закону Судному.

Чтобы дознаться, что Закон Судный был компиляцией из византийского свода законов — Эклоги, надо было проделать огромную работу по поиску и сопоставлению юридических текстов. Так или иначе, безвестный книжник такую работу, видимо, проделал или, умудренный знаниями, был уже готов к вышеупомянутой правке древнерусского перевода Эклоги¹⁷.

¹⁶ На пропуск этих статей в Мериле Праведном по Троицкому списку и в Печатной Кормчей обратил внимание болгарский историк права М. Андреев. См. *Андреев М. Римското право и славянската Еклога // Годишник на Софийския Университет. Юридически факултет. София, 1959. Т. 1. С. 9.*

¹⁷ О том, что такая практика существовала, в какой-то мере свидетельствует состояние рукописи Мерила Праведного XIV в. из Троицкого собрания РГБ (№ 15). Как уже говорилось, на л. 188–189 есть пропуск, и листы оставлены чистыми. Поскольку почерк писца до пропуска и после пропуска один и тот же, объяснить присутствие двух чистых страниц можно только одним. В оригинале, с которого списывалось Троицкое Мерило Праведное, выпал лист, и писец это заметил. Он рассчитал число пропущенных строк в переводе на изготавливаемый им Троицкий список, оставил место для них и далее снова приступил к работе. В пользу такого предположения свидетельствует то обстоятельство, что работу он продолжил с последней строки чистого 189-го листа, дав киноварный заголовок продолжения текста (глава 5. О ударившем кого мечемь). Чистое место оставлено для восполнения утраченного текста XVII титула Эклоги по другим спискам, что в конечном счете сделать не удалось. Так же обстоит дело и с пустым пространством на л. 191, оставленным для восполнения отсутствовавших в оригинале 20 и 21 глав XVII зачала текста «Леона и Константина вѣрная царя» (древнерусский вариант названия Эклоги).

В итоге до нас дошел небольшой фрагмент текста Закона Судного людем в неизвестной редакции, непохожей на ту, что сохранилась в более чем полусотне древнерусских рукописей. По небольшому фрагменту весьма сложно судить о древности текста неизвестной рукописной традиции. Можно лишь высказать предположение, что именно в домонгольский период в Древней Руси имели распространение списки этой традиции. В ту эпоху этот памятник был ближе к практике, вследствие чего и подвергался более решительной стилистической правке. Сохранившаяся же до наших дней рукописная традиция Закона Судного людем, в основе которой был текст одного из протографов Устюжской Кормчей в наибольшей неприкосновенности донесла до нас славянский текст Закона.

Опубл.: Советское славяноведение. 1978. № 6.
С. 97–101.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЭКЛОГА И ДРЕВНЕРУССКОЕ ПРАВО

О ДРЕВНЕРУССКОМ ПЕРЕВОДЕ ВИЗАНТИЙСКОГО КОДЕКСА ЗАКОНОВ VIII ВЕКА (ЭКЛОГИ)

В литературе, посвященной истории славянской рецепции византийского правового наследства, общепринято считать, что перевод византийского кодекса законов VIII в., известного под названием Эклога, помещенный в Печатной Кормчей 1649 г., доносит до нас текст древнейшего южнославянского перевода. В той или иной форме этого положения придерживались такие ученые, как М. Андреев, Т. Сатурник, В. Ганев¹ и отчасти В. Г. Васильевский². Однако древность этого перевода никем не была доказана. На это обратил внимание еще В. Г. Васильевский: «Славянский перевод Эклоги, — писал он, — является только в русских Кормчих позднейшего состава и нет никаких следов его существования ранее XVII века»³. И действительно, ни в одной из наших древнейших Кормчих (Ефремовской, Устюжской, Рязанской и Новгородской) славянского перевода Эклоги нет. Точнее, есть перевод лишь нескольких статей по брачному праву⁴.

Между тем, еще в XIX в. было известно (в частности, Н. В. Калачову) о том, что полный перевод Эклоги есть в юридических сборниках, известных под названием «Мерило Праведное». Однако это обстоятельство не привлекло внимания ни А. С. Павлова, ни В. Г. Васильев-

¹ Андреев Мих. Римското право и славянската Еклога (за някои отклонения на славянската Еклога от римското право) // Годишник на Софийския университет. Юридически факултет. Т. 1 (50). 1959; Saturnik Th. Přispěvky k šírení byzantského práva u slovanu. Praha, 1922; Ганев В. Закон Соудный людьмъ. Правно-исторически и правно-аналитически проучвания. София, 1959.

² Васильевский В. Г. Законодательство иконоборцев // Труды В. Г. Васильевского. Л., 1930. Т. IV.

³ Там же. С. 189.

⁴ Поэтому Е. Э. Липшиц — автор прекрасно выполненного критического издания Эклоги на русском языке — неточна, когда полагает, что существуют списки славянского перевода Эклоги в Кормчих книгах XII—XIII вв. См. «Эклога. Византийский законодательный свод VIII века». Вступит. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965 (далее — Эклога). С. 21.

ского, ни М. Бенеманского, ни В. Н. Бенешевича. И дело, видимо, в той оценке, которую получили в литературе XIX в. сборники «Мерило Праведное». Наиболее резкая оценка этим сборникам была дана известным в то время историком церковного права А. С. Павловым. «В конце XIII или в начале XIV в., — писал этот автор, — появился у нас юридический сборник, по своему характеру и содержанию весьма близкий к “книгам законным” — так называемое “Мерило Праведное”, но он весь составлен уже из готового славянского материала, взятого из Кормчей Софийской редакции»⁵. Эту оценку уже в XX в. повторил Мих. Бенеманский, считавший сборник «малосистемным рядом отрывков из различного рода памятников византийского и русского права», который «весь составлен по готовому материалу, взятому из славянской Кормчей Софийской редакции»⁶. Это означало, что материалы сборников «Мерило Праведное» восходят через Рязанскую Кормчую 1282 г. к Сербской Кормчей второй половины XIII в., т. е. в конечном счете к Кормчей перевода сербского архиепископа Саввы. Это мнение стало преобладающим несмотря на то, что в середине XIX в. иная оценка сборникам «Мерило Праведное» была дана Н. В. Калачовым, который считал, что сборники несут на себе «все признаки составления их в том виде, как они нам известны, вскоре после принятия и утверждения в России христианской веры»⁷. Уже в советское время мнение Н. В. Калачова отчасти поддержал М. Н. Тихомиров, усмотревший в составе первой части сборников «Мерило Праведное» тексты, восходящие к XII столетию (послание митрополита Никифора)⁸. Вторая часть сборников «Мерило Праведное» в значительной мере состоит из текстов памятников византийского права, действительно восходящих к Кормчим Софийской (сербской) редакции. Но и в этой части наличествуют более древние тексты, насыщенные русизмами.

К ним принадлежит, в частности, полный славянский перевод Эклоги⁹. Наиболее важное предварительное условие его изучения —

⁵ Павлов А. С. Книги законные. СПб., 1885. С. 16.

⁶ Бенеманский Мих. Закон градской. М., 1917. С. 38.

⁷ Калачов Н. В. Архив историко-юридических сведений, относящихся до истории России. М., 1850. Кн. 1. С. 21.

⁸ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941.

⁹ Кроме Н. В. Калачова о славянском переводе Эклоги в сборнике «Мерило Праведное» упоминают М. Андреев (*Андреев Мих. Указ. соч. С. 7*) и Е. Э. Липшиц (*Эклога. С. 21*).

установление соотношения его с переводом Печатной Кормчей 1650 г. Для этого необходимо текстологическое сравнение этих переводов. Помимо Печатной Кормчей издания 1650 г. мы привлекли из четырех существующих в настоящее время полных списков «Мерила Праведного» (Троицкий список XIV в., Синодальный список конца XV в., Кирилло-Белозерский список середины XVI в. и Синодальный список конца XVI в.) два наиболее древних¹⁰.

Начнем это сравнение с состава титулов памятника. В обоих славянских переводах титул XVI греческого текста (о воинском пекулии, о гражданском пекулии, о клириках и хартуляриях) стоит на месте VI титула (о наследующих без завецания и легатах), сдвинув последний на место седьмого титула и т. д. Однако это сходство означает лишь сходство обоих переводов с греческим текстом одной из разновидностей так называемой Частной Эклоги (*Ecloga privata aucta*). Подтверждает это и упоминание в Предисловии Эклоги в обоих переводах имен создателей Эклоги (с незначительными разночтениями): «славные наши патрикия, преславного убо Никиту, патрикия и квестора и преименитого ипата и писца Марина и Мария»¹¹. Вместе с тем можно заметить и ряд других совпадений. В частности, полностью совпадает группировка параграфов титулов греческого текста по главам. В. Г. Васильевский обратил внимание на то, что в переводе Печатной Кормчей насчитывается всего XVI титулов (вместо XVIII титулов). Причем последний XVI титул составляют объединенные вместе XVIII («О разделении корысти») и XVII («О казнях») титулы. «Надо думать, — пишет В. Г. Васильевский, — что соединение этих двух разнородных зачал (титулов, граней) произошло случайно»¹². Такая же ситуация характерна и для славянского перевода из «Мерила Праведного» XIV в. Правда, доказать это можно лишь с привлечением других рукописей «Мерила Праведного». Дело в том, что XVII титул (зачалю) в переводе «Мерила Праведного» по списку XIV в. имеет лишь начало текста «О разделении корысти», затем на

¹⁰ Троицкий список, хранящийся в РГБ (ОР. Троицкое собр. № 15), издан М. Н. Тихомировым: «Мерило Праведное по рукописи XIV века». Изд. под набл. и со вступит. ст. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961 (далее — Мерило Праведное). Синодальный список конца XV в. хранится в ГИМ, Синод. собр. № 525.

¹¹ Книга глаголемая греческим языком номоканон, словенским же сказаемая закона правило. Изд. 1650 г. (далее — Печатная Кормчая). Л. 494 об.; Мерило Праведное. С. 336.

¹² Васильевский В. Г. Указ. соч. С. 185.

обороте листа 188 и на следующем 189-м листе оставлены были чистыми две страницы и лишь с последней строки листа 189 идет текст главы пятой (по счету «Мерила Праведного») уже XVII титула Эклоги. Чистое пространство — почти в 2 страницы — было позднее (видимо, во второй половине или в конце XIV в.) использовано для записи интереснейшего юридического памятника «О уставленьи татбы»¹³. Но вместе с тем пропущенный текст легко восстановить по более поздним спискам «Мерила Праведного» и, в частности, по Синодальному списку конца XV в. (Синод. собр. № 525). Текст этот включает продолжение XVIII титула греческого текста «О разделении корысти» (правда, в необычной редакции), а далее буквально с полуслова начинается текст из статей титула — «О казнях»: «Съ инеми кленется на нь или на кр(е)стьянское житие творя такового подобаше въ ть час(ъ) ум(е)ртвити яко всему разръшение поучившюс(я)...»¹⁴. Этот текст представляет собой третий параграф XVII титула греческого текста Эклоги («Поднимающего восстание против императора или злоумышляющего или принимающего участие в заговоре против него или против государства христиан в тот же час должно предать смерти как намеревающегося все разрушить...»¹⁵), начинающийся лишь со слов «принимающего участие в заговоре против него» и до конца греческого текста. Потом следует четвертая глава «О убоях» и пятая глава «О ударившем мечем», уже совпадающая с текстом «Мерила Праведного» XIV в. Таким образом мы восстанавливаем механическое нарушение текста славянского перевода Эклоги по «Мерилу Праведному». Сравнивая теперь этот фрагмент с вариантом славянского перевода Эклоги по Печатной Кормчей, мы видим полное их совпадение. Иначе говоря, составители Печатной Кормчей имели текст Эклоги с тем же нарушением и с той же композицией XVIII титула «О разделении корысти» с продолжением третьей главы XVII титула «О казнях», составившего в переводе «Мерила Праведного» единый XVII титул «О разделении корысти», дополненный статьями титула «О казнях». Самого заглавия титула «О казнях» в славянских переводах Печатной Кормчей и «Мерила Праведного» нет, как нет первых его двух параграфов и начальных слов третьего параграфа. Составители Печатной Кормчей, тщательно сохранив весь уцелевший текст, сделали лишь

¹³ См. Милов Л. В. К истории древнерусского права XIII—XIV вв. // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963 [см. также настоящее издание, с. 190—196 — примеч. ред.].

¹⁴ ГИМ. ОР. Синод. собр. № 525. Л. 214.

¹⁵ Эклога. С. 68.

новый расчет глав (титул «О разделении корысти» разбит на две главы, а продолжение третьего параграфа «Поднимающего восстание...» превращено добавлением начальных слов: «Аще кто (съ инеми кленется)» — в самостоятельную третью главу¹⁶. Таким образом, это наблюдение может служить важной опорой для утверждения о том, что для Печатной Кормчей был использован славянский перевод «Мерила Праведного».

Во всех трех памятниках перевод Эклоги не имеет восьмого и девятого параграфов VII титула греческого текста Эклоги. Во всех трех памятниках возраст помолвки (обручения) определен с 17 лет и выше, в то время как в греческом тексте Эклоги (I титул, § 1) речь идет о семилетнем возрасте и выше¹⁷. Общим является и ряд неточностей в переводах. Так, шестая глава последнего XVII титула (зачала) славянского перевода и в «Мериле Праведном» и в Печатной Кормчей имеет неверный перевод по сравнению с греческим текстом (XVII титул, § 49). Вместо текста: «Если же владелец раба неумеренно его истязал или отравил его ядом или его сжег, то подлежит наказанию за убийство»¹⁸ — в славянском переводе читаем следующее: «Аще ли бе щисла мучиль будеть, ли зельемь погуби, ли плакася, яко убийство створивъ да мучень будеть»¹⁹. В шестой главе пятого титула (зачала) славянского перевода «Мерила Праведного» термин *номик* (писец, специалист по составлению документов) переведен как *задничник*²⁰. Тот же термин дает и перевод Печатной Кормчей с туманным (и тоже неверным) пояснением на полях: «оставший наследник»²¹. Фрагмент второго параграфа шестого титула греческого текста Эклоги («но есть отец и мать, дед и бабушка») ²² в славянском переводе имеет пропуск, общий для Печатной Кормчей и текста «Мерила Праведного» XIV в. («есть же има от(е)ць, дѣдъ и баба») ²³, а в копии «Мерила Праведного» конца XV в. этот пропуск увеличился («есть же дѣдъ или баба») ²⁴. При переводе первого параграфа IX титула греческого текста фраза: «если, как положено после продажи установлено, что продан был свободный чело-

¹⁶ Печатная Кормчая. Л. 515–515 об.

¹⁷ Эклога. С. 44; Мерило Праведное. С. 341; Печатная Кормчая. Л. 497.

¹⁸ Эклога. С. 73.

¹⁹ Мерило Праведное. С. 382.

²⁰ Эклога. С. 53; Мерило Праведное. С. 358–359.

²¹ Печатная Кормчая. Л. 505 об.

²² Эклога. С. 54.

²³ Мерило Праведное. С. 363.

²⁴ ГИМ. ОР. Синод. собр. № 525. Л. 205 об.

век или одержимый демонами, то он подлежит возврату» — в «Мериле Праведном» XIV в. была ошибка (термин *свободный человек* передан как *свободное тело*)²⁵. В Печатной Кормчей эта ошибка скорректирована и в итоге смысл еще более искажен («и аще ли въ правду по куплении обраться проданая вѣшь свободна или неистова за се въздасть») ²⁶.

Наконец, последнее. В. Г. Васильевский в свое время отметил, что порядок статей XVII титула славянского перевода Эклоги в Печатной Кормчей особый, «он не сходится ни с одним из изданных доселе изводов греческой Эклоги»²⁷. Добавим от себя, что этот порядок расположения глав полностью повторяет порядок глав в рукописях «Мерила Праведного» XIV в. и XV в., хотя число глав разнится. В рукописи XIV в. вместо 20-й и 21-й глав оставлено чистое место, в Печатной Кормчей этих глав тоже нет, но счет их исправлен. Думается, приведенных фактов вполне достаточно, чтобы с уверенностью утверждать заимствование Печатной Кормчей текста славянского перевода Эклоги из рукописи «Мерила Праведного».

Вместе с тем перевод Эклоги в Печатной Кормчей имеет ряд отличий от текста «Мерила Праведного» XIV в. Как правило, они довольно незначительны. Вот, в частности, сопоставления ряда фрагментов. В тексте «Мерила Праведного» — «вся ему дѣтелная же и ненавистная»²⁸. В Печатной Кормчей более верно «вся ему добродетельная же и ненавистная»²⁹. В рукописях «Мерила Праведного» — «а иже уму и смыслу причастицы и праводѣиственѣи дѣтели художи, право о судбахъ да блюдутъ»³⁰. В Печатной Кормчей более правильно — «а иже уму и смыслу причастицы правды естественя и дѣтели лиху, право о судбахъ да блюдутъ»³¹. В рукописях «Мерила Праведного» — «крадыи на хусѣ, рекше аще оружье да биень будетъ»³². В Печатной Кормчей более верно — «крадыи на хусе, рекше на рате, аще оружье да бьен будетъ»³³. Правда, многие из приведен-

²⁵ Эклога. С. 58; Мерило Праведное. С. 370; ГИМ. ОР. Синод. собр. № 525. Л. 208 об.

²⁶ Печатная Кормчая. Л. 511.

²⁷ Васильевский В. Г. Указ. соч. С. 185–186.

²⁸ Мерило Праведное. С. 334; ГИМ. ОР. Синод. собр. № 525. Л. 191.

²⁹ Печатная Кормчая. Л. 494.

³⁰ Мерило Праведное. С. 338; ГИМ. ОР. Синод. собр. № 525. Л. 193.

³¹ Печатная Кормчая. Л. 495 об.

³² Мерило Праведное. С. 390; ГИМ. ОР. Синод. собр. № 525. Л. 219.

³³ Печатная Кормчая. Л. 519.

ных отличий текста трудно считать результатом использования Печатной Кормчей более исправного текста, восходящего к более раннему протографу, чем протограф «Мерила Праведного». Некоторые более верные чтения можно отнести на счет внимательного изучения составителями Печатной Кормчей текста славянского перевода Эклоги. Но вместе с тем есть и существенные отличия, свидетельствующие о том, что составители Печатной Кормчей имели более точный текст. Здесь можно привести тексты славянского перевода Эклоги в «Мериле Праведном» с употреблением термина «бещестье». Этот термин встречается в 32-й главе XVII титула — «О творящихъ зажьженья» («и аще по неискущению или лънностью въвергышаго огонь бысть се, бещестное въверженому да створить»)³⁴, в 38-й главе «О рабѣ тативѣ» («аще хоцеть имѣти тативаго раба бещестное да створить украденому»)³⁵, в 39-й главе «О поимшемъ от нѣкогого конь» («поимшему блюстися и бещестное устрои ти господину коня»)³⁶ и т. д. Как известно, бещестие как наказание (штраф) за оскорбление и побои фигурирует в статье «О кровавомъ муже» Пространной Русской Правды (Розенкампфовский список конца XV в., Археографический II список середины XV в., Троицкий IV список начала XV в.) и в сокращенной редакции Русской Правды (Толстовский список середины XVII в.). Характерна эта юридическая норма и для Правосудия Митрополичьего, датированного М. Н. Тихомировым XV в., а С. В. Юшковым — концом XIII — началом XIV в.³⁷ Статья «О кроваве муже» — более ранняя (М. Н. Тихомиров относит ее ко второй половине XII в., А. А. Зимин датирует не ранее XIII в.)³⁸. Но все дело в том, что в славянском переводе Эклоги во всех случаях употребления термина *бещестное* речь идет не об оскорблениях или побоях, а о возмещении ущерба. Столь непонятную ситуацию разъясняет текст Печатной Кормчей, где во всех упомянутых случаях вместо *бещестное* стоит термин *безщцетно*, т. е. без убытка, что более соответствует греческому тексту³⁹. Восстановить такое чтение можно, лишь имея греческий текст, а его, как это явствует

³⁴ Мерило Праведное. С. 389; ГИМ. ОР. Синод. собр. № 525. Л. 220 об.

³⁵ Мерило Праведное. С. 390; ГИМ. ОР. Синод. собр. № 525. Л. 220 об.

³⁶ Мерило Праведное. С. 398; ГИМ. ОР. Синод. собр. № 525. Л. 220 об.—221.

³⁷ Тихомиров М. Н. Правосудие Митрополичье // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 44.

³⁸ Памятники русского права. М., 1952. Т. 1. С. 218—219.

³⁹ Печатная Кормчая. Л. 518 об., 519 об., 520.

из приведенных выше наблюдений у составителей Печатной Кормчей не было. Таким образом, мы получаем серьезное подтверждение того, что составители Печатной Кормчей имели текст перевода, восходящий к более раннему протографу, чем протограф извода рукописей сборников «Мерила Праведного».

Что касается термина *бещестное* в рукописях «Мерила Праведного», то мы вправе сделать следующий вывод. Видимо, текст одного из протографов рукописей сборников извода «Мерила Праведного» был в плохой сохранности и трудно читался. Затитлованное *бестъщетно* напомнило юридически не вполне грамотному переписчику популярную в его время юридическую норму штрафа за *бесчестье*. Вполне вероятно, что по времени это был период конца XII — начала XIII вв.

Еще одно свидетельство наличия в Печатной Кормчей чтений более верных, чем чтения извода «Мерил Праведных» дает сопоставление текста Эклоги с Синодальной рукописью «Мерила Праведного». В Печатной Кормчей в третьей главе XVI титула (зачала) дается более правильное чтение: «И цареви о нем възвѣстити» — вместо неверного чтения Синодальной рукописи (№ 525): «о нем ко церкви възвѣстити»⁴⁰.

Правда, есть отличие текста Эклоги в Печатной Кормчей от текстов Эклоги извода «Мерил Праведных», которое ставит, на первый взгляд, в тупик версию об использовании редакторами Печатной Кормчей текста более древнего, чем текст Троицкого списка «Мерила Праведного». Речь идет об отсутствии в Печатной Кормчей XII титула Эклоги, трактующего проблемы эфитевзиса, т.е. особой формы владения и пользования недвижимой собственностью, напоминающей вечную и наследственную аренду. Еще В. Г. Васильевский высказал предположение о том, что отсутствие этого текста в Печатной Кормчей есть результат намеренной редакторской работы, так как, по мнению автора, принципы эфитевзиса не получили распространения в русском законодательстве XVII в.⁴¹ В пользу этого предположения свидетельствует следующее обстоятельство. В Троицком списке «Мерила Праведного» сохранился текст первых двух глав XII титула Эклоги, а текст остальных четырех глав, вполне уместающихся в формате одного листа Троицкой рукописи «Мерила Праведного», сохранился в Синодальном списке

⁴⁰ ГИМ. ОР. Синод. собр. № 525. Л. 214.

⁴¹ Васильевский В. Г. Указ. соч. С. 185.

«Мерила Праведного» (№ 525), восходящего к протографу Троицкого списка XIV в. Таким образом, отсутствие текста большей части XII титула Эклоги в Троицкой рукописи «Мерила Праведного» — результат чисто механического дефекта (выпал лист рукописи) и вполне вероятно, что редакторы Печатной Кормчей имели под рукой вариант текста Эклоги, включавший XII титул, но намеренно не включили его текст в сводную Кормчую⁴². В противном случае пришлось бы предположить, что Печатная Кормчая восходит к тексту, уже не имевшему XII титула Эклоги целиком, что довольно нелепо и противоречит выше приведенным наблюдениям. Ведь тексты Синодального и Троицкого списков Эклоги, имеющие более поздние дефекты текстов по сравнению с текстом Печатной Кормчей, содержат в своем составе XII титул. Следовательно, логично единственное предположение: редакторы Печатной Кормчей намеренно не включили текст XII титула, имея его в рукописи исходного текста.

Обзор разночтений текстов славянского перевода Эклоги, сохранившихся в рукописных сборниках и Печатной Кормчей, завершим еще одним свидетельством того, что текст перевода, легший в основу Печатной Кормчей, восходит к протографу более древнему, чем протограф юридических сборников «Мерила Праведного».

В Троицкой рукописи «Мерила Праведного» XIV в. и в рукописи конца XV в. при переводе текста четвертого параграфа XVI титула греческого текста Эклоги сделан пропуск. Вместо большого фрагмента («...если же число детей пять или более, то половину своего пекулия. Если же они не имеют детей, но у них есть родители, то пусть оставляют им указанную третью часть. Что касается остальной части их пекулия, то они могут завещать ее по своему усмотрению»)⁴³ в обеих рукописях стоит лишь последний пассаж («ли прочюю мѣру того же урока яко же годѣ имѣ да обѣщаютъ»)⁴⁴. В то же время текст Печатной Кормчей не имеет этого пропуска («аще ли пятеро и вѣще поль

⁴² Версию В. Г. Васильевского о намеренном не включении в Печатную Кормчую текста XII титула Эклоги попытался развить известный болгарский историк права Мих. Андреев. Считая, что в Печатной Кормчей и в рукописи «Мерила Праведного» сохранился древнейший болгарский перевод текста Эклоги, исследователь высказал предположение о том, что пропуск текста XII титула Эклоги об эфитевизисе не случаен, ибо свидетельствует об отсутствии этого института «в среде славянских племен» (Андреев Мих. Указ. соч. С. 7; см. также С. 5–6 и др.).

⁴³ Эклога. С. 67.

⁴⁴ Мерило Праведное. Л. 362. ГИМ. ОР. Синод. собр. № 525. Л. 205.

части своя. Аще ли дѣтеи не имуть, суть же имъ родители реченную третью часть да оставляють. И прочую же мѣру того же урока яко же годѣ имъ да обѣщаютъ»)⁴⁵.

Таким образом, славянский перевод Эклоги, помещенный в «Мерило Праведном», имеет, по крайней мере, два протографа.

Нельзя не учитывать, что протограф, к которому в конечном счете восходят рукописи сборников «Мерило Праведное» и Печатная Кормчая, не лишен ряда серьезных дефектов. На одном из них мы уже останавливались. Это пропуск начала XVIII титула Эклоги и объединение текста этого титула с титулом «О разделении корысти». Однако в сохранившихся рукописях Печатной Кормчей есть еще целый ряд неверных чтений, позволяющих думать о существовавших еще, по крайней мере, двух протографах. Речь идет о популярных в XVII титуле Эклоги «О наказаниях за преступления» мерах наказания — обрезании носа и изгнании. В древнерусском переводе эти санкции преобразились неузнаваемо. Выражение «обрезание носа» во многих статьях переписано небрежно, как просто «обрезание», что вторично повлекло за собой вариант *окорнати* в значении изувечить, оскотить. Перед нами два этапа порчи текста. То же самое с санкцией изгнания. Можно предположить, что в первоначальном древнерусском тексте эта санкция была переведена термином *поточити* в значении изгнать. Но далее на каком-то этапе *поточити* под рукою редактора превратилось в *заточити*, т. е. посадить в темницу. Эта санкция присутствует и в Печатной Кормчей и в рукописях «Мерила Праведного». Таким образом, намечаются следы, по крайней мере, двух протографов, общих всем сохранившимся спискам перевода Эклоги. Отсюда мы можем предположить весьма вероятную древнюю рукописную традицию славянского перевода византийского свода законов VIII столетия. Так, последовательность не уцелевших и уцелевших списков славянского перевода Эклоги можно представить таким образом. Исходный протограф, второй протограф, третий протограф, давший материал для Печатной Кормчей, четвертый протограф, от которого пошли две ветви: первая дала Троицкий список («Мерило Праведное») XIV в., а вторая — через промежуточный общий протограф дала сохранившиеся списки славянского перевода Эклоги (Синодальный II, Кирилло-Белозерский и Синодальный III).

⁴⁵ Печатная Кормчая. Л. 507 об.

Рассмотрим теперь вопрос о характере перевода. Как уже упоминалось, для текста славянского перевода Эклоги в сборниках «Мерила Праведного» характерно обилие древнерусской терминологии. В то же время перевод Печатной Кормчей подвергся основательной правке и подновлению языка, что в итоге лишило его почти всяких следов древнего происхождения. Так, почти всюду термин *задъница* заменен *наследием*. Выражение *въстокнуть на соху*, что означало в переводе с греческого *казнь на вилах*, заменено другим: *повесят на дереве*. Термин *жюпан* заменен на *полководец*, *рабична* на *рабыню*, *господе* на *господину*, *присъдѣннѣя* на *присъдания*, *сблюдуть* на *исполнити* и т. д. Самое же главное — в Печатной Кормчей исправлено управление падежей, подновлены глагольные формы, внесено много поясняющих слов, частиц и т. д. Таким образом, несмотря на то, что перевод Печатной Кормчей восходит к более раннему протографу, а не к рукописи «Мерила Праведного» XIV в. изучать характер перевода следует по рукописи XIV в. Определение времени и места перевода, анализ отличительных признаков древнерусских переводов от южнославянских — дело чрезвычайно трудное. Трудность эта обусловлена прежде всего тем, что в основе древнерусских переводных памятников лежит литературный церковно-славянский язык. По мнению А. И. Соболевского, в таких памятниках остается неприкосновенным и словарный материал, «за немногими исключениями»⁴⁶. Анализ же русизмов, хотя в целом плодотворен, но не всегда может быть, по мнению ученого, безоговорочным свидетельством русского происхождения ввиду существования в литературе Древней Руси целой категории обрусевших южнославянских переводов, т.е. сверенных и исправленных книжниками домонгольской эпохи⁴⁷.

В славянском переводе Эклоги наряду с изобилием древнерусских терминов в основе лежит, тем не менее, строй языка, характерный для церковнославянских памятников. Следовательно, априори не исключено, что перед нами обрусевший южнославянский перевод. Вместе с тем этот перевод должен бы быть более ранним, чем, скажем, тексты Иловицкой, Рапской или Рязанской Кормчих, так как последние в XIII—XIV вв. не поддались обрусению⁴⁸. Решить вопрос о природе

⁴⁶ Соболевский А. И. Особенности русского перевода домонгольского периода // Труды IX Археологического съезда в Вильне. 1893 М., 1897. С. 53—54.

⁴⁷ Там же. С. 59.

⁴⁸ Впрочем, А. И. Соболевский считал Рязанскую Кормчую наполненной русизмами

перевода Эклоги, на наш взгляд, можно не только путем анализа совокупности специфических древнерусских терминов, но и выяснением наличия или отсутствия внутренней связи этой терминологии с логикой текста памятника.

В переводе «Мерила Праведного» можно найти примеры органичной связи древнерусской юридической терминологии с логикой текста памятника. Наиболее важным и существенным примером такого рода является, на наш взгляд, широкое употребление термина *задница*. Этот термин широко известен по важнейшему юридическому памятнику Древней Руси — «Русской Правде» Пространной редакции. Исследователи обычно переводят его как «наследство», что, впрочем, не совсем точно. Напомним текст ряда статей «Русской Правды», где фигурирует этот термин:

Ст. 90. ...Аже смерд умереть, то задница князю; аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будуть за мужемь, то не даяти части им.

Ст. 91. ...Аже в боярех любо в дружине, то за князя задница не идеть; но оже не будеть сынов, а дчери возмуть.

Ст. 92. ...Аже кто умирая разделить дом свои детем, на том же стояти; паки ли без ряду умереть, то всем детем, а на самого часть дати души.

Ст. 93. ...Аже жена сядеть по мужи, то на ню часть дати, а что на ню мужь възложить, тому же есть госпожа, а задница ей мужня не надобе⁴⁹.

Из контекста этих статей следует, что древнерусский юрист-кодификатор употреблял термин *задница* не просто как наследство, а лишь в точном определении имущества умершего без завещания и наследования этого имущества по силе закона. Особенно четко этот смысл термина виден из текста статьи 93, где предусмотрено наследство по завещанию («что на ню мужь възложить»), и *задница* в качестве имущества, оставшегося после умершего незавещанным («задница ей мужня не надобе»).

«Русская Правда» следует этому смыслу термина *задница* и в остальных статьях. Так, в статье 95 речь идет о случае, когда в доме умершего была сестра. По закону она прав на имущество умершего (*задница*) не имеет⁵⁰. В статье 98 рассмотрен вопрос о правах на иму-

⁴⁹ Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 114

⁵⁰ Там же.

щество умершего (*задница*) детей от рабыни⁵¹. В статье 99 речь идет о судьбе осиротевших детей, когда мать их вторично выходит замуж, с оговоркой факта принятия отчимом детей с *задницею*, т. е. с поделенным детьми имуществом умершего. Вопрос о том, было ли оно наследовано по завещанию, здесь не рассматривается⁵². В статье 104 вновь речь идет о наследовании имущества не по завещанию, а по закону: «Аже будут двою мужу дети, а единое матери, то онем своего отца *задница*, а онем своего»⁵³. Наконец, в статье 108 рассмотрен вопрос о споре братьев «перед князем о *задницею*», т. е. снова речь идет о дележе по закону имущества умершего⁵⁴. Термин *наследство* в Русской Правде, как известно, не встречается. И это вполне понятно, так как в кодекс были включены прежде всего спорные вопросы наследования по закону.

Внимательный разбор соответствующих статей Эклоги демонстрирует нам практически такое же понимание термина *задница*, что и в «Русской Правде». Рассмотрим соответствующие тексты.

В пятом титуле Эклоги статья 7 гласит:

«Всякий наследник по письменному или устному завещанию, отгивающий и не выполняющий волю завещателя в течение года, если он является сыном или внуком умершаго, получает только причитающуюся ему законную долю наследства. Законная же доля составляет при наличии детей до 4-х человек третью часть наследства; при наличии 5 и более детей — половину наследства. А если это какой-либо другой родич, то (в таком случае) и вовсе лишается всего имущества наследодателя и имущество перейдет к другим допущенным (к наследованию) сонаследникам или легатариям или другим родственникам. Если же наследник является чужим человеком и не выполняет такого завещания, то он будет лишен всего наследства»⁵⁵.

В древнем переводе «законная доля наследства» фигурирует как безымянно («законная часть»), так и носит конкретное наименование *задница* («аще ли законная часть есть яко до ч(е)твера дѣтии — третью часть *задница*, от 5-го же и выше — поль») ⁵⁶. Кажалось бы,

⁵¹ Правда Русская М.; Л., 1940. Т. 1. С. 114.

⁵² Там же. С. 115.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 116.

⁵⁵ Эклога. С. 53.

⁵⁶ Мерило Праведное. С. 358.

термин *задница* выступает здесь синонимом наследства, однако это не так. Казус названной статьи посвящен случаю, когда наследник теряет свое право полноправного наследника по завещанию. В статье, стало быть, разбирается вопрос о наследовании по закону, и наследство уже приобрело качество *имущества умершего*, т. е. стало *задницей*. Точно в таком же юридическом смысле этот термин употреблен в пятой статье XVI титула Эклоги (зачало 6, глава 2 в переводе «Мерила Праведного»). Эта статья Эклоги разбирает проблемы конечной принадлежности лагерного пекулия, т. е. личного имущества одного из младших или подвластных членов семьи, приобретенного на войне. «После смерти родителей эти пекулии присоединяются к прочему их [родителей] состоянию и подвергаются разделу, так как приобретенное сыном с помощью денег и имущества отца признается отцовским достоянием и присоединяется к его имуществу»⁵⁷ («...и по смерти родитель с прочею ихъ задницею смѣсять и разделять, яко же и от имения или от вещи о(те)чь притяжания с(ы)н(о)ви отчею задницею заповѣдаютьс(я)»⁵⁸). Таким образом, здесь рассмотрение вопроса ограничивается наследованием по закону имущества умершего родителя.

Еще один случай употребления древнерусского термина *задница* фигурирует в первой статье VII титула Эклоги, где рассматривается вопрос об имуществе сирот в случае взятой над ними опеки: «Если у кого-либо остались сироты и малолетние дети и у них имеется имущество (“и будет темъ задница”⁵⁹) и, если их умершие родители назначили им в письменной или устной форме опекуна, да будет сохранена их воля»⁶⁰. В тексте, как мы видим, собственно проблема наследования не рассматривается, а освещена лишь одна сторона ситуации: сироты, имущество умерших, опекун. Таким образом, в центре снова проблема законного распоряжения имуществом умершего. Если опеку осуществляют церковные учреждения, на их обязанности сохранение имущества умершего («тѣмъ бл(а)гоч(е)стивымъ домоу монастыремъ и ц(е)рквамъ таковыя задница хранить»⁶¹). Наконец, еще одна статья Эклоги (статья 6 V титула), где употреблен термин *задница*. В ней

⁵⁷ Эклога. С 67

⁵⁸ Мерило Праведное. С. 362.

⁵⁹ Мерило I Праведное. С. 366.

⁶⁰ Эклога. С. 56.

⁶¹ Мерило Праведное. С. 367.

речь идет о неблагодарном сыне, плохо заботящемся о престарелых родителях, в ситуации, когда появляется посторонний человек, принявший эти заботы на себя. Статья гласит, что, «если они за его добрые деяния хотят оставить его наследником своего имущества, их воля останется нерушимой»⁶² («...и яко от того благоприимша наслѣдника, оставити его своя задници въсхоцета, сдраву быти ею свѣщанию») ⁶³. Кажется бы, что здесь термин *задница* употреблен в значении *наследство по завещанию*, но это не так. Сама статья посвящена лишению права наследования неблагодарного родного сына, и по отношению к нему и употреблен термин *задница* (сын, не получающий наследство без завещания, по закону). Следовательно, и здесь переводчик демонстрирует весьма тонкое понимание специфики древнерусской юридической терминологии.

В переводе «Мерила I Праведного» есть еще один цикл статей, где употреблен древнерусский термин *задница*. Это статьи о легатах и легатариях. В византийском наследственном правопорядке существовал особый род дарений завещателя, называемый легат. Лица, которым предназначен легат (легатарии), не считались наследниками в точном смысле слова, ибо на них не лежала обязанность отвечать за долги завещателя, а в случае непоплаченных долгов они получали легат лишь по их уплате, либо вовсе не получали его. Легат мог быть реализован только через основного наследника.

Будучи в довольно затруднительном положении, переводчик Эклоги решил перевести *легат* как *задница*, отделяя тем самым этот вид дарений от собственно наследства⁶⁴.

Вполне возможно, что переводчик хотел подчеркнуть, что легат — лишь часть имущества умершего. *Легатарий* тем самым переводится как *задничник*. Так, статья 11 VI титула гласит: «Если какой-либо наследник или легатарий, как выяснилось, скрыл оставленное ему завещание и в дальнейшем оно найдено (у кого-то из них), то наследство у наследника отнимается, а легат отнимается у легатария»⁶⁵ («Аще причастникъ какъ любь или задничникъ явитьс(я), скривъ оставленнй ему

⁶² Эклога. С. 53.

⁶³ Мерило I Праведное. С. 358.

⁶⁴ Термин *задница* в значении *legatum* отмечен И. И. Срезневским в Ефремовской Кормчей XI в. В Рязанской Кормчей этому соответствует термин *поклади*.

⁶⁵ Эклога. С. 55.

завѣтъ, и послѣди си у него обрящетьс(я) и да отпадеть наслѣдникъ от причастья и задничникъ от задниця»)⁶⁶. В статье 7 VI титула (по переводу «Мерила Праведного» третья глава 7-го зачала) точно так же *легат* обозначен как *задниця*, а *легатарий* — *задничник*⁶⁷.

Подобное применение термина *задниця* в значении *легат* далеко не бесспорно. Однако это убедительно подчеркивает, что замысел перевода византийских терминов наследования несомненно мог принадлежать только переводчику, а никак не правщику, который вводил бы лишь бесспорное общепринятое употребление терминов.

В тексте перевода «Мерила Праведного» можно найти и не вполне удачное употребление термина *задниця*. Примером здесь может служить статья 12 VI титула Эклоги (зачало 7, глава 4 перевода «Мерила Праведного»), которая в переводе Е. Э. Липшиц звучит так: «Если кто-либо, умирая, оставил свое имущество своему наследнику без письменного завещания и без свидетелей и доверил ему управление имуществом, и появился человек, претендующий на то, что умерший оставил ему легат, но не имеющий возможности доказать истинность своих слов с помощью свидетелей или как-либо иначе, то суждение предоставляется наследнику»⁶⁸.

Переводчик «Мерила Праведного» изложил эту статью следующим образом: «Ли кто умирая своему наслѣднику без написания, ли безъ послухъ свою оставить задницю и свое оному строение, аще възникнеть кто тяжю повѣдая, задницѣ ему оставленѣ быти от(ъ) умершаго, поставитъ же послухъ ради или инако како истину гл(аголе)мышъ от(ъ) него не можеть имѣти, да вдасться словомъ наслѣдника»⁶⁹. Как следует из сопоставления двух переводов, переводчик, последовательно обозначая *легат* как *задниця*, этим же термином перевел и *наследство по завещанию*.

Это, пожалуй, отклонение от принятой им концепции. Вместе с тем, если пристальнее вникнуть в текст, то обращает на себя внимание следующее. Во-первых, оборот оригинала (по переводу Е. Э. Липшиц) «оставил свое имущество наследнику» не имеет в древнем переводе прямого употребления термина *наследство*, а обозначен как *имушес-*

⁶⁶ Мерило Праведное. С. 365.

⁶⁷ Эклога. С. 54; Мерило Праведное. С. 360.

⁶⁸ Эклога. С. 55.

⁶⁹ Мерило Праведное. С. 365.

тво умершего. Это обстоятельство могло послужить основанием для переводчика прибегнуть к термину *задница*. Во-вторых, ведь вся статья посвящена казусу с легатарием. Следовательно, все объекты в ней рассмотрены с позиции легатария, поэтому и имущество завещателя для него не наследство, а всего лишь *задница*, т. е. имущество умершего, судьба которого в конечном счете определяется законом. Таким образом, в логике переводчику снова трудно отказать и употребление термина *задница* в значении *наследство* может быть оправдано.

Второй случай неточного словоупотребления этого термина связан со статьей 8 V титула Эклоги, где речь идет о производстве завещания раненым в битве на войне или в дороге⁷⁰. Статья, оговаривая условия завещательного процесса, упоминает о случае, когда поблизости нет нотариуса (номика), который мог бы оформить документ завещания. Переводчик «Мерила Праведного», не оставлявший обычно сложные должностные византийские определения без перевода⁷¹, что само по себе отличает этот перевод от южнославянских, попытался и здесь дать свое толкование термину *номик* (специалист по составлению документов)⁷² и перевел его как *задничник* («Аще кто, на рати уязвень ли на пути ходя, къ см(е)рти приближается и яже о собѣ уставъ хоцеть створити надъ обѣма же [с]има задничникъ или [инь] кто не обряцеть(я) свѣдыи книгъ...»)»⁷³. Перевод спорный и не вполне удачный, так как совпадает с *задничником* в значении *легатарий*. Однако подобный перевод также имеет свою логику: ведь *номик* в данной статье фигурирует лишь в связи с проблемой дальнейшей судьбы имущества умирающего.

Мы уделили внимание тонкостям перевода и употребления термина *задница* потому, что на этих примерах наиболее четко видна аргументация в пользу установления факта древнерусского, а не южнославянского перевода текста Эклоги, сохранившегося в Троицком списке «Мерила Праведного». Достоинства и промахи в употреблении термина *задница* убедительно показывают, что они могли быть заложены в текст только в процессе перевода, а не правки южнославянского текста древнерусским книжником, что было делом явно нереальным.

⁷⁰ Эклога. С. 53.

⁷¹ Для всего текста Эклоги можно найти чуть ли не единственное исключение, когда термин *табулярий* (специалист в области юридической документации) оставлен без перевода.

⁷² Эклога. С. 119.

⁷³ Мерило Праведное. С. 378.

Яркий пример типичной правки перевода Эклоги представляет работа правщиков текста этого памятника для Печатной Кормчей. Термин *задница* здесь, как явно устаревший, механически заменен всюду термином *наследие* или еще более непонятным *наследие последнее*. *Задничник* же убран совсем или заменен на *наследник*. В третьей главе седьмого зачала чисто механическая правка породила явный курьез. Термин *задничник* заменен здесь на *наследничник* («на ино оставленное последнее наследие уведати, но оставити по наследничнику, аще наследник свестъ яко оставленого ему имения имати») ⁷⁴. В итоге получилась полная бессмыслица. Разумеется, можно допустить, что правщик XVII в. и не мог, не имея греческого текста, разгадать истинный смысл устаревших к этому времени юридических терминов. При наличии греческого текста подобных курьезов можно было бы избежать, но механический стиль характерен для всякой средневековой правки и избежать его практически невозможно.

На наш взгляд, решающим аргументом в пользу древнерусского по своему происхождению перевода текста Эклоги в сборнике «Мерило Праведное» является сравнение вышеразобранной терминологии с сербским переводом Градских законов второй половины XIII в. (Прохирона). Как известно, история происхождения и проблематика статей Градских законов тесно связана с Эклогой. Статьи Прохирона в большинстве случаев развивают или дополняют казуальную структуру Эклоги. Поэтому сугубо важно сравнить терминологию перевода Эклоги в «Мериле Праведном» с терминологией южнославянского (сербского) перевода Прохирона, помещенного, в частности, во второй части того же юридического сборника ⁷⁵. Термин *легат*, в частности всюду переведен как *дар* («дары по смерти»). Вообще говоря, последовательная терминология на этот счет отсутствует. Термин *легатарий* переводится как *внешние пишемые наследница, поднаследник, составной наследник, неставной наследник* и т.д. Нет оттенков различия наследия по завещанию и наследия по закону ⁷⁶. Между тем в историографии принято считать перевод Иловицкой Кормчей 1262 г., куда вошли главы Градских законов, восходящим к выдающемуся и образован-

⁷⁴ Печатная Кормчая. Л. 508 об.; Мерило Праведное. С. 364.

⁷⁵ Мерило Праведное. С. 463–464.

⁷⁶ Мерило Праведное. С. 487, 519, 533, 561, 578–579, 605 и др.

нейшему деятелю сербской церкви архиепископу Савве. Таким образом, высказанные выше соображения и наблюдения заставляют нас квалифицировать перевод Эклоги, сохранившийся в юридических сборниках «Мерила Праведного», древнерусским по своему происхождению.

В дореволюционной историографии версия о наличии в Печатной Кормчей южнославянского перевода была настолько популярной, что аргументировать ее как-то не было принято. Однако фактов, подтверждавших эту версию практически не было. В. Г. Васильевский, имея в виду Печатную Кормчую, резонно замечал, что в славянском переводе Эклоги «гораздо менее признаков древности или даже нерусского происхождения, чем в “Законе Судном людем”», «все, что указывает на естественно предполагаемый сербский подлинник перевода, едва ли не заключается в одном выражении “хуса”»⁷⁷. Речь идет о статье 10 XVII титула Эклоги (17-е зачало, глава 36 древнерусского перевода), начинающейся словами: «Ворующий в лагере или в походе», которые в древнем переводе даны как «крадьи на хусѣ рекше [на рате]»⁷⁸. Комментаторы обычно понимали *рекше* как пояснительную частицу (*то есть*) отчего весь отрывок принимал оттенок перевода слова *хуса* (т. е. *рать* — война). *Рекше* в данном случае точнее переводить как *или*. Таким образом, оба термина (*хуса* и *рать*) выступают полноправными: *хуса* в значении *набег, засада*, а *рать* в значении *война, поход*. Термин *хуса* из наиболее древних текстов встречается лишь в славянском переводе XII в. «Хроники Георгия Амартола».

Как известно, В. М. Истрин полагал перевод «Хроники Георгия Амартола» древнерусским⁷⁹. Н. Н. Дурново считал русский перевод вполне вероятным, хотя при этом основного переводчика квалифицировал нерусским по национальности⁸⁰. В то же время Н. Н. Дурново, вопреки А. И. Соболевскому и Вейнгарду, считал маловероятной возможность болгарского перевода⁸¹.

⁷⁷ Васильевский В. Г. Указ. соч. С. 190.

⁷⁸ Эклога. С. 69; Мерило Праведное. С. 390.

⁷⁹ Точнее, славяно-русским, под коим понимается русский извод церковнославянской литературы. См. Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. «Хроника» Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Пг., 1920 Т. 1.; Пг., 1922. Т. 2.; Л., 1930. Т. 3.

⁸⁰ Дурново Н. Н. К вопросу о национальности славянского переводчика «Хроники» Георгия Амартола // *Slavia*. IV. 3; *Он же*. Введение в историю русского языка. М., 1962. С. 108.

⁸¹ Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. С. 108.

С тех пор усилились аргументы, скорее всего, в пользу древнерусского перевода. В работах последних лет все более четко формулируется мысль об общеславянской принадлежности древнеславянского литературного языка. Все чаще высказывается мнение о том, что в литературе XIX — начале XX в. тезис об определенной территориальной обособленности литературного языка и диалектном влиянии на него был явно преувеличен. Таким образом, для определения древнерусского происхождения того или иного памятника решающим обстоятельством является наличие даже незначительного количества слов, которые с полным основанием могут считаться древнерусскими. «Главным и основным критерием для возможного определения, является ли перевод южнославянским или собственно древнерусским по своему происхождению, продолжает оставаться характерная лексика», — пишет Н. А. Мещерский⁸². Следовательно, тезис В. М. Истрина о древнерусском переводе «Хроники Георгия Амартола» не теряет свою силу и в настоящее время. Неслучайно в работе М. М. Копыленко о гипотаксических конструкциях в «Хронике» Амартола подчеркивается, что «русское происхождение перевода этой “Хроники” неопровержимо доказано академиком В. М. Истриным»⁸³. А если это так, то наличие в текстах древнерусских переводов «Хроники» и Эклоги термина *хуса* может быть лишь доводом в пользу трактовки его как общеславянского элемента⁸⁴.

В статье «О крадушихъ на хусѣ» есть еще один момент, позволяющий склонить чашу весов в пользу древнерусского, а не южнославянского перевода. Приведем текст статьи целиком. «Крадын на хусѣ рекше [на рате], аще оружье — да биенъ будеть [аще] ли конь — да усѣкнутъ ему рудѣ»⁸⁵. Для сравнения приведем текст аналогичной статьи из Градского закона в сербском переводе Саввы: «Иже въ станѣхъ и в полкѣхъ на воинѣ крадушая, аще оружие украдетъ — сурово

⁸² Мещерский Н. А. О славяно-русской переводной литературе XI–XV вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XX. С. 198.

⁸³ Копыленко М. М. Гипотаксические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола // Византийский временник. М., 1957. Т. XII. С. 234.

⁸⁴ *Хусити* в значении *разбойничать* отмечено в Феодоритовой псалтыри X–XI вв. и в Златоструе XII в., а *хусарь* в смысле *морской разбойник* встречается в «Хождении игумена Даниила». *Хуса* в значении *грабеж* появляется в сербскохорватских источниках XIV–XV вв., а также в древнепольских источниках XIV в. (см. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О Н. Трубачева. М., 1972. Т. IV. С. 285).

⁸⁵ Мерило Праведное. С. 390.

повелѣваемъ бити я. Аще кто отъ яремникъ, рекше конь или мѣцаи или ося, — такоуѣмъ рудѣ будуть усѣчени»⁸⁶. Греческий текст Эклоги (в переводе Е. Э. Липшиц) вместо термина *конь* содержит более обобщенное понятие *бессловесное животное*⁸⁷, но переводчик трактует его однозначно как *конь*, ибо в практической жизни других животных, использовавшихся для верховой езды и перевозки вьюков, не было. Иначе переводит аналогичный текст Градского закона южнославянский переводчик, вынужденный уточнять виды оседланных или гужевых животных (*яремникъ*), так как здесь в практической жизни употреблялись и лошади, и мулы, и ослы⁸⁸.

В тексте древнего перевода кое-где встречается весьма архаичный глагол *тепеть* (*тепу, тепти*), широко употребленный в Законе Судном людем. Однако глагол этот также имеет общеславянскую основу.

На этом, в сущности, потенциальные аргументы (по части лексики) в пользу южнославянской версии перевода Эклоги исчерпаны.

Помимо вышеприведенной аргументации в числе доказательств древнерусского перевода Эклоги можно привести целый ряд иных. Так, текст перевода «Мерила Праведного» в принципе не знает общеславянского термина *свидетель*. Во всех статьях перевода Эклоги фигурирует исключительно древнерусское *послух*. Лексика перевода содержит весьма архаичные, древнерусские по своей принадлежности, обороты. Так, в первой главе 11 зачала встречается оборот: «по уряжению и но уставу межи има да восприимет»⁸⁹. Термин *уряжение* из ранних текстов встречается в церковном уставе князя Владимира. Переводчик Эклоги употребляет и ряд родственных по корню словообразований. Это во второй главе первого зачала *урядить*⁹⁰, известное по ряду русских памятников⁹¹ выражение «пояти ю явѣ яко по уряду» (в 3-й главе 11 зачала)⁹², встречающееся в тексте «Повести временных лет» под 912 г.⁹³

Довольно широко переводчик Эклоги применяет исконно древнерусский термин *урокуѣ* в значении *порция, норма, оклад, жалование*,

⁸⁶ Мерило Праведное. С. 634.

⁸⁷ Эклога. С. 69.

⁸⁸ Бенеманский М. О Прохѣііос Ноμος. Сергиев Посад, 1916. С. 495.

⁸⁹ Мерило Праведное С. 370.

⁹⁰ Там же. С. 341

⁹¹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. Стб. 1262.

⁹² Мерило Праведное. С. 373.

⁹³ ПСРЛ. Т. I. С. 37–38.

личное имущество, что еще раз подчеркивает первичность применения древнерусской терминологии в переводе, а не следы позднейшей редакторской правки⁹⁴.

Не менее интересно применение другого весьма архаичного термина *господа* в значении *власть, господство*. Приведем перевод соответствующей статьи Эклоги из «Мерила Праведного»: «Тативаго раба г(о)с(поди)нь, аще хоцеть имѣти тативаго раба бещестное (т.е. безъщетно. — Л. М.) да створить украденому. Не хотя же имѣти раба того, да отдасть къ свершенѣи г(о)с(под)ѣ пострадавшему окраденіе»⁹⁵. Термин *господа* в тексте «Мерила Праведного», как мы видим, затитлован. Составители Печатной Кормчей это место прочли: «совершенно господину», что менее удачно передает смысл санкции⁹⁶. Греческий текст (в переводе Е. Э. Липшиц) дает эту санкцию последнего казуса таким образом: «Если же не захочет получить своего раба, то пусть отдаст его в полную собственность тому, кто подвергся краже»⁹⁷. Аналогичная статья в сербском переводе из Градского закона выглядит следующим образом: «Татива раб г(о)с(поди)нь или без пагубы да сътворить окраденіе подѣ импаго или. Аще се не хоцеть створити раба да вдасть свершение обладания окраденіе понесѣшему»⁹⁸. Как видим, перевод последней санкции ближе к буквальному смыслу греческого текста⁹⁹. В древнерусском же переводе смысл сохранен при применении своеобразной местной терминологии.

Схожая терминология применена переводчиком во 2-й главе 4 зачала, посвященной разбору одного из казусов с распоряжением легатом. Греческий фрагмент (в переводе Е. Э. Липшиц): «И если... в момент дара ему передается только право собственности на подаренные вещи, то и подобное дарение производится в письменной форме»¹⁰⁰ — переведен в Эклоге по Троицкому списку «Мерила Праведного» весьма лаконично (а лаконизм, в частности, одна из характернейших черт древнерусского юридического нормативного текста): «И оттоле токмо уже господару-

⁹⁴ Мерило Праведное. С. 359–360 и др.

⁹⁵ Там же. С. 390–391.

⁹⁶ Печатная Кормчая. Л. 519 об.

⁹⁷ Эклога. С. 69.

⁹⁸ Мерило Праведное. С. 656.

⁹⁹ Мы позволяем себе сравнивать сербский перевод Градского закона с переводом Эклоги лишь потому, что взятые нами для сравнения статьи перешли из Эклоги в Прохирон без каких-либо изменений.

¹⁰⁰ Эклога. С. 51.

еть ей таковыи даръ написанныи предъ 5-ю или 3-ми послухи...»¹⁰¹, где передача прав собственности означена глаголом *господаровати*.

Знаком переводу Эклоги по Троицкому списку «Мерила Праведного» и термин *муж* в значении *свободный человек*, известный прежде всего по Русской Правде. В первой статье IV титула греческого текста Эклоги рассмотрены обстоятельства оформляемого устно простого дарения каких-либо вещей, на что требуется присутствие пяти или трех свидетелей. «Пяти свидетелей, если дело происходит в населенной местности, где легко можно найти людей, и трех — там, где местность является пустынной и где нельзя найти свидетелей в количестве 5 человек»¹⁰². Этот фрагмент в Троицком «Мериле Праведном» звучит так: «пять послухомъ в мѣсто, свѣщаемыя и обрѣтаемымъ ч(е)л(о)в(ѣ)комъ, тремъ же мужемъ — в мѣста запустѣная и не обрѣтаемѣи мѣре 5»¹⁰³.

Конец фразы передан явно неудачно, но главное, что нас интересует, заключается в том, что переводчик обозначил, как нечто разумеющееся, трех свидетелей *мужами* в полном соответствии с нормами Русской Правды, где, как правило, свидетелем мог быть *свободный человек (муж)*. В статье 6 XVIII зачала перевода «Мерила Праведного» речь идет об ответственности за убийство раба в результате побоев палками или плетью. Греческий текст подчеркивает при этом, что «не осуждается господин его как убийца»¹⁰⁴. Древнерусский же переводчик сумел очень тонко передать специфику древнерусского права и перевел: «не осуженъ будетъ г(о)с(поди)нъ его яко муже убища»¹⁰⁵, выступая, таким образом, в полном соответствии с Русской Правдой, где за убийство смердьего холопа платится вира 5 гривен, а за убийство огнищанина 80 гривен¹⁰⁶.

Есть в переводе Эклоги, сохранившемся в юридическом сборнике XIV в. «Мерило Праведное», и другие случаи употребления древнерусских слов и терминов. Можно привести в пример перевод, в

¹⁰¹ Мерило Праведное С. 354. В Печатной Кормчей текст явно испорчен: вместо *господаруетъ* поставлено *господствуетъ* (Печатная Кормчая. Л. 503 об.). В Синодальном списке «Мерила Праведного» — *оспо(да)руетъ*... (ГИМ. ОР. Синод. собр. № 525. Л. 201).

¹⁰² Эклога С. 51.

¹⁰³ Мерило Праведное. С. 354.

¹⁰⁴ Эклога С. 73.

¹⁰⁵ Мерило Праведное. С. 382.

¹⁰⁶ Сербский перевод аналогичной статьи Прохирона дает этот фрагмент буквально следуя греческому тексту: «не осудитъся господинъ его яко убийца» (С. 662–663).

частности, 29-й статьи XVII титула Эклоги, разбирающий конфликт, связанный с соблазнением девушки. Статья, разбирая один из вариантов последствий, в случае невозможности заключения брака между сторонами предписывает соблазнителю уплатить соблазненной литру золота, если он состоятелен. Если же соблазнитель среднего достатка — величина платы равняется «половине своего состояния», но если соблазнитель «совсем беден и неимуц», то «да будет он высечен, острижен и выслан»¹⁰⁷.

Переводчик «Мерила Праведного» сокращает текст, выпуская случай с соблазнителем среднего достатка, а санкцию по отношению к бедному переводит тоже с изменениями: «Аще есть имовить растлѣвый да вдасть растлѣнѣи девѣ злата литру едину. Аще ли есть неимовить тепемъ да заточень будеть»¹⁰⁸. Эпитеты *имовить* и *неимовить* из ранних средневековых памятников известны (по данным И. И. Срезневского) лишь тексту договора Игоря 945 г.¹⁰⁹

В 21-й главе того же зачала рассмотрен случай соблазнения чужой рабыни, причем наказание виновного также зависит от его положения в обществе. Если он принадлежит к числу лиц сановных, то уплатит за свой проступок владельцу рабыни 36 номизм; если же он простой человек, то будет высечен, и «в меру своего состояния заплатит соответственно сумме в 36 номизм»¹¹⁰. Древнерусский переводчик оборот «если он принадлежит к числу лиц сановных» интерпретирует на редкость лаконично: «ч(е)стенъ сы».

Этот эпитет в значении *сановный*, по И. И. Срезневскому, встречается лишь в Сказании о Борисе и Глебе. Полный перевод приведенного нами фрагмента звучит так: «ч(е)стенъ сы да подасть о таковѣмъ любо дѣлѣ г(о)с(поди)ну рабыня злата 30 и 6, сыи же худъ— да биень будеть и, елико же можеть по мѣрѣ 30 и 6 златникъ да дасть»¹¹¹.

¹⁰⁷ Эклога. С. 71.

¹⁰⁸ Мерило Праведное. С. 385. Эта статья Эклоги, будучи включенной в Прохирон, в сербском переводе Градского закона ближе к греческому тексту, а названный фрагмент выглядит так: «Аще есть б(ог)ать растлѣвыи растлѣвшии от него отроковици да вдасть е литру злата едину же, се ест 72 златника. Аще убогъ будеть — половину имѣния своего да вдасть еи. Аще отнудь убогъ будеть — бьень и острижень да ижденеться» (Там же. С. 658).

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 51

¹¹⁰ Эклога. С. 70.

¹¹¹ Мерило Праведное. С. 386. В сербском переводе аналогичной статьи Градского закона *сановный* означен как *богатый*, а *простой* — как *убог*. Там же. С. 658.

Весьма примечателен оборот *в правду* в значении *по правилу, как следует, действительно, без обмана* и т. д., встречающийся в переводе Эклоги (стр. 370, 371 и др.) Речевой оборот *в правду* и *правда русская* явно одного смыслового значения.

Когда же был предпринят в Древней Руси перевод византийского кодекса законов, созданного в VIII в. нашей эры? Частичным показателем эпохи перевода, на наш взгляд, могут быть наиболее архаичные, редко встречающиеся слова и речевые обороты. Их в данном переводе довольно много. Прежде всего это различного рода родственная терминология. *Усобь* — деяния между кровными родственниками¹¹². Аналогии, по данным И. И. Срезневского, есть в Ефремовской Кормчей (*усобьство* — свойство), Иоанна Лествичника XII в. (*усобичьный*), в Номоканоне Иоанна Схоласта по списку XV в. (*усобьный*), в Ипатьевской летописи и т. д.¹¹³

Данная же форма нигде не встречается. Нет аналогии (по материалам И. И. Срезневского) термину *пристрой* в значении *приданого*¹¹⁴.

Обручение в значении *залог* встречается (по И. И. Срезневскому) лишь в Пандектах Антиоха по списку XI в.¹¹⁵ Термин *своить* (родня невесты) также имеет, по И. И. Срезневскому, параллель лишь в Пандектах Антиоха по списку XI в.¹¹⁶ *Своить* в значении свойства И. И. Срезневский встретил в Изборнике Святослава 1073 г. Встретившийся в древнерусском переводе Эклоги (XVIII зачало) оборот «крадый свободную семь» в греческом тексте (в переводе Е. Э. Липшиц) означает «крадущий свободного человека»¹¹⁷. И. И. Срезневский дает близкий к этому термин *сѣминъ* в значении *работник, слуга, домоходец* (Златоструй по списку XII в.). Нет прямых параллелей и выражению «присѣдѣния творя» (т.е. устраивая засады), встречающемуся в XVIII зачале древнерусского перевода Эклоги (гл. 27)¹¹⁸. Термин *присѣда* также в значении *засада* И. И. Срезневский дает по Псалмам Давида (IX, 29). Глагол *отъ-*

¹¹² Мерило Праведное. С. 384.

¹¹³ Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. III. Стб. 1270.

¹¹⁴ Мерило Праведное. С. 356 и др.

¹¹⁵ Там же. С. 370.

¹¹⁶ Там же. С. 341.

¹¹⁷ Эклога. С. 69; Мерило Праведное. С. 390.

¹¹⁸ Мерило Праведное. С. 387.

щетять в значении *повредить* «Материалы для Словаря древнерусского языка» дают по Остромирову евангелию XI в., Изборнику Святослава 1076 г. и Сборнику Троицкого собора XII в. В выражении «ли обужавшема родителема»¹¹⁹, означаемом: «если родители теряют рассудок»¹²⁰ также не имеется параллелей термину *обужавшема*. И. И. Срезневский дает *обужати* из Псалтыри Феодорита XI в. и *обубождати* (в значении *обнищать*) из Минеи Путяты XI в. Термин *ветши*¹²¹ имеет близкую аналогию *ветшьь* (Григория Назианзина XI в.). Речевой оборот *раздръшение равяти*¹²² (расторгнуть мировую сделку) также не имеет прямых аналогий. У И. И. Срезневского нет сходных с *раздръшением* терминов. *Разяти* в значении *разнять по частям* «Материалы для Словаря древнерусского языка» дают из Изборника Святослава 1073 г. В выражении «и да хранять имъ же см(е)рть сдѣяна быс(ть)»¹²³ термин *хранять* имеет значение *обследуют*. Близкое значение дает И. И. Срезневский (*относиться осторожно, внимательно*) по Хожению Богородицы по списку XII в. Число таких примеров архаизмов легко умножить. Но даже из приведенного, довольно краткого перечня легко увидеть, что основной круг источников, имеющих лексические параллели или близкие по значению вариации слов, имеет явное тяготение к наиболее ранней эпохе, скорее всего к XI столетию.

О времени перевода могут свидетельствовать и юридические особенности работы переводчика, представляющие, впрочем, и самостоятельный интерес, так как невольно обнаруживают при этом специфику и правовые представления жителя Древней Руси.

Прежде всего обращает на себя внимание группа терминов, обозначающая понятия государственной казны, государственных налогов, казенный долг, казенную опись и т. д. Так, в частности, оборот «сделать казенную оценку в письменной форме» какого-либо имущества звучит следующим образом: «пред известны людьми исцѣнити написанием»¹²⁴. Строго говоря, в переводе речь уже идет не о казенной, государственной оценке, предпринимаемой обычно служителями фиска,

¹¹⁹ Мерило Праведное. С. 366.

¹²⁰ Эклога. С. 55.

¹²¹ Мерило Праведное. С. 349–350.

¹²² Там же. С. 379.

¹²³ Там же. С. 382.

¹²⁴ Там же. С. 371.

а об общественной оценке людьми, известными обществу. В том же плане переводчик интерпретирует такие термины, как *казна* (*часть людская*)¹²⁵, *долг казне* (*долгъ людский*), *фиск* (*людское*)¹²⁶, явно обнаруживая социальное мышление той стадии развития феодальной государственности, когда ее элементы были теснейшим образом связаны с публично-правовыми представлениями общины, мира, когда государственное понималось как общее, людское. Чрезвычайно интересен с этой точки зрения перевод тех мест греческого текста, где речь идет о государстве в собственном смысле слова. Вот одно из них. В § 6 XIII титула Эклоги говорится о запрещении иметь эфитевзис стратиотам, т.е. военным людям. Мотивировка этого запрещения связана с тем, что «они поставлены для того, чтобы только сражаться за государство против врагов»¹²⁷. В «Мериле Праведном» последняя фраза приобретает следующий вид: «яко за люди на враги точью подвизатися повелении»¹²⁸. Таким образом, государство в интерпретации переводчика — это «люди», т.е. общество, мир.

Древнерусский переводчик весьма интересно интерпретирует все те фрагменты греческого текста Эклоги, где речь идет о государственных должностях и должностных лицах. Так, в § 4 XVI титула право завещать свой пекулий распространяется на «прочих должностных лиц, между которыми распределяется императорское жалование и анноны и солемнии»¹²⁹. В переводе «Мерила Праведного» этот текст выглядит так: «на прочихъ же воюющих, елико же от цесарския руки [рути] и месячное емлюще и уроки симь приплодишася»¹³⁰. Должностные лица в этой трактовке — *воюющие*, т.е. воины¹³¹.

Первый параграф XII титула греческого текста Эклоги оговаривает условия расторжения соглашения об эфитевзисе. При этом «если установлено, что кто-либо из попечителей или хартуляриев и иных лиц нанес

¹²⁵ Мерило Праведное. С. 348, 375.

¹²⁶ Там же. С. 353, 361–352.

¹²⁷ Эклога. С. 62.

¹²⁸ Мерило Праведное. С. 379.

¹²⁹ Эклога. С. 67.

¹³⁰ Мерило Праведное. С. 361–362.

¹³¹ Заголовок шестого зачала, где речь идет о пекулиях, содержит интересный вариант термина *воинский*. Заголовок этот начинается словами: «о воинскихъ особъ стяжныхъ вещьехъ». Вариант *воинский* окончательно проясняет споры вокруг известной статьи Русской Правды о «воиском коне». Как известно, существовало мнение о том, что правильное чтение — *свойский конь*. (Мерило Праведное. С. 359).

какой-либо ущерб первоначальной собственности или [сделал какое-либо] нарушение, то он сразу отстраняется от своей должности»¹³². В переводе «Мерила Праведного» последняя фраза: «то он сразу отстраняется...» — передана в следующем виде: «да отпадут абие от воинства своего»¹³³. Термин *должность* здесь также передан как *воинство*.

Наконец, третий факт из § 3 XVI титула, где разбираются спорные вопросы дележа наследства при условии владения одним из сыновей, несшим государственную службу, особым пекулием, полученным в дар от родителей. «Конечно, — гласит текст параграфа, — если внесенная сумма была восполнена благодаря такой должности, то не имеют права сонаследники искать с лица, имеющего эту должность, доход, так как доход, как было указано, принесен за счет этой должности»¹³⁴.

Перевод подчеркнутых слов в интерпретации древнерусского переводчика выглядит так: «такого ради воинства поданое количество не лѣтъ есть наслѣдникомъ таковое воинствующему лица искати»¹³⁵.

Здесь точно так же должность трактуется как *воинство*, а лицо, имеющее должность, — *воинствующий*. Думается, что эпоха переводчика — это ранний дружинный период, период начала формирования государственного аппарата, когда государственные должности еще не дифференцируются от общей среды их носителей — дружинников. Как известно, первая дифференциация этих должностей отмечена в первой статье Русской Правды Краткой редакции.

Важным датирующим признаком, на наш взгляд, является употребление термина *старейшина* в значении *опекун*¹³⁶. Такой порядок служит четкой фиксацией еще живых традиций родового строя. В сербском переводе XIII в. Градского закона термину *опекун* соответствует специальное обозначение — *приставник*.

Весьма неожиданна интерпретация еще одного текста Эклоги. Вопрос касается § 6 XIII титула, о котором уже шла речь выше. Это текст, запрещающий стратиотам брать временный или вечный эмпитевзис. Конкретизация этого положения выглядит в кодексе как запрещение вступать «в подобные соглашения», «заниматься другими частными делами и не

¹³² Эклога. С. 61.

¹³³ Мерило Праведное. С. 374.

¹³⁴ Эклога. С. 67.

¹³⁵ Мерило Праведное. С. 364.

¹³⁶ Там же. С. 393.

вмениваться в них». Пусть стратиоты, гласит параграф, «не вторгаются в дома или имения, принадлежащие кому-либо, и не ставят их себе на службу»¹³⁷. Последнее выражение выглядит в довольно туманном выражении перевода «Мерила Праведного» следующим образом: «да /не/ влагають дани в домѣхъ ли възданъи и҃бкихъ да не присѣдять»¹³⁸. Если «не присѣдять» переводить как «не вторгаются», то «не ставят их себе на службу» переводится «да /не/ влагають дани». В литературе последних лет довольно активно обсуждался вопрос о том, правомерно ли под данническими отношениями разуметь отношения типично феодальные, когда господствующая группа общества взимает в виде дани не только военный побор в виде контрибуции, но и феодальную ренту. Данное место перевода позволяет утверждать, что под данью действительно подразумевался весьма широкий комплекс отношений господства и подчинения. Именно поэтому древнерусский переводчик выражение «ставят себе на службу» перевел как «влагают дани».

Пристального внимания заслуживает обозначение переводчиком греческого термина *пекулий* (личное имущество членов фамилии или имущество, находящееся у них во временном пользовании), как *урок*¹³⁹. В древнерусской правовой терминологии под *уроком* понимают обычно *налог* или *норму* (такова тематика статей Пространной Русской Правды: ст. 45 «А се уроци скоту», ст. 97. «А се мостнику уроци», ст. 107. «А се уроци судебнии», ст. 109. «А се уроци ротнии»). В переводе Эклоги мы встречаемся с принципиально иным употреблением этого термина (и вряд ли мы имеем дело с оплошностью переводчика). Здесь речь идет об имущественной доле, положение которой обусловлено законом. По своему содержанию *пекулий* (особенно гражданский или *пекулий* «как бы воинский»)¹⁴⁰ мог конкретизироваться как движимым, так и недвижимым имуществом, ибо мог включать и земельные участки. Следовательно, под *уроком* можно иметь в виду и земельные раздачи. Думается, что в таком плане можно было бы рассматривать известное по летописи указание о законодательной деятельности княгини Ольги: «и иде Вольга по Дерьвьстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляющи уставы и уроки»¹⁴¹.

¹³⁷ Эклога. С. 62.

¹³⁸ Мерило Праведное. С. 375.

¹³⁹ Мерило Праведное. С. 361–363.

¹⁴⁰ Эклога С. 160.

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 60.

Весьма интересны наблюдения за юридическими особенностями древнерусского перевода Эклоги, раскрывающими некоторые новые черты судопроизводства в Древней Руси. При той разнице в стадии развития феодальной формации, которая была у Византии с Древней Русью, вполне естественно несоответствие существовавших процедур суда. Иногда это проскальзывает даже в переводе. Так, в § 6 VIII титула Эклоги речь идет о том, что, если кто выкупит у врагов свободного человека, то последний должен, будучи на положении раба, постепенно компенсировать сумму выкупа, после чего становится снова свободным. Нас интересует оговорка в статье, которая гласит: «Разумеется, судьями должно быть определено, сколько причитается ежегодно от должника платы выкупившему»¹⁴². В «Мериле Праведном» эта фраза представлена так: «Заповѣдая явѣ яко послухъ должному на коеждо лѣто за мьзду купленому помышляти»¹⁴³.

Таким образом, функции судей древнерусский переводчик возлагает на послухов (свидетелей), что, в общем, логично, если учесть господство в судопроизводстве Древней Руси открытого, публичного следствия и огромную роль в следственном процессе свидетелей.

Однако далеко не всюду переводчик вносит такие изменения в текст Эклоги, приспособляя его к правовым порядкам своей страны. Чаще в перевод внесены еще более любопытные изменения. В § 47 XVII титула Эклоги рассматривается казус, когда «в результате происшедшей схватки случилась смерть». В этом случае параграф предписывает: «Пусть судьи рассудят и обследуют оружие, которым была причинена смерть»¹⁴⁴. Последнюю фразу древнерусский юрист-переводчик представил следующим образом: «да рассудят послухи таи и да хранять, имъ же см(е)рть сдѣяна»¹⁴⁵. Тут роль судей выполняют послухи, но при этом нет открытого следствия, поскольку подчеркнуто, что расследование ведется тайно. Подобные весьма существенные отклонения от греческого текста трудно принять за своеволие переводчика, здесь чувствуется рука юриста. Кстати, число аналогичных правок в переводе весьма значительно. Это статья восьмая V титула, повествующая об условиях завещания раненного

¹⁴² Эклога. С. 57.

¹⁴³ Мерило Праведное. С. 369.

¹⁴⁴ Эклога. С. 72.

¹⁴⁵ Мерило Праведное. С. 382 В сербском переводе Градского закона этот текст передан следующим образом: «судия да явить съ судии ими створиться см(е)рть» (Там же. С. 662).

на войне или в дороге. Воля завещателя должна быть подтверждена 7, 5 или 3 свидетелями. Заключительная фраза статьи: «Действительность их показаний должна быть определена судьями»¹⁴⁶ — дана в переводе «Мерила Праведного» следующим образом: «Се ю явѣ яко от послуха таи искушаему преже приять ю»¹⁴⁷. Это статья первая XI титула, содержание которой сводится к рассмотрению обстоятельств печальной судьбы вкладов. Разбирается вопрос, в частности, об отрицании получившего вклад самого факта этого вклада. «Если получивший вклад ссылается на какой-либо несчастный случай — пожар или кражу, случившуюся у него, при котором вместе с его собственными вещами погибли и чужие, пусть судьи произведут расследование»¹⁴⁸. Последняя санкция переведена древнерусским юристом так: «и снѣ сблюдуть о том послуха таи»¹⁴⁹. Это 27-я статья XVII титула, из которой фрагмент текста: «и расследование дела о прелюбодеянии должно быть проведено с большой тщательностью и судьи должны рассмотреть, что из себя представляют обвинители в этом процессе» — переведен в «Мериле Праведном» следующим образом: «со многим же опасениемъ еже о прелюбодѣянии, да взискана будетъ глава, да сблюдуть же послуха таи, огл(агол)авшая таковыя вины»¹⁵⁰. Это, наконец статья 41 XVII титула, разбирающая вопрос о поджогах. В ней, в частности, говорится: «Если же кто-либо, намереваясь выжечь солому или терновник на своем возделанном участке, сжег... чужой виноградник, то судье надлежит заняться этим делом»¹⁵¹. Конец фразы о судье в переводе «Мерила Праведного» приобретает иной вид: «подобаетъ испытати послуха таи»¹⁵².

Из данной серии примеров четко выявляется, что помимо открытого следственного процесса в Древней Руси существовало и следствие в собственном смысле слова, следствие, отчужденное от мира, от общины. Приведенный материал подчеркивает огромную роль и полномочия послухов, во многих случаях заменявших функции судей¹⁵³. В сущности мы

¹⁴⁶ Эклога. С. 53.

¹⁴⁷ Мерило Праведное. С. 369.

¹⁴⁸ Эклога. С. 60.

¹⁴⁹ Мерило Праведное. С. 373.

¹⁵⁰ Там же. С. 383.

¹⁵¹ Эклога. С. 72.

¹⁵² Мерило Праведное. С. 389.

¹⁵³ Древнерусский юрист-переводчик отнюдь не механически подставлял термин *послух* вместо термина *судья*. Во многих статьях судьи фигурируют наряду с *послухами* или самостоятельно (см. Мерило Праведное. С. 377–378, 356 и др.).

имеем дело с сюжетом, тесно соприкасающимся со статьей 15 Русской I Правды Краткой редакции, где упоминается извод «перед 12 человеком», обычно интерпретируемый как пережиток общинного суда. В ряде вышеприведенных примеров послухи — судьи, видимо, тоже прямое свидетельство существования архаичных форм общинного суда.

Творческий характер переводчика-юриста, проявившийся в интерпретации ряда мест в тексте Эклоги, кардинальная перестановка в порядке статей XVII титула Эклоги, скрупулезная разработка заголовков к статьям или группам статей наподобие заголовков Русской Правды — все это должно свидетельствовать не только о том, что перевод Эклоги был предпринят в Древней Руси, но и о том, что это перевод в русской редакции. Редакторские вмешательства в текст являются важным свидетельством того, что перевод Эклоги имел в Древней Руси практическое значение.

Таким образом, перед нами интереснейший памятник рецепции византийского права в Древней Руси, памятник очень ранний, появившийся скорее всего не позднее XI в.¹⁵⁴

Опубли.: История СССР. 1976. № 1.
С. 142—163.

¹⁵⁴ Вопрос об обстоятельствах появления перевода Эклоги заслуживает особого рассмотрения.

ДРЕВНЕРУССКИЙ ПЕРЕВОД ЭКЛОГИ В КОДИФИКАЦИОННОЙ ОБРАБОТКЕ КОНЦА XIII в.

В истории древнерусского права важную роль играли кодификационные работы юристов. Этот вид работ был очень близок к собственно законодательной деятельности и поэтому подвергался строжайшему контролю светской и особенно духовной власти. Принятие христианства на Руси в X в. имело в качестве неизбежного и закономерного следствия распространение в Древнерусском государстве византийских канонических сборников церковного и отчасти светского права, известных под названием номоканонов, или Кормчих книг. Такие сборники пользовались громадным авторитетом и считались по существу священными книгами¹.

Наряду с ними большое практическое значение имели юридические сборники, появившиеся на русской почве в силу реальных потребностей. В их состав раньше, чем в Кормчие книги, проникали памятники древнерусского законодательства. Состав их более или менее менялся в зависимости от потребностей. Одним из наиболее важных юридических сборников были так называемые «Мерила Праведные»².

С точки зрения историко-юридической в сборниках «Мерило Праведное», дошедших до наших дней в редакции конца XIII в., наиболее интересными являются тематические подборки законов и установлений. Они отражают высокий уровень правовой мысли, развитие и широту юридических знаний того времени, когда начался активный процесс возрождения письменной культуры Древней Руси, насильственно прерванный монголо-татарским нашествием³. Тематические подборки в «Мериле Праведном» имели служебно-справочный характер и были составлены по наиболее существенным судебным-процессуальным и правовым вопросам. Это была систематизация законов о нормах поведения «простецов», или мирских лю-

¹ См., напр.: *Бенеманский Мих.* Закон градской. М., 1917. С. 111.

² См.: *Калачов Н. В.* Архив историко-юридических сведений, относящихся до истории России. М., 1850. Кн. 1. С. 21; *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941; *Он же.* Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига // *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII веков. М., 1968. С. 181—182; *Древнейший список «Мерила Праведного», хранящийся в РГБ (ОР, Троицкое собр., № 15), издан М. Н. Тихомировым: Мерило Праведное по рукописи XIV века.* М., 1961 (далее: Мерило Праведное).

³ См.: *Тихомиров М. Н.* Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига. С. 173—184

дей, а также по некоторым наиболее важным нормативам ростовщических процентов на займы, по нормам поведения в миру членов церковного причта (попов, дьяконов и т. д.), выборки статей о правах епископов, о компетенции епископских судов, о некоторых морально-нравственных основах цесарского и княжеского правосудия и т. д. Самой обстоятельной и подробной была систематизированная подборка «О послусах и о числе их»⁴.

Общее знакомство со статейным содержанием подборок подтверждает, что созданы они были уже на русской почве, поскольку многие из подборок состоят из текстов, заимствованных из Кормчей Софийского типа, иногда называемой как Кормчая Русской редакции, созданной не ранее 70-х гг. XIII в. Через Кормчую этого типа в тематические подборки, как и вообще в состав сборника «Мерило Праведное», попали и славянские переводы ряда церковно-юридических памятников из Сербской кормчей архиепископа Саввы начала XIII в.⁵ Отдельные тексты попали в тематические подборки, как и в состав сборника в целом, из ряда особых источников. В частности, в выборку «О послусах и о числе их» были отобраны фрагменты и статьи из 65-го апостольского правила, вопроса-ответа Константина Памфлийского и Никиты Иракийского, из Законов Моисеевых, из Закона Судного людем. В нее вошли нормативы о послухах из закона, традиционно именовавшегося «Цесаря Алексея Комнина от новых заповедей», выдержки из Собрания в 87-ми главах Иоанна Схоластика, из правил второго вселенского собора (6-е правило), четвертого вселенского собора (21-е правило), Карфагенского собора (правила 55, 56, 59, 127, 128, 130—134 — по нумерации «Мерила Праведного»). В подборку вошла также статья из Русской Правды Пространной редакции («Володимера князя суд о послушестве»)⁶.

Кроме того, в подборку «О послусах и о числе их» попали выдержки текстов с явно нерусскими терминами. Вместе с тем эти тексты не имеют никакого отношения и к Сербской кормчей начала XIII в. Характер

⁴ Мерило Праведное. С. 141—220.

⁵ См.: *Розенкампф Г. А.* Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829; изд. 2-е. СПб., 1839; *Калачов Н. В.* О значении Кормчей в системе древнего русского права // Чтения ОИДР. 1847. № 3—4; *Он же.* О значении Кормчей в системе древнего русского права. М., 1850; *Павлов А. С.* Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869; *Срезневский И. И.* Обзорение древних русских списков кормчей книги. СПб., 1897; *Троицкий С. В.* Како треба издати светосавску крмчију (номоканон са тумачењима). Београд, 1952. См. также: *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978; и др.

⁶ Мерило Праведное. С. 142—162.

этой терминологии таков, что может навести на мысль о возможности южнославянского (в частности, древнеболгарского) происхождения соответствующих текстов. Речь идет прежде всего о выдержках из византийского свода законов середины VIII столетия, известного как Эклога императоров Льва и Константина⁷. Кроме того, в том же сборнике «Мерило Праведное» помещен и полный перевод Эклоги.

Широко известный в литературе полный славянский перевод Эклоги, дошедший до наших дней в Печатной кормчей середины XVII в., до недавнего времени был общепризнан как древнеболгарский перевод. Однако внимательное изучение этого славянского перевода Эклоги позволило выяснить, во-первых, что перевод Печатной Кормчей в конечном счете ведет начало от полного перевода Эклоги, помещенного в сборниках «Мерило Праведное», во-вторых, что этот перевод, сохранившийся в сборниках этого типа, был предпринят в Древней Руси примерно в первой половине XI в.⁸

Наличие в конечном счете параллельных текстов для ряда фрагментов Эклоги (в подборке и в полном переводе Эклоги) дает возможность изучить характер происхождения фрагментов из Эклоги, помещенных в подборке «О послусах и о числе их». Прежде всего приведем текст фрагментов второй главы 15-го зачала (XIV титул, параграфы 11, 12).

1. «Послуси слуху да послушъствують, гл(аголю)ще, яко слышахомъ от(ъ) нѣкогого, должнаго же, мнѣ низложити и аще жюпани буд(у)ть послушъствующе»⁹. Соответствующий ему греческий текст Эклоги (в переводе Е. Э. Липшиц) гласит: «свидетели не должны свидетельствовать понаслышке, говоря, что слышали от того-то, что он должен или что он тому-то заплатил, даже если этими свидетелями являются табулярии»¹⁰. Как видим, древнерусский перевод этой статьи не буквален и очень лаконичен (свидетели, свидетельствующие понаслышке и говорящие, что слышали от кого-то о должнике, считаются низвергнутыми, даже если свидетельствующие будут жюпанамми).

⁷ Zachariae von Lingenthal K. E. Collectio Librorum juris graeco-romani ineditorum. Lipsiae, 1852; Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. М., Наука, 1965 (далее: Эклога).

⁸ См. Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1. С. 142–163 [см. также настоящее издание, с. 79–110 — примеч. ред.].

⁹ Мерило Праведное. С. 150.

¹⁰ Эклога. С. 64.

2. «Послушанья ради да невѣруеть имѣ жюпанѣ: аще заимовавыи, книги вѣдыи и силенѣ въ исповѣданьи, долгъ написати своею рукою, не напишетъ»¹¹. Греческий текст в переводе Е. Э. Липшиц звучит так: «При свидетельских показаниях табулярию не следует доверять, если взявший в долг знает грамоту и, будучи обязанным при заключении договора дать подпись, не подписался собственноручно»¹². Этот параграф славянский перевод дает очень точно, хотя также весьма лаконично. (Свидетельствам ради истины жюпан не верит, если взявший заем разбирается в книгах, и вообще хорошо осведомлен, обязан подписаться своею рукою, но не подпишется.)

В цитированных текстах подборки «О послусах и о числе их» термин «табулярий», т.е. чиновник, особо разбирающийся в законах и документации, заменен южнославянским термином «жюпан». С точки зрения смысла статей это довольно неожиданно, так как жюпанам у южных и западных славян в раннее средневековье называли феодалов, а еще раньше, видимо, родовых старейшин. И тем не менее появление трактовки табулярия как жюпана имеет несомненно очень древнюю традицию. И вполне возможно, что перед нами осколки какого-то очень раннего перевода Эклоги.

В связи с этим необычайно важны текстология этих фрагментов и выяснение их происхождения. Решающим моментом такого анализа является сопоставление данных фрагментов, как и вообще всех выдержек из Эклоги, вошедших в подборку «О послусах и о числе их», с полным переводом Эклоги, вошедшим в состав того же сборника «Мерило Праведное».

Приведем прежде всего параллельный текст полного древнерусского перевода 11–12 параграфов XIV титула Эклоги (фрагмент второй главы 15-го зачала перевода): а) «Послуси слуху да послушьствуютъ, гл(аголю)ще, яко слышахомъ от(ъ) нѣкоего, должнаго же, мнѣ низложити аще тауларии будутъ послушьствующе»; б) «Послушания рад(и) да не вѣрують имѣ тауларии: аще заимовавыи, книги вѣдыи и силенѣ сы во исповѣданьи, долгъ написати своею рукою, не напишетъ»¹³.

Внимательное сопоставление текстов полного перевода Эклоги, сделанного в Древней Руси, с переводом цитированных выше фрагментов из подборки «О послусах и о числе их» свидетельствует о том, что перед нами тексты одного и того же перевода (абсолютно

¹¹ Мерило Праведное. С. 150.

¹² Эклога. С. 64.

¹³ Мерило Праведное. С. 377–378.

идентичное построение фраз переводов, совпадающее в мельчайших деталях). Абсолютное тождество текстов переводов еще ярче оттеняет неожиданность и нелогичность южнославянского термина «жюпан» в значении табулярия. И тем не менее объяснить его появление в подборке представляется вполне возможным.

Для этого необходимо провести общее сопоставление фрагментов Эклоги в текстах выборки «О послусах и о числе их» с полным переводом Эклоги. Приведем ряд таких сопоставлений¹⁴.

Полный перевод Гл. 4	Выборка Гл. 4
<p>О числѣ послухъ(ъ) надъ(ъ) завѣтомъ обрѣтающимъ(я)</p> <p>Аще кто на коемъ любо мѣстѣ завѣщаетъ написаниемъ ли не-написаниемъ седми на се не обрѣтающимъ ся послухомъ и предъ(ъ) 5-ю и предъ(ъ) 3-ми да завѣщаетъ яже о собѣ, ли предъ(ъ) 3-ми обрящетьс(я), не твердѣ завѣтующии свѣтъ¹⁵.</p>	<p>О числѣ послуохъ надъ завѣтомъ</p> <p>Аще кто на коемъ мѣстѣ завѣщаетъ о собѣ писаньмъ ли ненаписаньмъ и семи на се не обрѣтающимъ послухомъ, и предъ(ъ) 5-ю,</p> <p>аще ли предъ 3-ми не твердоу быги свѣту¹⁶.</p>

¹⁴ В данной статье сопоставляются тексты одного, и того же сборника «Мерило Праведное» по древнейшему списку XIV в. (РГБ, Троицкое собр. № 15). Аналогичные, но более поздние списки сборника «Мерило Праведное» (Синодальный II список — ГИМ, Синод. собр. № 525; Синодальный III список — ГИМ, Синод. собр. № 524; Кирилло-Белозерский список — РНБ, Собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 145/1222) не имеют принципиальных расхождений со списком XIV в. Тексты Эклоги и подборки «О послусах и о числе их» в «Кормчих в соединении с Мерилом Праведным» (терминология М. Н. Тихомирова) являются более поздними, чем тексты самих сборников «Мерило Праведное». Это можно подтвердить лишь одним примером. В Троицком «Мерило Праведном» в третьей главе 15-го зачала Эклоги «О приведеньи послух» начало текста гласит: «Послуси елицѣмъ же числомъ суть...». Это точное следование греческому тексту: «Каково бы ни было число свидетелей...» (перевод Е. Э. Липшица). В подборке «О послусах и о числе их» того же Троицкого списка данная фраза содержит грубую опisku писца, сделанную, видимо, в одном из протографов: «Послуси елицѣмъ жисломъ суть» (частица «же» и начало слова «числом» слились в непонятное «жисломъ»). В древнейшем списке «Кормчей в соединении с Мерилом Праведным» (ГИМ, Чудовск. собр. № 167. 1499 г.) в подборке «О послусах и о числе их» эта фраза уже имеет позднейшее осмысление на основе ошибки «жисломъ» («Послуси елицѣмъ же ти словомъ (ъ) суть» — Л. 442 об.), что совершенно искажило смысл фразы.

¹⁵ Мерило Праведное. С. 368.

¹⁶ Там же. С. 147.

Сравнение данных фрагментов четко выявляет стремление редактора подборки «О послуех и о числе их» передать смысл более коротко. Здесь это ему вполне удалось. Больше того, даже можно думать, что он пользовался иным переводом, отличным от полного перевода, помещенного в сборнике «Мерило Праведное». Продолжим сопоставление на другой паре фрагментов¹⁷.

Полный перевод	Выборка
<p style="text-align: center;">Гл. 3</p> <p>О дарѣ или к на[ча]янии см(е)рти бывающии дар</p> <p>Иже начаяния рад(и) см(е)рти дарѣ, рекше по оум(е)ртви даровавшего, свѣщаное имѣя бывать. И сии, яко же свыше явлено, есть даровавшего же рад(и) или 5-и ли 3-й послухъ на- писание исполняющееся. Аще ли (к)то даруя и повелить написаниемъ в томъ дарѣ своею не раскаяти ли възвратити таковаго дара, тому быти извѣщеноу; токмо да вдано будетъ повелѣние его и въ реч(е)ньи написание его¹⁸.</p>	<p style="text-align: center;">Гл. 3</p> <p>Начаяния ради см(е)рти дарѣ по см(е)рти даровавшего</p> <p>ли 5 ли 3-й послухъ написаниемъ его</p> <p>тому быти извѣстоу; токмо¹⁹.</p>

Сопоставление данной пары фрагментов уже отчетливо показывает, что редактор подборки действительно стремился к максимально лаконичной и сильно упрощенной передаче смысла юридической нормы²⁰. Вместе с тем с полной очевидностью проясняется, что он обрабатывал текст полного перевода Эклоги именно из этого же

¹⁷ Греческий текст в переводе Е. Э. Липшиц гласит: Если же в том месте, где составляется завещание в письменной или устной форме, не найдется семи свидетелей, то пусть завещание делается при пяти или трех. Если же и трех свидетелей не найдется, то воля завещателя будет считаться недействительной (Эклога. С. 52).

¹⁸ Мерило Праведное. С. 147.

¹⁹ Там же. С. 146–147.

²⁰ Греческий текст фрагмента в переводе Е. Э. Липшиц имеет следующий вид. 4. Дарение, сделанное в предвидении смерти или же осуществляющееся после смерти дарителя, делается так же, как было выяснено выше, дарителем и пятью или тремя свидетелями. 5. Если же сам даритель распорядился в письменной форме о своем даре, указав, что не будет вносить изменений и отменять дар, то пусть это будет соблюдено; нужно только, чтобы это было засвидетельствовано в его распоряжении и в тексте и в подписи (Эклога С. 51).

сборника «Мерила Праведного». Видна жесткая зависимость от логики и лексики этого древнерусского перевода. При использовании какого-либо более краткого перевода лексика и логика построения фраз должна была бы быть совсем иной. Кроме того, из нашего сравнения видны и грубые нарушения логики текста полного перевода, сделанные в выборке. В ней передан лишь смысл общего порядка (дар перед смертью и дарение, реализованное после смерти, совершается письменно с 5-ю или 3-мя послухами). Что же касается второй части, то она уцелела лишь в бессвязных осколках. Последняя фраза статьи в полном переводе дана верно, хотя и упрощенно. В выборке же от нее уцелело (без всякого смысла) лишь начальное наречие «токмо».

Проведем теперь сопоставление более обширных по объему и более сложных по структуре текстов полного древнерусского перевода Эклоги и текстов выборки.

Сравнение третьей пары фрагментов еще убедительнее подтверждает прежние наблюдения. Текст из подборки «О послухах и о числе их» отличается от полного древнерусского перевода лишь набором более или менее удачных сокращений; в остальном фиксируется полное тождество текстов («буква в букву»). Таким образом, древнерусский перевод Эклоги, помещенный в том же сборнике «Мерила Праведного», был исходным текстом для составления справочно-тематического раздела того же сборника. Для редактора в данном случае, при изложении третьей главы девятого зачала (титул VIII. § 1—5 греческого текста), было наиболее важным сохранить лишь принципиальные сведения о порядке дарования рабу свободы. Он объединил пункт о письме рабовладельца, дарующего свободу, заверенном пятью или тремя свидетелями, с пунктом о завещании рабовладельца, в котором может быть зафиксировано дарование свободы. Он объединил в один текст пункт о приеме раба во время процедуры крещения и пункт о переходе раба в клирики или монахи. Совсем опущены редактором-кодификатором обстоятельства процедуры освобождения раба. Наконец, вместо последнего норматива, оберегающего освобожденного раба от произвола, получилась чисто риторическая концовка главы. К такому кардинальному упрощению юридической процедуры редактор, видимо, был вправе прибегнуть, поскольку для более углубленного знакомства с нормой в том же сборнике был полный и подробный ее текст.

<p style="text-align: center;">Полный перевод Зачаток 9 (имѣя главы 3)</p>	<p style="text-align: center;">Выборка 9 Зачал(о). Гл. 1</p>
<p>О свобоженъи написанъ и ненаписанъ</p> <p>Полагаетьс(я) рабу свобожение внегда от(ъ) своего г(о)с(поди) — на пред(ъ) людми или въ ц(е)ркви, ли при 5 [или 3] другъ, на то призванымъ. Ли 5 не будетъ и до 3-и написающимъ же полагающимъ при дѣянии въспоминанъи свое вѣд(е)ние. Или посланиемъ г(о)с(поди)на его, послухомъ или 3-мъ воспитание на то имущю. И на завѣтѣ написано рабу подаетьс(я). Но и, егда хотѣниемъ оумершаго, отъидеть от(ъ) наслѣдника, рабъ, на главѣ платье носивѣ, оумершаго вослѣдуетъ погребению. Или аще г(о)с(поди)нъ под(ъ)лежащий ему рабъ къ свободному спряже лицу. Или паки аще г(о)с(поди)нъ его и г(о)с(по)жа его ли чад(а) его с вѣд(а)ниемъ и повелѣниемъ родителю отъ с(вя)т(ого) и сп(а)сенаго кр(е)щ(е)ния примуть. Или аще с вѣдениемъ и хотѣниемъ г(о)с(поди)на его клирикъ или мнихъ будетъ. Преже реч(е)ная же свобожена от(ъ)селѣ оуже или под(ъ) заповѣд(ъ)ю от(ъ) господии бывають. Ли кто от(ъ) тѣхъ образъ свобожениемъ почтенъ бывъ, в работѣ одержимъ бываетъ, да придеть къ с(вя)тѣи б(ож)ии ц(е)ркви и к под(о)бнымъ княземъ и пред(ъ) тѣ ми положенаго на неи свобожения да покажетъ и того да насладитьс(я)²¹.</p>	<p>Полагаеться рабу свобожение от(ъ) своего г(о)с(поди)на пред(ъ) людми ли въ ц(е)ркви, [ли] 5 ли 3 други, на то призваны, написающимъ же и полагающимъ при дѣянии въспоминанъи свое видѣнье. Ли посланиемъ г(о)с(поди)на его На завѣтѣ то писанъе 5 имущю рабу подаеться. Нъ и, егда хотѣнемъ оумершаго, от(ъ)идеть от(ъ) наслѣдника, рабъ, на главѣ платье носивъ, оумершаго въслѣдуя погребенью. Ли г(о)с(поди)нъ къ свободну принряже лицо. Ли г(о)с(по)жа его, ли чада его с вѣданьемъ и повелѣнемъ родителю от(ъ) с(вя)таго кр(е)щенья примуть. Или клирикъ ли мнихъ будетъ. Аще кто от(ъ) тѣхъ свобожениемъ почтенъ бывъ</p> <p>и того да насладиться²².</p>

²¹ Мерило Праведное. С. 367—368. Греческий текст (в переводе Е. Э. Лишиц) разделяется на 5 параграфов:

1. Раб получает свободу, когда это обнародовано его хозяином, либо в церкви, либо в присутствии 5 друзей, призванных для этой цели; если нельзя найти пятерых, то в присутствии трех свидетелей, которые подписывают и свидетельствуют о своем знании на акте; или же письмом хозяина раба, если на письме расписалось 5 или, как было сказано, 3 свидетеля. Рабу предоставляется также свобода письменным завещанием
2. Также, если, согласно воле умершего или с разрешения наследника, раб с мешком на голове сопровождает погребальное шествие своего умершего господина.

Перейдем теперь к выявлению наиболее существенных в нашем поиске моментов работы древнерусского юриста-кодификатора. Для этого сравним четвертую пару фрагментов.

Полный перевод	Выборка
<p>О свѣщании ненаписаниѣмъ простого пристроения</p> <p>Ненаписанне простое пристроение свѣщаваеть, егда кто свершена лѣта имать предъ 5 или 3 послухи подасть кому своихъ ему вещии — 5 нослухо-мъ в мѣсто свѣщаемаыя и обрѣтаемымъ ч(е)л(о)в(ѣ)комъ, 3-мъ мужемъ в мѣста запусътная и не обрѣтаемѣи мѣрѣ 5.</p>	<p>Ненаписанное простое [при]строение свѣщаваться, оже кто свершена лѣта имать пред(ѣ) 5-ю послухъ, 3-же нослухи — в пустыхъ мѣстѣхъ, не обрѣта мѣрѣ пяти.</p>
<p>О свѣщаньи написана простого дара</p> <p>Написаниемъ простыи даръ свѣщаваетьс(я), е[г]да от имущася свершенныя возрасти свѣщаваетьс(я) написание и по прежереч(е)ному образу пред(ѣ) 5-ю ли 3-ми послухи, на то призванымъ, написаниемъ послушествовано будетъ и отпущено будетъ.</p> <p>Аще ли кто створить даръ кому на при-ятъе по оум(е)ртвию его, дарованыи ему вещии отголь токмо оуже господаруетъ е и таковыи даръ, написаныи предъ 5-ю или 3-ми послухи бывати по прежереченному ти образу²³.</p>	<p>Написаньемъ простое свѣщаваетьс(я)</p> <p>по прежнему образу предѣ 5-ю ли пред(ѣ) 3-ми послухи, на то призванымъ, написаниемъ послушествовано будетъ и отпущено²⁴.</p>

3. Или, если господин подвластного ему раба женил на свободной женщине.

4. И опять же, если господин или госпожа, или их дети с ведома и разрешения родителей принимали раба во время святого и спасительного крещения; или еще, если по воле и с ведома своего господина раб становится клириком или монахом. Перечисленные освобождения рабов представляются либо сразу, либо на определенных условиях их господами.

5. Если же кто-либо удостоился одним из этих способов свободы, но продолжает удерживаться в рабстве, пусть он войдет в святую церковь и обратится к надлежащим архонтам, докажет перед ними свои права на предоставленную ему свободу и тогда да будет освобожден (Эклога. С. 57).

²² Мерило Праведное. С. 147—148

²³ Там же С. 353. Приводим греческий текст Эклоги в переводе Е. Э. Лишиц (титул IV. § 1—3)

Перед нами снова сочетание удачной и не вполне удачной работы кодификатора по сокращению текстов полного древнерусского перевода для своей подборки «О послусах и о числе их». Сокращение текста первой статьи об устном дарении (основной переводчик квалифицировал его как пристрой, т.е. приданое) редактор провел весьма умело, сохранив самую суть нормы. В выборке стоит термин «строение» из-за дефекта переписки. Очень упрощена норма о письменном дарении. Видимо, также из-за дефекта переписки оказалось пропущенным главное — термин «дар». Однако третий параграф редактор снял совсем, хотя в полном древнерусском переводе он дан слитным текстом под единым заголовком со вторым параграфом. Думается, что причиной тому был довольно туманный перевод сложной юридической диспозиции (передается только право собственности на дареные вещи, а само имущество передается в собственность только после смерти дарителя). Пассаж: «дарованные ему вещи оттолѣ токмо уже господаруеть е и таковыи даръ», т.е. получатель дара завладевает дарованными вещами «токмо оттолѣ», очень трудно понять тождественно с греческим текстом. Видимо, и редактор его также не вполне понял и решил не давать в подборку справочного характера.

Это чрезвычайно важное обстоятельство. Юрист отбирал не только наиболее важные по существу дела нормативы, но и предъявлял повышенные требования к четкости и ясности перевода.

1. Не оформленное письменно простое дарение осуществляется, если кто-либо из совершеннолетних лиц отдает в дар что-либо из своих вещей в присутствии пяти или трех свидетелей — пяти свидетелей, если дело происходит в населенной местности, где легко можно найти людей, и трех — там, где местность является пустынной и где нельзя найти свидетелей в количестве пяти человек.

2. Письменное простое дарение осуществляется, когда какое-либо лицо, достигшее совершеннолетия, распоряжается о даре или делает дарение за своей подписью и в соответствии с вышеизложенным это письменно свидетельствует и подтверждает в присутствии пяти или трех свидетелей, призванных для этой цели.

3. И если кто-либо сделает дар кому-либо с тем, чтобы тот получил подаренные ему вещи после смерти дарителя, а в момент дара ему передается только право собственности на подаренные вещи, то и подобное дарение производится в письменной форме в присутствии пяти или трех свидетелей в соответствии с вышеописанным способом (Эклога. С. 51).

²⁴ Там же. С. 146.

Приведем на этот счет, пожалуй, самый выразительный пример.

<p>Аще кто на рати оуязвень ли на пути ходя къ см(е)рти приближается и яже о собѣ оуоставъ хоцеть створити надъ обѣма же има задничникъ или кто не обряцетьс(я) свѣдѣи книгъ пред(ъ) 7-ю или пред(ъ) 5-ю или пред(ъ) 3-ми послухи свои да строитъ свѣтъ понеже и два обряцетася сеи явѣ яко от(ъ) послуха таи искушаему преже приять ю²⁵.</p>	<p>Аще на рати оуязвень ли на пути ходя къ см(е)рти приблизиться и хоцеть о собѣ оуоставъ створити и не обряцеться книгъ имѣя пред(ъ) семью ли пред(ъ) 5-ю ли 3-ми послухи свои свѣтъ да творить понеже 2 обряцетася се яво яко от(ъ) послуха таи искушаему преже приять ю²⁶.</p>
--	---

Как видно из сопоставления текста древнерусского перевода восьмого параграфа V титула Эклоги и соответствующего текста подборки «О послухах и о числе их», юрист-редактор, вопреки своему обыкновению, практически ничего не сократил в полном переводе. Пропуск пассажа: «надъ обѣма же има задничникъ или кто...» на первый взгляд может быть расценен как простой пропуск строки при переписке. Однако, думается, все дело в том, что в древнерусском переводе этого параграфа Эклоги допущена существенная неточность. Термин «номик», т.е. нотариус-писец, переведен весьма неудачно как «задничник», т.е. человек, получивший «задницу», иначе говоря, вымороченное имущество или имущество умершего. Древнерусский юрист-кодификатор, не имевший в своем распоряжении греческого текста Эклоги, тем не менее, почувствовал здесь сильное нарушение логики юридической нормы и сократил этот пассаж. Суть содержания статей при этом не пострадала, поскольку в сокращенном тексте фигурирует еще и «человек, знающий книги» (в тексте выборки стоит испорченное: «книгъ имѣя»).

²⁵ Мерило Праведное. С. 358–359. Греческий текст восьмого параграфа V титула Эклоги в переводе Е. Э Липшиц имеет следующий вид: 8. Если кто-либо ранен на войне или в дороге и, будучи при смерти, захотел бы распорядиться своим имуществом, и если в обоих случаях нет номика или другого знающего грамоту человека, то пусть он объявит свою волю при семи, или пяти, или трех свидетелях, или даже при двух, если они найдутся. Действительность их показаний должна быть определена судьями (Эклога. С. 53).

²⁶ Мерило Праведное. С. 147.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ текстов полного перевода и текстов подборки «О послусах и о числе их» с полной очевидностью показывает, что юрист-кодификатор не мог взять в справочный раздел сборника «Мерило Праведное» такой текст, где фигурировал бы непонятный греческий термин, оставленный без перевода. Больше того, юрист-кодификатор заботился о предельной доходчивости текста справочного обозрения постановлений «О послусах и о числе их». Это убедительно видно по выдержкам, вошедшим в данную подборку из другого византийского законоположения («Новая заповѣдь... цесаря Алексея Комнина»), полный текст которого также помещен в том же сборнике «Мерило Праведное». Здесь редактор-кодификатор, заимствуя тексты из полного варианта Заповедей Алексея Комнина, всюду последовательно заменял термин «свѣдитель» на «послух», что было для русских судей, видимо, более привычным. (Полный вариант: «и аще раби свѣд(и)теля имуть»; в выдержке: «и аще раби послуха имуть» и т. д.)²⁷. Иногда эта замена производилась с потерей тонкостей и оттенков (полный вариант: «поставленному противу имъ свѣдительству не держатися»; в выдержке: «поставленному противу имъ послуху не держатися»; полный вариант: «противу же тѣмъ поставити своя свѣд(и)теля»; в выдержке: «противу же тѣмъ поставити своя послухи» и т. д.)²⁸.

Итак, взяв из полного древнерусского перевода фрагмент второй главы 15-го зачала Эклоги (параграфы 11, 12 XIV титула греческого текста Эклоги), юрист-кодификатор должен был каким-то образом избавиться от не переведенного его предшественником греческого термина «табулярій» (в тексте «таулярии»). Он смог это сделать, так как прекрасно знал (и притом дословно) все юридические византийские и южнославянские тексты. В состав сборника «Мерило Праведное» входил полный текст Закона Судного людем (ЗСЛ) — древнейшего памятника славянского права²⁹. Юрист-кодификатор, видимо, отчетливо представлял себе, что Закон Судный людем, фигурировавший иногда в сборниках под вторым названием Закона Судного людем «цесаря Константина», является своеобраз-

²⁷ Мерило Праведное. С. 394, 153.

²⁸ Там же. С. 394, 152, 395, 153.

²⁹ Там же. С. 252–262.

³⁰ Там же. С. 260.

ной переработкой XVII титула Эклоги с включением ряда статей из других ее разделов. Одна из статей Закона — 22-я представляет собой в основе текст § 11 XIV титула Эклоги. Причем создатели ЗСЛ поставили вместо «табулария» исходного греческого текста раннефеодальный термин — «жюпан»³⁰. Эта статья ЗСЛ и ряд других также была взята юристом-кодификатором в состав справочно-тематической подборки «Мерила Праведного» «О послусах и о числе их»³¹. В подборке она идет непосредственно перед серией фрагментов из Эклоги. Приведем текст 22-й статьи ЗСЛ и сопоставим его с фрагментом из второй главы 15-го зачала древнерусского перевода Эклоги.

Закон Судный людем. Гл. 22	Древнерусский перевод Эклоги. 15-е зачало, глава 2
Послуси от слуха да не свѣдательствуютъ, гл(аголю)ще, яко слышахомъ от(ъ) кого сего долника или ино что свѣдательствующие от(ъ) слуха аще и жюпани суть иже свѣдательствуютъ ³² .	Послуси слуху да послушьствуютъ гл(аголю)ще яко слышахомъ от(ъ) нѣкогого должнаго же мнѣ низложити аще таоуларии будутъ послушьствующие ³³ .

Переводы здесь явно разные. Однако они, тем не менее, позволили юристу-кодификатору четко судить о том, что перед ним разные варианты перевода одной и той же юридической нормы. Авторитет ЗСЛ был, видимо, очень высок, если юрист-кодификатор заимствовал из него термин «жюпан», заменив им в подборке термин «таоуларий», оставленный в древнерусском переводе Эклоги без изменений. В порядке предположения можно сказать, что и значение южнославянского термина «жюпан» в эпоху создания тематической подборки в сборнике «Мерило Праведное» (а это, вероятно, конец XIII в.) в церковно-юридических кругах было хорошо известным.

³¹ Мерило Праведное. С. 146.

³² Там же. С. 260. Перевод этой статьи ЗСЛ может быть следующим: Свидетели на основе слухов не должны свидетельствовать, говоря, что яко бы слышали от кого-то о сем должнике или что-то иное свидетельствуя на основе слухов, даже, если эти свидетельствующие являются жюпанами.

³³ Там же. С. 377. | Перевод см. выше, с. 113.

Таким образом, версия о том, что в тематической подборке «О послусах и о числе их» справочного раздела юридического сборника «Мерило Праведное» могли уцелеть осколки древнеболгарского перевода Эклоги, не подтверждается чисто фактически. Подборка «О послусах и о числе их» отражает интересную и вдумчивую работу древнерусского юриста-кодификатора.

Опубл.: Вестник Московского университета.
Серия 8: история. 1984. № 3. С. 56–65.

ЛЕГЕНДА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? (О НЕИЗВЕСТНОЙ РЕФОРМЕ ВЛАДИМИРА И ПРАВДЕ ЯРОСЛАВА)

Двадцать лет тому назад автору этих строк удалось доказать, что текст византийского свода законов VIII века (Эклога), фигурирующий под названием «Леона и Константина верная цесаря» в сборнике «Мерило Праведное», представляет собой полный перевод памятника, сделанный не в Болгарии (как считалось в литературе), а в Древнерусском государстве¹. Основным аргументом в пользу древнерусской принадлежности перевода послужил анализ характера лексики. Иначе говоря, в так называемом славянском переводе была выявлена довольно солидная группа древнерусских юридических терминов, отражающих языковые явления, которые возникли уже в период после миграции части восточных славян из Среднего Поднепровья на Балканы (VI — начало VIII в.). В частности, речь идет о широком употреблении в полном переводе Эклоги термина «задница» в значении выморочного или незавещанного имущества. Этот термин встречается в переводе ряда статей (V. 6. 7; VII. 1; XVI. 5) текста Эклоги. В старославянских (древнеболгарских) текстах такого термина нет. Там есть лишь праславянское «задница» в первичном понятии «седалище», т.е. место, которым человек сидит.

К числу важных особенностей древнерусского перевода Эклоги относятся и его неточности, свидетельствующие о невозможности адекватного перевода богатой юридической терминологии Византии VIII в. на язык гораздо менее развитого общества. Так, в серии статей Эклоги, посвященных проблеме легатов (посмертных даров) и легатариев (тех лиц, которым легаты завещаны), древнерусский переводчик также употребил термин «задница» (VI. 7, 11, 12 и др.). Иначе говоря, пе-

¹ Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1 [см. также настоящее издание, с. 79—110 — примеч. ред.]. Иная точка зрения может быть представлена рядом работ. См.: *Saturnik Th. Přispevky k širehi byzantského práva u slovanu*. Pr., 1922; Васильевский В. Г. Законодательство иконоборцев // Труды В. Г. Васильевского. Л., 1930. Т. IV; Андреев Мих. Римского право и славянската Еклога (за някои отклонения на славянската Еклога от римското право) // Годишник на Софийския университет. Юридически факултет. 1959. Т. 1(50).; Ганев В. Закон Соудный людемъ. Правно-исторически и правно-аналитически проучвания. София, 1959; и др.

реводчик не стал (не мог!) делать различие между понятием «оставшегося после умершего имущества» и «посмертного дара», которым в Византии распоряжался основной наследник, передавая легат другим лицам (легатариям). К числу чисто русских приемов работы переводчика относится передача термина «легатарий» словом «задничник», что, возможно, было новообразованием.

Одним из наиболее важных аргументов в пользу сугубо древнерусского происхождения перевода Эклоги является применение весьма древнего термина «госпóда» (жен. рода) в значении «полная собственность». Сам по себе термин «госпóда» очень архаичный и, видимо, праславянский. Но в значении «власть, господство» он известен только историческим текстам Древней Руси. Первоначально эта «власть» понималась как совокупность «господ» («госпóда» — собирательное понятие). Об этом свидетельствует ряд текстов (Хроника Георгия Амартола. Л. 146 об.; Сказание о Борисе и Глебе. 131; Новгородская летопись под 6906 годом; Псковская судная грамота и др.). Древнерусский переводчик Эклоги, столкнувшись с необходимостью передать понятие «полная собственность» (XVII. 12: «...Если же не захочет получить своего раба, то пусть отдаст его в полную собственность тому, кто подвергся краже»)², прибег к термину «госпóда». В древнеболгарских текстах такого термина в значении «власть, господство» нет, там встречается «госпóда» лишь в значении «гостиница», как и в сербохорватском, словенском, чешском, словацком, польском, лужицком языках (гостиница, постоялый двор и т. д.).

Статья 10 титула XVII Эклоги («Ворующий в лагере или в походе, если это оружие, да будет высечен, если украдет коня, да будет у него отсечена рука») дает нам еще одну возможность уловить именно древнерусскую природу перевода. В греческом тексте термин, означавший в русском переводе «конь», передан весьма общим выражением *ἄλογοσ* (*εἰ δὲ ἄλογοσ*), что буквально означает «бессловесное» (животное). В южных странах он означал вьючное животное (лошадь, осла или мула). В условиях Древней Руси трактовка этого слова была и могла быть только однозначна — «конь». В правильности такого суждения нас убеждает сербский перевод

² Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. Вступ. ст., пер., комментарий. Е. Э. Липшиц. М., 1963. (Далее: Эклога). С. 69.

начала XIII в. аналогичной статьи из Прохирона, или Градского закона (Ὁ Προχείρος Νόμος). Статья 53 из 39-й грани этого свода законов, созданного в Византии в конце IX в., лишь слегка перефразирует 10 статью титула XVII Эклоги и также употребляет обобщенный термин ὑποξύγιον (εἰ δε τι των υποξύγιον), означающий «вьючное животное»³. Однако сербский переводчик, не сомневаясь, дал исчерпывающий для его страны перевод: «Аще кто от яремник, рекше конь или мшаи или осля».

Перевод Эклоги содержит и ряд других немаловажных данных, подтверждающих древнерусское происхождение текста под названием «Леонъ и Константина верная цесаря». Причем о глубокой древности этого перевода свидетельствует наличие в тексте архаичных, редко встречающихся слов и речевых оборотов («усобь», «пристрой», «семь», «приседа», «своить» и др.). Особое внимание привлекает употребление в переводе термина «старейшина» в значении «опекун», на которого ложатся функции воспитания и содержания осиротевших детей. Ведь даже в древнейших памятниках южнославянского извода в значении опекуна фигурирует только термин «приставник». Это обстоятельство говорит о глубоком архаизме данного перевода.

Разумеется, установление факта перевода в Древней Руси византийского свода законов начала второй четверти VIII столетия интересно само по себе. Тем не менее, гораздо важнее вписать этот факт в некую систему, в реальную ткань истории Древнерусского государства. Следовательно, главные усилия исследователя должны быть направлены на установление причины и времени этого перевода.

В статье автора этих строк, вышедшей в 1976 г., было высказано осторожное предположение, что перевод этот, обладающий признаками большой древности, мог быть совершен не позднее XI века⁴. А в 1986 г. в другой работе древнерусский перевод Эклоги был увязан уже с серией мероприятий Владимира Святославича конца X столетия⁵. Однако

³ Эклога. С. 69; Ecloга: Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V / Hrsg. L. Burgmann (Далее: Ecloга.) Frankfurt am Main, 1983. S. 228; Ὁ Προχείρος Νόμος. Imperatorum Basilii, Constantini et Leonis Prochiron / Apud J.C.B. Mehr. Heidelbergae, 1837. S. 247–248.

⁴ Милов Л. В. О древнерусском переводе... С. 163 [см. также настоящее издание, с. 110 — примеч. ред.].

⁵ Милов Л. В. Некоторые вопросы истории культуры Древней Руси // Вестн. Московского ун-та. Сер. 8.: история. 1986. № 6. С. 36–37.

столь ответственное предположение должно быть аргументировано более основательно, чем это можно было сделать в статье общего характера. Дело в том, что «Повесть временных лет» под 996 годом сохранила суммарную характеристику государственной деятельности Владимира после 988 года. В этом тексте, в частности, есть довольно глухой, а по стилю, пожалуй, и легендарный отзвук несколько загадочного, но крайне интересного мероприятия киевского князя Владимира Святославича.

Вот эти скупые и даже в чем-то наивные, вызвавшие в свое время недоверие ряда историков, строки: *«Живяше же Володимир в страхе божьи. И умножишиися (зело) разбоеве. И реша епископы Володимеру: “Се умножишия разбойници. Почто не казниши их?” Он же рече им: “Боюся греха”. Они же реша ему: “Ты поставлен еси от Бога на казнь злым, а добрым на милование. Достоит ти казнити разбойника, но с испытаном”. Володимер же отверг виры, нача казнити разбойници»*⁶. Столь кардинальные советы епископов не являются неправдоподобными хотя бы потому, что митрополит Иларион, как бы обращаясь в «Слове о Законе и Благодати» к киевскому князю Владимиру, прямо говорит об участии епископов-греков в законотворчестве (*«Ты же съ новыми нашими отцами епископы сънимаяся чясто, съ многым съмерениемъ съвещаваашася, како въ человецехъ сихъ, новопознавшихъ Господа, законъ уставити»*)⁷.

Иначе говоря, летопись сообщает нам, по сути, о важнейшей реформе в области судебных наказаний. Владимиром была отме-

⁶ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 126–127. И. Ф. Г. Эверс считал, что данное сообщение летописи «быть может вымысел позднейшего времени или, если не вымысел, то, по крайней мере, обезображенное за недостатком точности сказание о каком-либо истинном, впрочем, происшествии». См.: *Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право*. СПб., 1835. С. 318–320. А. Рейц также считал, что «летописец мог отнести к прошедшему то, что было в употреблении в его время. Может быть, этот случай относился к выкупу при убийстве княжеских слуг, за коих и виру вносил сам князь». *Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов*. М., 1836. С. 35.

⁷ *Ровов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. // Slavica: časopis pro slovanskou filologii. Ročník XXXII. Pr., 1963. Seš. 2. S. 167–168.* Думается, что приведенный текст Илариона подчеркивает излишнюю осторожность и даже надуманность утверждения М. Б. Свердлова о том, что в летописной легенде о вирах и казнях «епископы и старцы имеют для рассказа лишь композиционное значение» (ведь тут явная схожесть с позицией И. Ф. Г. Эверса и А. Рейца). См.: *Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде*. М., 1988. С. 80.

нена система судебных штрафов в виде вирных платежей. Более того, есть все основания полагать, что киевский князь, только что принявший христианство и крестивший «всю Русь», ввел систему физических наказаний («казни») за преступления, как граничащие с убийством, так и за собственно убийства. Юридической основой этой весьма кардинальной реформы стал византийский свод законов Эклога. Для этой цели и был предпринят, вероятнее всего, в Киеве, перевод его на древнерусский язык. Разумеется, дата 996 г. условна, ибо речь идет о правовой реформе, требующей значительного времени. Очевиднее всего, эта реформа осуществлялась уже после создания митрополичьей кафедры в Киеве, в период образования епископий. По некоторым данным, святителя Михаила в 990 г. в поездке в Новгород сопровождало шесть епископов, Добрыня и Анастас Корсунянин. А в Ростовской земле он был с четырьмя епископами. Вслед за крещением в Новгороде и Ростове были поставлены епископами Иоаким и Федор⁸. Иначе говоря, структура новой, христианской церкви была сформирована, по крайней мере на элементарном уровне, уже в 90-е годы X в.

Предложение круто изменить систему традиционных наказаний, судя по летописной легенде, сделанное епископами-греками, диктовалось скорее всего целостным восприятием системы церковно-светского права Византии и ее особым вниманием к охране лиц из числа священнослужителей, что для вновь формирующейся системы русской церковной иерархии было далеко немаловажно. Здесь стоит напомнить об археологическом подтверждении раскопками в Новгороде под руководством В. Л. Янина считавшихся легендарными сведениями Иоакимовской летописи В. Н. Татищева о бурном сопротивлении крещению части новгородцев и подавлении этого сопротивления киевской «христианской вооруженной миссией» во главе с Добрыней. С огнем и мечом проповедовал христианство и Путята. Первые епископы Ростова — Федор и Иларион — бежали, как известно, от гнева язычников, и т.д.

Для введения на Руси суровых византийских законов, основанных на системе физических наказаний вплоть до смертной казни, какие-то предпосылки, по-видимому, были. Об этом, в частности

⁸ Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 20.

свидетельствуют некоторые статьи русско-византийских договоров 911 и 945 гг.⁹ В них санкция за убийство устраивала обе договаривающиеся стороны, ибо месть за убийство по принципу талиона и смертная казнь за убийство, существовавшая в Византии еще со времен Юстиниана, совпадают по своей сути. Поэтому в договоре Олега 911 г. за убийство полагалось убить преступника, без уточнения, кто и как это сделает¹⁰. В договоре 945 г. предпринята частичная уступка русской стороне, так как вставлен пассаж: «...то да задержат убийцу родственники убитого», которые и убивают преступника¹¹. Это уже по существу является кровной мстью, санкционированной международным договором.

Еще ощутимее влияние русского обычного права чувствуется при решении проблемы возмездия в случае бегства убийцы. Договор Игоря здесь гласит, что, если убийца «имущий», то родственники убитого забирают его имущество (впрочем, в договоре Олега в этой статье есть уточнение: забирают узаконенную часть и какая-то еще часть остается у жены убийцы)¹². По сути эта санкция является реализацией штрафной системы русского обычного права в виде «головничества», т.е. возмещения ущерба родственникам убитого. Однако заключительный вариант ситуации с убийством, рассмотренной в договоре 945 г., снова ближе к византийскому праву: при бегстве неимущего убийцы его ищут и в конце концов убивают. Самое же важное заключается в том, что делает это (как следует из договора 911 г.) государственная власть, так как в течение всего поиска беглеца на него существует судебное дело (да держится тяжи)¹³. Здесь уже нет и следа от кровной мести, ибо действует византийский закон.

Думается, что такая практика на Руси начала и середины X в. создавала некоторую юридическую возможность введения в конце того же века византийских уголовных законов. В этой связи уместно вспомнить, что еще в конце 60-х годов нашего века А. Поппе был склонен характеризовать введение Владимиром Святославичем «казни» как попытку «прибывшего из Византии высшего клира» повлиять на судебные ре-

⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 33–36, 46–53.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1 Стб. 34.

¹¹ Там же. Стб. 51.

¹² Там же. Стб. 34.

¹³ Там же.

шения в духе «византийских норм»¹⁴. Теперь это предположение удивительно логично подтверждается фактом существования Эклоги в древнерусском переводе, сделанном, скорее всего, в Киеве под патронатом церкви на основе новейшей модификации этого византийского свода, произведенной где-то в конце IX в., видимо, до появления Прохирона (*Ecloga privata*). Характер свода, созданного в ответ на «запросы» освоенных Византией варварских территорий, по мнению реформаторов, вполне соответствовал эпохе Руси конца X — начала XI в.

Епископы Владимира, предложившие ему отказаться от взимания вирных платежей и ввести в действие византийские законы, вероятнее всего, использовали дошедший до нас древнерусский перевод Эклоги, включенный затем на каком-то этапе в юридический сборник «Мерило Праведное», ибо в ней содержались нормы наказаний за убийство и за ряд правонарушений, граничащих с убийством, чреватых убийством и т.п.¹⁵ Наказания эти сосредоточены главным образом в XVII титуле Эклоги (ст. 45, 46, 47, 48, 49, 50), а более полудесяток преступлений, предусмотренных Эклогой, могут квалифицироваться как «мягкие формы» разбоя (XVII. Ст. 1, 4, 5, 13, 14, 16, 24,30)¹⁶. За все эти преступления полагалась не только смертная казнь, но и другие виды «казни»: членовредительство (отсечение руки, языка, носа), а также наказание плетью, изгнание и т.п.

В доказательство высказываемой гипотезы попытаемся прежде всего найти аргументы в тексте собственно древнерусского перевода Эклоги. Он в целом в точности повторяет основную структуру исходных греческих текстов (в варианте *Ecloga privata*) как по порядку титулов («зачатков»), так и по разбиению их на отдельные статьи или параграфы. В частности, варианту *Ecloga privata* четко соответствует перестановка XVI титула в текст между V и VI титулами. Вместе с

¹⁴ *Poppe A. Państwo i kósciół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. S. 222; Idem. Le prince et l'Eglise en Russie de Kiev depuis la fin du X siècle et jusqu'au debut de XII siècle // Acta poloniae historica. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1969. 20. S. 105. Следы влияния византийского права усматривали в этом акте: Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. СПб., 1903. С. 383; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение М., 1965. С. 153.*

¹⁵ Об этом см.: *Милов Л. В. О происхождении Пространной Русской Правды // Вестник Московского ун-та. Сер. 8: история. 1989. № 1 [см. также настоящее издание, с. 275–313 — примеч. ред.].*

¹⁶ Эклога. С. 72–73, 68–71.

тем в отличие от греческих текстов в русских списках в VIII титуле нет статей 8 и 9, а XVIII титул слит с XVII титулом, и притом поставлен он впереди XVII титула под общим номером¹⁷. Существенным отличием, позволяющим говорить о своеобразной древнерусской редакции Эклоги, является стремление переводчика-юриста дать титулам Эклоги более подробные, чем в оригинале, заголовки. Больше того, он ввел особые заголовки к отдельным статьям почти всех титулов Эклоги или к целым группам статей, объединенных в единые новые разделы тех или иных титулов.

Степень обобщения таких статей весьма различна. Так, объединение статей в весьма крупные разделы характерно для титула XIV («О свидетелях, достойных доверия и неприемлемых»)¹⁸. В древнерусской редакции этот титул обозначен как «Зачаток 15. О послуших верных и неверных» и имеет всего два раздела, первый из которых объединил текст статей 1–9, а второй соединил статьи 10–13. А последние две статьи (14 и 15) оставлены без изменений, но обрели свои особые заголовки¹⁹. Титул XV («О мировых сделках»), состоящий из трех параграфов, в древнерусском варианте дан единым слитным текстом. В первом титуле («Об обручении и расторжении обручения») объединены лишь первые три статьи, а второй («О заключении браков между христианами») подвергся максимальному объединению: слиты в единые разделы статьи 2–3, 6–8, 9–10, 11–12 и 14–15. Все новые разделы обрели особые заглавия²⁰. Кардинально обобщен также и титул XVI («О воинском собственном имуществе... и о клириках и хартуляриях»). Из пяти больших статей древнерусский юрист скомпоновал два раздела («главы» 1–2 и 3–5)²¹. В титуле VIII («Зачаток 9. Об освобождении написанном и ненаписанном») первые пять статей даны как единый раздел, а статьи 6 и 7 имеют свои заголовки. Статьи 8–9 отсутствуют, а в них шла речь о рабах, попавших в плен²². В титуле X («О займе, устном и письменном») объединены первые три статьи, а

¹⁷ Мерило Праведное по рукописи XIV в. М., 1961. (Далее: Мерило Праведное) С. 359–362, 368, 379, 381–393.

¹⁸ Эклога. С. 63–64; Ecloga. S. 214.

¹⁹ Мерило Праведное. С. 375–378.

²⁰ Эклога. С. 65; Ecloga. S. 218; Эклога. С. 44–45; Ecloga. S. 168–170; Эклога. С. 45–49; Ecloga. S. 170–183; Мерило Праведное. С. 379, 340–342, 342–352.

²¹ Эклога. С. 66–67; Ecloga. S. 220–224; Мерило Праведное. С. 359–362.

²² Эклога. С. 56–57; Ecloga. S. 200–204; Мерило Праведное. С. 367–369.

остальным двум даны особые заглавия²³. Наконец, в VI титуле («О наследующих без завещания, о легатах и исключенных из завещания лиц неблагодарных») объединены статьи 1–2, 3–6, 7–10, 11–13, фигурирующие под особыми заголовками (в переводе этот титул обозначен как «Зачаток 7»)²⁴. И, наоборот, все восемь статей V титула («О лицах, не имеющих права завещания») в древнерусской редакции сохранены в неприкосновенности и имеют свои заглавия²⁵.

Таким образом, можно предположить, что древнерусские юристы проявили разную степень интереса к тем или иным разделам византийского свода законов. То, что их меньше заинтересовало или было хорошо отражено в традиционном обычном праве (титулы о свидетелях, о воинском пекулии и др.), подверглось более кардинальной редакционной структуризации. Какая-то часть титулов в то же время была структурирована более мягко, и это выдает вполне определенный интерес к данным сюжетам (например, о заключении браков между христианами, о наследующих без завещания). Наконец, наиболее актуальные для древнерусского общества юридические разделы византийского права не только не подверглись обобщениям и укрупнениям параграфов, а, наоборот, каждая статья таких разделов выделялась своим, особым заголовком.

Помимо титула V («О лицах, не имеющих права завещания») таким остро актуальным разделом Эклоги стал XVII титул «О казнях»²⁶. В древнерусском переводе из 52 статей объединению подверглись только ст. 19–20 и 42–44. Статья 31 в тексте оказалась пропущенной. Остальные 46 статей, как бы ни был мал их текст (т.е. текст какой-либо из них), выделялись особыми заглавиями (к тому же в рукописях заголовки выполнялись ярко-красной киноварью)²⁷. Но это еще не все. В титуле XVII древнерусский юрист довольно неожиданно произвел кардинальную структурную перестройку порядка расположения практически всех 52 статей (см. таблицу 1)²⁸.

²³ Эклога. С. 59–60; Ecloga. S. 204–208; Мерило I Праведное. С. 370–373.

²⁴ Эклога. С. 54–55; Ecloga. S. 192–196; Мерило I Праведное С. 362–366.

²⁵ Эклога С. 52–53; Ecloga. S. 188–192; Мерило I Праведное С. 355–359.

²⁶ Эклога. С. 68–73; Ecloga. S. 226–242.

²⁷ Мерило Праведное. С. 383–393. Статья 31 греческих списков Эклоги имела в древнерусской версии номер 13, но ее нет во всех списках, а нумерация идет с пропуском (12, 14 и т.д.).

²⁸ Эклога. С. 68–73; Ecloga. S. 227–243; Мерило I Праведное. С. 381–393.

Таблица 1

**Расположение статей титула XVII
Эклоги в древнерусской редакции***

Порядковый № статьи		Порядковый № статьи		Порядковый № статьи	
греч. текст	древнерус. текст	греч. текст	древнерус. текст	греч. текст	древнерус. текст
1	(1)	18	43	35	26
2	(2)	19	17	36	15
3	3	20	17	37	42
4	30	21	18	38	(20)
5	29	22	19	39	(21)
6	44	23	24	40	46
7	49	24	12	41	32
8	47	25	40	42	23
9	48	26	41	43	23
10	36	27	9	44	23
11	37	28	45	45	4
12	38	29	16	46	5
13	28	30	10	47	7
14	33	31	(13)	48	8
15	31	32	11	49	6
16	34	33	14	50	27
17	35	34	25	51	22
				52	39

*В скобках обозначены утраченные в рукописи статьи.

В древнерусской редакции после текста титула XVIII «О разделении добычи» («О разделении корысти»), который начинал объединенный из XVII и XVIII титулов текст, видимо, следовали, как и в греческом тексте, три первые статьи (первая — о праве какого-либо провинившегося субъекта укрыться в церкви и праве иерея обеспечить законное расследование в отношении его; вторая — о ложной клятве

на евангелии, и третья — о заговорщиках и поднимающих восстание против императора)²⁹. Затем в порядке расположения статей греческого текста происходит резкое изменение. За первыми тремя сразу же идут ст. 45, 46, 47, 48 и 49. В древнерусской редакции им присвоены теперь номера глав: 4, 5, 7, 8 и 6. Последующие главы древнерусского текста (9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20 и 21) взяты из самых разных мест греческого текста (это 27, 30, 32, 24, 31, 33, 36, 29, 19, 20, 21, 22, 38 и 39 статьи Эклоги)³⁰.

В чем же смысл такой резкой трансформации древнерусской структуры титула XVII Эклоги? Отчасти на этот непростой вопрос можно ответить следующим образом. Порядок статей в титуле XVII продиктован их актуальностью, их прямым практическим назначением в ходе реформ Владимира Святого и связан с двумя важнейшими факторами в жизни общества: а) крещением населения страны и б) резким обострением преступности (так называемого «разбоя»). Именно поэтому вслед за статьями, направленными на мощную поддержку новой религии и борьбу с выступлениями против нее и государственной власти вообще, в древнерусской редакции Эклоги сразу же следуют статьи 4 и 5 (45, 46) о карах за предумышленное убийство, за удар мечом, повлекший смерть или ранение потерпевшего. В главе 6 (ст. 49) разбирается факт смерти раба от плетей или палочных наказаний (что не карается), а также от отравления ядом, истязаний или пыток огнем, т.е. тех случаев, когда смерть раба наказывается той же карой, что и убийство. В главе 7 (ст. 47) предусмотрена кара за драку (схватку), в итоге которой последовала смерть от удара дубиной или тяжелыми камнями или от удара ногой (за что отсекалась рука). Предусмотрена была и смерть от ударов более легкими предметами, что наказывалось плетями и изгнанием. В особой главе 8 (ст. 48) речь идет о смерти от удара рукой в драке.

²⁹ Еще на первом этапе данного исследования было установлено, что архетип всех сохранившихся ныне текстов древнерусской редакции Эклоги имел в титуле XVII дефект, заключающийся в отсутствии (утрате) текста первых двух статей и начальной части третьей статьи. См.: *Милов А. В. О древнерусском переводе ... С. 143–144* [см. также настоящее издание, с. 81–83 — *примеч. ред.*].

³⁰ Эклога. С. 69–72; Еклога. S. 230–236. На эти изменения в общей форме указывал еще В. Г. Васильевский, которому был известен лишь текст Печатной Кормчей 1650 г. В. Г. Васильевский обратил внимание только на то, что этим изменениям нет аналогов ни в одном известном ему греческом списке Эклоги. См.: *Васильевский В. Г. Указ. соч. С. 185–186.*

Нетрудно увидеть, что эта серия статей, санкционирующих суровые кары за убийства, удивительно созвучна легендарному тексту «Повести временных лет» (*И умножишася зело разбоеве. И реша епископы Володимеру: се умножишася разбоеве, почто не казниши их?*), т.е. ситуации, продиктовавшей введение жестоких византийских законов³¹. Правда, из серии статей, завершавших XVII титул Эклоги, была забыта ст. 50, которая посвящена собственно «разбойникам и устраивающим засады», она не попала в древнерусскую последовательность статей 4, 5, 7, 8 и 6. Это, конечно, странно, так как она как бы и должна была символизировать буквальную связь текста летописи об «умножившихся разбоях» с вводимыми законами. Однако не исключено, что при спешной работе древнерусских кодификаторов (а о следах спешности, об огрехах в создании своей, древнерусской юридической терминологии было сказано нами еще в 1976 г.)³² ее действительно забыли вставить в эту серию, может быть, в силу чистой случайности. Например, при переписке «нового зачала» в оригинале ст. 50, заключавшая эту серию, могла оказаться на обороте листа и ее не заметили и перешли сразу же к другим темам. Поэтому кодификатор включил ее потом уже в другое место титула XVII (в древнегреческом варианте статья под заголовком «О разбойницех» стоит как «глава 27»)³³.

Не менее важным обстоятельством является и другая особенность новой структуры титула XVII. Вслед за рядом статей о различного рода убийствах идет большая серия статей, направленная на укрепление семьи и новой христианской морали в отношениях мужчины и женщины. Первой из них идет «глава 10» (ст. 30) о карах за изнасилование девушки. Уточняющая ее ст. 31 греческого текста об изнасиловании несовершеннолетней (до 13 лет), вероятно, древнерусским кодификатором была опущена, так как ее действие покрывается главой 10 (статья эта была бы 13-й, хотя в общем счете она учтена). Далее рассмотрен сюжет, касающийся бесчестия чужой невесты (даже с ее согласия). Это «глава 11» (ст. 32). В «главе 12» речь идет о похищении девушки или монахини (ст. 24). Вслед за ней в древнерусской структуре титула XVII поставлена большая «глава 14» (ст. 33), где предусмотрены суро-

³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126–127.

³² См.: Милов Л. В. О древнерусском переводе... С. 145 и сл. [см. также настоящее издание, с. 83 и сл. — примеч. ред.].

³³ Мерило Праведное. С. 387.

вые наказания за кровосмешение и пренебрежение свойством в рамках большой патриархальной семьи (родители — дети, братья с сестрами, что влекло смертную казнь, далее отец со снохой или сын с мачехой, отчим с падчерицей и т.д.). В рубрике «глава 15» (ст. 36) рассмотрен вопрос о жене, забеременевшей от другого и пытающейся вытравить плод. Под № 16 идет текст ст. 29 о вступлении в связь с девушкой с ее согласия, но без ведома родителей, что завершается или браком, или откупом, размер которого зависит от состоятельности соблазнителя. Под «главой 17» объединены статьи 19 и 20 Эклоги о женатом и неженатом развратнике. В «главе 18» речь идет о связи женатого со своей рабой, а в «главе 19» — с чужой рабой (ст. 21, 22). «Главы» 20 и 21 в древнерусских списках в виду дефекта протографа отсутствуют, но они были в оригинале и речь в них шла о мужеложестве и скотоложестве (ст. 38 и 39)³⁴. Под номером 22 в новой структуре дана статья 51 о клеветниках, а под номером 23 — группа статей Эклоги (42, 43, 44), рассматривающих случаи отравления жены мужем или мужа женой, о наказаниях за колдовство, знахарство и изготовление амулетов. Далее «глава 24» посвящена соблазнению монахини (ст. 23), «глава 25» — связи мужчины с женщинами, являющимися по отношению друг к другу матерью и дочерью, а следующая «глава 26» — двоеженцу (ст. 34 и 35). Наконец, «глава 27» — это забытая кодификатором статья «О разбойниках» (ст. 50).

Таким образом, в этой серии статей (10–26) сконцентрированы меры пресечения наиболее важных для только что принявшего новую религию общества правонарушений в области христианской морали. Вместе с тем и в остальных статьях титула XVII, отодвинутых во вторую половину текста, есть немало сюжетов, имеющих прямое отношение к проблеме отношений мужчины и женщины (по греческой структуре это ст. 4, 6, 14, 15, 25, 26, 28, 37 и 52). Остальные же 13 статей можно отнести к области чисто светского права.

На наш взгляд, из приведенных выше наблюдений вполне может быть сделан вывод о том, что за глухим летописным легендарным сказанием о мерах против «умножения разбоев» скрывалась крупная правовая реформа, представлявшая собой не только введение целой серии жестоких наказаний за предумышленные убийства и разбойные нападе-

³⁴ Мерило Праведное. С. 386.

ния, но и попытку внедрения византийского правового обеспечения норм христианской половой нравственности и морали, охраны церкви и служителей культа. Реальным средством этой политики должен был стать прежде всего комплекс правовых установлений, сосредоточенных в титуле XVII Эклоги.

Наконец, еще один немаловажный вывод. Изменения в структуре перевода Эклоги в виде новой компоновки статей, появление в тексте многочисленных заголовков к статьям и группам их, полная структурная перестройка титула XVII — все это, пожалуй, исключает возможные предположения о том, что древнерусский перевод Эклоги первоначально мог бы находиться в составе какой-либо из Кормчих книг, попавших тем или иным путем на Русь. Ведь в Кормчих книгах, не говоря о греческих Номоканонах, тексты императорских законов обычно изменялись очень незначительно. Что же касается древнерусского перевода Эклоги, попавшего в конечном счете в юридический сборник «Мерило I Праведное», то он был вероятнее всего создан в ходе готовящейся Владимиром реформы системы судебных наказаний как части целой серии мероприятий, связанных с принятием христианства.

Однако, видимо, довольно быстро практика стремительного перехода к принципам византийских наказаний потерпела крах. В рассказе летописи о событиях, связанных с отменой вир и введением «казни», несомненно изложена история довольно протяженного периода действия византийских норм права. И через какое-то время (5 или 10 лет — об этом можно только догадываться) те же видные деятели государства забили тревогу: «госбюджет» терпит крах! Летопись об этом лаконично сообщает: *И реша епископы и старцы: «Рать много, оже вира — то на оружьи и на коних буде». И рече Володимер: «Тако буди!».* *И живеше Володимер по устроенью отню и дедню*³⁵. Таким образом, с прекращением поступлений в княжескую казну «вир», а, возможно, и «продаж», она опустела. А ведь рента-налог играла в функционировании государственного механизма Древней Руси жизненно важную роль, в частности это поддержка дружины оружием и т.п. Поэтому в конечном счете оказалось, что отмена системы судебных штрафов невозможна и древнерусское общество вновь вернулось к традиционным распорядкам.

³⁵ ПСРА. Т. 1. Стб. 126–127.

Возникает законный вопрос: неужели столь масштабная попытка судебно-правовой реформы оставила след только в виде простодушно наивной и на редкость лаконичной легенды; неужели можно было так легко вернуться к старому, не оставив в правовых памятниках никакого, даже, так сказать, отрицательного отражения?! А может быть, будучи в истории древнерусского права сугубо негативным моментом, эта реформа хоть как-то, но сказалась на последующем законодательстве Древней Руси? В этой связи пристального внимания заслуживает знаменитая Правда Ярослава, ибо она является памятником, хронологически ближайшим к неудавшейся реформе Владимира Святославича. Ведь, если признать достоверным факт практического применения в Древней Руси Эклоги, то само появление I Правды Ярослава, пожалуй, впервые за долгий период ее изучения получает новую мотивацию.

Историки еще со времен В. Н. Татищева считали, что Новгородская первая летопись младшего извода довольно ясно обрисовала историю появления Правды Ярослава, согласно которой после победы над братом своим Святополком Ярослав в 1016 г. одарил новгородцев за участие в борьбе за киевский стол деньгами, «давъ им правду и уставъ списавъ»³⁶. Этой точки зрения придерживались Н. М. Карамзин, И. Д. Беляев, Н. Ланге, П. И. Беляев, И. И. Яковкин, А. И. Стратонов, Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, М. Б. Свердлов. Л. В. Черепнин кроме того считал, что I Правда Ярослава была предназначена для защиты местного новгородского населения от вооруженных варяжских дружинников. Больше того, он писал, что по сути своей Правда Ярослава является договором («рядом») новгородского общества и корпорации варягов³⁷. Ряд историков был не согласен с такой гипотезой. Так, С. В. Юшков полагал, что «утверждение Л. В. Черепнина о том, что весь смысл появления I Правды Ярослава заключался в стремлении новгородского мира оградить себя от притеснений варяжской дружины, основано на крайнем преувеличении ее роли в жизни Киевского государства и Великого Новгорода в частности»³⁸. Вслед за С. В. Юшковым против трактовки Л. В. Черепнина выступил

³⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950. С. 175–176.

³⁷ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 245–248.

³⁸ Юшков С. В. Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 282.

М. Н. Тихомиров («при таком понимании Древнейшей Правды резко снижается ее значение как памятника русского законодательства. Самим варягам придается чрезмерно большое значение, как главной княжеской опоре»)³⁹. Наконец, в 1956 г. резко возражал Л. В. Черепнину и Б. А. Рыбаков, считавший, что никаких элементов двустороннего договора в Правде Ярослава нет, хотя в целом трактовка Л. В. Черепниным Древнейшей Правды как способа защиты новгородцев от варягово-наемников у исследователя возражений не вызывала⁴⁰. Иначе говоря, дата 1016 г. как время появления этого памятника Б. А. Рыбаковым была принята. Напротив, М. Н. Тихомиров и С. В. Юшков считали, что появление Древнейшей Правды следует отнести к более позднему периоду — 30-м годам XI в. (М. Н. Тихомиров — к 1036 г.)⁴¹. Особое место занимает позиция А. А. Зимина. Он считал, что, взяв Киев и вознаградив новгородцев (деньгами. — Л. М.), Ярослав даровал Правду всем, а не только новгородцам⁴².

Подобная разногласия в значительной мере объясняется нечетким текстом самой Новгородской летописи, а также наличием в ней не столько Древнейшей Правды, сколько так называемой Краткой редакции Русской Правды, включившей в себя и Правду Ярослава, и Правду Ярославичей. А появление ее давно датировано лишь второй половиной XI в. На это обратил внимание еще А. А. Шахматов. Развивая скепсис этого ученого-текстолога, С. В. Юшков подчеркнул, что в летописи новгородцам даруются какие-то финансовые льготы, а не Правда. Притом сама Правда это не «уставная грамота», о которой идет речь в летописи, а «сборник уголовно-процессуального права»⁴³.

Еще более трудным для историков явилось уяснение сути самой Древнейшей Правды. Смысл большинства статей этого памятника заключен в стремлении внести в процессуально-уголовные традиции древнерусского общества те или иные новации. Однако уже первые строки знаменитого памятника утверждали глубоко архаичный принцип кровной мести: *Оубьеть мужъ мужа, то мъститъ братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоучадоу, любо сестриноу сыно-*

³⁹ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды С. 15, 17 (примеч.).

⁴⁰ Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки. М., 1984. С. 78. Примеч. 27.

⁴¹ Памятники русского права. Вып. 1. С. 75.

⁴² Там же. С. 74.

⁴³ Юшков С. В. Указ. соч. С. 276–278.

ви. *Аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривен за голову. Аще боудеть роусинъ, любо гридинъ, любо коупчина, любо ябетникъ, любо мечникъ. Аще изъгой боудеть, любо словенинъ, то 40 гривен положити за нь*⁴⁴. Тема кровной мести, с которой начинается Древнейшая Правда, никак не связана ни с варягами, ни даже с новгородцами. Первая статья касается древнерусского общества в целом. Вместе с тем она всегда молчаливо ставила многих исследователей в тупик: почему становящееся на ноги Древнерусское государство в своем древнейшем законодательном памятнике утверждает в качестве важнейшего положения насчитывающий многие и многие века обычай кровной мести, который, кстати, спустя всего шесть десятков лет сыновья Ярослава сочли возможным отменить совсем. И почему в Древнейшей Правде нет установлений о другом, не менее архаичном обычае устройства судебных поединков, окончательно исчезнувших на практике лишь к середине XVI в.? Между прочим, в свое время отсутствие судебной традиции «поля» В. О. Ключевский использовал для обоснования своего мнения о церковном происхождении Русской Правды, при этом явно закрывая глаза на присутствие в ней языческого обычая кровной мести.

Итак, находясь в молчаливом тупике, ученые лишь добросовестно констатировали, что «согласно мнению, высказанному еще В. Н. Татищевым и подкрепленному Л. Гетцем, нормы Древнейшей Правды отражают раннее время истории Руси, еще до установления государственной власти и принятия христианства»⁴⁵. Из позднейших историков об этом писали Б. Д. Греков и А. А. Зимин, указывая, что Древнейшая Правда сохранила постановления, уходящие корнями в VIII—IX вв., в «седую старину». Причем наряду с такими оценками многие ученые продолжали считать, что Древнейшая Правда — это «новое до сих пор широкой массе населения и судебно-административному аппарату неизвестное» законодательство⁴⁶. В конечном

⁴⁴ Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. 1: Тексты. С. 70.

⁴⁵ Российское законодательство X—XX веков. М., 1984, Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 36.

⁴⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 188; Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. М., 1965. Т. 76. С. 230—240; Юшков С. В. Указ. соч. С. 290. М. Б. Свердлов отвергает предполагаемую Юшковым новизну норм I Правды Ярослава, так как видит в этой «новизне» опасность архаизации уровня права на Руси начала XI в. См.: Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 83.

счете тупик оставался и, как откровенно писал об архаизмах Правды Ярослава тот же С. В. Юшков, «почему и как они (древнейшие установления. — Л. М.) дошли в составе Краткой Правды и в летописи — все это остается загадкой для читателя»⁴⁷.

Стремясь хоть как-то примирить в Древнейшей Правде глубокую архаику и новации, исследователи пошли по линии фиксации в тексте памятника различного рода «ущемлений» и ограничений кровной мести. Так появилась в историографии концепция бытования на Руси с момента появления Правды «послесудебной мести». Например, М. Ф. Владимирский-Буданов, воспринимая обычай кровной мести как закон, включенный в состав Правды, писал: «В каждом ли случае преступник отдавался на полный произвол мстителя? Думать так не позволяет соединение мести с судом»⁴⁸. Следовательно, месть совершалась с санкции закона. Вместе с тем, ряд ученых пришел к буквальному пониманию первой статьи Правды Ярослава как мести, совершающейся по приговору суда. Например, Н. А. Максимейко считал, что «месть предварительно освящалась авторитетом судебного решения». Более того, этот ученый полагал, что «при осуществлении ее (т.е. мести. — Л. М.) потерпевший мог обращаться к помощи органов государственной власти». Таким образом, «приговор суда приводился в исполнение ...личными силами потерпевшего или его родственниками»⁴⁹. Опираясь, как и многие исследователи, на эпизод расправы в 1071 г. с волхвами на Белоозере, недавно более точно датированный В. А. Кучкиным осенью 1073 — весной 1074 г., М. Н. Тихомиров также присоединяется к оценке кровной мести Древнейшей Правды, как такой, которая производилась «по судебному решению»⁵⁰. А. А. Зимин держался, видимо, более нейтральной позиции («в историко-юридической литературе сложилось мнение, что в период закрепления правовых норм, содержащихся

⁴⁷ Юшков С. В. Указ. соч. С. 273.

⁴⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 5-е изд. Киев, 1907. С. 335—336

⁴⁹ Максимейко Н. А. Мнимые архаизмы уголовного права Русской Правды // Вестник Европы. 1905. Март—апрель. С. 127, 148—149; Он же. Опыт критического исследования Русской Правды. Харьков, 1914. Вып. 1. С. 7, 95, 169.

⁵⁰ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 75. Примеч. Определяя новую дату поездки Яна Вышатича, В. А. Кучкин опирается на данные дендрохронологии. См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 64.

в ст. 1 Краткой I Правды, речь шла уже о послесудебной мести»⁵¹. Более гибкой позиции придерживается и Я. Н. Цапов («Можно предположить, что князь дает свою санкцию на кровную месть, и это положение впервые закрепляется первой статьей I Правды Ярослава. Кровная месть.... таким образом, носит характер переходный от непосредственной расправы рода... к наказанию, налагаемому и исполняемому государственной властью»)⁵². Откровеннее всех общую позицию отечественных историков отразил С. В. Юшков, подчеркнув абсурдность настаивания «на том невероятном положении, что еще при Ярославичах, когда Киевское государство являлось уже феодальным, на Руси господствовала кровная месть»⁵³. Это ведь только И. Ф. Г. Эверс мог считать кровную месть свидетельством того, что Русь находилась на низшей ступени развития⁵⁴. I Правда, в XIX в. и В. И. Сергеевич занял четкую позицию, полагая, что «Русская Правда сохранила указания только на досудебную месть», хотя послесудебная месть и «могла, конечно, встречаться... и у нас, как в... случае с волхвами», но это были лишь исключения⁵⁵.

Между тем, признав сказание об отмене виры и введение в юридическую практику норм титула XVII Эклоги достоверными фактами истории, можно по-новому интерпретировать и парадоксальное соседство в Правде Ярослава глубоких архаизмов с юридическими новациями. Ведь византийские законы карали за убийство человека казнью мечом, т.е. смертной казнью (XVII. 45, 46)⁵⁶. Следовательно, с вводом Эклоги в действие институт кровной мести на Руси, так сказать, «автоматически» прекратил свое существование, как и сама практика вирных платежей. После какого-то, вероятно, довольно протяженного периода применения в Руси санкций Эклоги вынужденный отказ Владимира от византийских норм физических наказаний в виде отсечения носа, руки, языка, избивания плетью, острижения, изгнания и смертной казни вернул юридическую практику к старым нормам платежа виры и продажи. Каков был по форме отказ от норм Эклоги, мы не знаем. Но скорее всего, после этого отка-

⁵¹ Памятники русского права. Вып. 1. С. 87.

⁵² Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 50–51.

⁵³ Юшков С. В. Указ. соч. С. 71.

⁵⁴ Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право. СПб., 1835.

⁵⁵ Сергеевич В. И. Указ. соч. С. 372–378.

⁵⁶ Эклога. С. 72.

за все-таки создалась ситуация неопределенности, дававшая почву для своеволия в практике наказаний со стороны тиунов и волостелей (ведь недолгий, но все же порядок был нарушен!). В целях преодоления этой своего рода юридической нестабильности, возможно, и была создана Правда Ярослава.

Первая статья Правды Ярослава возвращала к прежней традиции и именно поэтому она вынужденно декларировала общее положение о кровной мести. Но поскольку целью реставрации была не сама кровная месть, а возвращение к практике взимания вир и продаж, то древнерусские юристы прежде всего резко ограничили круг родственников-мстителей двумя поколениями (брат за брата, отец за сына, сын за отца и, вероятно, племянник за дядю). Новация эта не должна рассматриваться исходя из признания постепенного отмирания обычая (как до сих пор), так как сам он уже давно, видимо, был на излете и возврат к нему обусловлен не живучестью кровной мести и не стремлением жить «по устройению отъню и дедню», а соображениями фиска. Можно лишь по-прежнему спорить, была ли плата головничества, когда названных в Правде мстителей не было. Следуя предлагаемой в настоящей статье новой логике событий, можно думать и о том, что в Правде даны лишь платежи в пользу князя⁵⁷. Хотя вторая часть статьи и перечисляет лиц, выделяемых княжеской властью, как лиц, убийство которых непременно карается вирой в 40 гривен, таких случаев было, очевидно, не так много, чтобы срочно пополнить казну.

Наконец, наиболее важным моментом нашего исследования является попытка выяснить, как создавалась сама Правда Ярослава, или Древнейшая Правда. Иначе говоря, какова была взаимосвязь и последовательность событий. Одного выявления отрицательной,

⁵⁷ В литературе последних лет высказывается суждение о том, что цифры 3, 7, 12, 40 являются сакральными числами, соотношенными в христианстве с библейской, богословской и богослужебной традициями. См.: Кириллин В. М. Символика чисел в древнерусских сказаниях XVI в. // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988. Стоит вспомнить, что М. Ф. Владимирский-Буданов считал штрафы в Древнейшей Правде размером в 3, 12 и 40 гривен обобщенными в своей сути, поскольку величина штрафа подчас была одинакова при совершенно различном материальном ущербе потерпевшего. Это важнейший аргумент, позволяющий считать, что в Правде Ярослава фигурируют лишь штрафы в пользу князя — казны. См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 20. В новейшей работе М. Б. Свердлова также отстаивается мысль о том, что в Правде Ярослава фигурируют платежи «в пользу князя» (Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 50 и др.).

хотя и тесной взаимосвязи первой статьи Древнейшей Правды и опрометчивой реформы Владимира по введению византийских норм уголовного права здесь мало. Следовательно, необходимо уяснить, а была ли эта своеобразная и невидимая доселе взаимосвязь у титула XVII Эклоги и большинства статей Древнейшей Правды? Приступая к этой задаче, оговорим одну немаловажную деталь. По летописи, возврата к старой системе штрафов потребовали не только «старцы», но и «епископы», которые сами инициировали ее отмену. Анализ структуры древнерусской версии титула XVII Эклоги убедительно показывает, что Владимир при введении норм византийского уголовного права расширил сферу действия реформы и на нормы половой морали. Но, вероятно, на каком-то этапе начался отход от применения византийских законов и результатом этого отхода, хотя и непоследовательного, явился Церковный Устав Владимира, явно связанный с Эклогой. Весьма вероятно, что глухой отзвук этого шага Владимира и отразился в летописной легенде в виде требования епископов возвратиться к штрафам. Текст Церковного Устава в наиболее архаичном варианте Оленинской редакции очень сложен и является, вероятно, заключительным вариантом, суммирующим несколько ранних постановлений⁵⁸. Упоминание в тексте княгини Анны позволяет полагать, что первые льготы церкви, в том числе и сборы от судов, даны были в конце X — начале XI в. (до ее смерти в 1011 г.). Вполне возможно, что тогда византийские наказания еще действовали и поэтому перечисленные в Уставе разновидности преступлений, «отныне» переходящие в компетенцию церковного суда, указаны без конкретных мер наказания. Но для данного поиска важно понять, что создатели Древнейшей Правды были уже ориентированы лишь на конструирование некоего собрания светских законов.

Итак, какую же роль сыграли нормы титула XVII Эклоги при разработке юристами Древнейшей Правды? Дабы облегчить разбор этой темы, приведем реестр сопоставлений «номинаций» светских законов титула XVII Эклоги (в той последовательности, которая дана в древнерусском ее переводе) с соответственными номинациями Правды Ярослава (см. таблицу 2)⁵⁹.

⁵⁸ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 139–140.

⁵⁹ Эклога. С. 68–75; Правда Русская. Т. 1: Тексты. С. 70–71.

Таблица 2

«Номинации» XVII титула Эклоги и Правды Ярослава

Эклога	Правда Ярослава
(порядок статей древнерусской редакции)	
4. О предумышленном убийстве (ст. 45)	1. Убьет муж мужа, то мстити... 4. Аще утнетъ мечем, а не вынем его, любо рукоятью.. 5. Оже ли утнетъ руку... Аще будет нога цела...
5. Об ударившем мечом и убившем или ранившем потерпевшего (ст. 46)	6. Аще ли перст утнетъ... 7. А во усе... а в бороде... 8. Оже ли кто вынезь меч, а не тнетъ...
7. О наказании за драку (схватку), в итоге которой случилась смерть от удара глубиной или тяжелым камнем, или от удара ногой. Особо учтена смерть от удара легким предметом (ст. 47)	3. Аще ли кто кого ударить батогом, любо жердью, любо пястью, или чашею или рогом. . .
8. О наказании за драку, повлекшую смерть от удара рукой (ст. 48)	3. (Аще ли кто кого ударить)... или тылеснию... 2. Или будет кровав или синь надъражен... 9. Аще ли ринеть муж мужа любо от себе любо к себе..
6. О наказании за смерть раба от плетей или битья палкой, а также от истязаний, от яда или от огня (ст. 49)	Нет параллели
27. О наказании разбойников и нападающих из засады (ст. 50)	1. О убъеть муж мужа, ... то мстити...
28. Об угоне чужого стада (ст. 13)	Нет параллели
29. О самовластном решении судебной тяжбы (ст. 5)	13. Аще познает кто не емлетъ его, то не рци ему: мое, но рци ему тако: поиди на свод... 14. Аже где възыщет на друзе проче...
32. О поджигателях в городе (воров или враждующих) (ст. 41)	Нет параллели

Окончание табл. 2

Эклога	Правда Ярослава
34. О краже свободного человека (ст. 16)	Нет параллели
35. О краже и сманивании чужого раба (ст. 17)	15. <i>Аще кто челядин пояти хоушт, познав свой, то к оному вести, у кого то будет... 10. Аще ли челядин открявется любо у варяга, любо у колбяга...</i>
36. О воровстве в походе или в лагере оружия или коня (ст. 10)	12. <i>Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо порт...</i>
37. О воре какой-либо вещи (с вариантами ситуаций) (ст. 11)	13. <i>Аще познает кто не смлет его, то не рци ему: мое, но рци ему тако...</i>
38. О владельце раба-вора (ст. 12)	16. <i>Или холоп ударить свободна мужа а бежить...</i>
43. О фальшивомонетчиках (ст. 18)	Нет параллели
46. О поджоге и рубке чужого леса (ст. 40)	Нет параллели
47. О запершем чужой скот и погубившем там его (ст. 8)	Нет параллели
48. О схватке баранов и быков разных владельцев со смертельным исходом (ст. 9)	Нет параллели
49. О взявшем чужого коня до определенного места (ст. 7)	11. <i>Аще кто поедет на чужом коне не прошав его...</i>

Общее впечатление от сопоставления светских законов Эклоги и норм Правды Ярослава однозначно: тематика установлений Эклоги была в существенной мере использована древнерусскими юристами при создании Древнейшей Правды. Отвергнутый византийский свод послужил основой для разработки местными юристами своих законов с применением уже местных, традиционных наказаний (Закона Русского)⁶⁰. При этом не лишено оснований и предположение, что под рукой юристов

⁶⁰ Новейшим исследованием соотнесения правовых норм Русской Правды в различных ее редакциях и, прежде всего, Древнейшей Правды с Законом Русским является работа М. Б. Свердлова «От Закона Русского к Русской Правде» (М., 1988)

был не столько греческий текст, сколько древнерусский перевод титула XVII Эклоги, ибо за некоторыми исключениями порядок следования сюжетов преступлений у Правды Ярослава схож именно с древнерусской редакцией Эклоги. Например, ее четвертая «глава», посвященная преднамеренным убийствам, может быть соотнесена с первой статьей Правды (*Аще убьетъ муж мужа, то мститъ...*). Далее, «глава 5» (удар мечом и его различные последствия для потерпевшего) вполне сопоставляется с целой цепочкой следствий от опрометчивого действия мечом вспыхнувшего гневом в ходе ссоры человека. Причем очень важно, что все эти статьи в Правде Ярослава, как и в греческом тексте Эклоги, следуют более или менее целостной серией сразу же после статьи о преднамеренном убийстве. В Правде Ярослава это статьи 4, 5, 6, 7 и 8 (удар мечом в ножнах, удар рукоятью меча как особо опасное действие, удар обнаженным мечом, приведший к ранению руки, к ранению ноги с последующей хромотой, потеря от удара мечом пальца руки, потеря уса или бороды, наконец, статья о простой угрозе обнаженным мечом). Разница лишь в том, что в древнерусском законе нет деления на умышленное и неумышленное убийства (они в Правде все включены в первую статью). Поэтому статьи 4, 5, 6, 7 и 8 посвящены не смертельным следствиям удара мечом.

В «главе 7» древнерусской версии Эклоги рассмотрены смертельные следствия от ударов, нанесенных разными подручными предметами. В Правде Ярослава ей соответствует статья 3, где рассмотрены не смертельные последствия от ударов примерно теми же предметами (сходство очень большое). Отличие древнерусского законодательства заключается в предельно развитой детализации, за которой помимо традиции, очевидно, скрывался фискальный интерес. В том же соотношении находится «глава 8» (смерть от удара рукой во время драки или схватки), с одной стороны, и детализация не смертельных следствий от ударов рукой или вообще драки — с другой. В третьей статье удар тыльной стороной ладони руки, следствия драки или избиения во второй статье: *или будет кровав или синь надъражен*⁶¹, толчки друг друга в ссоре из 9-й статьи).

Другая четко сопоставимая серия преступлений фигурирует в древнерусском переводе титула XVII как главы 35, 36, 37 и 38. С ней может быть соотнесена уже менее компактная группа статей Древнейшей

⁶¹ Правда Русская. Т. 1: Тексты. С. 70.

Правды (ст. 10, 12, 13, 15 и 16). Первая из них о краже и сманивании чужого раба четко соответствует ст. 15 Правды Ярослава. Отличие здесь чисто внешнее. Древнерусский текст не торжественно формален, а только подразумевает самую суть: челядин уже украден, хозяин разузнал, где он. Исходя из этого и следует текст статьи. Сюда же может быть отнесена и ст. 10. Она тоже лишена формализма и молчаливо исходит из реальной ситуации (варяги часто сманивали холопов и челядь и они бежали к ним). Очень явно прослеживается сходство сюжетов «главы 49» (ст. 7) и статьи 11 Правды Ярослава.

В Эклоге речь идет о взявшем коня для поездки до определенного места, но уведшем его дальше этого пункта, притом конь или погиб, или ему был причинен какой-либо вред. В Правде Ярослава, как известно, речь идет о том же, но в более обобщенной форме (*Аще кто поедет на чюжемъ коне, не прошавъ его...*)⁶². Определенное сходство есть даже между «главой 38» (ст. 12 Эклоги) и ст. 16 из Древнейшей Правды. В первой разбирается мера ответственности рабовладельца за действия раба-вора. Во второй также рассмотрена ответственность холоповладельца, но лишь за наглую дерзость холопа (удар, нанесенный свободному человеку).

Сравнивая тексты того и другого памятника, можно проследить и более сложную связь, когда сходны не только виды преступлений, но и некоторое сходство в процессуальных моментах. Так, «глава 36» перевода (ст. 10 Эклоги) рассматривает вопрос о воровстве в обстановке военного похода или в походном лагере (пропажа оружия или коня)⁶³. Впрямую с ней совпадает статья 12 Правды Ярослава (*Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, люб порт...*)⁶⁴. В обоих случаях предусмотрена мера наказания (в Эклоге наказание плетью за оружие и отсечение руки за коня; в Правде Ярослава — возврат вещи и штраф в три гривны). Но в Правде Ярослава эта общая формулировка имеет уточнение в двух иных текстах. Это статьи 13 и 14, выполняющие процессуальную функцию. Однако самое примечательное в том, что даже

⁶² Правда Русская. Т. 1: Тексты. С. 70.

⁶³ Эклога. С. 69.

⁶⁴ Правда Русская. Т. 1: Тексты. С. 70 Разбирая ст. 12 Правды Ярослава, наши ученые смутно догадывались о том, что здесь чувствуется византийское влияние (Д. Дубенский, И. Д. Беляев, М. Ф. Владимирский-Буданов и др.). Однако в работе М. Б. Свердлова вновь отстаивается «автохтонность» этой статьи. См.: Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 62

процессуальные, сугубо местные детали имеют своего рода «отзвук» в тексте Эклоги. Сопоставим эти тексты:

Эклога	Правда Ярослава
<p>XVII. 5. Если кто-либо имеет тяжбу с кем-либо, и, не сказав властям, но самовольно, либо своей властью, либо с приложением силы, наложит руку и захватит что-либо, то, если его притязания правильны — он лишится своей вещи и отдаст ее. Если же он забрал что-либо чужое, то да будет избит местным архонтом... и затем возвратит за это то, что он взял⁶⁵.</p>	<p>13. <i>Аще познает кто, не емлеть его, то не рци ему: мое. Но рци ему тако: пойди на свод, где еси взял: или не пойдет, то поручника за 5 дней.</i></p> <p>14. <i>Аже где възыщет на друзе проче, а он ся запираити почность, то ити ему на извод пред человека...</i>⁶⁶</p>

Эти тексты объединяет идея предупреждения самосуда. Более того, юристы Правды Ярослава, как бы отталкиваясь от текста Эклоги, где наказывается самовольный без уведомления властей возврат похищаемой вещи, развивают этот механизм предупреждения по-своему («аще познает кто» украденную у него вещь, то «не емлеть его», т.е. либо коня, либо оружие, либо какую-нибудь вещь. И далее: *то не рци ему* (не говори ему. — Л. М.): *мое, но рци ему тако: пойди на свод...* и т.д.). Последующая статья 14 также развивает и детализирует процессуальные аспекты поиска украденного. Пожалуй, не имеет параллели с Эклогой лишь ст. 17 Правды Ярослава (о порче позаимствованной чужой вещи), однако она скорее всего является более поздним добавлением в текст памятника.

Итак, проведенное исследование, на наш взгляд, подтверждает, что крещение Руси в конце X в. поставило общество перед необходимостью принять не только христианские религиозно-идеологические догматы, но и тщательно разработанную обширную систему церковного и переплетающегося с ним светского права, касающуюся не только всех слоев клира, но и мирян (особенно в сфере семейно-брачных отношений, наследственного права и т.п.). Стремясь упрочить положение цер-

⁶⁵ Эклога. С. 68.

⁶⁶ Правда Русская. Т. 1: Тексты. С. 71.

кви на Руси, византийские миссионеры из высших кругов церковной иерархии предприняли решительные шаги и в области рецепции римско-византийских юридических основ социального бытия. Отлично понимая глубину цивилизационных различий византийского и древнерусского социумов, епископы Владимира Святославича прибегли к помощи уже устаревших византийских юридических кодификаций. Причем к практической реализации их на русской почве привлечены были наиболее простые, как бы более доступные варварскому, в их глазах, народу, области права, т.е. прежде всего уголовное право (титул XVII Эклоги). И тем не менее, судебная реформа Владимира по введению системы физических уголовных наказаний оказалась опрометчивой и закончилась провалом. В основе этого провала лежали, видимо, стратегические просчеты в недооценке природы древнерусского социума, как имеющего лишь минимум совокупного прибавочного продукта, чья государственная политическая надстройка сугубо специфична даже для раннефеодального общества и имеет мало аналогий с византийской государственной машиной. Кроме того, реформаторы сделали просчеты, касающиеся недооценки громадной инерции в ментальности общества. Тем не менее, Владимир Святославич проявил незаурядное мужество и государственную мудрость, сумев отказаться от преждевременных новаций и в какой-то мере вернуться к старым судебным порядкам.

При всей неясности деталей возврата к старой практике борьбы с грабежом и убийствами, вполне очевидно, что наиболее кардинальным шагом на этом пути (причем шагом, ведущим не только к прошлому, но и к будущему) явилась Древнейшая Правда, или Правда Ярослава. Время ее появления по-прежнему определить трудно. Но, скорее всего, Новгородская первая летопись младшего извода в неузнаваемо искаженном виде донесла до нас информацию об одном из первых важных государственных актов нового киевского князя Ярослава Владимировича, который сумел в своеобразном своде рассчитанных на всю Русь древнерусских законов учесть и заслуги новгородцев, способствовавших достижению им киевского стола.

Создание Правды Ярослава знаменовало качественно иной этап в попытках рецепции византийского права. Отныне древнерусские юристы почти навсегда отказались от буквального копирования чужеземных законов и правил. Теперь они ими лишь руководствовались, вырабатывая свои, местные законы и установления, сохраняя невидимое влияние чужеземных сводов на общие принципы выбора объектов юридической

проработки, структуры местных юридических сводов и лишь в некоторых случаях прибегали к параллельному дублированию юридических казусов. Найти следы столь умной и творческой работы, разумеется, не столь легко. Может быть, поэтому историки прошлого, ориентируясь обычно на тривиальные текстовые и смысловые совпадения, никогда не проявляли единодушия в поисках того или иного иностранного влияния. Часть из них, придерживаясь общих концепций, скажем, скандинавского или германского влияния на Русь, опирались на те или иные конкретные аналогии. Это, однако, не мешало им претендовать на выводы общего характера (Струбе де Пирмонт, Н.М. Карамзин, Ф. Л. Морошкин, М. П. Погодин, Л. К. Гётц, Е. Н. Щепкин, Е. Ф. Карский, А. Е. Пресняков и др.). Другая часть историков права придерживалась общей концепции фундаментального влияния на Русь Византии и усматривала в текстах разных редакций Русской Правды византийское и римско-византийское влияние (Н. В. Калачов, Д. Е. Дубенский, И. П. Беляев, А. А. Сухов, В. И. Сергеевич, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов, Н. А. Максимейко и др.). Разумеется, в литературе встречались и работы, отрицающие византийское влияние (Д. Голенищев-Кутузов, Е. Черноусов и др.). Советские историки в основном также придерживались позиции отрицания его (как, впрочем, и скандинавского). Наиболее решительные высказывания принадлежат С. В. Юшкову, подчеркивавшему «полное несоответствие основных принципов русского права эпохи Русской Правды и византийского права»⁶⁷. Между тем, такое влияние Византии, как показывает данное исследование, было. Осуществлялось оно отнюдь не столь просто⁶⁸. И тоньше всего специфику этого влияния подметил в свое время В. О. Ключевский. Он писал, что «составитель Русской Правды, ничего не заимствуя дословно из памятников церковного и византийского права, однако руководился этими памятниками. Они указывали ему случаи, требовавшие определения, ставили законодательные вопросы, ответов на которые он искал в туземном праве»⁶⁹.

Оубл.: Древнее право / *Ius Antiquum*.
1996. № 1. С. 201–218.

⁶⁷ Юшков С. В. Указ. соч. С. 365.

⁶⁸ См.: Милов Л. В. Происхождение Пространной Русской Правды... С. 18–29 [см. также наст. изд., с. 296–313 — примеч. ред.]

⁶⁹ Ключевский В. О. Соч. в восьми томах. М., 1956. Т. 1. С. 211.

ОБ «ИЗВОДЕ ПРЕД 12 ЧЕЛОВЕКА» ПРАВДЫ ЯРОСЛАВА

В Краткой Русской Правде (Правде Ярослава) статья 15 давно вызывает разногласия в той своей части, которая касается «извода пред 12 человека» (мужа), хотя общий смысл статьи понимается более или менее однозначно («Аже где възищеть на друзе проче, и он ся запирати почнетъ, то ити ему на извод пред 12 человека [мужа], да аще будетъ обида не вдал (будеть) достоинт ему свои скот, а за обиду 3 гривне»). Уточним лишь, что некоторые историки (Н. М. Карамзин, А. А. Зимин, Я. Н. Щапов) предпочитают видеть в статье 15 не процедуру возврата займа, а процедуру возврата похищенного имущества, причем той его части, которая при возврате утаена. От себя же заметим, что эта статья логически связана с двумя предыдущими в один блок и касается пропажи обнаруженной у кого-то (друзе) вне (проче) «своего мира»¹. Иначе говоря, речь должна идти не об «остальном» имуществе, а вообще о похищенном в целом.

Что же касается «извода пред 12 человека», то разноречия в литературе, на наш взгляд, весьма существенны. В. Н. Татищев, в частности, полагал, что речь должна идти о суде «пред 12 человека». И. Ф. Г. Эверс считал, что 12 человек были избраны всей округой и выступают по сути как своего рода присяжные². Примерно той же позиции придерживался Н. М. Карамзин (присяжные «разбирали обстоятельства дела по совести, оставляя судье определить наказание и пеню»)³. А. И. Загоровский вполне откровенно оценил материал источника явно недостаточным для четких суждений (он пишет просто о «каких-то 12 человеках»)⁴. Н. Ланге склонялся к тому, что «извод пред 12 человека» — это просто очная ставка с 12 свидетелями⁵. Очень близка к этой позиции точка

¹ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. СПб., 1895. Стб. 1608.

² *Татищев В. Н.* Русская Правда: предизвещение и примечания В. Н. Татищева // Продолжение Древней Российской вивлиофики. Т. I СПб., 1786; *Эверс И. Ф. Г.* Древнейшее русское право. СПб., 1835. С. 332–333.

³ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. 5-е изд. СПб., 1842. Т. II. С. 37.

⁴ *Загоровский А. И.* Исторический очерк займа по русскому праву до конца XII ст. Киев, 1875. С. 11–12; см. также *Дубенский Д.* Об Ярославовой Правде XI в. // Чтения Общества истории и древностей российских. 1846. Кн. 2. С. 15–16

⁵ *Ланге Н.* Исследование об уголовном праве Русской Правды // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1859–1860. Кн. 1–3, 5, 6. С. 177–178.

зрения Н. А. Максимейко. Он считает, что 12 человек — это свидетели, это «способ доказывания», «а не тот компетентный суд, к которому надо обращаться за решением спора»⁶. Из современных исследователей к подобной точке зрения склоняется Я. Н. Щапов: «12 мужей фигурируют здесь в качестве свидетелей доброй славы — послухов». Такое решение подкрепляется, по мнению ученого, и статьей 47 Пространной Правды⁷. В. Удинцов, наоборот, писал о том, что роль 12 мужей «недостаточно ясная», «во всяком случае, это не свидетели, так как перед ними присягают истец и ответчик». Вместе с тем, как бы размышляя, он считает наиболее похожей на процедуру извода формулу договора Новгорода с Немцами 1195 г. («Оже емати скот варяги на русине или русину на варязе, и ся его заприть, то 12 муж послухы идеть рота, возметь свое»)⁸. Кстати, В. Удинцов отмечает сходство процессуальных принципов ст. 15 с Вестготской и Салической правдами, объясняя это «общностью происхождения народов и общностью праворазвития». Однако М. Н. Тихомиров настаивает на том, что обычай свидетельства 12 мужей «был постоянным явлением в славянских землях», приводя в пример текст из Закона Судного людем и Законника Стефана Душана. В договоре Новгорода с Немцами 1195 г. М. Н. Тихомиров видит прямое тождество со статьей 15⁹. Из современных исследователей такую общность пытается проследить М. Б. Свердлов, проводя, в частности, параллель ст. 15 Краткой Правды с Баварской Правдой (при краже имущества от 12 солидов и больше, или краже лошади, или раба в случае отрицания содеянного подозреваемый должен дать клятву с 12 помощниками из своего рода или двух бойцов для судебного поединка)¹⁰.

Среди иных мнений важно отметить суждение И. Грыцько, считающего извод «перед 12 человек» повальным обыском в уголовном процессе о татьбе. К этой позиции близко и мнение Гетца об «изводе перед 12 мужами» как общинном суде¹¹.

⁶ Максимейко Н. А. Опыт критического исследования Русской Правды. Харьков, 1914. Вып. 1. С. 30–32.

⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т 1: Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. С. 56–57. Комментарий Я. Н. Щапова.

⁸ Удинцов В. История займа. Киев, 1908. С. 10, 11, 17, 51, 62.

⁹ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 70.

¹⁰ Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 62–63.

¹¹ Грыцько И. Участие общины в суде по Русской Правде // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России: 1860–1861. Кн. 5. С. 107; Goetz Das Russische Recht (Русская Правда). Stuttgart, 1912–1913. Т. I. S. 176.

Наконец, весьма интересны суждения П. Мрочека-Дроздовского и М. Ф. Владимирского-Буданова. Первый из них размышляет о 12 мужах, которые, по его мнению, «очевидно и решают тяжбу: следовательно, это и есть судьи, вероятно, земляки сторон или ответчика. Судьи судят по изводу; известия... истцу перед судьями значит отстоять свои требования, доказать им правду — как и чем бы то ни было, следовательно, извод есть общее понятие судебного доказательства»¹². М. Ф. Владимирский-Буданов считает, что «комиссия 12-ти состоит из послухов свидетелей заключенной сделки, которые в то же время были судьями относительно этой сделки. Не только в исках, возникающих из договоров, но и уголовных, «послухи должны рассудить», как выражается Эклога Льва и Константина (зач. 16, ст. 7)»¹³.

Оба мнения ученых заслуживают внимания, ибо правота их отчасти подтверждается терминологией древнерусских переводов византийских юридических текстов. Речь идет, в частности, о подборке новелл Юстиниана, известной как «Собрание постановлений в 87(93) главах», составленное Иоанном Схоластиком. Наиболее ранний список этого собрания дошел до нас в древнейшей на Руси Кормчей книге в числе статей, идущих вслед за текстом Номоканона XIV титулов без толкований¹⁴. Традиционный взгляд на перевод этой Кормчей книги как древнеболгарский был, на наш взгляд, аргументированно пересмотрен в пользу его древнерусского происхождения¹⁵. Тем самым была поддержана давняя точка зрения А. С. Павлова, а также солидарных с ним Н. Н. Дурново и М. Н. Сперанского.

Таким образом текст Ефремовской Кормчей, равно как и недостающий конец его, сохранившийся в Соловецком и Троицком списках, мы можем рассматривать в качестве наиболее раннего текста первой половины XI в. (Ефремовский список датируется концом XI — началом XII в.).

¹² Мрочек-Дроздовский П. Материалы для словаря правовых и бытовых древностей по Русской Правде // Чтения Общества истории и древностей российских. 1917. Кн. III. С. 94.

¹³ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Изд. 5-е. Киев, 1899. Вып. 1. С. 28 Прим. 19.

¹⁴ Срезневский И. И. Обзорение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897. Приложение II (далее — Срезневский И. И. Обзорение). С. 67–103, 104–134.

¹⁵ Милов А. В. О древнейшей истории кормчих книг на Руси // История СССР. 1980. № 5 [см. также настоящее издание, с. 233–260 — примеч. ред.].

Рассмотрим, в частности, весьма важный для данного случая фрагмент 123-й новеллы (§ 21). Приведем его наиболее интересную часть: «Аще кѣто на коего клирика, или мнѣиха, или на слоужьбнищю, или на чьрноризищю иматъ коую прю, да наоучитъ пьрвѣ пр(е)п(о)д(о)бного еп(и)с(ко)па, емоу же кыиждо подѣлжитъ; он же вещь межю ими да соудитъ; и аще каяждо чьсть соуженыими оумѣлчитъ, повелѣваемъ кнѣземъ сѣ въ изведение прѣдяти; аще ли кѣто от(ъ) пьрящнихъся мнѣ десяти дьновъ противоу речеть соуди бывъшихъ, тьгда соущии на мѣстѣ кнѣзь выщѣ да испытаетъ и, аще обрящеть соудъ право бывающъ, и развѣ причьта своего сѣи да извѣститъ и изведению прѣдасть соуженная, и не подобаетъ вѣторое въ таковѣи вещи подвигышися повѣдати пьрю...»¹⁶.

Как видно из текста, при возникновении каких-либо обвинений (претензий) к духовным лицам прежде всего привлекается к рассмотрению епископ, ибо он (должен) разбирать тяжбы между ними. В случае, если судящиеся ничего не говорят по сути дела, то князь (местный) передает дело «въ изведение», что в данном контексте может быть понято как расследование, причем ведут его судьи. Если по прошествии определенного срока дело не сдвинулось с места, тяжбу рассматривает сам князь и, в случае правоты позиции суда, передает судящихся «изведению», то есть дознанию. Причем о способах его и о том, кто его ведет, ничего не говорится.

В § 27 той же 123-й новеллы дано еще более тонкое определение «изведения»: «Аще кьгда вина възискаеть въспомяновения или изведение принести о винѣ каковааго имѣния, или о людѣстмь, или о своемъ клирикоу, или мнѣихоу, или чьрноризици каковааго монастыря и паче женьскааго, лицемѣрия развѣ съ подобною чьстїю повелѣваемъ въспоминание и изведению быти...»¹⁷. Примерный перевод этого текста может быть следующим: «Если когда обвинение требует припоминание или дознание (узнавание) произвести об обвинении какой-либо мзды (?) в адрес мирского (человека) или клирика, или монаха, или монахини какого-либо монастыря, особенно женского, повелеваем с должным уважением, без оскорбления провести припоминание и узнавание (дознание)».

Таким образом из текста вполне очевидно следует, что дознание не сводится к простым припоминаниям. Это, видимо, своего рода следствие.

Наконец, в § 28 той же 123-й новеллы процедура извода обогащена новыми функциями. Вот фрагмент этого текста: «Мнѣихомъ же подобаетъ

¹⁶ Срезневский И. И. Обзорение. С. 92.

¹⁷ Там же. С. 96.

или повелѣвающими своя пѣря или монастырскы повелѣвати, вѣдоущю си прѣстоупающю соуду или изводьники, яко пояса обнажитися и казнь пяти литр злата сѣтворити отъ вельлѣпааго комита привать, рекше сановъ, изводьникуо явѣ, яко и моукы принимающе и въ изгнание поуцаемоу...»¹⁸. Примерный смысл изложенного состоит в следующем: «Монахам же подобает [быть] решающими свои споры или по-монастырски приказывать; когда [же] заведомо нарушают [действия] суда или изводников, [тогда], в частности, изводнику открыто, от [имени] великолепного “комита приват”, то есть сановника, совершить обнажение [от] пояса и наказание [штрафом] пятью литрами злата, или, например, применить муки и отправить в изгнание...». Вполне очевидно, что здесь изводник выступает и как ведущий дознание и как исполнитель приговора (εκβιβαστον)¹⁹.

Разумеется, в переводе с греческого термины, взятые из практики древнерусского общества, применены с некоторой условностью. Тем не менее, их главные ипостаси отражены, скорее всего, вполне достоверно. «Изведение» — это дознание, расследование, и ведут его не судьи, а «изводники».

Кто же выступает в этой роли? На это тексты 123-й новеллы Юстиниана ответа не дают. Однако есть возможность привлечь другие древнерусские переводы византийских юридических текстов. Здесь, в частности, речь должна идти о древнерусском переводе византийского свода VIII века, известном под названием «Эклога законов» (Эклога)²⁰. Автором этих строк был в свое время также пересмотрен традиционный для литературы взгляд на славянский перевод (а использовался он лишь в редакции Печатной Кормчей 1650 г.) как на болгарский. На самом деле более ранние списки с очевидностью обнаруживают его древнерусское происхождение (в частности, список Троицкого Мерила Праведного третьей четверти XIV в.)²¹.

¹⁸ Срезневский И. И. Обзорение. С. 97.

¹⁹ В более поздних по времени сербских памятниках XIV в. термин «извод» однажды отмечен в значении судебного исполнителя. См.: Monumenta serbica. S. 561–566. Stephanes Uros II Serbine rex, fundat ecclesiam in Cracania (6830–1322 г.).

²⁰ Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V / Hrgb. von Ludwig Burgmann. Lowenklaus — Gesellschaft E.V. Frankfurt am Main, 1985; Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965 (далее — Эклога).

²¹ Подробнее об этом см.: Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1; Его же. Древнерусский перевод Эклоги в кодификационной обработке конца XIII в. // Вестник Московского университета. Сер. 8: история. 1984. № 3 [см. также настоящее издание, с. 79–124 — примеч. ред.].

В данном случае древнерусский перевод ценен тем, что в нем своеобразно интерпретированы исходные греческие лексемы, обозначающие «судью» (οἱ δικάσταί; οἱ ἀκροαταί)²². Если первая лексема — это главный в Эклоге термин, означающий судью, то вторая встречается довольно редко (около десятка раз). Буквальный перевод этого термина с греческого от ἀκροάομαι — «слушать». Самое же, на наш взгляд, интересное заключается в том, что второй термин в семи случаях из девяти переведен древнерусским словом «послухатаи»²³. Этот термин уникален и единственный случай его употребления известен И. И. Срезневскому только по списку Златоустра XVI века. Своим применением в полном переводе Эклоги он, видимо, обязан чрезвычайной древности этого перевода. Автор этих строк датирует его периодом крещения Руси (в пределах нескольких лет после 988 г.)²⁴.

Термин ἀκροαταί в Эклоге применен преимущественно в тех текстах, где юридически суть дела требует не столько решения судей, сколько выяснения обстоятельств дела, что явно сближает эту практику с процедурой «изведения» (извода). В этой связи приведем ряд фрагментов Эклоги в русском и древнерусском переводах.

Фрагмент из XVII титула Эклоги (§ 47) в переводе Е. Э. Липшиц гласит: «Если в результате происшедшей схватки случилась смерть, то пусть судьи рассудят (οἱ ἀκροαταί καὶ τηρεῖτωσαν) и обследуют оружие, которым была причинена смерть»²⁵. В древнерусском тексте это выглядит следующим образом: «Аще распря, межю нѣкимъ бы-

²² Создатель русского, в целом прекрасного перевода Е. Э. Липшиц, как и подготовивший великолепное «академическое» издание греческих текстов Эклоги Л. Бургманн, не делают различий между этими терминами, считая их, видимо, синонимами (впрочем Е. Э. Липшиц, опираясь на мнение Цахария фон Лингентала, считает акроатов местными судьями). Между тем на основе Книги Эпарха (конец X в.) Христофилопулос предположил, что акроаты являются лицами, присутствующими при разборе дела или разбирающими данное дело. М. Я. Сюзюмов, продолжая эти мысли, полагает, что речь может идти «об особом третейском суде из наиболее влиятельных ремесленников данной профессии» (см. Византийская Книга Эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962. С. 261).

²³ Подробнее об этом см.: Милов Л. В. Византийская Эклога и Правда Ярослава (к рецепции византийского права на Руси) // ГЕННАΔΙΟΣ. К 70-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999 [см. также настоящее издание, с. 173–186 — примеч. ред.].

²⁴ Милов Л. В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право / Ius Antiquum. 1996. № 1 [см. также настоящее издание, с. 125–152 — примеч. ред.].

²⁵ Эклога. С. 72; Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V. S. 243.

вающи, приключить(ся) см(е)рти проити, да расудять послухатаи, и да хранять, имъ же см(е)рть сдѣяна быс(ть)»²⁶. Л. Бургманн перевел ключевой момент так: «Sollen die Richter eine Ermittlung anstellen» (судьи должны предпринять дознание, распознавание и т.п.)²⁷. Иначе говоря, речь идет о самостоятельном дознании, «изведении» послухатаев. Однако в других фрагментах тот же оборот греческого текста (τηρείτωσαν οἱ ἀκροαταί)²⁸ в древнерусском тексте передан иначе: «да соблюдут послухатаи». Приведем эти фрагменты.

Перевод Е.Э. Липшиц	Древнерусский перевод
Тит. V, § 5. «Если завещание выполнено полностью так, как было указано выше, и если родители опускают при составлении завещания своих законных детей или одного из них, то пусть судьи расследуют дело» ²⁹ .	«(Аще) завѣту же, яко же речено бысть, отгнудь бывающю. Аще родителя своя присная чада и едино от нихъ оставять бес памяти, да соблюдут послухатаи» ³⁰ .
Тит. XI, § 1. «Если же получивший вклад ссылается на какой-либо несчастный случай — пожар или кражу, случившиеся у него, при котором вместе с его собственными погибли и чужие, пусть судьи произведут расследование» ³¹ .	«(Аще) ли прилучить(ся) напасти нѣкои или от(ъ) крадения наити на нь со своими его погибнути, и сия да соблюдут послухатаи» ³² .
Тит. X, § 1. «Если только не докажет, как положено, (что оно погибло и) что чужие вещи погибли вместе с его собственными, и тогда, следовательно, это расследуют судьи» ³³ .	«Аще не явить, когда такову яко правду нашедши напасть и съ своими погибнути чужимъ, яко же речено ест(ъ), о том соблюдут послухатаи» ³⁴ .

²⁶ Мерило Праведное по рукописи XIV в. М., 1961. С. 382.

²⁷ Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V. S. 243.

²⁸ Там же. С. 190, 206, 208.

²⁹ Эклога. С. 52.

³⁰ Мерило Праведное по рукописи XIV в. С. 357.

³¹ Эклога. С. 60.

³² Мерило Праведное по рукописи XIV в. С. 373.

³³ Эклога. С. 59.

³⁴ Мерило Праведное по рукописи XIV в. С. 371.

Как явствует из сравнения текстов, при передаче таких выражений, как «пусть судьи рассудят», «пусть судьи расследуют» (а в Тит. XI, § 1 у Л. Бургманна это выражение переведено лучше: «Dann sollen die Richter dies uberprüfen», т.е. «перепроверить»³⁵), древнерусские переводчики лишь однажды дали точный эквивалент: «расудять», но чаще прибегали к не вполне точному «сблюдуьт», что скорее обозначает «исполнят» (а может быть и «отстоят правду»). Впрочем, перевод здесь настолько древний (конец X в.), что в более поздних памятниках семантика этого глагола, возможно, сохранилась не полностью.

Выражение «да сблюдуьт же послухатаи» в Эклоге употреблено и в иных ситуациях. Так, в XVII титуле (§ 27) есть следующий текст: «Совершивший же прелюбодеяние не разлучается со своею женой, хотя у него отрезан нос. И расследование дела о прелюбодеянии должно быть проведено с большой тщательностью и судьи должны рассмотреть, что из себя представляют обвинители в этом процессе»³⁶. Древнерусский перевод его выглядит так: «Прелюбодейнику же от своя жены не отлучитис(я), аще он окорень есть. Со многим же опасением, еже о прелюбодѣяннѣ, да вискана будет глава, да сблюдуьт же послухатаи, огл(агол)авшия таковыя вины»³⁷. Наконец, в тексте древнерусского перевода встречаются фрагменты, из которых наиболее очевидно, что за «послухатаями» была функция дознания, «изведения». Это, в частности, фрагмент из § 41 XVII титула Эклоги: «Если же кто-либо, намереваясь выжечь солому или терновник на своем возделанном участке, заложил туда огонь, а огонь распространился дальше и сжег чужие возделанные участки или чужой виноградник, то судье надлежит заняться этим делом» (перевод Л. Бургманна греческого δεῖ περιεργάζεσθαι τὸν ἀκροατὴν более точен: «muß der Richter eine Untersuchung anstellen» — судья должен предпринять расследование)³⁸. Древнерусский же текст гласит: «(Аще) ли кто тростыи своя нивы или терныи хотя пожещи въвержень огонь на ня, огонь же болма паче проиде и пожеже чюжая нивы или чюжь виноград, подобаеть испытати послухатаи»³⁹. Иначе говоря, послухатаи должны напрямую заниматься дознанием, перепроверкой, следствием и т.д.

³⁵ Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V. S. 209.

³⁶ Эклога. С. 70.

³⁷ Мерило Праведное по рукописи XIV в. С. 383.

³⁸ Эклога. С. 72; Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V. S. 240

³⁹ Мерило Праведное по рукописи XIV в. С. 389.

Оговоримся, что переводчики в двух случаях отступили (по не вполне ясным причинам) от принятых ими же установок и перевели ἀκροατῶν просто как «послухъ» и даже использовали кальку παρὰ ἀκροαταῖσ — «при послушавшихъ» («и се при послушавшихъ явиться», что означает: «и это доказал перед судьями»)⁴⁰. Подобная деталь, на наш взгляд, довольно важна. Древнерусский перевод Эклоги, предпринятый в период крещения Руси, сохранил следы глубокой архаики, когда еще действовали некоторые институты разлагающегося родоплеменного строя. В этот период и был обычай судебного «изведения» (дознания, следствия) с помощью особой разновидности послухов «послухатаев». Византийские юридические тексты позволяют в итоге полагать, что акроаты — это судебные эксперты (Г. Г. Литаврин считает, что смысл греческого эквивалента лучше всего передать как «знатоки»), имевшие функции следствия и иногда принимавшие судебные решения.

Таким образом «извод пред 12 человека» Правды Ярослава еще имел, скорее всего, мужей в качестве особой категории послухов — «послухатаев», то есть людей, ведущих следствие и даже решающих судебные дела. Но, видимо, уже в конце X века этот процессуальный институт под воздействием активизирующихся механизмов княжеской власти уже исчезал. Ведь в текстах Древнейшей Правды термина «послухатаи» нет, а функции их в дальнейшем быстро сузились до роли простых послухов.

Опубл.: Культура славян и Русь.
Сб. ст. к 90-летию акад. Б. А. Рыбакова.
М., 1998. С. 196–202.

⁴⁰ Мерило Праведное по рукописи XIV в. С. 369, 359; Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V. S. 202, 218; Эклога. С. 65.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЭКЛОГА И ПРОСТРАННАЯ РУССКАЯ ПРАВДА (ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ)

В недавней статье («Легенда или реальность? О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава») мною были приведены доказательства введения киевским князем Владимиром Святославичем в юридическую практику норм XVII титула Эклоги (византийского свода законов первой трети VIII века). В связи с этим в окружении князя был сделан древнерусский перевод новейшей для того времени редакции полного текста Эклоги (*Ecloga privata*). Однако после какого-то, вероятно, довольно протяженного периода применения в Руси санкций Эклоги за уголовные и нравственные преступления Владимир был вынужден отказаться от практики применения византийских норм физических наказаний и вновь вернулся к старым нормам взимания виры и продаж¹.

Это обстоятельство, давшее почву для своеволия в практике наказаний со стороны тиунов и волостелей, стимулировало процесс создания собственного законодательства, но уже с использованием опыта византийского права. В частности, это вполне заметно на характере отбора тех видов преступлений, борьба с которыми была признана первоочередной (и этим определился состав статей Древнейшей Правды или Правды Ярослава).

Больше того, названный византийский свод законов использовался древнерусскими юристами и позднее. В частности, при создании Пространной редакции Русской Правды (далее: ПРП) в период правления киевского князя Владимира Всеволодовича Мономаха (1113–1125 гг.)².

В частности, существенное влияние установлений Эклоги можно обнаружить в ряде статей Пространной редакции Русской Правды, посвященных наследственному праву («Устав Володимера Всево-

¹ См. Милов Л. В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право / *Ius Antiquum*. М., 1996 № 1 [см. также настоящее издание, с. 125–152 — примеч. ред.].

² См. Милов Л. В. О происхождении Пространной Русской Правды // Вестник Московского университета. Серия 8: история. 1989. № 1 [см. также настоящее издание, с. 275–313 — примеч. ред.].

лодовича»). Разрабатывая свои нормативы и установления, древнерусские юристы часто вполне определенно опирались на тексты византийской Эклоги. Причем речь идет не обо всем комплексе материалов об имущественных правах супругов, их детей и других наследников, а только о правах «вдов и сирот». Именно эта тема для Древней Руси первой четверти XII в. была наиболее актуальной из всех сюжетов, связанных с проблемой «заднйцы» («остатка»), то есть имущества, не обеспеченного завещанием, хотя влияние нормотворчества Эклоги заметно и на ряде русских статей о наследстве в целом.

Анализ содержания соответствующих статей ПРП показывает, что забота о «вдовах и сиротах» была действительно главной. О положении вдовца-мужа ПРП говорит очень редко, да к тому же и в чрезвычайно лаконичной форме. Постараемся показать это на ряде примеров.

Так, § 7 II титула Эклоги гласит: «Если жена, имеющая детей, умрет раньше своего мужа, то есть их отца, то муж становится владельцем и всего ее приданого и всего ее имущества, не входящего в состав приданого»³. Поскольку в параграфе речь идет прежде всего о правах мужа-вдовца юристы ПРП не затронули этот вопрос. Зато окончание § 7 нашло отклик в ПРП, ибо в нем речь шла о втором браке отца и правах детей от первого брака на материнское имущество:

Эклога. Тит. II, § 7	Пространная Правда
<p>... Если же ему случится вступить во второй брак, когда дети его еще малолетние, то у него сохраняется материнское имущество без какого-либо уменьшения; если же дети достигли уже законного возраста, то, если они пожелают, отец должен им беспрекословно возвратить это их имущество⁴.</p>	<p>ст. 94. Будут ли дети, то что первое жены, то то возмуть дети матере своея⁵.</p>

³ Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1963. (Далее: Эклога). С. 46–47.

⁴ Эклога. С. 47.

⁵ Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. I: Тексты. С. 444.

§ 6 II титула Эклоги, наоборот, начинается с текста, охраняющего права вдовы-матери после смерти мужа, и это находит отклик в ПРП:

Эклога. Тит. II, § 6	Пространная Правда
<p>Если при наличии детей муж умрет раньше своей жены, то жена, то есть мать его детей, является владелицей всего своего приданого и всего мужнего имущества. И она несет все заботы по управлению... Если же она имеет (что-либо) сверх приданого, то она обязана доказать... И не имеют права ее дети противостоять ей и требовать от нее отцовское имущество... ей надлежит давать им приданое, какое пожелает. Если же случилось бы ей вступить во второй брак, то ее дети имеют право оставить ее и взять на себя все распоряжение отцовским имуществом. Приданое и... дар передается ей⁶.</p>	<p>ст. 93. Аже жена сядеть по мужи, то на ню часть дати. А что на ню мужь възложить, тому же есть госпожа. ст. 103. А матерняя часть не надобе детем, но кому мати дать, тому же взяти. Дать ли всем — а вси розделять. ст. 102. Не хотети ли начнуть дети еи ни на дворе, а она начнет всяко хотети и седети, то творити всяко волю (ее — Л. М.), а детем не дати воли. ст. 101. Аже жена ворчеться седети по мужи, а ростеряет добыток и поидеть замужь, то платити ей все детем⁷.</p>

Отличия в положении женщины в том и другом обществе вполне очевидны. В Византии середины VIII в. жена-мать занимала весьма почетное место, а вдовы-матери обладали всей полнотой имущественных прав владения. Иное дело в Древней Руси, где вдова, имея детей, без завещания получала лишь определенную долю (причем не оговорено, возвращается ли к ней приданое и предбрачный дар мужа — «то на ню часть дати»). Впрочем, видимо, в более ранний период у вдовы-матери в недрах патриархальной семьи не было и этих прав. По Пространной Правде полнота прав вдовы на владение всем имуществом целиком зависела от воли умирающего мужа («что на ню мужь възложить, тому же есть госпожа»). Иначе говоря, муж по завещанию мог, на

⁶ Эклога. С.46.

⁷ Правда Русская. Т. 1. Тексты. С. 442, 448.

наш взгляд, сделать свою жену полновластной единоличной владелицей всего наследства. Вдовья же часть наследства охраняется от посягательства детей. Ее права тем более охраняются при получении во владение и имущества мужа. Все эти нововведения имеют большое принципиальное значение, укрепляя статус малой семьи⁸. Как видно из сопоставлений, эти законоположения Эклоги и Пространной Правды совпадают. В том и другом памятнике вдова имеет право делить свое имущество среди детей. При вторичном выходе замуж и в Эклоге, и в Пространной Правде имущество переходит к детям. Причем, в ПРП находят отражение и нюансы Эклоги:

Эклога. Тит. II, § 11	Пространная Правда
... мужу, вступающему во второй брак, не разрешается ничего брать от своей первой жены. Если же имеются малолетние дети, то отец должен охранять их имущество до того времени, как они станут совершеннолетними. Если же дети уже достигли совершеннолетия, то отец обязан уже с этого времени передать им полностью имущество матери ⁹ .	ст. 94. Будут ли дети, то что первое жены, то то возмуть дети матери своя; любо си на (вторую — Л. М.) жену возложил обаче матери своей, возмуть ¹⁰ .

Следовательно, и по Эклоге, и по ПРП муж не имеет права передавать второй жене имущество своей покойной супруги. Отметим, что в ПРП эта норма сформулирована гораздо четче, чем в Эклоге, но сформулирована так, что внешне речь идет только о женах, отец присутствует лишь между строк, т.е. по существу дела. Обратим внимание и на то, что древнерусские юристы поместили в ПРП особую статью, не имеющую параллели в Эклоге, о судьбе имущества матери-вдовы, умершей без завещания (ст. 103 «... Без

⁸ Об этом в общих чертах писал еще В. Никольский. См.: *Никольский В. О.* О началах исследования по древнему русскому праву. М., 1859. С. 286, 340, 371.

⁹ Эклога. С. 48

¹⁰ Правда Русская. Т. 1. Тексты. С. 444

¹¹ Там же. С. 448

языка ли оумреть, то оу кого будеть на дворе была и кто ю кормил, то тому взяти»)¹¹.

Особенно ярко четкая направленность в разработке имущественных прав вдов и сирот видна в следующей текстовой параллели Эклоги и ПРП:

Эклога. Тит II, § 11	Пространная Правда
... и если у отца будут дети и от второго брака и случится ему умереть, то и дети от первого брака, и от второго брака имеют право унаследовать имущество своего отца, как равно и матери ¹² .	ст. 104. Аже будут двою мужю дети а одиное матери, то онем своего отца задница, а онем своего. ст. 105. Будет ли потерял своего иночима что, а оных отца, а умрет, то возвратит брату. На не же и людье вылезуть, что будеть отець его истерял иночимля. А что ему своего отца, то держит ¹³ .

Как следует из сопоставления, ситуация Эклоги, где разобраны имущественные права детей одного отца и двух матерей на отцовское наследство, в ПРП превращается в другую ситуацию — прав детей одной матери и двух отцов по поводу отцовского имущества, ибо такая постановка вопроса по мысли законодателей больше отвечала целям нового закона об имущественных правах вдов и материнских сирот.

Акцент на круг материнских прав по сохранению и приращению имущества ее детей, унаследованного от отца, четко просматривается на ст. 99 ПРП. Здесь параллель с Эклогой ограничивается лишь общими, весьма кратко сформулированными установками:

Эклога. Тит II, § 12	Пространная Правда
... Жена, вступающая во второй брак, если она имеет от первого брака детей, должна найти до вступления	ст. 99. Аже будуть в дому дети мали, а не д(ю)жися будуть сами собою печаловати, а мати им поидеть за

¹² Эклога. С. 48.

¹³ Правда Русская. Т. 1. Тексты. С. 448.

Окончание

<p>во второй брак опекуна для своих детей...</p> <p>... Если же этого не будет, то она несет и своим имуществом и имуществом своего второго мужа ответственность за возврат причитающегося детям отцовского имущества¹⁴.</p>	<p>мужь, то кто им ближии будеть, тому же дати на руде и с добыткомъ и с домом, донеле же возмогутъ. А товар дати перед людьми. А что срезать, товаром тем ли пригостить, то то ему себе. А истыи товар воротить им. А прикуп ему себе, зане кормил и печаловался ими.</p> <p>Яже от челяди плод или от скота, то то все поимати лицемь. Что ли будеть ростерял, то то все ему платити детем тем.</p> <p>... Аче же и отчим прииме дети с задницею, то тако же есть ряд.</p> <p>ст. 100. А двор без дела отень всяк меньшему сынови¹⁵.</p>
---	---

На первом плане в ПРП тонко и глубоко разработанные юристами правовые аспекты опеки над отцовским наследством детей при выходе матери-вдовы замуж, хотя, судя по Эклоге, в центре этой статьи должен был быть текст только о поиске опекуна детей перед вторым замужеством и текст об ответственности за отцовское наследство, если дети первого мужа переходят в новую семью. Этим ПРП существенно отлична от Эклоги. И это отличие вновь продиктовано главной темой «Устава о наследстве» — темой вдов-матерей и сирот. Примечательно, что лишь лаконичным тезисом освещены в ПРП права и обязанности отчима по отношению к имуществу пасынков и падчериц. Напомним, что в Эклоге, правда, очень скупо, но все же освещена ситуация, когда муж обладает имуществом умершей жены, т.е. материнским наследством своих детей. В этом случае он обязан к его «безущербному и полноценному сохранению и сбережению, естественно, вместе с тем приростом, который произойдет» и передаче его совершеннолетним детям (тит. II, § 4)¹⁶. Вполне логично, что этот аспект в ПРП отражения не нашел.

¹⁴ Эклога. С. 48.

¹⁵ Правда Русская. Т. 1. Тексты. С. 446.

¹⁶ Эклога. С. 46.

Наконец, отметим, что даже в тех случаях, когда в Эклоге юридические санкции сформулированы обоюдно к правам и обязанностям и матери, и отца, т.е. речь идет о родительских правах и обязанностях, то в ПРП это вновь трансформируется весьма однозначно, т.е. на первый план ставятся интересы матери-вдовы. В частности, можно привести в пример статьи памятников, где оговаривается возможность произвольного выбора наследников-детей:

Эклога. Тит. V, § 5	Пространная Правда
<p>Если завещание выполнено полностью и если родители опускают при составлении завещания своих законных детей или одного из них, то пусть судьи расследуют дело. И если они установят, что дети часто оскорбляли своих родителей или наносили им удары другого характера, да останется распоряжение родителей нерушимым...¹⁷</p>	<p>ст. 106. А матери которой сын добр, первого ли, другого ли (мужа — Л. М.) — тому же дасть свое. Аче и вси сынове ей будут лиси¹⁸, а дчери может дати, кто ю кормить¹⁹.</p>

Сходство норм несомненно. Но данная параллель текстов Эклоги и ПРП служит наиболее весомым свидетельством того, что древнерусские юристы опирались здесь именно на § 5 титула V Эклоги. Ведь по сути весь объем прав матери, в том числе и права, фиксируемого статьей 106, уже был утвержден в статье 103 ПРП: «А матерня часть не надобе детям, но кому мати дасть, тому же взяти». Иначе говоря, здесь фиксируется право матери на выбор наследников-детей. Кому-то она даст наследство, а кому-то и не даст. И это положение внутренне присутствует в формулировке статьи 103, написанной с привычным емким лаконизмом языка установлений Русской Правды обеих редакций.

Однако наличие в § 5 титула V Эклоги специального установления о праве родителей произвольного выбора детей-наследников и лишения наследства плохих детей подтолкнуло создателей ПРП на внесение в нее и этой статьи, хотя вполне возможно было этого и не делать.

¹⁷ Там же. С. 52–53. См. также тит VI, § 13, с. 55.

¹⁸ Т. е. недобры, злонамеренны.

¹⁹ Правда Русская. Т. 1. Тексты. С. 450.

Выявление в составе статей ПРП о «заднице», в особенностях организации самого их текста четкого стремления юристов Древней Руси осветить круг имущественных прав и обязанностей вдов и сирот позволяет более определенно толковать и лаконичные формулировки ряда статей о «заднице», носящих более общий характер. В первую очередь здесь речь должна идти о ст. 92 ПРП («Аже кто умирая разделить дом свои детем, на том же стояти. Паки ли без ряду умереть, то всем детем, а на самого часть дати души») ²⁰. В связи с вышеизложенным вполне очевидно, что обе ситуации передачи «задницы» (без завещания и при его наличии) имеют в виду отсутствие в семье жены. Последовательное отстаивание законодателями имущественных прав вдов и сирот позволяет обратить внимание на акцент статьи («на том же стоять»). Эта деталь подтверждает явную новизну правопорядка, стремление непременно ограничить переход имущества отца-вдовца только в пользу детей, а не родственникам в рамках большой семьи ²¹. Переход «задницы» к детям в равной мере законен и без составления завещания, что особенно важно (в этой части ст. 92 имеет точную параллель в Эклоге: «Если кто-либо умирает без завещания и у него остаются дети или внуки, то все они наследуют» ²²). В то же время в отличие от византийских правопорядков в ПРП наследуют имущество лишь сыновья («аже будет сестра в дому, то тои заднице не имати, но отдадять ю замужь братия, како си могут») ²³. Дочери получают, как правило, лишь приданое («како си могут»). Число подобных примеров можно увеличить.

Поэтому широко известная и издавна вызывающая споры ученых статья «Аже смерд умереть, то задница князю» вряд ли может быть расценена как указ о конфискации выморочного имущества, имеющий действие для всего сельского населения страны (т.е. смерд в этом случае понимается как крестьянин-общинник, иначе говоря, сельский

²⁰ Правда Русская. Т. 1. Тексты. С. 442.

²¹ В общем плане тенденцию принципиальной новизны комплекса статей «о заднице» справедливо отмечает Ю. Г. Алексеев (*Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 94–95*). До него новые нормы статей «о заднице» квалифицировал как «распад общинных норм под влиянием развития частной собственности» А. А. Зимин (*Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. М., 1965. Т. 76. С. 268*).

²² Эклога. С. 47.

²³ Правда Русская. Т. 1: Тексты. С. 442–444.

житель). Под смердом здесь, скорее всего, следует понимать особую категорию населения, находящуюся под непосредственной юрисдикцией князя как главы государства. Об этом давно писали В. Никольский, П. Цитович и др.²⁴ Оригинальное толкование, развивающее позиции названных ученых, было недавно предложено Б. А. Рыбаковым и, думается, что оно ближе к истине. Б. А. Рыбаков считает, что смерды XI–XII вв. являются звеном госаппарата, звеном, где слиты воедино и государственные функции (участие в военных походах, обслуживание погостов как центров сбора ренты-налога), и функции непосредственного производителя (смерды «живут по селам», имеют хозяйство, пахут пашню, платят дань князю)²⁵.

Итак, выморочное имущество смерда идет «князю». Судя по Эклоге, его бездетная жена, при отсутствии завещания имеет право на долю имущества мужа (не говоря о возврате приданого). Во всяком случае, так можно понять ст. 93 («Аже жена сядет по муже, то на ню часть дати»). Остальная часть смердьей «заднице», видимо, также идет в казну («князю»).

Думается, что проведенные наблюдения демонстрируют довольно своеобразную связь обоих памятников. Юридические разработки византийской Эклоги по наследственному праву были весьма творчески использованы в Уставе о наследстве ПРП. Этот условно выделяемый Устав справедливо должен быть квалифицирован как «Устав об имущественных правах вдов и сирот», ибо их интересы прежде всего и соблюдает ПРП²⁶. Статьи этого Устава отражают главный итог социального развития основной массы населения — превращение малой семьи в основную социальную ячейку соседской общины. Стимулирование ее развития опиралось прежде всего на сужение круга наследников вдовой с детьми, резким усилением роли матери-вдовы и т.п. Эти тенденции были новыми для общества, им оказались созвучными правопорядки раннесредневековой Византии середины VIII столетия. Если бы ПРП

²⁴ Никольский В. О. Указ. соч. С. 356–361; Цитович П. Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870. С. 34–53.

²⁵ Рыбаков Б. А. Смерды // История СССР. 1979. № 1. С. 52–53, 57; № 2. С. 36–37, 54–57.

²⁶ В литературе между тем есть тенденция оценивать совокупность статей ПРП «о заднице» как вообще устав по наследственному праву. См.: Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. С. 252; Алексеев Ю. Г. Указ. соч. С. 92.

закрепляла и фиксировала всего лишь древние, традиционные тенденции в развитии общества, то в высшей мере странно было бы излагать их формулировками, весьма близкими к формулировкам Эклоги.

Вместе с тем, чрезмерный лаконизм Пространной Правды может быть преодолен именно с помощью подробных и детальных установлений Эклоги. Византийский свод помогает понять и чрезвычайную дробность и «автономию» статей Пространной Правды.

Тематическая заданность «Устава об имущественных правах вдов и сирот» делает, на наш взгляд, неоспоримой версию о причастности к созданию этого Устава Владимира Мономаха.

В знаменитом Поучении к детям Владимир Мономах ставит себе в заслугу именно эту законодательную инициативу («убогие вдовице не дал есмы сильным обидети») ²⁷. Данный аспект назидания детям является одной из ведущих идей Поучения («всего же паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите и придавайте сироте и вдовицю оправдаите сами»).

Уверенность в причастности Владимира Мономаха к «Уставу об имущественных правах вдов и сирот» дает возможность более пристального сопоставления тематики византийской Эклоги, с одной стороны, и ПРП (ее второй части) — с другой.

Ведь Устав о вдовах и сиротах сопоставим с довольно широким материалом Эклоги. Титулы II–VII посвящены главным образом имущественным отношениям в семье (титул II «О браках и наследовании жены, мужа и детей»; титул III «О приданом»; титул IV «О дарениях»; титул V «О не имеющих права завещания»; титул VI «О наследниках без завещания»; титул VII «О сиротах и опеке над ними») ²⁸.

Если перейти к более широким сопоставлениям, то становится ясным, что творческая переработка в ПРП параграфов византийской Эклоги по семейному праву, сопровождающаяся в отдельных случаях почти буквальным следованием ее текстам, представляет собой лишь частный момент. В целом же речь должна идти о том, что Эклога ориентировала юристов Владимира Мономаха в выборе наиболее существенных, актуальных для начала XII в. сюжетов в законодательной области.

Упомянем, в частности, о том, что с рядом титулов византийской Эклоги (титул X «О займах», титул IX «О продаже и покупке»,

²⁷ ПСРЛ. Т. 1. С. 251.

²⁸ Эклога. С. 41–74.

титул XIII «О наймах-арендах», титул XV «О мировых сделках»²⁹ могут быть соотнесены законы Владимира Мономаха об ограничении резов (ростовщических процентов), законы о закупничестве, ст. 54 «Аже который купец истониться». Даже ст. 49 «О поклаже», т.е. о сдаче на хранение имущества, находит соответствие в небольшом титуле XI Эклоги «О вкладах»³⁰. В этой связи можно усмотреть, что параграфы титула VIII Эклоги («Об освобождении рабов и возврате в рабство») перекликаются со статьями 110–121 ПРП, условно называемыми в литературе «Уставом о холопах». Статус холопа становится адекватным рабскому статусу. Вместе с тем юридическая разработка «Устава о холопах» глубоко самобытна и может в известной мере соперничать с юридической разработкой византийской Эклоги³¹.

Столь четкое соответствие структур обоих юридических сводов и оригинальность разработки большинства статей второй части ПРП делают весьма прозрачным стремление создателей ПРП сопоставить этот новейший юридический свод Древнерусского государства с византийской Эклогой как сводом такого же уровня.

Опубл.: Древнее право / *Ius antiquum*. 1998. № 1(3).
С. 113–119.

²⁹ Эклога. С. 58–60, 62, 65.

³⁰ Там же. С. 60

³¹ О принадлежности законов о закупничестве Владимиру Мономаху в литературе по существу нет расхождений, как и впрочем, об «Уставе о холопах». В литературе последних лет, пожалуй, лишь Л. В. Черепнин датировал «Устав о холопах», хотя и не очень убедительно, 70-ми годами XII в. На наш взгляд, в данном случае такая датировка скорее была обусловлена общей позицией Л. В. Черепнина о времени происхождения ПРП в целом как начале XIII в. См.: Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 274.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЭКЛОГА И «ПРАВДА ЯРОСЛАВА» (К РЕЦЕПЦИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВА НА РУСИ)

Система судебных наказаний в первые века древнерусской государственности прошла, стремясь к византийским образцам, сложный путь развития. Складывающемуся государственному механизму на первых этапах становления пришлось опираться на традиции обычного права разлагавшегося родо-племенного общества, применявшего, как известно, в качестве наказания за различного рода преступления систему денежных штрафов. В Древней Руси традиция штрафов была особенно прочной. Но, тем не менее, крещение Руси в конце X в. поставило общество перед возможностью принять не только христианские религиозно-идеологические догматы, но и тщательно разработанную обширную систему церковного права и переплетающегося с ним светского права, правовые нормы, касающиеся не только церковных людей, но и мирян (особенно в области семейно-брачных отношений, наследственного права и т.п.). Это вызвало огромные сложности. Ведь византийские традиции церковного и светского права были сопряжены не только с практикой наказаний пенитенциарного типа, но и с широким применением системы физических наказаний (начиная с побоев и кончая жестоким членовредительством).

Однако историки практически не знают, как на деле решалась эта задача. В дореволюционной, да и советской литературе вот уже в течение целого столетия считается, что основным памятник византийского церковного права (Номоканон XIV титулов) рано попал на Русь из Болгарии, где был переведен с греческого в конце IX — начале X в.¹ Что же касается византийского свода законов VIII века, известного под названием Эклога («избранные законы»), то до недавних пор считалось, что он также пришел к нам из Болгарии или Сербии, хотя время его проникновения на Русь было, по существу, неизвестно². Вместе с

¹ Подробнее об этом см.: *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.

² *Saturnik Th.* Príspevky k širení byzantského práva u slovanú. Praha. 1922; *Васильевский В. Г.* Законодательство иконоборцев // Труды В. Г. Васильевского. Л., 1930. Т. IV; *Андреев Мих.* Римское право и славянската Еклога (за някои отклонения на славянската Еклога от римското право) // Годишник на Софийския университет. Юридически факултет. 1959. Т. 1(50); *Ганев В.* Закон

тем единственный текст Эклоги, которым многие десятилетия пользовались исследователи, это текст Печатной Кормчей 1650 г., весьма существенно модернизированный издателями. Почти неизвестным был список XIV в. из юридического сборника «Мерило Праведное» (о нем знал Н. В. Калачов и о нем же мимоходом упомянул в курсе лекций В. О. Ключевский³). В XIX в. о сборнике «Мерило Праведное» установилось господствующее мнение как о памятнике, возникшем на основе Сербской Кормчей не ранее конца XIII в. Виднейший канонист А. С. Павлов категорично утверждал, что сборник «Мерило Праведное» «весь составлен уже из готового славянского материала, взятого из Кормчей Софийской редакции»⁴. В 50-х гг. XX в. с текстом Эклоги из «Мерила Праведного» ознакомился болгарский историк М. Андреев, продолжавший следовать традиционной точке зрения.

Между тем автору этих строк удалось доказать, что текст Эклоги сборника «Мерило Праведное» под названием «Леонъ и Константина върная цесаря» представляет собой полный перевод византийского свода законов VIII века, сделанный не в Болгарии, а в Древнерусском государстве⁵. Основным аргументом в пользу древнерусской принадлежности перевода памятника послужил характер лексики. В ней содержится довольно солидная группа чисто древнерусских юридических терминов, то есть таких языковых явлений, которые возникли в период после миграции восточнославянских племен из Среднего Поднепровья на Балканы (VI — начало VIII вв.). В частности, речь идет о широком употреблении в полном переводе Эклоги термина «заднїца» в значении выморочного или завещанного имущества, а иногда и наследства. Этот термин встречается в переводе ряда статей (V, 66, 76; VII, 1; XVI, 5). В старославянских (древнеболгарских) текстах такого термина нет. Там есть лишь праславянское «задница» в первичном понятии «седалище», то есть место, которым человек сидит.

Соудный людемъ Правно-исторически и правно-аналитически проучвания София, 1959; и др.

³ Калачов Н. В. Архив историко-юридических сведений, относящихся до истории России. М., 1850. Кн. 1. С. 21; Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. Лекция XIV // Соч. М., 1956. Т. 1. С. 227.

⁴ Павлов А. С. Книги законные СПб., 1885. С. 16. Такого же мнения придерживался и М. Бенеманский (см.: Бенеманский Мих. Закон Градской, М., 1927. С. 88).

⁵ Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1; Он же. Древнерусский перевод Эклоги в кодификационной обработке конца XIII в // Вестник Московского университета. Сер. 8 история. 1984. № 3 [см. также настоящее издание, с. 79–124 — примеч. ред.]

К числу важных особенностей древнерусского перевода Эклоги относятся и его неточности, свидетельствующие о невозможности адекватного перевода богатой юридической терминологии Византии VIII века на язык гораздо менее развитого общества. Так, в серии статей Эклоги, посвященной проблеме легатов (посмертных даров) и легатариев (тех лиц, которым легаты завещаны), древнерусский переводчик употребил термин «задница» (VI, 7, 11, 12 и др.)⁶. Иначе говоря, переводчик не стал (не мог!) делать различие между понятием «оставшегося после умершего имущества» и «посмертного дара», которым в Византии распоряжался основной наследник. К числу чисто русских приемов работы переводчика относится и передача термина «легатарий» словом «задница», что, возможно, было новообразованием.

Одним из наиболее важных аргументов в пользу древнерусского происхождения перевода Эклоги является применение весьма древнего термина «господа» (жен. рода) в значении «полная собственность». Сам по себе термин «господа» очень архаичный и, видимо, праславянский (в значении «гостиница» он сохранялся у всех славянских народов). Но в значении «власть, господство» он известен только историческим текстам Древней Руси. Первоначально эта «власть» понималась как совокупность «господ» («господа» — собирательное). Об этом свидетельствует ряд текстов (Хроника Георгия Амартола, л. 146 об.; Сказание о Борисе и Глебе, 131; Новгородская летопись под 6906 годом; Псковская судная грамота и др.). Древнерусский переводчик Эклоги, столкнувшись с необходимостью передать понятие «полная собственность» (XVII, 12: «...Если же не захочет получить своего раба, то пусть отдаст его в полную собственность тому, кто подвергся краже»), прибег к термину «господа». В древнеболгарских текстах такого термина в значении «власть, господство» нет, там встречается «господа» лишь в значении «гостиница», как и в сербохорватском, словенском, чешском, словацком, польском, лужицком языках (гостиница, постоялый двор и т. д.).

Перевод Эклоги содержит и ряд других немаловажных свидетельств, подтверждающих древнерусское происхождение текста под названием «Леонъ и Константина вѣрная цесаря». Причем о глубокой древности этого перевода свидетельствует наличие в тексте архаичных, редко встречающихся слов и речевых оборотов («усобь», «пристрой», «семь»,

⁶ Мерило Праведное по рукописи XIV века / Изд. под наблюдением акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961. С. 346, 348, 357, 359, 362, 364, 365, 366 и др.

«присъда», «своить» и др.)⁷. Особое внимание привлекает употребление в переводе термина «старейшина» в значении «опекун», на которого ложатся функции воспитания и содержания осиротевших детей. Ведь даже в древнейших памятниках южнославянского извода в значении опекуна фигурирует термин «приставник». Это обстоятельство свидетельствует о глубоком архаизме перевода.

Одним из первых в литературе, кто признал гипотезу о древнерусском переводе Эклоги, был Ю. Г. Алексеев. Правда, ученый счел возможным писать об этом так, как будто вопрос о древнерусском переводе Эклоги давно решен и является общим местом в литературе⁸. Вместе с тем он подверг критике предложение автора этих строк, касающееся одного из проявлений специфичности древнерусского перевода. Речь идет о сделанном мною предположении, что древнерусский переводчик ряд сюжетов, касающихся расследования дел судьями, интерпретировал как расследования, ведущиеся послухами, а не судьями, притом тайно⁹. В основе такого предположения лежит часто встречающийся в переводе оборот «послухи таи». Основания для такого понимания вроде бы были — термин «таи» в значении «тайно» встречается в том же сборнике «Мерило Праведное» («таи преписавъ»)¹⁰, как и в ряде памятников древнерусской письменности. Отвергая предложенное в статье понимание, Ю. Г. Алексеев предположил, что оборот «таи» есть не что иное, как буквальное копирование окончания греческого термина οἱ ἀκροταῖ. Все дело сводилось, таким образом, к чудовищной неграмотности переводчиков¹¹.

Между тем такое суждение не обосновано фактами. Ведь из девяти случаев употребления термина ἀκροταῖ в четырех этот термин употреблен не в N.Pl. (V, 5, X, 1, XI, 1, XVII, 27, 47 — οἱ ἀκροταῖ), а в других падежах: Gen.Pl. (V, 8, VIII, 2 — τῶν ἀκροατῶν), Dat.Pl. (XV, 3 — παρὰ ἀκροταῖς), Acc.S. (XVII, 41 — τὸν ἀκροατήν)¹².

⁷ Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века. С. 155–156 и др. [см. также настоящее издание, с. 103 — примеч. ред.].

⁸ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 48. Прим. 21; С. 50. Прим. 27; С. 52. Прим. 33.

⁹ Милов Л. В. Указ. соч. С. 162–163 [см. также настоящее издание, с. 108–110 — примеч. ред.].

¹⁰ Мерило Праведное по рукописи XIV в. С. 210.

¹¹ Алексеев Ю. Г. Указ. соч. С. 54. Прим. 41.

¹² См.: Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V / Hrgb. von Ludwig Burgmann. Frankfurt am Main, 1985. S. 188–242.

Тем не менее во всех этих случаях в древнерусском переводе стоит неизменное «послуха таи», невзирая на падеж и число (из-за порчи текста в древнерусском переводе нет текста XVII, 27). Кроме того, в греческом тексте есть много других существительных с подобным окончанием (οἱ δικάσταί — судьи и т.п.). Однако переводчик обращается здесь с греческими терминами вполне нормально. Стало быть, версия Ю. Г. Алексеева явно не выдерживает критики.

И тем не менее Ю. Г. Алексеев прав, когда отвергает чтение «послухи таи» (тайно). И главный аргумент здесь: присутствие «а» перед «таи» («послуха таи», а не «послухи таи») во всех вариантах текстов. Следовательно, это единое слово, аналогичное целому ряду однотипных ему в русском языке (оратаи, глашатаи, ходатаи, завсегдатаи и т.п.). Предметное содержание статей и их перевод дает возможность считать, что мы, видимо, имеем дело с особой разновидностью послухов, ведавших на Руси какими-то судебными функциями. В других источниках этот термин практически не встречается (единственный случай в словаре И. И. Срезневского — «послухатаи» из Златоструя по списку XVI в., переводимое как «слушатель», что похоже на буквальный перевод с греческого — слушатель). Исходный греческий термин ὁ ἀκροάτης обычно переводят как судья¹³, хотя в тексте Эклоги фигурируют два термина, обозначающие судью (δικαστής, ἀκροατής). Е. Э. Липшиц полагает, что акроаты были местными судьями, опираясь при этом на краткое суждение Цахариэ фон Лингенталя¹⁴. Между тем, основываясь на более поздних византийских юридических памятниках, ряд исследователей пытаются составить более четкое представление об институте акроатов. Так, опираясь на Книгу Эпарха (конец X в.), Христофилопулос предполагает, что акроаты — это лица, присутствующие при разборе дела или разбирающие данное дело. При этом ученый в своем суждении отталкивается от 25 новеллы Юстиниана (535 г.)¹⁵ М. Я. Сюзюмов, развивая идею

¹³ См.: Ecloge. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V; Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965.

¹⁴ См.: Эклога. Византийский законодательный свод. С. 141; Zachariae von Lingenthal K. E. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Berlin, 1877. S. 330 («delegierte Richter»). См.: Меряло Праведное по рукописи XIV века. С. 357, 359, 373, 382, 389 (XVII, 27 — нет).

¹⁵ Χριστοφίλοπουλος Α. Τό ἐπαρχικόν βιβλίον Λέοντος τοῦ Σοφοῦ καί αἱ συνέχειαι ἐν Βυζαντίῳ Ἀθῆναι, 1935, σ. 92.

Христофилопулоса, считает возможным говорить об акроатах, как «об особом третейском суде из наиболее влиятельных ремесленников данной профессии»¹⁶.

Таким образом, древнерусский переводчик, вероятно всего, четко улавливал разницу между дикастами (переводя всюду δικαστής как судья) и акроатами. Впрочем, в ряде случаев ἀκροαταί переводится не только как «послухатаи». В XV,3 выражение καὶ τοῦτο παρὰ ἀκροαταῖς ἀποδειχθή он перевел: «власть ему есть перед судьями византи...»¹⁷. В VIII,2(6) выражение δηλονότι ὑπὸ ἀκροατῶν τοῦ ὀφείλοτος переведено: «Заповѣдая явь яко послух должному...»¹⁸. Оба случая лишь подтверждают, что «послухатаи» не является калькой с греческого.

Следовательно, есть все основания предполагать, что древнерусский перевод Эклоги донес до нас архаическую юридическую процедуру расследования, проводимую особой разновидностью послухов-судей. Возможно, в более позднем памятнике, каким можно считать Русскую Правду, есть отдаленный отзвук института «послухатаев» в так называемом «изводе перед 12 человека». Но это всего лишь предположение.

Первоначально автор этих строк проявил известную осторожность и определил время древнерусского перевода Эклоги периодом не позже XI в.¹⁹ Между тем, установить более точную дату представляется вполне возможным.

В древнейшей летописи есть текст, относящийся к эпохе крещения Руси, где речь идет о том, что, собравшись вместе, церковные иерархи, «епископы», предложили Владимиру Святославичу ввести за «разбой» наказание в виде «казни» (причем имеется в виду не только смертная казнь, а казнь как телесное наказание). Летописная статья, повествующая об этом, условно помещена под 996 годом, т.е. отнесена ко времени сразу же после создания митрополичьей кафедры в Киеве и, вероятно, начавшейся процедуры образования епископий²⁰. Иначе говоря, основ-

¹⁶ Византийская книга эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюсюмова. М., 1962. С. 261.

¹⁷ Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V. S. 202; Мерило Праведное по рукописи XIV века. С. 369.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века. С. 163 [см. также настоящее издание, с. 110 — *примеч. ред.*]. Автор счел необходимым отметить, что датировка перевода заслуживает особого рассмотрения.

²⁰ ПСРА. Т. 1. М., 1962. С. 126–127.

ная структура церкви была уже сформирована, и можно полагать, что были готовы и средства, реализующие юрисдикцию церкви.

Предложение круто изменить систему традиционных наказаний, сделанное епископами, многие из которых были, видимо, греками, диктовалось, скорее всего, целостным восприятием системы церковно-светского права Византии и ее особым вниманием к охране лиц из числа священнослужителей, что для вновь формирующейся русской православной иерархии было далеко немаловажным обстоятельством. Кстати, еще в конце 60-х годов нашего века польский русист А. Поппе резонно полагал, что применение казни за «разбой», предложенное Владимиру, подразумевало введение в практику норм византийского права²¹. Теперь эта версия удивительно логично подтверждается фактом существования древнерусского перевода Эклоги, сделанного, скорее всего, в Киеве под патронатом церкви на основе новейшей модификации этого византийского свода, созданной в конце X в. (*Ecloga privata*). Архаический характер перевода вполне соответствует эпохе конца X — начала XI в. Ведь, делая предложение перейти на новую систему уголовных наказаний, епископы должны были опираться на материал конкретных переводов византийских юридических текстов. Таким текстом, вероятнее всего, и был исследованный нами перевод Эклоги, сохранившийся в сборниках «Мерило Праведное».

Далее следует заметить, что дата (996 год) должна восприниматься как достаточно условная, ибо изложение событий под этой датой не носит погодного характера. Здесь изложена история довольно протяженного периода действия византийских норм права. Тем не менее, в той же статье 996 года сразу же повествуется и о неудаче этого нововведения: «епископы» вместе со «старцами» через какой-то период времени (5 или 10 лет — об этом можно только гадать) подняли вопрос о том, что «госбюджет» терпит крах и не на что содержать княжеское войско, для которого оружие и кони раньше приобретались на средства, полученные от денежных штрафов («рать многа, оже вира — то на оружьи и на конях буде»)²². В итоге Владимир вернулся к системе штрафов. Судя по «Русской Правде», такие штрафы за убийство свободного мужа и должностных лиц были прежде

²¹ *Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. S. 222; Idem. Le prince et l'Église en Russie de Kiev depuis le fin du X siècle et jusqu'au début de XII siècle // Acta Poloniae historica. 20. 1969. Wrocław; Warszawa; Krakow. S. 105.*

²² ПСРА Т. 1. С. 127.

очень большими. Однако вряд ли можно было содержать княжескую дружину только на платежи виры. Скорее всего, под собирательным понятием «разбой» имелись в виду все типы убийств и другие «разбойные» преступления (стычки, драки, оскорбления действием и т. п.), следовательно, казна пополнялась не только за счет вир, но и продаж.

В тексте Эклоги уголовные преступления и назначаемые за них наказания сосредоточены в XVII титуле²³. Причем довольно большая группа преступлений связана с различного рода убийствами (XVI, 45, 46, 47, 48), а более поддесятка преступлений могут квалифицироваться как «разбой» (XVII, 1, 4, 5, 13, 14, 16, 24, 30). За все эти преступления полагались не только смертная казнь, но и членовредительство (отсечение руки, языка), а также изгнание, наказание плетьюми и т. д. Можно полагать, что многие санкции из этих статей пытались применять на Руси конца X — начала XI в. Таким образом, при Владимире Святославиче была предпринята попытка практического применения в судопроизводстве целой серии статей из византийского свода законов, именуемого Эклогой²⁴.

Однако, видимо, довольно быстро практика стремительного перехода к принципам византийских наказаний потерпела крах, ибо в обществе, где рента-налог играла жизненно важную роль для функционирования государственного механизма (и прежде всего — содержания дружины), отказ от практики судебных штрафов был невозможен. Можно полагать, что и общество той эпохи чисто психологически не восприняло наказание членовредительством.

Если признать достоверным факт практического применения норм наказаний Эклоги, и, прежде всего, ее XVII титула «О казнях», то события конца X — начала XI в. обретают некий контекст, а в его рамках вполне четкую и новую мотивацию обретает факт появления так называемой «Правды Ярослава» (древнейшей части Краткой редакции Русской правды).

²³ *Ecloge. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V.* S. 226–244; Эклога. С. 69–75.

²⁴ В этой связи необходимо отметить, что из русских историков В. О. Ключевский наиболее удачно осветил основные моменты рецепции византийского церковного и светского права (См.: *Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. Лекции XIII–XV* // Соч. М., 1956. Т. 1). Однако даже он писал: «Церковь не пыталась перестроить ни формы, ни основания государственного порядка, какой она застала на Руси, хотя пришлой церковной иерархии, привыкшей к строгой монархической власти и политической централизации, русский государственный порядок, лишенный того и другого, не мог внушать сочувствия» (Там же. С. 265).

В свое время еще М. Н. Тихомиров указывал, что статья 1016 г. в Новгородской первой летописи младшего извода, согласно которой Ярослав после победы над Святополком одарил за участие в борьбе за киевский стол новгородцев деньгами, «дав имъ правду и устав спивавъ»²⁵, уже давно «подозревается в достоверности» и является, по его словам, «каким-то новообразованием»²⁶. Напомним, что этому событию предшествовал практический эпизод, когда наводненный, по распоряжению Ярослава, варягами-наемниками Новгород испытал от них буквальный погром.

Есть в литературе и исследователи, усматривающие прямую взаимосвязь варяжской расправы с новгородцами, помощи новгородцев Ярославу в борьбе за Киев и статьи 1016 г., где говорится о пожаловании новгородцам «Правды Ярослава». Из историков послевоенной эпохи это, в первую очередь, Л. В. Черепнин, писавший, что «Правда Ярослава» была предназначена для защиты местного новгородского населения от вооруженных варяжских дружинников»²⁷. Больше того, Л. В. Черепнин считал, что, по сути, «Правда Ярослава» является договором («рядом») новгородского общества и корпорации варягов²⁸. Против такой трактовки резко возражает Б. А. Рыбаков, считающий, что никаких элементов двустороннего договора в «Правде Ярослава» нет, хотя, в целом, трактовка Л. В. Черепниным «Древнейшей Правды» как способа защиты новгородцев от варягов-наемников у исследователя возражений не вызывает²⁹.

Между тем интерпретации такого рода страдают, прежде всего, отсутствием фактической аргументации. Ведь в самой «Правде Ярослава» есть всего лишь две отнюдь не самые важные статьи, где упоминаются варяги и колбяги. Да и сам факт временного присутствия наемников трудно соотносить с возможностью отражения их лихого поведения в законодательном акте государства. В этой связи М. Н. Тихомиров справедливо заметил, что «при таком понимании Древнейшей Правды резко снижается ее значение как памятника

²⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 175–176

²⁶ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 19–20.

²⁷ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. С. 245.

²⁸ Там же. С. 246.

²⁹ Рыбаков Б. А. Остромирова летопись // Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М., 1984. С. 78. Примеч. 27.

русского законодательства. Самим варягам придается чрезмерно большое значение как главной княжеской опоры. Варяги-воины как бы противопоставляются мирному новгородскому населению, что совершенно не соответствует действительности»³⁰.

Думается, что после исследования проблемы «славянского» перевода Эклоги, установления древнерусского происхождения этого перевода можно предложить иную мотивацию появления «Древнейшей Правды». Оно по-прежнему связано с именем Ярослава (и важнейшим фактом здесь служит традиционное именование первой части Пространной Русской Правды «Суд Ярослава Володимерича. Правда Русская»). Но вместе с тем новая мотивация отнюдь не ограничивается ролью «правды» для новгородцев. Дело в том, что после какого-то, видимо, довольно протяженного периода применения на Руси санкций Эклоги вынужденный отказ Владимира от византийских норм физических наказаний (в виде отсечения носа, руки, языка, избия плетью, острижения, изгнания и смертной казни) вернул юридическую практику к старым нормам платежей виры и продажи. Каков был по форме отказ от норм Эклоги, мы не знаем. Тем не менее, вероятнее всего, что после этого отказа все-таки создалась ситуация неопределенности, дававшая почву для своеволия в практике наказаний со стороны тиунов и волостелей (ведь традиция нарушена!). В целях преодоления этой своего рода юридической нестабильности, возможно, и была создана «Правда Ярослава».

Первая статья ее, как известно, гласит: «Оубеть моужь моужа, то мьстити братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоучадоу, любо сестриноу сынови. Аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривен за голову. Аще боудеть роусинь, любо гридинь, любо коупчин, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изгой боудеть, любо словенинь, то 40 гривен положить за нь». Тема кровной мести, с которой начинается «Древнейшая правда», никак не связана ни с варягами, ни даже с новгородцами. Первая статья касается древнерусского общества в целом. Вместе с тем она всегда молчаливо ставила многих исследователей в тупик: почему становящееся на ноги Древнерусское государство в своем древнейшем законодательном памятнике утверждает в качестве важнейшего положения многовековой, если не гораздо более длительный, обычай кровной мести,

³⁰ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 77.

который спустя примерно шесть десятков лет вообще навсегда отменяется сыновьями Ярослава («отложиша оубиение за голову»).

Между тем смысл первой статьи может быть понятным только в случае прямой и тесной взаимосвязи с отказом Владимира от практики уголовных наказаний из XVII титула Эклоги. Ведь византийская практика карала за убийство человека казнью мечом, то есть смертной казнью (XVII, 45, 46). Следовательно, институт кровной мести «автоматически» прекращал свое действие, как и сама практика вирных платежей. Первая статья «Правды Ярослава» возвращает нас к традиции и именно поэтому декларирует общее положение о праве кровной мести. Но, одновременно, поскольку целью реставрации была не сама кровная месть, а возвращение к практике взимания вир и продаж, то в статье максимально подробно устанавливается система вир. Виру платят, если нет мстителя, и это общее положение. Одновременно с этим выделен целый класс лиц, смерть которых, видимо, не может сопровождаться обычаем кровной мести и карается лишь платежом в казну виры. Скорее всего, в первой статье присутствуют как восстановление традиции, так и нововведения.

Отдельные статьи «Древнейшей правды», видимо, рассматривают «мягкие» формы «разбоя» (стычки, драки, оскорбления действием и т.д.)³¹. М. Н. Тихомиров допускал, что первые 10 статей, кончающиеся двумя статьями о варягах и колбягах, составляют более ранний памятник. Заметим в связи с этим, что остальные 7 статей «Правды Ярослава» так или иначе связаны с типами преступлений, фигурирующих в XVII титуле Эклоги (статьи о краже коня, оружия, топора, о краже и перепродаже челядинина, о заимствовании коня, о порче чужого воинского имущества и т. д.). И это позволяет все статьи до слов: «Правда оуставлена Роусьской земли» воспринимать как единый памятник.

Итак, «Правда Ярослава», скорее всего, была направлена на исправление последствий опрометчивой реформы Владимира. Думается, что для реализации столь болезненного для честолюбия Владимира Святославича возврата к старой практике, в конечном счете, был выбран наиболее удобный момент смены княжеской власти в Киеве.

Добавим и еще одну немаловажную деталь, укрепляющую выказанную гипотезу. Вновь возврата к старой системе штрафов потребо-

³¹ На возможность подобного толкования «разбоя» указывает I Исковская судная грамота, где под разбоем понимается и грабеж, и злостное избиение с грабежом, и т.д.

вали не только «старцы», но и «епископы», которые инициировали эту реформу. Разгадка состоит, видимо, в том, что Владимир при введении санкций Эклоги затронул и сферу деятельности церковного суда. Устав, созданный Владимиром для «устроения» церкви, определил лишь типы преступлений, подлежащих ведению церкви. А XVII титул Эклоги «О казнях» содержал санкции почти на все эти типы преступлений, предписывая для них различного вида физические расправы. Если, в силу реформы Владимира, по нормам Эклоги стали действовать и церковные суды, то становится очевидным, что конечная реакция и светской, и церковной властей была единодушной: все они потребовали возврата к штрафам.

Вместе с тем задачи христианизации Руси поставили перед церковью более сложную, чем перед светской судебной властью, задачу. Она была решена много лет спустя созданием церковного устава Ярослава Мудрого в середине XI века. На этот раз система наказаний была сконструирована очень осторожно, в духе раннехристианских судебныхников типа Закона Судного людем. Суть этих судебныхников в том, что они назначают за одно и то же преступление альтернативные наказания. В частности, в Законе Судном людем дается возможность выбора либо церковного покаяния с соблюдением строгого поста (епитимья), либо византийской нормы наказания (усекновение руки, носа, битье плетью, изгнание и штраф).

В Уставе Ярослава также предложено сразу несколько принципов наказания за те или иные прегрешения или преступления³². Во-первых, устав, на основе традиционных норм права оставляя в компетенции церкви определенные типы судебных дел, устанавливает размеры денежных штрафов, идущих в пользу церкви. Однако помимо денежной системы наказаний в нем присутствуют и альтернативные наказания епитимьей, в одних случаях сформулированные четко (статьи 14, 15, 18, 19 и др.), а в других — менее определенно (статьи 32, 33, 34, 35, 36)³³. В отличие от Закона Судного людем в Уставе Ярослава нет сколько-нибудь конкретных описаний характера той или иной епити-

³² *Милов Л. В. Устав Ярослава (к проблеме типологии и происхождения) // Русско-български връзки през вековете. София, 1986 [см. также настоящее издание, с. 261–274 — примеч. ред.].*

³³ *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 110–113.*

мы. Объясняется это тем, что, создавая Закон Судный людем, Кирилл-Константин, не имея славянского перевода Кормчей, должен был давать конкретное изложение процедуры той или иной епитимьи. Устав Ярослава, в отличие от Закона Судного людем, создавался в то время, когда на Руси уже был свой, древнерусский перевод Номоканона XIV титулов без толкований³⁴. Для создателей Устава представлялось достаточным в начале текста и в конце его торжественно заявить, что все наказания должны соответствовать Номоканону и «правилам святых отец». Да и конкретное изложение процедур церковного наказания по Кормчей книге дело крайне сложное. Выбор его, таким образом, целиком возлагался на духовного иерарха («а епископу — в вине», «а во епитимии и в казни по закону» и т.д.). Таким образом, чрезмерный лаконизм Устава Ярослава в нормах альтернативных наказаний вполне объясним³⁵.

Помимо Номоканона XIV титулов одним из юридических источников тех или иных альтернативных наказаний была, вероятно, и Эклога. Дело в том, что в Уставе альтернативные церковные наказания предусмотрены не повсюду, а, в основном, в статьях о нравственных преступлениях и проступках, и выступают они как средство вовлечения в лоно христианской религии. Мягкость этих норм сильно контрастирует с непомерно высокими нормами денежных штрафов (в большинстве списков Устава, дошедших до нас почти всегда в искаженном поздними редакциями виде). В ряде других случаев наряду с денежным штрафом стоит санкция: «а князь казнит» (статьи 2, 3, 4, 7, 8, 13, 14, 25, 26)³⁶. Эта третья разновидность наказания чаще всего стоит там, где речь идет о наиболее тяжких, с точки зрения христианской

³⁴ Милов Л. В. О древнейшей истории Кормчих книг на Руси // История СССР. 1980. № 5 [см. также настоящее издание, с. 233–260 — примеч. ред.]. В статье развита аргументация в пользу мнения А. С. Павлова о переводе протографа Ефремовской Кормчей на Руси в первой половине XI в. В публикации 1993 г. Я. Н. Шапов нашел аргументы автора этих строк в пользу древнерусского происхождения перевода Ефремовской Кормчей «важнейшими» (см.: Шапов Я. Н. Некоторые новые исследования рецепции византийского права на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1993. С. 82).

³⁵ Милов Л. В. Устав Ярослава. С. 86–87 [см. также настоящее издание, с. 267–270 — примеч. ред.].

³⁶ Милов Л. В. Устав Ярослава. С. 90 [см. также настоящее издание, с. 273–274 — примеч. ред.].

морали, преступлениях, хотя в расположении этой санкции по статьям в большинстве списков памятника есть много позднейших искажений. Вполне возможно, что в лице этой системы наказаний мы вновь имеем дело с попыткой применить юридические нормы византийской Эклоги. Ведь за похищение светской девушки и ее обещание Эклога карает отрезанием носа и изгнанием сообщников (XVII, 24), отрезанием носа карается и изнасилование (XVII, 30, 31) и т.п. Возможно, что санкции Эклоги имеются в виду в статье 8 Устава Ярослава о блудящем муже (19 XVII титула предусматривает наказание в 12 «смен» ударов), в статье 16 Устава Ярослава о двоеженце, где повторное преступление влечет санкцию: «казнию казнить его» (в 35 XVII титула за это следует наказание плетью и изгнание второй жены) и т. д.

Использование Эклоги при применении Устава Ярослава столь же логично, сколь логично и применение епитимийных наказаний по Номоканону XIV титулов без толкований. Заметим, однако, что использование санкций Эклоги в Уставе Ярослава проведено эпизодически и весьма гибко и осторожно — лишь как один из возможных вариантов наказания.

Опубл.: ΓΕΝΝΑΔΙΟΥΣ.
К 70-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999.
С. 129–142.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНОГО УСТАВА ВЛАДИМИРА

В недавней статье автора этих строк о неизвестной до сих пор судебной реформе киевского князя Владимира Святославича речь шла о том, что в период крещения Руси в стране было введено в практику византийское уголовное судопроизводство на основе установлений свода законов конца первой трети VIII в. известного как Эклога (точнее, более поздний вариант — *Ecloga privata*)¹. Для этого был создан полный древнерусский перевод свода, древнейший список которого сохранился от третьей четверти XIV столетия². В конечном счете, эта реформа была обречена на неудачу, ибо важнейшую роль в языческом Древнерусском государстве играли доходы казны от судебных вир и продаж.

В какой форме был реализован отказ от норм Эклоги, мы не знаем. Но после него довольно продолжительное время, видимо, царил ситуация неопределенности, дававшая почву для своеволия и произвола в практике наказаний со стороны тиунов и волостелей. В целях преодоления этой юридической нестабильности, вероятнее всего, и была создана Правда Ярослава.

Вместе с тем возникает вопрос: а почему в Правде Ярослава «рассставание с прошлым» отражено лишь в статье о реставрации кровной мести с одновременным резким ограничением лиц, имевших право на мщение, и введением вирных платежей при отсутствии мстителей, а также платежей для ряда лиц, особо выделенных по этому случаю? При этом судьба остальных норм XVII титула Эклоги неизвестна.

В порядке предположения можно думать, что Владимир Святославич в действительности отказался не от всех нормативов уголовного права XVII титула Эклоги, создав вышеупомянутую неопределенность.

Косвенным свидетельством реальности этой неопределенности, на наш взгляд, служит церковный Устав Владимира. Текст его сложен и содержит как древнейшие блоки установлений, так и позднейшие наслоения. Я. Н. Ццапов считает ближайшим к архетипу текст Архан-

¹ См.: Милов Л. В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право / *Ius Antiquum*. 1996. № 1 [см. также настоящее издание, с. 125–152 — примеч. ред.].

² Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1 [см. также настоящее издание, с. 79–110 — примеч. ред.].

гельского извода Оленинской редакции³. Опираясь на этот текст, мы можем отметить главное: перечень преступлений, дела по которым Владимир отдавал под юрисдикцию церковных судов, в Уставе не сопровождается указаниями конкретных санкций. Если полагать, что этот блок является древнейшим в сложной композиции Устава, то объяснение этому может быть лишь одно: санкции по ним давали статьи XVII титула Эклоги, которые еще действовали.

Десятичная церковь была освящена в 996 г. Не исключено, что тогда же («летом многымъ минушемъ» после крещения Руси) ей была дана и десятина «по всей земле Русей» (в том числе от княжеского суда), дана прерогатива церковным судам по определенным категориям дел и определена исключительная церковная подсудность так называемых церковных людей. Следовательно, вероятность того, что в этот момент Владимир отказался, хотя бы частично, от своей судебной реформы, вводившей нормы византийского уголовного законодательства, очень велика (все сходится!). Частичность этого отступления подтверждается тем, что вводимый церковный Устав по линии санкции по разбираемым им делам, видимо, опирался на Эклогу. Во всяком случае, сам перечень преступлений в Уставе Владимира наиболее полное отражение имеет именно в статьях Эклоги⁴.

Перечень преступлений в уставе Владимира	Статьи Эклоги, совпадающие по тематике с уставом Владимира
1. «Роспусы»	1. Титул II, ст. 14, 15
2. «Смильное»	2. Титул XVII, ст. 19, 20
3. «Заставание»	3. Те же статьи по сути дела
4. «Умыкание»	4. Титул XVII, ст. 24, (но это не обрядовое похищение)
5. «Пошибание»	5. Титул XVII, ст. 24, 30
6. «Промежи мужем и женою о животе»	6. Титул XVII, ст. 9, 11
7. «О племени или сватовстве поимуться»	7. Титул XVII, ст. 33
8. «Ведовство»	8. Титул XVII, ст. 43
9. «Урекание»	9. Титул XVII, ст. 51 (клевета могла быть ложным обвинением в виде оскорбления)

³ Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 139–140. См. также: Древнерусские княжеские уставы XI–XVI в. Изд. подг. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 12–84.

⁴ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 139–140; Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Вступ. статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 44–73.

Окончание

Перечень преступлений в уставе Владимира	Статьи Эклоги, совпадающие по тематике с уставом Владимира
10. «Узлы»	10. Титул XVII, ст. 44
11. «Зелье»	11. Титул XVII, ст. 42, 43
12. «Еретичество»	12. Титул XVII, ст. 52
13. «Зубоядение»	13. Нет соответствия
14. «Иже отца и мать бьют»	14. Нет соответствия (возможно сходство со ст. 13 титула VI)
15. «Или сын и дочи бьется»	15. Нет соответствия
16. «Иже истяжутся о задници»	16. Титул XVI, ст. 1

В связи с этим стоит отметить еще одно обстоятельство. В подавляющем большинстве случаев преступления, названным в церковном Уставе Владимира, соответствуют строго определенные одна или две статьи в том или ином титуле Эклоги. Иначе говоря, практическая ситуация была бы, с точки зрения выбора иерейским судом санкции максимально упрощена и конкретна.

Итак, следуя предложенной логике, мы неизбежно приходим к предположению о том, что отмена санкций по нормам Эклоги (и это подтверждает летописная легенда 996 г. о борьбе Владимира с разбоями)⁵ касалась лишь дел об убийствах. Поэтому вполне возможно допустить, что первая статья Правды Ярослава была первоначально сформулирована еще Владимиром. В отношении преступлений, потенциально чреватых убийством, ситуация оставалась, вероятно, весьма неопределенной вплоть до появления Правды Ярослава.

В Пространной Русской Правде первая статья Правды Ярослава, как известно, дана лишь ради традиции, поскольку во второй, следующей за ней статье, четко сказано о том, что Ярославичи отменили кровную месть и оставили только «выкуп» кунами («и отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати»). Причем отмена эта была совершена на специальной, второй («паки совокупившесе сынови его») встрече (на первой, скорее всего, была утверждена Правда Ярославичей)⁶.

Опубл.: Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори: Сб. ст. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 244–246.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126–127.

⁶ Правда Русская. М.: Л., 1940. С. 104, 402.

О ДРЕВНЕРУССКИХ СБОРНИКАХ ЮРИДИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРАВА XIII—XIV веков

В недавно опубликованном академиком М. Н. Тихомировым интереснейшем древнерусском юридическом сборнике, известном под названием «Мерила Праведного»¹, наше внимание привлекла одна из статей.

Она носит колоритное название «О уставленьи татьбы», регламентирует порядок подсудности татя, пойманного с украденными вещами далеко от места совершения кражи, и имеет, на наш взгляд, прямое отношение к древнерусскому праву, несмотря на то, что расположена непосредственно в составе одного из греческих памятников, переведенных на славянский язык.

Дело в том, что статья «О уставленьи татьбы», как и другая — «О обрученыхъ», — расположена в рукописи на развороте листов 188 об. — 189 и представляет собой инородную вставку в текст выборки статей из греческой Эклоги, носящей в славянском переводе название «Леона и Константина вѣрная царя».

Текст обеих интересующих нас статей идет сразу же после довольно известного и по Эклоге, и по «Градским законам» постановления «О разделении корысти». Однако это постановление в составе текста «Леона и Константина вѣрная царя» имеет необычно малый размер и производит впечатление внезапно обрывающегося («Умъ свои имѣти и молбу и съ свѣтомъ творити брань»). Кроме того, обращает на себя внимание и резкое различие в почерках: статьи «О уставленьи татьбы» и «О обрученыхъ» написаны явно особым почерком, заметно выделяющимся на фоне другого, основного почерка.

Выяснению всех этих обстоятельств помогает изучение других списков Мерила Праведного. Прежде всего, это Синодальный II и Синодальный III списки Мерила от начала и конца XVI в., которые, по мнению М. Н. Тихомирова, происходят от общего с Троицким списком

¹ Мерило Праведное по рукописи XIV века / Издано под наблюдением М. Н. Тихомирова. М., 1961.

протографа и поэтому почти во всем имеют с ним буквальное сходство². Как и следовало предполагать, эти списки Мерила I Праведного не имеют отмеченной нами вставки. Здесь есть лишь текст, продолжающий статью «О разделении корысти», и одна небольшая статья «О боех волных». По количеству знаков этот текст должен был бы занять в Троицком списке ровно две страницы. Следовательно, в протографе Троицкого списка Мерила, который, очевидно, был такого же размера, как и Троицкий список, был дефект. Вероятно, выпал лист. Этим, собственно, и объясняется пропуск текста.

Однако переписчики Троицкого Мерила, несомненно, знали об утрате листа и, очевидно, надеялись восполнить ее, так как почти две страницы рукописи (л. 188 об.—189) были оставлены чистыми и лишь с последней строки л. 189 продолжалась основная работа; появился текст заголовка: «Глава 5. О ударившемь кого мечемъ». Впоследствии, а может быть, и вскоре после того, как весь текст рукописи был готов, обе пропущенные страницы за неимением утраченного материала были заполнены другим текстом, уже не имевшим никакого отношения к основному. Этот пропуск заполнялся в два приема, но одной и той же рукой. Сначала была заполнена первая страница (л. 188 об.), где довольно разгонисто, с тем расчетом, чтобы текст заполнил всю страницу, была изложена интересующая нас статья «О уставленьи татьбы». Наконец, во вторую очередь писец заполнил вторую страницу, где он стремился писать более убористо, чтобы уложиться на оставшемся пространстве.

Почерк этой вставки, так же как и почерки всей рукописи, имеет все признаки XIV в., а может быть, и второй его половины («ж» — без верха, «ы», «е» — якорное, с перекадиной высоко вверху и т. п.).

Итак, можно считать доказанным, что интересующая нас статья «О уставленьи татьбы» является вставкой и не имеет непосредственного отношения к составу статей Мерила Праведного. Это обстоятельство в свою очередь заставляет задуматься над происхождением обеих статей вставки. Что касается статьи «О обрученыхъ», не представляющей какого-либо интереса, вопрос решается сравнительно легко, поскольку она является краткой выборкой из церковных постановлений о браках и прелюбодеяниях, которые в изобилии встречаются в Кормчих

² Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 98—99.

книгах. Впрочем, сама статья имеет конкретные отсылки к посланию Василия Великого епископу иконийскому Амфилохию, а также к пятой главе постановлений «великого святого собора».

Что же касается статьи «О уставленьи татьбы», то она не имеет себе подобных ни в составе самой выборки из Эклоги, носящей название «Леона и Константина вѣрная царя», ни в «Градских законах», где постановления о татях не редкость, ни в постановлениях соборов. Не встречается она и в Кормчих книгах различных редакций.

Отсутствие подобного или аналогичного по характеру постановления в греческих памятниках, переведенных на славянский язык, означает, что статья «О уставленьи татьбы» — вероятнее всего, произведение древнерусской юридической мысли.

В правильности этого вывода убеждает нас и ближайшее знакомство с текстом статьи. Прежде всего, обращает на себя внимание оригинальный стиль изложения этого постановления, который довольно резко отличается от манеры изложения греческих переводных узаконений, в том числе и выборки из Эклоги и «Градских законов». Особенно интересна заключительная часть: «Се же оуправленье да держиться всякому властелю и градьскому и весьскому». Эта концовка живо напоминает нам стиль Русской Правды с ее заголовками («А се покони вирнии были при Ярославѣ», «А се мостнику оуроци» и т. п.) и, особенно, концовками («то ти урок Ярославѣ», «то ти оуроци смердомъ. оже платять князю продажу» и т. п.). Выражение «от лица же татьбы дадут достойное тои вси властелю» находит себе аналогию в известной статье Краткой Правды: «да аще будеть обидя не вдал будеть, достоино ему свои скот»³.

Надо сказать, что и язык разбираемого постановления очень близок языку Русской Правды, так как здесь встречаются такие древние термины, как «лице» в значении поличного, «продажа» в значении штрафа, «мука» и т. п. Встречаются здесь и слова, сравнительно редко употребляющиеся в русских памятниках («страна», «властель», «приставник»). Причем некоторые термины статьи «О уставленьи татьбы» отличаются известной неопределенностью. Таково, например, сопоставление термина «страна» в значении «земля» или «область» с термином «весь», употребленным, вероятно, в том же значении. Термин «властель» обознача-

³ Правда Русская. М.: Л., 1940. Т. 1. С. 71 (ст. 15).

ет здесь не только «волостеля», т.е. правителя какой-либо волости, но и «наместника». Именно поэтому в заключении текста говорится о «градском властеле» и «весьском» (в значении сельский, волостной).

Подобное употребление терминов «властель» и «волостель» известно некоторым русским источникам XIII—XV вв. Так, например, в Псковской Судной грамоте встречается «властель» в значении правителя волости⁴. В одном из списков договора Смоленска с Ригю и Готским берегом 1229 г. употреблен термин «волостелеве» в общем значении управителей земель, т.е. здесь объединены понятия «волостель» и «наместник»⁵. Наконец, в таком же значении термин «властель» приведен И. И. Срезневским из послания митрополита Киприана игумену Афонасию от 1390 г. («тогда же потреба и к княземъ ходити и властелемъ, и судище искати») ⁶.

Все эти особенности терминологии статьи «О уставленьи татьбы» можно вполне отнести за счет стилизации под общий тон Мерила Праведного, в некоторых своих разделах основанного на древних югославянских переводах. В целом же известная близость этой статьи к Русской Правде является очевидной и позволяет отнести ее происхождение примерно к XIII—XIV вв.

Разбираемое постановление «О уставленьи татьбы» интересно, прежде всего, как один из примеров подробной и тщательной разработки процесса древнерусского судопроизводства. Ведь по периоду феодальной раздробленности основные источники, связанные с уголовным судопроизводством, — это главным образом договорные княжеские грамоты. Однако в них мы видим лишь установления общего порядка. Так, в частности, в договоре Новгорода с немецкими городами (1262—1263 гг.) есть лишь одна лаконичная формулировка: «гдѣ ся тяжа родить тоу ю кончати»⁷, встречающаяся во многих документах этого периода.

⁴ Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 295 (ст. 69: «И всякому властелю за друга не тягаться, опрочъ своего орудиа»).

⁵ «Вси волостелеве по Рижьской земли дали Двину волну» // Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868. С. 420—445 (ст. 36).

⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. I. Стб. 271.

⁷ Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригю и ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв. СПб., 1857; датировка грамоты дана по изданию: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 29. С. 56—57.

Дошедшие до нас источники XIII—XIV вв. едва намечают различие в принципах подсудности: с одной стороны — в делах о татьбе и татьбе с поличным, с другой — во всех остальных тяжбах. Так, по докончанью великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем Михаилом Александровичем от 1375 г. новгородцы и новоторжцы могут быть судимы только в Новгороде и Торжке, так же как тверичи — только в Твери⁸. Лишь в конце XIV в. в докончаньи Василия Дмитриевича с Михаилом Александровичем от 1396 г. встречается особая оговорка: «а татя и душегупца и розбоиника и грабежника где имуть туть судять»⁹. Наиболее четкие установления в отношении татьбы с поличным дошли до нас только в документах XV в. Например, в грамоте Новгорода тверскому князю Борису Александровичу от 1446—1447 гг. читаем: «а привести тферитина с поличным к новгорочькому посаднику или к новоторжкому, судити его по хрьстному челованью»¹⁰.

Было бы неправильным относить разницу между наиболее общими ранними формулировками и подробными юридическими нормами XV в. только за счет развития и совершенствования норм древнерусского права. Быть может, от эпохи XIII—XIV вв. до нашего времени просто не сохранились некоторые немаловажные типы источников юридического характера.

Как известно, в распоряжении исследователей имеются доказательства того, что в это время существовали целые сборники юридического характера, которые дополняли и развивали постановления Русской Правды. Одним из таких сборников является, например, Пушкинский сборник в списке XIV в., возникший на век раньше¹¹. В составе его дошел до нас наиболее древний список так называемой Пространной редакции Закона Судного людем, чье русское происхождение во второй половине XIII — начале XIV в. с новых, оригинальных позиций обосновал М. Н. Тихомиров¹². Другим доказательством развития и систематизации правовых норм в этот период является «Митрополичье правосудие», которое одни исследователи датируют XIII—XIV вв., а другие более поздним временем.

⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.: Л., 1950. С. 27.

⁹ Там же. С. 42.

¹⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 37—38

¹¹ См. Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 143—155.

¹² Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции / Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961. Вступ. статья.

К числу подобных юридических руководств, свидетельствующих о высоком уровне развития древнерусского права XIII—XIV вв., вероятно, можно отнести и публикуемую здесь статью «О уставленьи татьбы».

Как уже говорилось выше, сюжет этого постановления посвящен порядку подсудности татя, пойманного с поличным не в той волости, где была совершена кража. По существу постановление очень напоминает одну из статей «Митрополичьего правосудия» об «изнимании» татя с поличным, пойманного в «чужой отчине», для суда «у своего судьи»¹³. Однако, во-первых, статья «О уставленьи татьбы» гораздо древнее (сравним, например, «лице» и «поличное»), а, во-вторых, центр внимания перенесен здесь на другое.

Дело в том, что эта статья касается моментов, небезынтересных, на наш взгляд, для ранней истории кормлений. Как известно, наиболее ранняя подробная разработка этого вопроса имеется в Двинской уставной грамоте 1397—1398 гг. Однако данный документ запечатлел этап уже начинающегося ограничения произвола кормленщиков. В статье «О уставленьи татьбы» мы, вероятнее всего, имеем документ, касающийся более ранней истории кормлений, когда функции кормленщиков еще только определялись. Эта статья посвящена вопросу взаимоотношений кормленщиков в таком сложном случае, как поимка татя с поличным в чужой волости.

Настоящее сообщение не ставит своей целью сколько-нибудь исчерпывающе дать анализ терминологии и происхождения документа, а рассчитано на то, чтобы привлечь к нему внимание исследователей.

О ОУСТАВЛЕНЬИ ТАТБЫ *

Аще будеть лице татбы коея страны и обряцется во инои вси, от лица же татбы дадуть достойное тои вси властелю, рекше пошлыны. Татьба же и продажа поидеть к первой страны властелю — в неи же бѣ лице татбы преже было. Тотъ властель вѣдаеть всю продажу татьбы и приставници его. Иныи же никто тоя страны татю лица продажи не творить.

Аще ли в-ыную страну татба придеть от тоя страны и властель тоя страны тому татю продажу створить, придеть же первыя страны

¹³ Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 427. Подобное совпадение свидетельствует о том, что «Митрополичье правосудие», помимо известных нам юридических памятников, основывалось и на целом ряде неизвестных древнерусских источников.

властель и оувѣсть продажу. Все проданое и грабленое възвратится к первому. И надъ покрадшимъ татемъ первыи властель волю имать: или продажи достоинъ будетъ или муки.

Се же оуправленье да держится всякому властелю и градъскому и весьскому.

* Публикуемый текст XIV в. дается в упрощенной транскрипции с сохранением из числа старых букв лишь «ъ» и «ѣ», так как имеется фототипическое издание Мерила Праведного по Троицкому списку.

Оубл.: Археографический ежегодник за 1962 год.
М., 1963. С. 55—59.

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XIV в. (палеографические наблюдения)

В истории книжного дела древней Руси есть еще не вполне ясные моменты. К их числу относится вопрос о подготовке писцов, мастеров каллиграфического письма, чьи шедевры до сих пор вызывают восхищение.

На основании отдельных упоминаний мы знаем о целых мастерских писцов-профессионалов, собранных новгородскими архиепископами Моисеем и Алексеем; о монастырских школах (картина из жизни такой школы дана в миниатюре к житию Сергия Радонежского), о писцах-любителях из знатных феодальных родов и т.п.

Некоторые сведения о технике написания книг и об организации этого процесса дают нам записи самих писцов. Среди них были главные или старшие, в подчинении которых были остальные. Так, о паремейнике 1271 г. известно, что у писца в помощниках были его сын, сделавший много ошибок, и еще один писец¹. Н. М. Каринский доказал, что Изборник Святослава 1073 г. был написан двумя писцами, один из которых, дьяк Иоанн, фигурирующий в записи как единственный переписчик, был старшим². Анализ почерков знаменитого Лаврентьевского списка летописи 1377 г. показывает, что он написан несколькими писцами, хотя один из них называет себя писцом, выполнившим всю работу³.

«Прямых свидетельств, указывающих, как вырабатывался древний писец, мы не имеем», — писал один из крупнейших палеографов Е. Ф. Карский⁴. Судить об этом можно лишь по рукописным книгам, однако древнейшие из них в этом плане почти не изучались. Можно назвать лишь небольшое исследование Н. М. Каринского о рукописях XI в.⁵

¹ См. Каринский Н. М. Паремейник 1271 г. как источник для истории Псковского письма и языка // Сб. статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 234.

² См. Каринский Н. М. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925. С. 10–11

³ См. Приселков М. Д. Формат «Летописца» 1305 г. // Сб. статей в честь академика А. И. Соболевского. С. 168.

⁴ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 259.

⁵ См. Каринский Н. М. Образцы письма...

До сих пор рукописи и их почерки изучались главным образом с целью выяснения вопроса о том, каким способом создавалась рукопись. Общеизвестно, что древние книги могли быть написаны одним или несколькими писцами, разделявшими оригинал на несколько равных частей. Примеров подобного метода написания, применявшегося, очевидно, при срочных заказах, известно в литературе достаточно. Однако проблема изучения почерков далеко не исчерпана. Сочетание почерков иногда бывает настолько сложным, что объяснить их не всегда возможно. Далеко не все чередования почерков, прерывающихся на половине страницы, строки и даже на полуслове, можно объяснить сменой писцов для отдыха. Недаром у Е.Ф. Карского встречается уклончивая формулировка: «Несколько писцов писали иногда не для быстроты, а по другим каким-либо причинам»⁶.

В данной статье излагаются результаты палеографических наблюдений над некоторыми рукописями, которые могут раскрыть, на наш взгляд, одну из основных причин наиболее сложных сочетаний почерков в рукописях. Речь идет о встречающихся в рукописях XIV в. почерках писцов-практикантов, обучавшихся каллиграфическому почерку под руководством старших писцов.

Исключительный интерес в этом плане представляет Троицкий список Мерила Праведного XIV в., недавно изданный фототипически академиком М. Н. Тихомировым⁷. Рукопись Мерила Праведного подвергалась неоднократно палеографическому описанию, наиболее тщательное из которых принадлежит В. П. Любимову⁸. Он определил в рукописи два почерка, но их там гораздо больше.

Троицкий список Мерила Праведного представляет собой рукопись в четверку на 348 листах хорошо выделанного пергамента. Начала и окончания рукописи нет. Между листами 56 и 57, 151 и 152, 154 и 155, 331 и 332 недостает по одному листу. После листа 214 ошибочно показан лист 216. Листы 332 и 338 выпадают. В пергамене встречаются дыры, иногда зашитые.

В рукописи два счета тетрадей: 1—9 (лл. 1—69 об.) и 1—36 (лл. 70—348). Это показывает, что рукопись состоит из двух частей. Размеры тетрадей неодинаковы — от 8 до 10 листов. Некоторые цифры,

⁶ Карский Е. Ф. Указ. соч. С. 265.

⁷ Мерило Праведное по Троицкому списку XIV в. Издано под наблюдением М. Н. Тихомирова. М. Изд-во АН СССР, 1961. В издании наряду с постраничной пагинацией сохранен счет по листам. В статье даются ссылки на листы.

⁸ Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. I. Тексты.

обозначающие тетради, не проставлены или не сохранились, хотя при общем подсчете учтены все тетради. Номера тетрадей второго счета нанесены чернилами рукописи и помещены внизу справа. Три последних номера тетрадей обозначены киноварью, причем последний, 36-й номер исправлен простыми чернилами на 44-й (исходя из общего счета тетрадей). Написана рукопись манерным уставом XIV в., в первой своей части особенно четким и красивым.

Изучение почерков рукописи показывает, что их можно насчитать, по крайней мере, восемь. Распределение их по листам рукописи и соотношение их между собой очень неравномерны.

Первая часть рукописи (лл. 1—69 об.), имеющая свой первоначальный счет тетрадей (1—9), написана двумя сменяющими друг друга почерками (первый — лл. 1—10, 36—65 об.; второй — лл. 11—35 об., 66—69 об.). Вероятно, эту часть писали два квалифицированных писца. Второй писец, очевидно, менее опытный, не рассчитал листы и, подгоняя эту часть рукописи к основной, оставил л. 68 об. и треть л. 69 чистыми, а часть л. 69 и весь его оборот заполнил текстом (на л. 69 об. расположено оглавление ко второй, основной части Мерила Праведного).

Во второй части рукописи (в ней больше 250 листов пергамена) количество почерков достигает по крайней мере шести, но, самое главное, полагаются они весьма причудливым образом. Несмотря на сложность их сочетаний, здесь все-таки можно различать три основных почерка (первый — лл. 70—125; второй — лл. 126—274; лл. 274—331 об.).

Наряду с основными почерками в рукописи насчитывается свыше 30 вставок, сделанных другими почерками. Изучение их характера и взаимоотношения с основными почерками приводит нас к выводу, что эти «вставки» сделаны в ходе написания рукописи и представляют яркую иллюстрацию приемов обучения писцов каллиграфическому почерку. Больше того, изучая «вставки» и их почерк, можно выделить различные стадии обучения.

Первые листы основной части Мерила Праведного (лл. 70—77) могут служить примером начальной стадии обучения. Текст написан уверенным каллиграфическим почерком писца, который, вероятно, был старшим, так как им сделано большинство киноварных заголовков рукописи. Но на л. 72 восемь строк (с 13 по 20), начиная с букв «лоухъ» в словах «послоухъ истиненъ» и кончая буквами «сего» в словах «сего рока», написаны неуверенной дрожащей рукой. Оговоримся, что в качестве пергамена и в этом, и в остальных случаях нет никаких измене-

ний, которые могли бы вызвать изменения в почерке. Буквы написаны с неровным наклоном, порой даже несоразмерны друг с другом. Кроме того, этому почерку присущи особые написания ряда букв (например, «х», «ж», «е», «з» и др.). Эти восемь строк можно назвать первым встретившимся нам «уроком» писца, обучавшегося навыкам каллиграфического письма.

Это положение осталось бы спорным и могло не выйти из плоскости рассуждений о плохом и хорошем почерке, если бы «уроки» не повторялись в рукописи систематически. На следующем же, 73-м листе мы встречаем второй «урок» писца-ученика. Начиная со слова «бывает» во второй строке семь с половиной строк до слов «свои свет» написаны тем же неровным дрожащим почерком (рис. 1). На обороте этого же листа мы видим и третий «урок» этого же писца-ученика. На этот раз им написано уже девять строк на л. 73 об. (начиная с 17-й строки) и столько же на л. 74 (до слов «в существенных»).

Возможно, уроки этого же ученика встречаются и дальше. Здесь сомнителен не сам факт продолжающегося обучения, а только принадлежность встречающихся уроков тому или иному ученику, так как ученическому почерку свойственна большая изменчивость. Тем не менее, на л. 217 после первых пяти строк каллиграфического образца, данного писцом-учителем, следует урок ученика (начиная с букв «тре» в слове «трезвомъ»), с его типичным неровным, неустойчивым почерком (см. рис. 2). Этим же почерком написан почти весь лист 217 об. Следовательно, объем упражнения здесь уже значительно больше, чем раньше.

После каллиграфического образца, данного писцом-учителем на последних трех с половиной строках л. 217 об. (со слов «и до смерти стояти»)⁹, мы снова видим почерк этого же писца-ученика на лл. 218–219 до слов «болезнью с(е)рдця» на девятой строке л. 219. Наконец, после очередного образца каллиграфического почерка (13 строк л. 219 и около полутора строк л. 219 об., кончая словом «тобе») писец-ученик вновь упражняется со второй строки л. 219 об. по 11-ю строку л. 220 об.

Весьма примечательно, что начала уроков, например первые три строки л. 218, выполнены учеником с наибольшей тщательностью и

⁹ Здесь, как и всюду далее, при цитировании текста употреблена облегченная транскрипция с современной графикой букв.

ЦНИАНКАТЪ ПЪКНИА НЕТЪЛСЬНМОДУ
 ШЕНРАЦЫЛОГЛЪ ДЛОГШИХЪ ПАСТЫ
 ХВБЕЛЮТИ ДШАЛОБЕНЪХЪ ОВЪЦЬ
 ПАВЛА ПРАВИЛОДЬСЪБЕПРЕСТРАИ.
 МТЮИПЪХЪ И ПЪЛЪХЪ ПОВЕЛЪ. ТРЕ
 ЗЪМЪНЦЪ ЛОМЪ ДРАНОМЪ БЪТИ ТЪ
 ЛОДЛУТИ. ПОСТАВНИКИ ПРАВЕДНИ. ПРЕ
 ПОДОВНИКОУ И ТЕМЪ НЕ ПОСТЪЖИ И ВО
 КСЪЛА СВЕНДОМЪ ДОКРЪТРОМЪШЮ
 КРОТКИ ДВА ГИТЕР ПЪАМЪ АНЕНА ГЛОДИ
 ШАНЕНСКАРАМЪ.

⦿ КАУЕ МСТА ПОХВАЛА СКАРНТИСА ОЦРКВА
 НЪКЪ ВЪЩЕХЪ. НАОКЪ КЪРЖЕНЪ КНИМЪ
 ОКИДЪ РАДНОМЪ РОТЪ И ДОСАНЦЪ НЕ ВЪТЕ
 МНИЦЪ НЕ СПРАВДЪ ЗАТВА РАЖМЪ ХЪ.
 МЪМЪ РАДНИИЪ И ДШЮ СКОМУ ПОЛОЖИ
 ТИ ПОДОВАИТА. ТАКОВНИ НЕ СКАРАНИ
 ПО ПАУЕ ПОХВАЛЕ НИИ ПРЪПЛЕДРИ.

ВЪ ВЪСТЪ СЪМА ПЕСЛИШЪ СТЪКИНЪТЪ КНИГИ
 МЕНЕ ТЪ КРОТКА ВЪЛМЪ И ПО ОБРЪТАК
 МЪНЪ ГЕМЪ И ГАЖДЪ. НААИДНИ ГНЪВАМ
 ЦА САН ПРЪТАЩА ВЪЛМЪ И ДЪДА БЕЗЛО
 БНА АИЪ БРАНЕХЪ ОУТНИ ДЪКРЪПКА.
 НАМЪ ОГНЪНО СНАГО. ТЪ ЖРЕЦЪ ЗАКЛА
 ВШАГО И ДВА ПАТЪ ДЕСАТНИКА ОУМЕ

Рис. 2

ближе стоят к каллиграфическому образцу почерка писца-учителя. Дальше тщательность заметно уменьшается, и почерк все больше отходит от образца. То же самое мы видим на л. 218 об., где первые строки, примерно семь, выписаны учеником с наибольшей тщательностью, но далее почерк постепенно ухудшается. Наконец, и на л. 219 первая строка «и не отвзастеся глаголахъ и ослушастеся» очень похожа на почерк

писца-учителя, хотя она несомненно написана учеником (почерк ломается лишь со слова «ослушастесь»).

Неравноценность качества первых и последних строк упражнения вполне объяснима, особенно при возросшем размере уроков. Рука ученика быстро устает, нарушаются пропорции букв (л. 218 об.), внезапно меняется наклон (л. 219, строки вторая и третья с наклоном влево), в начале строки буквы пишутся вертикально, а с половины строки начинают «валиться» (л. 219, строки 4–6). Все это сопровождается общей неровностью и неуверенностью почерка, которая чужда опытному писцу.

Палеографическое изучение рукописи свидетельствует, что в процессе ее написания обучали не одного, а, по крайней мере, шесть учеников. Типичный урок другого писца-ученика встречается на л. 75 об. (рис. 3). Он наиболее интересен, так как здесь ярко прослеживается обучение одного писца другим. Урок начинается после каллиграфического образца учителя с четвертой строки л. 75 об. После пяти строк, написанных учеником, учитель в девятой строке прерывает ученика на полуслове (он успел написать только буквы «из» в слове «извѣсту») и пишет пять строк образцовым каллиграфическим почерком. Его сменяет ученик и пишет шесть последних строк л. 75 об. и первые две буквы на л. 76. На л. 77 им же написан текст с 9-й по 12-ю строку.

Урок третьего писца-ученика встречается на л. 225, где он пишет после восьми строк каллиграфического почерка до конца страницы. На обороте этого листа писец-учитель дает каллиграфический образец чуть меньше двух строк (до слова «рекъ»), а дальше — 11 строк ученического упражнения (не считая киновари).

Таким образом, перед нами раскрывается процесс обучения и практики писца в каллиграфии. Не лишним будет заметить, что на этой стадии обучения, когда ученику поручаются сравнительно небольшие отрывки, ему не доверяют киноварные заголовки. Даже тогда, когда киноварь вклинивается в сравнительно небольшой урок ученика, она выполнена каллиграфическим почерком учителя-писца. Это еще раз показывает, что перед нами не позднейшие вставки, а тексты, написанные в ходе переписки всей рукописи (см. л. 73, 75 об., 77, 225 об. и др.).

На листах 94–123 мы встречаемся с целой серией уроков или упражнений писца-ученика, обладающего более зрелым и устойчивым

нения этого писца, очевидно, имели целью достижение полного сходства с почерком писцов-учителей¹⁰.

Поскольку почерк писца-ученика довольно качественный, то вначале создается впечатление, что это подмена одного писца другим. Однако при изучении чередования и специфики каждого почерка отчетливо выделяется ведущая роль писца-каллиграфа, который ведет обучение. В частности, писец-ученик почти никогда не начинает упражнения с начала страницы. Первые строки пишет в качестве образца писец-учитель, а продолжает, ориентируясь на образец, писец-ученик. Это прослеживается в упражнениях учеников во всей рукописи, а в данном случае на лл. 94, 95 об., 97, 98 об., 101, 101 об., 102, 102 об., 103, 107, 109 об., 110, 111, 112 об. и др.

Если почерк квалифицированного писца постоянен, то у писца-ученика он отличается изменчивостью. Писец-ученик стремится подражать учителю, и иногда это ему настолько хорошо удается, что их почерки трудно отличить с первого взгляда (лл. 98 об., 102 об. и др.). Очевидно, в этом и заключалась цель обучения в данной серии уроков.

Интересна и другая особенность этого ученика. Для него характерна особая графика ряда букв. Но при внимательном изучении, а особенно при сопоставлении некоторых особенностей данного почерка с другими возникает предположение, что это не индивидуальная графика, которую он стремится приблизить к почерку учителя, а влияние оригинала.

Можно начать с того, что пропорция букв у этого ученика постоянно стремится к уставному квадратному размеру. У буквы «к» верхняя и нижняя половины одинаковы. Перекладина у буквы «е-якорное» во многих

¹⁰ Вот перечень упражнений этого писца-ученика. Первое упражнение на л. 94 (со слов «да держимь будеть» на 5-й строке и далее до конца страницы). Второе — с 21-й строки л. 95 об. (пять строк) по 20-ю строку л. 96 (включая первое «и» в слове «или»). Третье — с 18-й строки л. 97 по 8-ю строку л. 98. Четвертое — л. 98 об. Причем, прерывая ученика, писец-учитель дает на 8-й, 9-й и 10-й строках свой образец. Лист 99 и 18 строк л. 99 об. выполнены вновь учеником. Пятое — с 3-й по 11-ю строку л. 101. Шестое — с 3-й строки л. 101 об. Седьмое — с 14-й строки л. 102 (после букв «ямь»). Восьмое — последние шесть строк л. 102 об., девятое — с 17-й строки л. 103 (со слов «къ судьбамь»). Десятое — строки 14–16 л. 107. Одиннадцатое — л. 108 об. Двенадцатое — с 5-й строки л. 109 об. Тринадцатое — три последние строки л. 110. Четырнадцатое — три последние строки л. 110 об., а также л. 111, л. 111 об. (кроме двух последних строк). Пятнадцатое упражнение — четыре последние строки л. 112 об.

случаях лежит посередине, сливаясь с язычком. Можно предполагать, что под влиянием оригинала часто встречается «р» с ножкой на строке¹¹, хотя такое «р» иногда фигурирует в манерном полууставе XIV в.

Влияние оригинала можно видеть и на других ученических почерках. Вполне естественно, что неустановившийся почерк ученика подвержен, с одной стороны, влиянию писца-учителя, которому он сознательно подражает, а с другой стороны — влиянию оригинала. Так, например, в уроке на л. 225 писец-ученик следит за написанием «м», «ж» с «усиками» и пишет их точно так же, как учитель, но в то же время забывает следить за написанием «е-якорное», которое под влиянием оригинала он часто пишет с перекладной посередине (строки 3, 4, 6, 16 и т.п.). Или, например, ученик, выполнивший текст на лл. 72–74, 231–238 и т.п., тщательно следит за написанием «е-якорное», но в то же время под влиянием оригинала пишет «ж» с большим верхом. В двух уроках еще одного ученика с очень слабым, неустановившимся почерком (л. 260 об., строки 1–12 и л. 264, строки 10–13) прослеживается та же закономерность. Букву «з» ученик тщательно копирует с почерка писца-учителя, в то же время у «е-якорное» перекаладина чаще стоит посередине, совпадая с язычком «е», а у «р» большая петля, но ножка стремится к укорачиванию.

В Троицкой рукописи Мерила Праведного встречаются примеры обучения писцов и на более высокой стадии их квалификации, когда у писца стал тверже почерк, но не хватало четкости и красоты, владения нажимом и т.п. В этих случаях писец-ученик работал под наблюдением писца-учителя почти самостоятельно. Таким учеником написана целая тетрадь (лл. 231–238 об.)¹². Четыре строки киноварного заголовка и четыре строки текста пишет учитель (по-видимому, старший писец), давая каллиграфический образец, а затем работу продолжает ученик, подражая образцу. Учитель следит за его работой и периодически наставляет его. Так, на л. 232 им написано около двух строк (с букв «Ѣно» в словах «вѢно преже» на 8-й строке и кончая словами «имѣнья ихъ» на 10-й строке). Третий образец каллиграфического письма находится на л. 234 (первые три строки), а далее до конца тетради всю работу,

¹¹ Такое «р» встречается почти исключительно в ученических уроках

¹² Можно предположить, что эта тетрадь написана учеником, первые уроки которого мы видим на лл. 73, 73 об., 74, так как манера написания «з», «ж», «ч», «ѡ», «х» очень сходная.

в том числе и киноварь, выполнил ученик. При этом и он испытывал влияние оригинала, что сказалось в том, что буква «р» имеет большую петлю и короткую ножку, едва заходящую за нижний край строки¹³, а у «ж» — большой верх.

Перейдем к стоящей особняком последней части рукописи (лл. 275–331). Здесь, на наш взгляд, мы имеем дело с завершающей стадией процесса обучения. Писцу-ученику поручено написание семи тетрадей. Это уже почти самостоятельная работа и только вкрапленные в текст небольшие образцы каллиграфического письма позволяют обнаружить продолжение процесса обучения. Ученик начал с л. 275, но уже 4–6-я строки снизу принадлежат учителю («му. своєю рукою написанъ. наслѣдника им наказати. яко он си...»). Образцы каллиграфического письма даны также на л. 275 об., на л. 299 (первые пять строк до слов «и от сборныя»), л. 299 об. (первая и часть второй строки, кончая словом «възбраняемъ»), л. 304 об. («свобожени. свободни... на бл/а/городень есть»), л. 306 об. (первые семь строк), л. 307 (первые три с половиною строки, кончая словами «лице г/о/с/поди/нь»), л. 323 (первые две строки, кончая словами «възраста его казнь»), л. 325 об. (одна с небольшим строка, кончая словом «мученик»), л. 226 об. (две первые строки). Все образцы занимают первые строки страниц. Таким образом, вывод, что эта работа носила характер обучения, представляется неоспоримым.

Наличие в рукописи части в семь тетрадей, написанной писцом-учеником, имеет не совсем понятную на первый взгляд особенность. Судя по методике и масштабам упражнений, писец-ученик должен был обладать более четким и установившимся почерком, чем те ученики, которым доверяли выполнение лишь небольших отрывков. Однако почерк писца-ученика, хотя и заметно улучшается к концу, в целом очень неустойчив и коряв. Во всяком случае он хуже почерка того ученика, который переписывал всего одну тетрадь, и тем не менее ему доверили даже киноварь (она сделана тем же корявым почерком). Объяснение может быть только одно. Очевидно, рукопись выполнялась в мастерской, имевшей много заказов. Наряду с писцами высокой квалификации в мастерской было много и учеников-практикантов, которых систематически привлекали к участию в выполнении заказов.

¹³ Подобное «р» встречается, например, в Житии Кондрата XI в.

Эти заказы, если они не носили исключительно ответственного характера, использовались для обучения писцов-учеников каллиграфическому письму. Дорогая, но делового характера рукопись Мерила Праведного была разделена между несколькими писцами. Первый (по-видимому, старший) взял небольшую долю второй части (л. 70—125) и киноварные заголовки рукописи. Второй взял остальное, часть работы выполнил сам (л. 126—208, 239—274) и обучал учеников (л. 208 об.— 239).

Видимо, исключительно из-за срочности заказа или спешки семь тетрадей рукописи были даны одному из учеников. Но второй писец систематически следил за его работой, давая ему образцы каллиграфии. Писцам меньшей квалификации он уделял больше внимания, поэтому на л. 208—239 образцы его каллиграфии встречаются чаще и больше по размеру.

Между прочим, очень примечательно следующее обстоятельство. Задание писца-ученика, переписавшего семь тетрадей, кончалось на л. 331 об. Но этот лист (и другой, утраченный в рукописи) написан, как и последняя тетрадь всей рукописи, писцом-учителем (т. е. вторым писцом-учителем). Вероятно, это произошло потому, что писец-ученик дошел до наиболее ответственного текста, который ему не доверили. Это тексты «О церковных людехъ, и о судѣхъ, и о десятинах и о мѣрах городскихъ» и «Суд Ярославль Вол/о/димѣрич», т.е. Пространная Русская Правда (л. 332 и сл.).

В силу чрезвычайной скудости источников мысль о том, что в древней Руси, возможно, существовали книгописные мастерские типа западноевропейских скрипториев, может показаться маловероятной. Более реальным считается представление о переписке книг как о подвижническом уделе немногих лиц, преимущественно духовного звания. Однако открытие раскопками А. В. Арциховского новгородских берестяных грамот резко изменило все прежние представления об уровне грамотности и о распространении письменности в древней Руси. Это обстоятельство вполне может свидетельствовать о реальных предпосылках для существования подобных мастерских. В связи с этим и факт появления Троицкого списка Мерила Праведного в книгописной мастерской уже не кажется столь маловероятным.

В качестве подтверждения приведенных выше данных о систематическом привлечении учеников писцового дела к выполнению заказов на книги и использовании подобной работы для обучения писцов-уче-

ников каллиграфии может служить не только рукопись Мерила Праведного, но и ряд других. Так, явно ученический почерк мы находим в Устюжской Кормчей конца XIII — начала XIV в.¹⁴ Первая часть этой рукописи (47 листов) написана, по свидетельству крупнейшего знатока древнерусской письменности И. И. Срезневского, «особым нерусским почерком, отличающимся неравносью толщины толстых отвесных черт и особенно тонкостью горизонтальных; он постепенно изменяется, делаясь из узкого и сжатого широким». И. И. Срезневский отметил, что на листах 47—54 другой почерк «с малыми отличиями черт толстых и тонких»¹⁵.

Именно этот почерк обладает, на наш взгляд, типичными чертами ученического с его неровными дрожащими линиями, корявостью, внезапными наклонами и т.п. Вместе с тем ему присуща и другая черта ученического почерка — подражание учителю. В написании рукописи участвовали еще два писца-каллиграфа (л. 55—102 об. и л. 103—146 об.), но писец-ученик подражает только своему учителю, вероятно, старому писцу, почерк которого наиболее архаичен.

Здесь также можно выделить два упражнения ученика. Первое — л. 47 об.—51, далее писец-учитель дает образец на л. 51 об. и 13 строк на л. 52. Затем до л. 54 продолжает ученик. Четко прослеживается подражание, особенно на начальных буквах двух первых строк («быщению» и «тъя» в слове «одеститься»). Они сходны не только по графике, но и по силе нажима пера писца. В целом же обе первые строчки, написанные писцом-учеником (14—15), заметно отличаются от первых его букв. Чем дальше, тем сильнее нажим, меньше ровность строки, появляются толстые «крылышки» у «ъ», «ы», «т» и др. Буквы то вытянуты вверх (л. 47 об.), то почти квадратные (л. 48), в чем, вероятно, сказывается влияние оригинала.

Примеры ученических упражнений можно видеть и в так называемой Варсонофьевской кормчей XIV в.¹⁶

В связи с вопросами, поднятыми в статье, на наш взгляд, возникает ряд моментов, которые могут способствовать дальнейшему палеографическому изучению древних рукописей. В частности, изучение сочетаний квалифицированных и ученических почерков может дать ряд наблюдений о графике протографа или оригинала и их датировке.

¹⁴ Отд. рук. РГБ. Румянц. собр. № 230.

¹⁵ Срезневский И. И. Обзорение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897. С. 114. Примеч. 1.

¹⁶ ГИМ Отд. рукоп. Чудовское собр. № 4 Лл. 168, стб. 2 — 168 об., 169—171 и т. д.

Факт привлечения к выполнению заказов, а тем более обучения учеников или писцов-практикантов на таких дорогих рукописях, как Кормчие или Мерило Праведное, должен быть объяснен. Наличие в рукописи неровного, невыработанного почерка было явлением распространенным. Некоторые древние рукописи были целиком написаны плохими почерками. Это дало основание Н. М. Каринскому высказать следующую мысль: «Русские писцы не столько обучались в школах искусству каллиграфии, сколько, по-видимому, вырабатывали почерки при самом процессе списывания». Однако эти правильные наблюдения привели Н. М. Каринского к неправильному выводу о том, что в древней Руси, пожалуй, не было школ писцов¹⁷.

На наш взгляд, ответ не в отсутствии школ, а в дороговизне писчего материала — пергамена. После открытия берестяных грамот и особенно после находок при раскопках в Новгороде в 1954 г. учебной азбуки и в 1956 г. грамоток с упражнениями мальчика Онфима можно не сомневаться, что в древней Руси все начальные стадии обучения письму производились на дешевом писчем материале типа бересты. Очевидно, к письму на пергамене обучающийся допускался лишь тогда, когда из него вырабатывался вполне грамотный писец. Переход от дешевых писчих материалов к пергамену, в силу дороговизны последнего, был максимально сжатым. Писцы-ученики уже в процессе обучения привлекались к выполнению заказов. В статье и показан именно этот этап обучения, когда от небольших, в 7–10 строк, уроков писцы-ученики постепенно переходят к выполнению более крупных заданий.

В пользу этого предположения свидетельствуют наблюдения над ученическими почерками в рукописи Мерила Праведного. Из шести ученических почерков по крайней мере четыре обладают постоянной угловатостью в написании большинства букв и удивительной для учеников, умеющих грамотно писать, беспомощностью в пользовании нажимом (чередовании толстых и тонких линий). Это может быть объяснено лишь практикой письма на бересте или другом аналогичном материале. Наконец, четыре наиболее слабых ученических почерка, заметно различающихся между собой, имеют общее специфическое написание ряда букв. Так, букву «з» все ученики пишут очень резко, с

¹⁷ См. Каринский Н. М. Образцы письма... С. 13–14.

тенденцией откинуть хвостик вправо, так, как эта буква писалась в берестяных грамотах XIII—XIV вв. (первый почерк — лл. 72—73; второй — л. 217 и сл.; третий — л. 225 и сл.; четвертый — л. 275 и сл.). Букву «м» все писцы-ученики вопреки ее мягкому начертанию у учителей писали с резким углом вниз, в соединительной линии (те же листы). У некоторых из них буква «р» очень напоминает угловатые начертания ее в берестяных грамотах (см. лл. 225, 231 и др.). Особо примечательным является начертание у большинства учеников буквы ω , отличающееся какой-то особой угловатостью в нижней части. Ученическая «омега» полностью совпадает с начертанием «омеги» в берестяных грамотах (см. лл. 73, 74, 119, 231 и др.).

Думается, что это важные аргументы в пользу предположений, высказанных в статье. Дальнейшее изучение древнерусских рукописей под этим углом зрения позволит открыть новые, еще более интересные факты о приемах обучения писцов каллиграфии, их участии в выполнении заказов, получаемых книгописными мастерскими.

*Опубл.: Вестник Московского университета.
Серия IX: история. 1963. № 3. С. 23—33.*

ТВЕРСКАЯ ШКОЛА КНИЖНОГО ПИСЬМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV в.

(из истории Троицкого Мерила Праведного)

Древнерусский юридический сборник Мерило Праведное давно привлекает внимание ученых¹. Древнейший из сохранившихся экземпляров — Троицкий список Мерила Праведного (РГБ, Троицк., № 15)². Датируется список в пределах XIV в. Так, И.И. Срезневский датировал Троицкий список Мерила Праведного около 1350 г. М.Н. Сперанский, Е. Ф. Карский и В. П. Любимов датировали этот же список второй половиной XIV в. Н. В. Калачов и Арсений относили его к концу XIV в. М. Н. Тихомиров считал вероятным датировать этот список серединой века, так же, как и Н. Б. Тихомиров. В. М. Данилова полагает, что Троицкое Мерило создано в конце XIII — первой половине XIV в. (хотя этот автор опирается на палеографию памятника, аргументы в пользу названной датировки выглядят неубедительными)³.

¹ *Розенкамф Г. А.* Обзорение кормчей книги в историческом виде. М., 1829. С. 199–200; *Шевырев С. П.* История русской словесности, преимущественно древней. М., 1846. С. 383; *Калачов Н. В.* О значении Кормчей в системе древнего русского права. М., 1850. С. 18; Он же. Мерило Праведное // Архив историко-юридических сведений, относящихся к России. Кн. 1. Отд. третья. СПб., 1876; *Павлов А. С.* «Книги законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы... СПб., 1885. С. 16; *Сперанский М. Н.* Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904. С. 316 и др.; *Бенеманский М.* Градской закон. М., 1917. С. 38; *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. М., 1940; Он же. Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига // Вестник мировой культуры. 1917. № 3; *Милов Л. В.* К истории древнерусского права XIII–XIV вв. // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963 [см. также настоящее издание, с. 190–196 — *примеч. ред.*]; *Смирнов И. И.* Уставленье татьбы // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвя. 75-летию С. Н. Валка. М.; Л., 1964; *Милов Л. В.* О древнерусском переводе византийского свода законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1 [см. также настоящее издание, с. 79–110 — *примеч. ред.*]; и др.

² Мерило Праведное по рукописи XIV века. Изд. под наблюдением и со вступительной статьей академика *М. Н. Тихомирова*. М., 1961.

³ *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка X–XIV вв. Изд. 2. СПб., 1898; *Сперанский М. Н.* Указ. соч. С. 318; *Карский Е. Ф.* Русская Правда. IV. ЛН СССР. Л., 1930. С. 22; Правда Русская. Т. I. Тексты. М.; Л., 1940. С. 89–103; *Калачов Н. В.* Мерило Праведное. С. 30; *Иларий, Арсений.* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Ч. I. М., 1878. С. 10; *Тихомиров М. Н.* [Введение к изданию] // Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961; Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР // Археографический ежегодник

Замечательная рукопись Троицкого Мерила I Праведного вызвала интерес и как памятник культуры книжного письма. В частности, автором этих строк была предпринята работа по изучению в рукописи Троицкого Мерила следов обучения каллиграфическому письму. В тексте рукописи были выявлены разделы, выполненные только писцами-каллиграфами, и разделы, в которых писцы-каллиграфы, ведя переписку текста, одновременно обучали писцов-учеников. Была обнаружена целая серия «уроков» разной величины, выполненных писцами-учениками. В свою очередь, в пределах текстов, написанных учениками, были обнаружены вкрапленные в текст каллиграфические образцы письма в 1–2 строки (чаще с начала какой-либо страницы, а иногда в середине ее или в конце)⁴.

Соотношение почерков рукописи Троицкого Мерила было полностью подтверждено исследованиями А. А. Зализняка, дополнившего серию выявленных «уроков» рядом новых примеров. Кроме того, А. А. Зализняк обнаружил, что фрагменты и разделы, написанные писцами-учениками имеют ряд характерных графико-орфографических отличий от разделов, выполненных писцами-каллиграфами. Орфографические нормы учителей и учеников различны и, как считает А. А. Зализняк, учителя принадлежали к более новаторской школе письма⁵. Больше того, диалектные особенности системы письма учеников, по мнению ученого, чисто «великорусские»⁶. В то же время у некоторых учителей-каллиграфов имеются, по мнению А. А. Зализняка, черты юго-западных говоров⁷. Столь своеобразная ситуация в отношении диалектологического разнобоя текстов рукописи Троицкого Мерила может быть прояснена новыми палеографическими наблюдениями.

за 1965 год. М., 1966; Данилова В. М. Палеографические наблюдения над рукописью Мерило I Праведное (ГБЛ, Троицк., № 15) // Вопросы языкознания и русского языка. Ч. 1. Ученые записки МИГПИ им. В. И. Ленина. М., 1969. № 326; Она же. Палеографическое и фонетическое описание рукописи Мерило Праведное (Троицкое собрание, № 15). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1969.

⁴ Милов Л. В. Из истории древнерусской книжной письменности XIV века (палеографические наблюдения) // Вестник Московского университета. Серия IX: история. № 3. 1963 [см. также настоящее издание, с. 197–211 — примеч. ред.].

⁵ Зализняк А. А. Новые данные о русских памятниках XIV–XVII вв. с различием двух фонем «типа о» // Советское славяноведение. 1978. № 3. С. 78, 81 и др.

⁶ Думается, что даже условное употребление терминов «великорусский», «украинский» для XIV в. явно неисторично.

⁷ Зализняк А. А. Указ. соч. С. 84–85; Он же. Противопоставление букв о и (ѡ) в древнерусской рукописи XIV в. «Мерило I Праведное» // Советское славяноведение. 1978. № 5. С. 42, 68 и др.

Следы обучения каллиграфии в Троицкой рукописи Мерила I Праведного свидетельствуют, что рукопись эта не была парадной, роскошной рукописью, выполнением дорогого заказа, несмотря на наличие в начале рукописи миниатюры «Вседержитель как Праведный судья» и прекрасной заставки тератологического орнамента. Это была рядовая, деловая рукописная книга. И все-таки остается непонятным кричащее противоречие изысканнейшего почерка писцов-каллиграфов того типа, который палеографы действительно видят лишь в парадных роскошных рукописях, и корявого, неустойчивого письма учеников. Неясно, что за причины свели в одну книгу разные уровни письма, несомненно, разделенные и социально. В рукописи оставлены не ликвидированными грубейшие небрежности техники переписки книг. Одна из них, наиболее очевидная, присутствует на л. 68–70.

Троицкое Мерило отличает особенность, которая, на первый взгляд, может привести к выводу, что оригинал, с которого снималась копия, был отличен от протографа других уцелевших списков Мерила Праведного (СII, СIII, К-Б)⁸. Дело в том, что во всех списках Мерила Праведного рубез вводной и основной частей отличен от Троицкого Мерила. Вводная часть нравоучительного характера заканчивается всюду тремя статьями, первая из которых имеет заглавие: «Афонасия Александрийского къ Евлогию», а тексты двух других («того же к Генадью» и «Василия ко Амфилохию») даны без заголовков. Сразу же за ними идет оглавление 30 глав по второй части Мерила Праведного, а далее, где с небольшим чистым пространством, а где без него, идет первая статья юридической тематической подборки, начинающей собственно юридический сборник. Ее название во всех трех экземплярах одинаково: «Образ винам. Слово а». В экземпляре Троицкого Мерила иначе. Вводная часть, казалось бы, также заканчивается названными тремя статьями (л. 69) с той лишь разницей, что все они даны с заголовками («Афонасия Александрийского к Евлогию», «того же к Генадью», «Василия ко Амфилохию») ⁹. Отличие этого списка лишь в том, что перед текстом этих статей примерно полторы страницы оставлены чистыми.

⁸ СII — Синодальный второй список Мерила Праведного конца XV в. (ГИМ, Син., № 525); СIII — Синодальный третий список Мерила I Праведного 1587 г. (ГИМ, Син., № 524); К-Б — Кирилло-Белозерский список Мерила I Праведного, середины XVI в. (РНБ, Кир.-Бел., № 145 (1222)).

⁹ Отсутствие двух последних заголовков в СII, СIII, К-Б резонно объяснить тем, что в их протографах при переписке они были сняты из экономии места для лучшей стыковки обеих частей сборника.

Далее оборот л. 69 заполнен убористо оглавлением второй части сборника, которое все поместилось на одной странице. На следующем л. 70 в первой же строке новым почерком под заголовком «Разум о винахъ Слово. а» идет повтор тех же трех статей («Афанасия Александрьского к Евлогью»; «того же к Генадью»; «Васильево ко Амфилофью»), переписанных явно из того же источника, притом с чисто писцовыми отклонениями. И только за этим текстом идет уже заголовок «Образ винам. Слово. В», т. е. нумерация статьи здесь изменена с первой на вторую. Далее текст всех четырех списков Мерила I Праведного совпадает.

Думается, что причиной описанных неувязок могло быть решение первого писца-редактора второй части сборника перенести последние три статьи Введения в начало юридической подборки второй части Мерила. Поэтому при окончании Введения было оставлено 1,5 страницы чистыми для оглавления 30 глав второй части сборника и место для киноварного заголовка «Разум о винах. Слово. а». Затем на нижней половине л. 69 были убористо помещены три вышеназванные статьи с тем, чтобы продолжить далее переписку уже текстом статьи «Образ винам. Слово. В». Однако в организации работы произошел сбой, из-за которого на обороте л. 69 вместо статьи «Образ винам» по ошибке, а точнее, из-за порядка статей протографа, с которого списывалось Троицкое Мерило, было написано оглавление 30 глав. Писцы или писец, видимо, забыли, что для оглавления уже было оставлено место. Эту ошибку исправил писец-редактор второй части сборника, который после оглавления снова осуществил начальный замысел и вверху л. 70 поместил статью «Разум о винах. Слово. а» и уже вслед за ней статью «Образ винам», изменив ее номер с первой на вторую¹⁰. Расчет был, видимо, на то, чтобы потом оглавление все-таки перенести на чистый л. 68 об., а л. 69 удалить, вырезав его. Однако по каким-то причинам, о которых частично пойдет речь позднее, это не было осуществлено, и в тексте Троицкого Мерила осталась эта грубейшая небрежность писцов-книжников. Рукопись Троицкого Мерила Праведного, скорее всего позднее, должны были сверить по другим спискам, так как для ряда фрагментов текста, отсутствующих в протографе, с которого делался Троицкий список, оставлено было чистое место для последующих дополнений (л. 188 об. —

¹⁰ Впрочем, вполне возможно и другое предположение. Из-за несогласованности писцов первой (вводной) и второй части произошла ошибка в распределении створочных листов: писец второй части начал работу на лист раньше.

189, 191 об.). Все это еще раз свидетельствует о том, что Троицкий список не изготовлялся как парадная, дорогая рукопись.

Почему же к созданию ее оказались причастными весьма искусные мастера-каллиграфы?

Думается, что ответ на этот вопрос можно получить, изучая некоторые аспекты палеографии Троицкого списка XIV в.

Как известно, к концу XIV в. в каллиграфии устава прослеживаются две основные тенденции. Первая из них связана с исторической перспективой развития и господства полууставного письма и выражена появлением переходного устава и так называемого русского полуустава с потерей геометрии букв, с увеличением роли взмахов пера вверх и вниз, с появлением упрощенных начертаний. Вторую тенденцию можно назвать консервативной. Ее основной нитью является стремление к изысканному манерному уставному письму. В рамках этой тенденции иногда видно желание каллиграфов (наряду с традиционной сигнальной линией) уместить все буквы в границах строки. Отсюда развивается манера тончайших «волосяных» хвостов у «р», «у» и т.д. Думается, что рукопись Троицкого Мерила иллюстрирует именно эту тенденцию, эту линию развития художественного стиля в каллиграфии устава.

Дело в том, что, на наш взгляд, каллиграфия изучаемой Троицкой рукописи отличается рядом сугубо индивидуальных особенностей. Так, в рукописи почеркам всех писцов свойственно специфическое, практически почти не встречающееся начертание буквы «х» без опущенных ниже строки одной или обеих косых линий. Вся буква «х», как бы современного нам упрощенного начертания, уместается в строке.

Чрезвычайно редок в практике уставного письма и другой отличительный момент. В рукописи повсюду употреблено «у» без опущенной вниз вертикальной линии (т. е. «хвоста»). Точная аналогия, по наблюдениям Л. М. Костюхиной, встречается в большом фрагменте Евангелие Апракос (ГИМ, Муз., № 3450). Вообще сходство графики этой рукописи с графикой Троицкого Мерила очень сильное, и возможно предположить принадлежность обеих рукописей одной школе письма. Знакомство с палеографией рукописей последней четверти XIV века дает основание считать, что особые признаки каллиграфического стиля Троицкого Мерила служат прямым логическим завершением тех тенденций, которые присущи графике рукописей, выполненных манерным уставом второй половины — последней четверти XIV в., то есть речь идет о так называемой консервативной тенденции в развитии уставного письма. Общей для

этого класса рукописей является тенденция избавиться от взмахов вверх и вниз и сделать строку устава четкой ровной линией. Отсюда стремление писцов сделать спуски вертикалей у «р», «у» и т.д. незаметными, и как следствие этого стремления — широко применяются «волосные» тончайшие линии, резко контрастирующие с толщиной основных штрихов буквы, и поэтому малозаметные. Далее, при плотном построении листа рукописи, то есть когда письмо убористое и строки стоят очень близко друг к другу, появляется тенденция к укорочению спусков вертикалей и косых у «э», «х», «р», «у» и т.д. Так, явно укороченные «х» и «у» местами встречаются в Евангелии Апракос конца XIV века (ГИМ, Увар., № 268). Больше того, «у» иногда совсем не имеет «хвоста» (л. 30 об., 51, 52, 60, 130 и др.). Те же тенденции в Апостоле Апракос конца XIV века (ГИМ, Увар., № 327), где иногда «у» без хвоста (л. 2, 7, 10 об., 38, 51, 53 об., 64 об.), а «х» со слегка опущенными косыми (л. 55, 72 и др.), в Службнике Варлаама Хутынского (ГИМ, Син., № 600), в Уставе Студита 1398 года (ГИМ, Чуд., № 333), Прологе 1406 года (ГИМ, Успен., № 3, перг.) и некоторых других. Начертание «у», буквально совпадающее с Троицким Мерилом, замечено также в отдельных южнославянских рукописях (Евангелие Норова, вторая четверть XIV в. ГИМ, Увар., № 381/289/). Близкое написание «у» изредка встречается в Шестодневе 1263 г. (ГИМ, Син., № 32).

Менее четко прослеживаемая каллиграфическая особенность Троицкого Мерила заключается в начертании буквы «м» с характерным прогибом перемычки под строку. У части писцов эта манера прослеживается стабильно, а у другой части заметны колебания и часто встречается написание обычного «м». Тем не менее «м» с перемычкой, сильно спущенной под строку, может фигурировать в числе особенностей каллиграфии Троицкой рукописи Мерила I Праведного¹¹.

¹¹ Написание «м» со слегка спущенной ниже строки перемычкой известно еще с XI в. Оно есть в Изборнике 1076 г., в Чудовской Псалтири XI в. (ГИМ, Чуд., № 7), в Пандектах Антиоха XI в. (ГИМ, Воскрес., № 30) и др. Вновь оно появляется в XIV в., чаще в южнославянских рукописях, но есть и в русских рукописях. По свидетельству В. Мошина, постоянным явлением упомянутое начертание «м» в южнославянских рукописях становится лишь с третьей четверти XIV в. В русских летописях как постоянный элемент каллиграфии оно прослеживается в 80–90-е годы XIV в. Это написание «м» с округлой перемычкой, лишь слегка опущенной ниже строки (например, Евангелие Кошки, Евангелие Хитрово, так называемая Онежская Псалтирь 1395 г., Евангелие 1393 г., так называемая Киевская псалтирь и др.).

Таким образом, все вышеуказанные особенности графики некоторых букв, если и встречаются в отдельных рукописях, то изредка и к тому же поодиночке (то «м», то «у» и т.д.). В Троицком Мериале Праведном сочетание названных особенностей является уникальным. Вследствие этого, на наш взгляд, эта рукопись демонстрирует редкий, необычайный, нетрадиционный для XIV в. каллиграфический стиль явно не московского происхождения.

Изучение почерков Троицкого Мерила дает возможность предположить, что указанные выше признаки особого каллиграфического стиля еще не носят характер твердо усвоенных, ставших его органическим элементом. Но все писцы довели до автоматизма специфические начертания «х» и особенно «у». Так, писцы первой вводной части «Мерила» работают практически безошибочно. На листах этой части видны лишь позднейшие наведения, в частности буквы «х» традиционной формы (л. 3 об.—4 об.). Больше всего ошибается третий писец — каллиграф, исполнивший текст на л. 70—125 об. Так, на л. 104 в 11-й строке он внезапно в словах «оу цесаря» букву «у» пишет с хвостом, спускающимся ниже строки, т.е. делает «у» традиционной формы. Ту же ошибку он делает в 12-й строке («да будеть»). Точно так же этот же писец-каллиграф ошибается на л. 115 об., где в 3-й строке сверху делает хвост у «у» в слове «друга» и в 10-й строке в слове «ему». Вполне возможно, все ошибки были им сделаны в один-два дня, так как он и дальше делает промахи с буквой «у» на ближайших страницах: на л. 117 в 22-й строке в словах «к нему», на л. 117 об. в 9-й строке снизу в словах «иному и(и)с(ко)пу», на л. 118 в конце 12-й строки в слове «правилу», на л. 121 об. в последней строке в последнем слове «будет» (тут даже перо дрогнуло), и, наконец, на л. 124 об. в 11-й строке в слове «оумреть» и в последней строке страницы в слове «противу». Всего им 9 раз написано «у» в традиционном, а не в заданном стиле. В рамках этой части рукописи на нижней половине л. 90 об. киноварный заголовок «Кюрила архиепископа Алексадрьского. Правило. Г» и 9 строк ниже него записаны особым почерком. В этой вставке в самом заголовке «х» написано традиционно с косыми, уходящими ниже строки. Тот же промах сделан дважды в 6-й строке текста.

Четвертый писец-каллиграф, исполнивший текст рукописи «Мерила» в пределах л. 126—274 об., сделал очень мало промахов. Почти все они ближе к середине его части работы (т.е. до раздела л. 208 об.—239,

где он обучал учеников). Так на л. 187 в последней строке он также пишет традиционное «у» с хвостом в слове «таоуларии». На л. 193 в 8-й строке снизу он делает такую же ошибку в слове «осуждается» и на л. 198 об. во 2-й строке снизу в слове «оуставление». В этой же части рукописи на л. 195 об. есть описка в виде традиционного «х» с косыми, уходящими ниже строки. В той части текста, где этот писец-каллиграф вел обучение, сделан лишь один промах на л. 226 (в 5-й строке сверху в слове «единому» «у» написано традиционно с хвостом). Таким образом, навык четвертого писца-каллиграфа, видимо, прочнее, чем у третьего. Но в целом традиционные написания у обоих писцов носят характер случайных описок.

Еще один, на наш взгляд, немаловажный момент сводится к следующему. Как уже говорилось, характернейшей особенностью орфографии памятника является отсутствие е-широкого, в модификации, известной как е-якорное, появившегося, как известно, в русских рукописях с середины XIV в. Поскольку рукопись по другим признакам датируется примерно концом третьей — началом четвертой четверти XIV в., отсутствие е-широкого в варианте написания, известного как е-якорное, может вызвать либо недоумение, либо перенос датировки памятника. Между тем есть основание полагать, что время написания рукописи «Мерила» было временем, когда е-широкое или якорное практиковалось не только в конце строки, что характерно для середины и третьей четверти XIV в., а по всей строке в форме е-якорного. Дело лишь в том, что, придерживаясь данной каллиграфической манеры, писцы, видимо, намеренно избегали употреблять е-якорное. Основанием для подобного предположения служит текст рукописи на л. 132 об. Здесь с 3-й по 7-ю строку е-якорное фигурирует подряд целых семь раз (в словах «еп(ис(ко)пъ», «е» в значении «его», «искупленье», «исходящея» и «имѣние» и др. Эта серия написаний (причем, не в какой-либо вставке, а в почерке писца-каллиграфа) служит явным свидетельством того, что, во-первых, четвертый писец-учитель отлично владел этой орфографией и, во-вторых, что наличие серии написаний е-якорного есть результат ослабления внимания писца, т. е. его описка, ошибка¹². Такую же ошибку сделал и

¹² Заметим попутно, что в этой серии е-якорное бытует на всей строке и даже начинает строку. Кроме того, сам тип буквы относится к е-якорному полулежащему, что ведет скорее к последней четверти XIV в.

третий писец-каллиграф. На л. 81 об. в 9-й строке в слове «другое» им также употреблено е-якорное примерно того же типа, как у четвертого писца¹³.

Изложенные выше наблюдения, на наш взгляд, убеждают в том, что перед нами не просто образец особой каллиграфической модели, а рукопись, запечатлевшая одну из стадий выработки нового каллиграфического стиля, когда часть писцов (два первых) овладела навыком нетрадиционных написаний и довела их до автоматизма, а другие писцы-каллиграфы в забывчивости и при ослаблении внимания допускают, чаще или реже, традиционные написания.

Эта мысль еще более наглядно подтверждается материалом письма писцов-учеников. Приведем несколько примеров. Отработка нетрадиционного написания «у», «х» и отчасти «м» ярче видна не на первичных, очень небольших по объемам уроках, а там, где объем урока больше, видно, как внимание ученика сосредотачивается то на одном написании, то на другом. В небольшом уроке на л. 73 (с 2-й по 9-ю строки) видно, как ученик традиционное по форме «х» с изогнутой косой, идущей справа вниз налево, просто умещает в рамках строки и не усваивает новое «х» из четких прямых линий, располагающихся в строке. В большом по объему уроке на л. 73 об. (с 17-ю по 25-ю строки) — 74 (с 1-й по 8-ю строки) в двух встретившихся ему буквах «х» ученик вновь делает традиционное написание, спуская косые ниже строки. Стремление опустить перемычку «м» четче реализуется в первом уроке и хуже во втором. В обоих случаях ученику удается без ошибок выполнить традиционное «у» без хвоста. Возможно, по своей инициативе ученики стремятся сделать короче хвост и у «э» и «р». В двух уроках на л. 75 об.—76 ученики вполне справляются с «у», отчасти с «м», но делают спуски косых линий у «х». На л. 225 об. после двух строк образца каллиграфии со слова «рекыше» идет 11 строк урока, разбиваемого на две части киноварным каллиграфическим заголовком. В этом уроке ученик всюду пишет «у» в традиционном стиле (т. е. с хвостом), хотя хвост сильно укорочен, что все-таки свидетельствует о стремлении подражать образцу. В этом фрагменте особенно заметно, как ученик невольно укорачивает хвост у «р», который едва опущен за уровень строки. Не получается у него и «м», хотя и в об-

¹³ На л. 188 об.—189 в поздней вставке конца XIV в. на чистых страницах рукописи «Мерила» в почерке фигурирует е-якорное, почти лежащее на строке.

разде и в тексте, следующим сразу за уроком, перемычка у «м» резко опущена ниже строки.

Интересен урок на л. 216. В начале урока писец в букве «у», начиная делать вертикальный хвост вниз, тут же обрывает его. С таким очень небольшим кончиком «у» есть в словах «вдовствующая», «ему», «вѣру», «праву». Однако дальше он уже не делает этого промаха, и в словах «оутвержени», «будуть» и других буква «у» пишется абсолютно так, как у каллиграфов-учителей. В этом же уроке буква «м» сначала пишется с перемычкой в рамках строки, а со слов «имъ многи» перемычка резко уходит за нижний край строки. Почти всюду далее ученик реализует такое начертание. Буква «х» в этом уроке всюду имеет нужное нетрадиционное написание. В уроке на л. 217 писец-ученик на первых порах однажды делает букву «у» с небольшим хвостиком, но больше этой ошибки уже не допускает. Характерно вновь стремление ученика укоротить ножку у «р». Нормальные хвосты у «р» очень редки. Ему не удастся «м», так как перемычка всюду уместается в рамках строки. Все эти моменты характерны и для продолжения этого урока на л. 218 об.—219 (1–8-я строки) и урока на л. 219 об.—220 об. (1–11-я строки). Лишь на л. 219 об. в 18-й строке ученик чуть было не сделал хвост у «у».

Весьма интересен с точки зрения приспособления к нетрадиционному каллиграфическому стилю урок на л. 231–238 об., когда писцу-ученику уже поручают весьма большой текст. Он начинается после восьми строк образца, затем ученик пишет семь строк, потом снова две строки образца каллиграфии. Далее текст ученика на л. 232 прерывается двумя строками образца, на л. 232 об. неполная первая строка образца, л. 234 начинается с двух строк образца и т.д. Поначалу у ученика буква «х» на листе 231 дана традиционно, на л. 231 об. во 2-й строке она уже уместена в строке, но в нижней половине страницы писец-ученик снова дает «х» традиционные, с косыми, спускающимися ниже строки. На л. 232 «х» уместается в строке в трех случаях, но в трех же «х» традиционно, на л. 233 соотношение то же, на л. 233 об. традиционное написание в четырех случаях, а нетрадиционное в пяти и т.д. Точно так же число написаний «м» с перемычкой ниже строки постепенно нарастает, хотя писец-ученик часто снова и снова пишет «м» в строке. Иногда перемычка исправляется дополнительным удлинением ее (например, л. 235 об., строки 12, 19, 21, 25 и др.). В этом разделе — уроке «у» всюду пишется в новой манере. Лишь на листе 237 в 8-й строке видна попыт-

ка сделать у буквы хвост (в слове «могуть»). Для урока на л. 260 об. характерно старательное выполнение учеником буквы «м» с перемышкой, спущенной вниз. Писец-ученик, выполнивший под руководством каллиграфа, периодически дававшего образцы, большой раздел книги на л. 275—331, все особенности осваиваемой каллиграфической манеры здесь уже вполне усвоил. Лишь «х» выдается своей традиционной формой и частым спуском косых линий ниже строки. Наконец, в рукописи есть целая серия уроков писцов-учеников, которые, строго говоря, уже не ученики, так как их почерки выглядят довольно сложившимися. Именно их уроки и проясняют конечную задачу обучения как обучения новой каллиграфической манере¹⁴.

Наблюдения над почерками и палеографией Троицкого Мерила Праведного являются важными аргументами для вывода о том, что перед нами рукопись, запечатлевшая не просто редкий каллиграфический стиль уставного письма явно не московской школы, а один из этапов создания такого каллиграфического стиля. Именно потому, что этим стилем овладели не все писцы-каллиграфы, участвовавшие в создании Троицкой рукописи Мерила Праведного, и именно потому, что данному стилю обучали неопытных, начинающих писцов, в рукописи и отразилось столь необычное и даже невероятное сочетание писцов-каллиграфов с писцами, владевшими лишь примитивными навыками уставного письма.

В рукописи, на наш взгляд, отразилось не только обучение. Есть фрагменты текста, которые можно понять как пробу тех или иных каллиграфических деталей. Так, л. 70—73, т.е. начало второй части сборника, исполнены писцом-каллиграфом, который писал л. 70—125 об., и отличается от большей части написанного им же особым начертанием манерного «р» с маленькой головкой и ножкой, умецающей в строке. Только в конце л. 73 этот же писец переходит к обычному начертанию. Лучше всего это можно объяснить «пробой пера».

В связи с тем, что перед нами интереснейшее явление в истории искусства книжного письма, особо важно попытаться датировать эту замечательную рукопись возможно более точно и попытаться определить место ее написания.

¹⁴ Координаты этих уроков каллиграфии см.: *Милов Л. В.* Из истории древнерусской книжной письменности XIV века. С. 28 (примеч.) [см также настоящее издание, с. 205, примеч. 10 — примеч. ред.]; *Зализняк А. А.* Новые данные о русских памятниках XVII в. с различием двух фонем «типа о», С. 80 (так называемая зона Б).

Не останавливаясь на общих для XIV в. палеографических признаках (таких как высокая сигнальная линия, косые перекладыны в верхней трети высоты букв и др.), обратим внимание лишь на некоторые более существенные. В их числе начертание буквы «ч». У разных писцов оно разное, начиная от архаического «ч» с округлой чашей, манерного «ч» с высокой ножкой и кончая начертаниями, типичными для второй половины XIV в., с небольшой ножкой и крупной конической чашей. Наиболее важны, на наш взгляд, спорадически встречающиеся начертания с крупной треугольной чашей и очень короткой ножкой. Больше того, можно встретить «ч», сильно напоминающее «ч» расщепом так называемого русского полуустава последней четверти XIV в. Такое «ч» можно встретить на л. 100 в слове «причетникъ»; на л. 100 об. в словах «науци», «нечистыхъ», «что», «человекомъ», «причетникомъ»; на л. 106 об. в слове «причетники»; на л. 107 об. в слове «отлучиться»; на л. 110 об. в словах «чревъ», «чрева» и др.; на л. 112 в слове «честь»; на л. 112 об. в словах «отрочати», «воинича», «сочетать»; на л. 133 об. — «честнымъ домомъ»; на л. 137 об. — «чадомъ», «чтець»; на л. 146 об., 154 об., 158 об., 173, 290 об. и т.д. Эта особенность сближает рукописи с русским полууставом последней четверти XIV в. В почерках учеников (л. 275—331) встречается «ж» с практически исчезнувшей головкой, что также встречается в последней четверти XIV в. в переходном уставном письме и русском полууставе.

С середины XIV в. встречается, как известно, е-якорное, с общим наклоном влево, в положении, которое В. Н. Щепкин называл «полулежащим». Сначала это «е» встречается к концу строк и в конце их в порядке экономии места. И только позднее употребляется повсеместно. В рукописи Троицкого Мерила е-якорного практически нет ввиду специфических обстоятельств, которые уже разобраны выше. Однако в качестве исключения оно все же встречается и может служить датирующим моментом, так как употребляется и в начале строки и в середине ее, что ведет нас ко времени позже середины столетия. На л. 83 об. в киноарном заголовке в слове «епископ» е-йотированное выполнено так, что язычок «е» идет резко вверх, что характерно для конца XIV в. Наконец, датирующим признаком может отчасти быть и конфигурация буквы «м», которая, как уже говорилось, в большинстве своем имеет перемычку ниже строки. В ряде почерков этот прогиб ниже строки по всей глубине почти равен высоте самой буквы (например, л. 13,13 об., 89, 91, 99 об., 100, 100 об., 101, 102 об., 103, 132 об., 178 об., 182, 182

об., 200, 221 об., 222, 223, 230, 230 об., 246 об., 248 об., 254, 255, 257 об., 258 об., 259, 334 и др.).

Подобное написание, насколько нам известно, в русских рукописях не встречается. Аналогии встречаются лишь в уставных и полууставных южнославянских рукописях в основном с третьей четверти XIV в. Вполне возможно, что эти каллиграфические особенности и были взяты писцами Троицкой рукописи Мерила Праведного из южнославянских образцов¹⁵.

Таким образом, наиболее вероятное время написания Троицкой рукописи Мерила Праведного — конец третьей — начало четвертой четверти XIV в.

Немаловажным в этой связи является вопрос о месте создания Троицкого списка Мерила Праведного. Надо отметить, что твердых мнений на этот счет в литературе нет, так как проблема эта необычайно трудная. Многие исследователи ключевым моментом в решении этого вопроса считают прочтение исчезнувших княжеских имен из Троицкого списка Мерила Праведного. Так, А. А. Зализняк приводит устное мнение В. А. Кучкина о том, что в Троицкой рукописи читалось имя тверского князя Михаила Александровича. М. Н. Тихомиров считал, что на л. 5 рукописи читалось имя Дмитрия и полагал, что в Троицком Мериле и первое посвящение было в адрес великого князя Дмитрия Александровича, т. е. относил посвящение к концу XIII в.

И действительно, для локализации изучаемого памятника имена князей, фигурирующие в первых строках Мерила и в первом его разделе, носящем характер посвящения-похвалы, имеют первостепенное значение. В изучении этого текста, а также решении проблемы происхождения всей первой части сборника наиболее важные наблюдения и разыскания были сделаны М. Н. Тихомировым в фундаментальном

¹⁵ В южнославянских рукописях небольшой прогиб перемиčky «м» ниже уровня строки встречается sporadически с начала XIV в. (например, Рашская Кормчая 1305 г., Евангелие 1329 г. и др.). Заметный спуск перемиčky характерен и для середины XIV в. (например, Сборник 1348, Оливерова минея 1342 г., Псалтирь Бронка Младеновича 1346 г., Манасиева летопись середины XIV в.) и конца XIV в. (Октоих Синадина 1371 г., Амартол 1386 г., Амартол 1387 г., Амартол 1389 г., Службная минея 1388, и др.). См.: Палеографические снимки с южнославянских рукописей болгарского и сербского письма. Вып. 1. XI–XIV вв. Под ред. П. А. Лаврова. СПб., [б. г.] С. 214, 139–142, 153–157 и др.

труде, до сих пор являющимся ценнейшим руководством по истории древнерусского права¹⁶. М. Н. Тихомировым было блестяще доказано, что первый раздел вводной части Мерила представляет собой недошедшее до нас и, возможно, самостоятельно существовавшее произведение киевского митрополита Никифора (1104—1121 гг.) типа Поучения¹⁷. В основе аргументации ученого лежит ряд тонких наблюдений над общностью стилистики известных в литературе посланий Никифора (в первую очередь Владимиру Всеволодовичу Мономаху) и текста первого раздела вводной части Мерила Праведного, проявившейся, прежде всего, во фразеологических особенностях сравниваемых текстов. М. Н. Тихомиров пришел к выводу, что все дошедшие до нас четыре списка Мерила Праведного сохранили в текстах различные имена князей современников Никифора (Владимира Мономаха, Ярослава Святославича Муромского, Святополка-Михаила)¹⁸. Предполагая, что гипотетически восстанавливаемое Поучение Никифора было первоначально самостоятельным произведением, М. Н. Тихомиров видит подтверждение этому в дословных заимствованиях из текста Поучения в таких памятниках, как «Послание Иякова черноризца ко князю Дмитрию Борисовичу», которое С. И. Смирнов передатировал концом XIII в.¹⁹, и известные «Правила церковного собора 1274 г.» (компилятивное сочинение, иногда приписываемое митрополиту Кириллу II)²⁰. С другой стороны, ученый подметил, что собственно заголовок Мерила Праведного носит следы заимствования из того же Поучения Никифора. Отсюда М. Н. Тихомиров сделал вывод, что заголовок собственно Мерила Праведного сделан позже, и не исключено, что это было совершено при последней редакции и доработке состава этого сборника в конце XIII в. В этой редакции текст Мерила Праведного посвящался, по мнению ученого, великому князю Дмитрию

¹⁶ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941. К сожалению, эта крупнейшая работа ученого, не потерявшая актуальности в наше время и давно ставшая библиографической редкостью, до сих пор остается не переизданной.

¹⁷ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 92; М. Н. Сперанский считает, что это произведение принадлежит митрополиту Кириллу II или является «памятником его времени». См.: Сперанский М. Н. Указ. соч. С. 319.

¹⁸ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 92—93.

¹⁹ Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // Чтения ОИДР. Кн. 3. М., 1916. С. 189—194, 431—446.

²⁰ Тихомиров М. Н. Указ соч. С. 96.

Александровичу²¹. Вместе с тем М. Н. Тихомиров считал, что ранний вариант Мерила Праведного уже существовал в XII в.

Разыскания М. Н. Тихомирова могут быть уточнены лишь в деталях. В частности, нуждается в дополнительной аргументации утверждение, что в одном из списков Мерила Праведного (или в Поучении) фигурирует имя Святополка-Михаила. Думается, что имя (Михаил) все-таки подразумевает другого князя.

Напомним, что в СII и К-Б в первом посвящении фигурирует одно и то же имя («...добро бо от бога к божию слуге начати великому князю Ярославу Святославичу»)²². В то же время в обоих списках несколько дальше по тексту упомянуто одно и то же имя Владимира («тебе мудраго нашего кормчию благочестивого князя Владимира»). Этот фрагмент текста следовало бы точнее назвать похвалой князю Владимиру²³.

Таким образом, в рамках одного и того же текста оказались разные имена князей, а это может быть лишь свидетельством того, что в обоих списках мы имеем дело со следами какого-то сводного текста, к которому, в конечном счете, восходят и СII и К-Б. Эта ситуация может свидетельствовать, вероятнее всего, о том, что перед нами случай сводного текста, включавшего и начальное посвящение и первый раздел введения, т. е. текста раннего варианта Мерила Праведного. А если сводный текст объединил и начало Мерила Праведного и его первый раздел, то становится ясным, что сводным он стал на основе сведения разных списков, но не Поучения, а Мерила Праведного. Слишком невероятно, чтобы в основу Мерила Праведного при его создании был положен текст Поучения Никифора уже в искаженном, т. е. сводном варианте (т. е. когда в нем уже слились в одном тексте разные первичные князья-адресаты). Правдоподобнее, что уже ранний вариант Мерила Праведного имел в разных списках разных князей-адресатов, которые потом слились в сводном тексте Мерила Праведного. Это, в свою очередь, дает возможность предполагать, что вероятным автором раннего варианта Мерила Праведного мог быть сам митрополит Никифор. Посвящение могло быть, следовательно, первоначально сделано только Владимиру Всеволодовичу, великому князю киевскому.

²¹ Тихомиров М. Н. Указ соч. С. 97.

²² ГИМ. Син № 525. Л. 3; РНБ. Кир.-Бел. № 145 (1222). Л. 145.

²³ ГИМ. Син № 525. Л. 6 об.; РНБ. Кир.-Бел. № 145 (1222). Л. 146 об.

Остальные имена — лишь след дальнейшей судьбы списков с оригинала раннего варианта Мерила Праведного. В одном из них первое посвящение возможно было переделано, в связи с начавшейся вскоре практикой распространения этого юридического сборника. Так появились списки на имя князя-современника Ярослава Святославича (ум. 1129 г.), муромского князя, бывшего короткое время (1123—1127 гг.) и черниговским князем. При этом имя Владимира в контексте похвалы этому князю могло остаться без изменения, так как этот фрагмент при первом прочтении воспринимается как второстепенный, поскольку князь не поименован отчеством.

Вполне возможно, что распространение вновь созданного юридического сборника началось уже при Никифоре. В пользу такого предположения свидетельствуют особенности посланий того же митрополита Никифора против латинян, списки которых сохранились до наших дней. Еще Макарием и А. Поповым был установлен сводный характер «I Послания ко Ярославу князю Мурьскому²⁴ Святославличу сына Ярославля». Послание имеет ряд мест, где соединен текст «I Послания» Никифора к Владимиру Всеволодовичу, а также текст «I Послания к неизвестному князю»²⁵. А. Поповым был обнаружен в списке XVI в. текст послания Никифора к Ярославу Святополковичу владимиристо-волынскому, который по словам ученого, есть первообраз «Слова к неизвестному князю» и «Послания ко Ярославу князю Муромскому Святославличу сына Ярославля». Сводные тексты, разумеется, результат позднейших манипуляций редакторско-книжников. Вместе с тем перед нами явное доказательство того, что при жизни Никифора его послания адресовались (или копировались с переменной адресата) разным князьям-современникам. А на то, что, например, «земля Лядская», равным образом фигурирующая и в Послании Ярославу Святополковичу и в Послании Ярославу Святославовичу, не могла быть ни во владении, ни в соседстве с территорией княжества Ярослава Святославовича, писцы, видимо, не обращали внимания.

Думается, что вряд ли был прав А. Попов, считавший, что адресат послания — Ярослав Святославович — получился из Ярослава Святополко-

²⁴ Т.е. Муромскому (чтение «мурьскому» фигурирует в Успенском списке макарьевских Миней четвѣх).

²⁵ Макарий. История русской церкви. Т. 2. Изд. 2. СПб., 1868. С. 192; Попов А. Историко-литературный обзор полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875. С. 117—118

вича. То обстоятельство, что имя Ярослава Святославовича фигурирует и в Послании против латинян, и в Поучении князю (т. е. в раннем варианте Мерила Праведного), несомненно, случайным быть не могло. Таким образом, может быть прямая аналогия с ранним вариантом Мерила Праведного, когда текст, созданный первично для Владимира Мономаха, вероятно еще при жизни последнего, переписывался с посвящением Ярославу Святославовичу, хотя тот не был великим князем, и наравне с ним в тексте продолжало фигурировать имя Владимира, хотя и без полного титула.

С двумя остальными списками Мерила Праведного (Троицким и Синодальным III, № 524) дело обстоит сложнее. Видимо оба списка дают нам уже более позднюю рукописную традицию. В Синодальном III списке в начальном посвящении фигурирует следующая фраза: «Добро бо отъ бога къ божию слuze начата великому князю православному рус(ь)кому»²⁶. Исследователи до сих пор не обращали внимания на конец фрагмента, а ведь слова «православному руському» могут быть объяснены лишь как осмысление какого-то пропуска, аналогичного тому, что имеется в Троицком Мериле Праведном, где имя и отчество князя выскоблено. Не исключено, что писцы рукописи СIII снимали в 1587 г. свою копию с оригинала, где имя князя, так же, как в Троицком списке, было уже удалено, а при переписке чистое место (пропуск слов) заполнено безобидными и вполне правдивыми эпитетами²⁷. Подобная интерпретация позднейшей конъектуры дает возможность уяснить, во-первых, что экземпляр Троицкого Мерила с выскобленным именем князя был не единственным; во-вторых, что имя князя оказалось счищенным уже ко второй половине XVI в. Следовательно, еще явственнее и очевиднее проступает политическая окраска подчисток. Но все дело в том, что в СIII в другом месте текста первого раздела введения имя князя уцелело, и оно читается как Михаил («тебе мудрого нашего кормчию благочестивого князя Михаила»²⁸). Таким образом, политическая цензура, которая была, скорее всего, осуществлена в том же XVI в. и хорошо известна историографии русского летописания, совершила оплошность и пропустила имя князя. Думается, что им был не Святополк-Михаил, а один из

²⁶ ГИМ. Син. № 524. Л. 7 об.

²⁷ Число букв имени Михаила Александровича и вставных эпитетов совпадает полностью (21 буква).

²⁸ ГИМ. Син. № 524. Л. 10 об.

тверских князей (либо Михаил Ярославич, либо Михаил Александрович), так как цензура XVI в. часто направляла свое острие именно на памятники Тверского княжества.

Эти предположения подтверждает и еще одно важное обстоятельство. Дело в том, что историки (в частности, М. Н. Тихомиров) давно обратили внимание на присутствие во вводной нравственно-поучительной части Мерила Праведного статьи явно местного происхождения — «Семена епископа тферьскаго наказание»²⁹. Присутствие этой статьи в Мериле Праведном дало некоторым ученым повод полагать, что в полном составе этот юридический сборник возник не позже конца XIII в. в пределах тверского княжества. Вполне возможно, что так оно и есть. Но вместе с тем необходимо подчеркнуть, что до нас сохранился один из списков Мерила Праведного, где этой, явно местной статьи нет: это Мерило Праведное в Кирилло-Белозерском списке середины XVI в. После статьи «Наказание князем, иже дают власть и суд небогобоинным и лукавым мужем» сразу же идет статья «Евангелие толкованое Златоустаго, ко обидному терпети...»³⁰. Это означает, что до нас дошли списки Мерила Праведного преимущественно лишь тверской редакции (TI, CIII, и CII). Однако в каком-то виде юридический сборник Мерило Праведное в полном составе существовал и в иной, вероятно, более ранней редакции. Поскольку в состав общего протографа обеих редакций сборника Мерило Праведное входили разделы из Новгородской Кормчей 1280 г., то эта ранняя редакция была составлена не ранее этой даты (не ранее собора 1273—1274 гг.).

Как уже упоминалось, все остальные списки Мерила Праведного имеют в своем составе «Наказание тверского епископа Семена», хотя из них к собственно тверской редакции можно отнести лишь Троицкий список XIV в. и CIII. Что касается списка CII, то он носит сводный компилятивный характер, т.е. был, видимо, редактирован по какому-то списку тверской редакции. В этом можно убедиться, сопоставляя нравственно-поучительные тексты Мерила.

Сопоставление всех четырех списков этого сборника, в частности, в пределах текста посвящения-похвалы Владимиру Мономаху (Михаилу) дало интересные результаты. Был взят следующий фрагмент:

²⁹ М. Н. Сперанский считал ее единственной русской статьей. См.: *Сперанский М. Н. Указ. соч. С. 319.*

³⁰ РНБ. Кир.-Бел. № 145 (1222). Л. 183—184

«нѣ переблагии богъ нашъ всепромышленѣ творить нашему спасению по невѣдомымъ судбамъ его не презрѣ насъ беспомощенъ во вся роды житѣя сего поприщѣ, противу вѣставляя великому сему всего мира кораблю хранитель Христос, тебе мудраго нашего кормьчию благочестиваго князя (Владимира) заступника во истину вѣстави, оустрающа словеса на суде, храняща истину въ вѣки, творяща судъ и правду посредѣ земля. Его же мудрость порожиши и съблюдиши добродѣтельными въспита и оукраси, законоположении, аки нѣкими стѣнами чудными, свое стадо крестьянское огради и камень твердости тебе во основу вложи и аки камень солонь тобе Христос стаду своему положи. Да вси събираяся к тобѣ, аки нѣмыи скоть лижуще тучни будутъ; крестьянский сбор, аки риза господня отъ многихъ странъ собрана и истѣкана и мы, немощнии, аки утокъ сдержимъся тобою: аки невидимую душею видимое тѣло носится. Сеи еще трудъ есть предъ мною к тобѣ, великому князю и ко всѣмъ сыномъ твоимъ русьскимъ княземъ» (л. 5—5 об.).

Разумеется, в первую очередь следует отметить случаи, когда список К-Б имеет особые разночтения в отличие от трех остальных списков. Это чтение в К-Б «тебе», в то время как в остальных читается «тобе». Это пропуск строки: «и аки камень солонь тобе къ стаду своему положи» (в остальных списках она есть)³¹. Это, наконец, перестановка слов: «будуть туч(ь)нии» вместо «туч(ь)нии будутъ», как в остальных списках. Есть и чтения, характерные только для списка СII («вставляя» вместо «вѣставляя»; «вѣстави въ истину» вместо «во истину вѣстави»; «немы» вместо «немыи», как во всех других списках). Самое важное заключается в разночтениях, характерных только для списков СII и К-Б. Так, чтение «истѣкано» в обоих списках дано как «исткана» (без паерков). Чтение, «по невѣдомым» в обоих списках дано ошибочно: в К-Б «по м, вѣдомым», а в СII «по влѣдомым». Наконец, чтение «воспита и украси» также в обоих списках дано с ошибками: в К-Б «всеми тя украси», а в СII «вси ти оукраси». Вполне очевидно, у списков К-Б и СII в каком-то отдаленном звене был общий протограф. Думается, что именно поэтому в обоих списках есть и имя Ярослава Святославича, и имя Владимира. В равной мере ясно, что список СII был вместе с тем скорректирован по тверской редакции, в нем появилось, в частности, «Наказание тверского епископа Семена».

³¹ РНБ. Кир.-Бел. № 145 (1222). Л. 147.

Вышеприведенные наблюдения, на наш взгляд, могут быть аргументами в пользу гипотезы о существовании двух редакций юридического сборника Мерила Праведное полного состава, одна из которых четко определяется как тверская редакция.

Вопрос о времени этой редакции тесно связан с именем князя, которое в XVI в. усердно счищали с экземпляров юридического сборника, служившего руководством для судов (когда-то княжеских судов). Вероятнее всего, это был тверской князь Михаил Александрович, получивший в долгом и упорном единоборстве с московским великим князем Дмитрием Ивановичем Донским в 1370, 1371 и 1375 гг. ярлык на великое княжение. Думается, что, напротив, имя Михаила Ярославича не могло бы столь решительно счищаться со страниц деловых документов, хотя бы потому, что он был, как известно, канонизирован русской церковью.

Итак, на наш взгляд, линия палеографических разысканий и линия текстологического исследования в конечном счете могут подтвердить одна другую. Видимо, Тверь, этот единственно серьезный соперник Москвы в конце XIV в. в борьбе за политическое главенство над русскими княжествами, была тем центром, где развивались интереснейшие и интенсивные культурные процессы. Изученная в настоящей работе история создания оригинального каллиграфического стиля в книжном деле может быть иллюстрацией этих процессов, субъективное содержание которых, вероятно, не отстояло столь далеко, как казалось бы, от проблем политического соперничества. Особенно важно подчеркнуть форсированный характер создания новой школы книжного каллиграфического письма с ее ярко выраженной оригинальностью. Предположение А. А. Зализняка о том, что учителя-каллиграфы были людьми, приглашенными в Тверь, не местными, совпадает с данными, полученными в настоящей работе. Компоненты новой школы каллиграфии, в целом шедшей в русле основной тенденции в развитии манерного устава, как видно из приведенных материалов, были итогом большой и продуманной работы. Были подмечены и развиты различные тенденции в начертаниях ряда букв, встречавшиеся как в русской практике книжного письма, так и в южнославянской. Возможно, писцы-учителя были из южной Руси, где были более частые контакты с практикой книжной каллиграфии южных славян.

За счет инициативы писцов возможно привнесение в чисто русскую графику письма Троицкой рукописи Мерила Праведного южнославян-

ского «м» с сильно опущенной под строку перемычкой. Но было бы неправомерно думать, что пришедшие в Тверь каллиграфы принесли с собой все особенности каллиграфического стиля. Из наблюдений видно, что тон задавал кто-то другой и писцы-каллиграфы вынуждены были сами переучиваться по ряду буквенных начертаний.

Таким образом, комплекс признаков нового каллиграфического стиля книжного письма был делом местным. Именно в силу последнего обстоятельства столь интереснейшее явление в развитии художественной культуры Твери второй половины XIV в. может встать в связь с обстоятельствами политического соперничества с Москвой. Наиболее точный признак такой связи — указанный выше спешный характер работы, отразившийся в рукописи Мерила Праведного. Не исключено, что такого рода работа могла быть предпринята вскоре после Куликовской битвы, когда ведущая роль Москвы стала еще более очевидной.

*Опубли.: Древнерусское искусство XIV–XV вв. /
Отв. ред. О. И. Подобедова. М.: Наука, 1984.
С. 118–127.*

О ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КОРМЧИХ КНИГ НА РУСИ

Проблема рецепции византийского права в Древней Руси имеет обширную историографию, хотя крупные исследования в этой области не предпринимались вот уже в течение нескольких десятилетий. Между тем актуальность этой проблемы очевидна, так как применительно к первым десятилетиям после принятия христианства — это прежде всего вопрос о культурном уровне дохристианской Руси.

Если не сужать проблему рецепции до простейших аспектов заимствования, а представить ее более широко, то перспектива ее решения окажется сопряженной с выяснением прежде всего уровня правового развития дохристианского общества Древней Руси, иначе говоря, уровня развития правовой надстройки тогдашнего общества, его государственности, его обычно-правовых институтов, в том числе публичного права и т.д.

Все эти сюжеты приобретают особую остроту в ситуации, когда решается вопрос происхождения перевода того или иного византийского юридического свода законов. Если эти переводы предприняты в Древней Руси в период становления там христианства, то они особо четко высвечивают все аспекты культурно-правовых предпосылок их осуществления, а следовательно, и предпосылок понимания и усвоения представителями общества того времени сложнейшей юридической терминологии, разработанной византийским правом. Вполне понятно, что столь высокого уровня развития общество, в лице его конкретных представителей, осуществлявших переводы, не могло достичь в кратчайший период, — для этого нужно, по крайней мере, немало десятилетий. Таков один из путей, раскрывающих возможность под данным углом зрения проникнуть в глубины древнерусской истории.

Вопрос о древнейших переводах византийских юридических памятников имеет и другую, не менее значимую сторону. Это проблема использования специфических черт переводческой работы как источника по истории эпохи, современной самому переводчику. В терминологии перевода могут быть скрыты немаловажные материалы для суждений о сословиях древнерусского общества, структуре управления, правовых нормах и т.д.

* * *

Среди наиболее древних славянских юридических переводов, пожалуй, важнейшее место занимает перевод Номоканона XIV титулов без

толкований, сохранившегося в древнейшем экземпляре так называемой Ефремовской кормчей начала XII в. и некоторых других¹.

Историографическая традиция до сих пор связывала перевод этого кодекса с южнославянскими древними государствами, в частности, с Болгарией конца IX — начала X в. В недавно вышедшем исследовании Я. Н. Шапова подведены итоги этого изучения истории кормчих книг как у нас в стране, так и за рубежом². В работе учтено и изучено до 180 списков кормчих книг XII—XVIII вв., основная часть которых до сих пор не была введена в научный оборот. На этом обширном фундаменте Я. Н. Шапов реконструирует генеалогию списков кормчих книг. Больше того, он попытался решить поистине непосильную (с точки зрения объема исследовательской работы) задачу систематизации этих юридических кодексов, выделение и датировку их редакций и изводов.

Естественно, что в небольшой по объему книге итоги этой работы не могли быть изложены во всей ее полноте. Поэтому автор в качестве главной темы избрал изучение и систематизацию кормчих книг наиболее древнего периода — XI—XIII вв.

Основное внимание он уделил проблеме происхождения и истории появления на Руси в середине XI в. славянского перевода греческого Номоканона XIV титулов без толкований. Этот раздел — один из самых обстоятельных в монографии. Автор тщательно изучил и сопоставил списки этой кормчей, систематизировал материал обширной (русской и европейской) литературы о самой Кормчей и отдельных ее компонентах. В книге подытожены разыскания исследователей (главным образом В. Н. Бенешевича) о греческих списках, имеющих прямое или косвенное отношение к греческому протографу так называемой Древнеславянской кормчей.

Концепция автора книги вкратце может быть сведена к следующему. Перевод Древнеславянской кормчей был предпринят в Болгарии в конце IX — начале X в. (скорее всего, в 20-х годах X в.). Уникальный по подбору статей греческий оригинал Кормчей, не сохранившийся до наших дней, сложился, очевидно, в Византии, точнее, в Константинополе, откуда и был перенесен в Болгарию. Основу

¹ *Кормчие книги, или номоканоны*, — юридические кодексы, систематизировавшие основные памятники церковного и светского права христианского мира и прежде всего византийской церкви и византийских императоров, упоминаемых в древнерусской литературе как «первых царей оураженне».

² *Шапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978.

этого греческого оригинала составила так называемая третья редакция Синтагмы XIV титулов, созданная в Византии при патриархе Тарасии в 784–787 гг. Я. Н. Щапов считает, что работа над ней велась практически до 912 г., так как этой датой завершаются перечень иерархов и «Летописец вскоре», входящие в состав дополнительных статей к Номоканону XIV титулов.

Автор допускает, что оригинал мог проникнуть в Болгарию не непосредственно из Византии, а с территории, контролируемой римским папой (с. 98), так как в составе дополнительных статей Сборника находится так называемая «Проримская схолия», о происхождении которой имеется большая историография³.

В конце X — начале XI в. славянский перевод Кормчей попал на Русь (либо через Западноболгарское царство, либо через Афон, либо через Константинополь)⁴.

От архетипа Кормчей, попавшей на Русь, автор ведет три ветви генеалогии списков. Первая ветвь ведет через Ефремовскую кормчую конца XI — начала XII в. к Уваровской кормчей начала XIII в., а также к Рогожской кормчей третьей четверти XV в. Вторая ветвь — от архетипа к Плигинской кормчей последней четверти XV в., и третья — к Троицкой кормчей конца XV — начала XVI в. Кроме того, как полагает автор, один из ранних списков Древнеславянской кормчей был на Афоне и дал основу для работы над новым переводом (сербским) Кормчей в начале XIII в.

Если общая концепция происхождения так называемой Древнеславянской кормчей дана в книге главным образом на основе трудов В. Н. Бенешевича и Я. Н. Щапов уточняет и развивает его идеи, то в анализ древнерусских списков автор, опираясь на материалы И. И. Срезневского, внес свой вклад. Он проделал большую работу по восстановлению полного состава статей Ефремовской кормчей. Основным методом на этом пути был перекрестный анализ всех кормчих этого типа по составу статей.

³ Павлов А. С. Анонимная греческая статья о преимуществах Константинопольского патриаршего престола и древнеславянский перевод ее с двумя важными дополнениями // Византийский временник. СПб., 1897. Т. IV. С. 148 и др.; Schmid H. F. Neue Beiträge zur Frage nach der ältesten Kirchenslavischen Nomokanon Übersetzung // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1924. № 1; Grivec F. Orientalische und römische Einflüsse der Slavenpostel // Byzantinische Zeitschrift. 1929–1930. Bd. 30; Троицки С. В. Спор старог Рима са новим на странама словенске крмчије Београд, 1960; и др.

⁴ Щапов Я. Н. Указ. соч. С. 101.

Древнейшая Ефремовская кормчая, как известно, обрывается на середине 87-й главы «Собрания новелл Юстиниана в 93 главах». Состав ее протографа определяется Я. Н. Шаповым по Плигинской кормчей и включает после «Собрания в 87 (93) главах» календарный трактат «Великого книжника Антиохийского», «Летописец вскоре» патриарха Никифора, перечни архиепископов и патриархов, статью «Разум 7 собор», «Образ... веры» Михаила Синкелла, Вопрос-ответ князя Антиоха и архиепископа Афанасия Александрийского, 7-й титул Прохирона (Градского закона) в 28 главах, 2-ю главу 2-го титула Эклоги, 9-е правило первого-второго Константинопольского собора, подборку статей о власти константинопольского патриарха, включая «Проримскую схолию», помещенную между 1-й и 2-й главами 28-го титула Прохирона, отрывок послания Ефесского собора к епископам Памфилии⁵.

Реконструкция эта сделана довольно тщательно. Интересны наблюдения над сокращенным вариантом Ефремовской кормчей, относимым к XI — началу XII в., представленным так называемой Уваровской кормчей XIII в. Думается, однако, что автор преувеличивает число и значение таких сокращений⁶. Вряд ли они демонстрируют непригодность в древнерусской действительности полного варианта Кормчей XIV титулов. Выборка текстов зависела в первую очередь от ранга церковных иерархов, ее предпринимавших, и назначения выборки. Сокращения же Плигинской кормчей касаются вообще только правил Трульского собора и интерпретировать их крайне затруднительно (не говоря уже об их датировке).

Я. Н. Шапов почти не затрагивает в своих историографических отступлениях гипотезу древнерусского происхождения перевода Кормчей, отсылая читателя к трудам А. С. Павлова. Автор относится к этой гипотезе как к историческому эпизоду, считая, что трудами В. Н. Бенешевича вопрос окончательно решен в пользу гипотезы о древнеславянском переводе. Между тем гипотеза А. С. Павлова во многом опиралась на древнерусские термины Кормчей XIV титулов. Позднее же, в связи с работами В. Златарского, указавшего на факт целенаправленной редакторской работы над содержанием Кормчей как на свидетельство специальной подготовки в Византии экземпляра Кормчей для Болгарии⁷, к наблюдениям

⁵ Шапов Я. Н. Указ. соч. С. 47–48, 64–88.

⁶ Там же. С. 103–109, 238–239.

⁷ Златарски Васил. Какви канонически книги и граждански закони Борис е получил от Византия // Златарски В Избрани произведения София, 1972. Т. 1 С. 243–250 и др.

А. С. Павлова над лексикой стали относиться как к явлениям позднейшего «обрусения» текста Ефремовской кормчей в Древней Руси.

Справедливости ради следует отметить, что Я. Н. Цапов, тщательно исследовав аргументы В. Златарского (а также С. В. Троицкого⁸), пришел к мнению о несостоятельности подобной интерпретации⁹. Эти выводы автора носят принципиальный характер. По сути дела, они означают отказ от единственных, казалось бы, реальных фактов, говоривших о специальной подготовке греческого экземпляра Синтагмы XIV титулов для перевода в Болгарии. И правда, сам Я. Н. Цапов такого вывода не делает, но он диктуется логикой сделанных наблюдений.

Таким образом, несмотря на собственные наблюдения, главной слабостью гипотезы А. С. Павлова Я. Н. Цапов считает языковые данные, ссылаясь на мнение В. Ягича и Ф. И. Буслаева о болгарском изводе текста¹⁰. В качестве важного аргумента автор приводит свидетельства С. П. Обнорского. Аргументация С. П. Обнорского, высказанная им в личном письме к Я. Н. Цапову от 1959 г., в основном сводится к тому, что для древнерусского перевода потребовался бы крупный штат переводчиков, а болгарский готовый текст стоил «дешевле»¹¹. Думается, что этот довод явно неубедителен, если вспомнить о стремлениях русской церкви Ярослава к самостоятельности, о честолюбии самого Ярослава, если вообще иметь в виду общие аспекты проблемы суверенитета Древнерусского государства и т.п. К тому же и критерий «дешевизны» (свойственный скорее эпохе развитого товарного производства) вряд ли приемлем.

В 1912 г. С. П. Обнорский издал книгу, специально посвященную исследованию языка древнейшего списка Кормчей — Ефремовского. Итог исследования рукописи ученый формулирует сразу же: «Кормчая — памятник русский»¹². Подтверждается это многочисленными и тщательными наблюдениями.

Вместе с тем, несмотря на громадный и убедительный материал о русском изводе языка Кормчей, С. П. Обнорский все же оставляет возможность полагать, что в основе Ефремовской кормчей лежит южнославянский оригинал. Надо сказать, что С. П. Обнорский вообще исходил из тезиса, что все древнейшие русские переводные па-

⁸ Троицки С. В. Спор старог Рима са новим на странама словенске крмчије.

⁹ Цапов Я. Н. Указ. соч. С. 92–95.

¹⁰ Там же. С. 89.

¹¹ Там же

¹² Обнорский С. П. О языке Ефремовской кормчей. СПб., 1912. С. 3.

мятники списаны со старославянских (южнославянских)¹³. Поэтому в ряде затруднительных случаев анализа языка Ефремовской кормчей он неоднократно прибегает к предположению о наличии следов древнеболгарского оригинала¹⁴.

Здесь уместно напомнить, что С. П. Обнорский в свое время выдвинул и отстаивал гипотезу о независимости сложения древнерусского литературного языка от старославянского¹⁵. Думается, что не случайно поэтому для ученого все древнейшие памятники, написанные с той или иной долей норм старославянского литературного языка, — не русские по своему происхождению, а древнеболгарские.

В сущности говоря, это — дань традиции, сложившейся еще в XIX в. Как верно отметил Я. Н. Щапов, XIX век был периодом, «когда все или почти все произведения на славянском языке связывались с Древней Болгарией времени Симеона и Самуила»¹⁶. Для XIX — начала XX в. эта традиция имела и церковно-политические аспекты, ибо официальная церковь, так сказать, канонизировала ее.

Сила влияния церковно-политических традиций в историографии ряда проблем русской и славянской истории хорошо подтверждается в истории изучения проблемы происхождения славянской письменности. Признанная ныне большинством ученых гипотеза о более древнем (в сравнении с кириллицей) происхождении глаголической азбуки разрабатывалась в XIX — начале XX в. усилиями главным образом не русских ученых. Прежде всего это труды П. И. Шафарика, Ф. Миклошича, Фр. Рачки и др. Когда в 1856—1857 гг. П. И. Шафарик выдвинул основные аргументы своей гипотезы, М. П. Погодин, И. О. Бодянский, И. И. Срезневский ответили молчанием. В России, пожалуй, лишь В. И. Григорович решительно поддержал гипотезу древнейшего происхождения глаголицы. Даже такой крупнейший знаток славянской филологии, как А. Х. Востоков, проявил сдержанность в этом вопросе. Добросовестнейший И. И. Срезневский, в течение долгих десятилетий изучавший проблему, так и не решился признать первичность глаголицы и остался «колеблющимся». Е. Ф. Карский считал синхронными оба

¹³ Обнорский С. П. О языке Ефремовской кормчей. С. 29

¹⁴ Там же. С. 30, 36, 54, 62 и др. Между прочим, С. П. Обнорский оговаривал, что лексика памятника остается неизученной.

¹⁵ Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.: Л., 1946.

¹⁶ Щапов Я. Н. Указ. соч. С. 9.

алфавита. А. И. Соболевский в десятом томе «Богословской энциклопедии» в слабо аргументированной статье довольно бесцеремонно раскритиковал гипотезу о первичности глаголицы. Факт весьма многозначительный. Еще одним исключением был В. Н. Щелкин, не только поддержавший, но и развивший идеи П. И. Шафарика. Таким образом, вполне возможно, что русским ученым в большинстве своем, очевидно, было не всегда под силу отказаться от тезиса о первенстве истинно славянской кириллицы — принадлежности православного богослужения.

Некоторую аналогию охарактеризованной ситуации можно увидеть и в разработке проблемы славяно-русских древнейших переводов с греческого. Число общепризнанных в литературе древнерусских до-монгольских переводов невелико. И каждый факт такого перевода с трудом пробиывает себе дорогу. Общеизвестно, насколько бурными были многолетние споры по поводу концепции В. М. Истрина о древнерусском переводе XI в. «Хроники Георгия Амартола». В литературе послевоенного периода из наиболее крупных и объемных переводов окончательно получило признание древнерусское происхождение перевода «Истории иудейской войны Иосифа Флавия», обстоятельно показанное Н. А. Мещерским.

Разумеется, выявление древнерусских переводов, особенно наиболее ранних, составляет сложнейшую проблему исторического и прежде всего филологического характера. И тем не менее в последние годы презумпция южнославянского происхождения произведений ранней книжности Древней Руси несколько поколеблена. Все чаще высказывается мнение о явном преувеличении в XIX — начале XX в. роли диалектного влияния на древнеславянский литературный язык, преувеличении его региональной территориальной обособленности в славянских раннефеодальных государствах. Ученые-филологи приходят к мысли о более значительной, чем считалось прежде, общеславянской функции древнеславянского литературного языка. И в этой связи особое место в изучении данной проблемы отводится лексике того или иного памятника¹⁷.

Нетрудно заметить, что в работе Я. Н. Щапова основные направления изысканий ученого не учитывают указанных сдвигов. Признавая, что лексика памятника не изучена, Я. Н. Щапов вместе с тем, опира-

¹⁷ Мещерский Н. А. О славяно-русской переводной литературе XI–XV вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1964. Т. XX.; Толстой Н. И. К вопросу о древнеславянском литературном языке южных и восточных славян // Вопросы языкознания. 1961 № 1; и др.

ясь на литературу, определяет извод языка Ефремовской кормчей как древнеболгарский¹⁸.

Главные усилия Я. Н. Цапова при исследовании славянского перевода Номоканона XIV титулов без толкований, как уже упоминалось, были направлены на реконструкцию статейного состава архетипа Ефремовской кормчей, что, в свою очередь, используется как база для определения времени и места перевода. В монографии Я. Н. Цапова проделана большая и серьезная работа по созданию общих примерных схем соотношения кормчих книг и отчасти генеалогии их списков. Эта работа основывалась на методике сопоставления постатейного состава многочисленных рукописей кормчих книг. Однако можно ли столь же уверенно применять эту методику для решения принципиально иного вопроса — вопроса о времени и месте перевода греческого текста на старославянский язык, как это сделано в работе Я. Н. Цапова? В этом можно усомниться.

Факты, изложенные в монографии, можно интерпретировать иначе, если предположить, что греческий оригинал Сборника XIV титулов без толкований вовсе не включал так называемые дополнительные статьи. Исходя из допущения, что с греческого был переведен лишь основной костяк Кормчей, кончая разделом «Собрания в 87 (93) главах», а остальные статьи были привлечены в сборник создателями Кормчей на месте, самостоятельно, многие факты будут объяснены, на наш взгляд, более логично и убедительно.

Попытка найти греческий оригинал, который бы включал все фиксируемые ученым дополнительные статьи, на наш взгляд, малоперспективна. Во всяком случае, Я. Н. Цапов констатирует сходство греческих списков Синтагмы III редакции и реконструируемого им архетипа Ефремовской кормчей лишь в основной своей части, включающей «Собрание в 87 (93) главах»¹⁹.

Тезис автора о том, что так называемые дополнительные статьи состоят большей частью из очень распространенных в византийской литературе и неоднократно переведенных на славянский язык сочинений, объективно служит скорее аргументом против его концепции, чем в ее пользу. Я. Н. Цапов полагает, что именно факт большой их популярности и многократных переводов на славянский повышает шансы их присутствия в собранном виде в греческом оригинале архетипа Ефремовской

¹⁸ Цапов Я. Н. Указ. соч. С. 89, 235.

¹⁹ Там же. С. 64, 72 и др.

кормчей. Думается, что как раз, наоборот, гораздо больше оснований полагать, что многие из дополнительных статей были собраны воедино переводчиками-редакторами уже в различных по времени готовых переводах, и только незначительная их часть была переведена специально. Если Я. Н. Цапов, развивая концепцию южнославянского происхождения перевода архетипа Ефремовской кормчей, опирается исключительно на тексты дополнительной части Кормчей, то некоторые исследователи пытаются сделать это на материалах основной части Кормчей. В частности, речь идет об исследовании И. Вашицы, посвященном анализу «Собрания в 87(93) главах»²⁰. Центр тяжести этого анализа лежит в изучении лексического материала. Ученый сосредоточил свое внимание на терминах «Собрания в 87(93) главах», совпадающих с терминами древнейших славянских переводов. Главным аргументом в пользу гипотезы восточноболгарского, по мнению И. Вашицы, перевода архетипа Ефремовской кормчей служит термин *чиститель* (ἰερεὺς) и его производные, а также термины *соборный* (συστατικὸς), *штуждый* (ἀλλότριον), характерные для перевода Преславской школы X в.²¹

Однако такой принцип исследования без соблюдения некоторых условий подобен подходу палеографа, который взялся бы датировать какой-либо памятник письменности лишь по древнейшим графическим чертам объекта исследования и игнорировал бы позднейшие графические явления. Палеографы же, как известно, поступают наоборот: датируют памятник по позднейшим элементам графики. В работе, посвященной «Собранию в 87(93) главах», И. Вашица, тонкий филолог, создавший ряд глубоких исследований в этой области, и в частности, по лексике древнейших памятников славянской письменности, абстрагируется от позднейших лексических элементов. Однако это допустимо лишь при одном условии: если доказано действительно их вторичное, т.е. позднейшее происхождение. Например, в лексике краткой редакции Закона Судного людем таких наслоений вообще не обнаружено, и поэтому древнейшие элементы лексики в данном случае имеют ключевое значение в определении места происхождения памятника.

В качестве второго авторитетного мнения Я. Н. Цапов привлекает наблюдения А. И. Соболевского, который в определении хронологии и

²⁰ Vašica J. Collectio 87(93) capitulorum dans les Nomocanones slaves // Byzantinoslavica. 1959. Т. 20. № 1.

²¹ Там же. С. 5–7.

места переводов таких памятников, как Златоструй, Изборник 1073 г., канонарий Иоанна Мпиха и др. опирался, в частности, на перевод ερεῦος как *чиститель*, считая такое толкование специфичным для Преславской школы X в. В числе таких памятников А. И. Соболевский назвал и Номоканон XIV титулов²².

Справедливости ради следует напомнить, что А. И. Соболевский держался более широкого взгляда. Именно этот ученый прекрасно сознавал возможность проникновения древнейшей терминологии в памятники, более поздние по времени и различные по месту происхождения. Он писал, в частности, что «церковнославянский язык Кирилла и Мефодия легко принимал в себя разнообразные местные элементы, и в тех случаях, где мы имеем дело не с несомненной эпохой славянских апостолов и их ближайших учеников, пользование словарем представляет значительные трудности»²³. Иначе говоря, в таких условиях древнейшая лексика становится очень ненадежным и даже не решающим аргументом. Вот что писал ученый конкретно по поводу термина *чиститель*: «...слово чиститель, принадлежащее из древнейших памятников лишь тем, которые вышли из кружка болгарского царя Симеона, находится в более поздних (XI–XIII вв.) текстах сербских и русских, перейдя в них вместе с другими словарными данными церковнославянского языка»²⁴.

На наш взгляд, немаловажно, что мнение А. С. Павлова о переводе Номоканона XIV титулов на Руси при Ярославе Мудром было поддержано М. Н. Сперанским. Это мнение не отвергал и Н. Н. Дурново²⁵.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с лексикой перевода архетипа Ефремовской кормчей начала XII в. Действительно ли этот перевод, содержащий терминологию древнейших восточноболгарских переводов, имеет элементы лексики иного происхождения лишь как результат поз-

²² Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. С. 90, 121–122, 127.

²³ Там же. С. 94.

²⁴ Там же. Это суждение можно дополнить высказыванием А. С. Орлова: «Вообще определить язык перевода для X–XI–XII вв. весьма трудно. Ведь литературный язык русские получили из Болгарии и могли так хорошо писать на литературном языке Болгарии и так ловко подражать ему, что лишь в незначительной доле обнаруживали свой русизм» (Орлов А. С. Древняя русская литература XI–XVII вв. М.; Л., 1937. С. 44.)

²⁵ Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 29; Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969. С. 110.

днейших редакций. Ввиду ограниченного объема статьи остановимся лишь на принципиально важных экскурсах в терминологию.

* * *

Важнейшим моментом в трактовке происхождения перевода Ефремовской кормчей являются, на наш взгляд, тексты 33-й и 34-й глав раздела Кормчей, известного под названием «Собрания в 87 (93) главах», представляющего выборку из новелл Юстиниана. В свою очередь, целью нашего исследования будет выяснение вопроса о времени появления в текстах этих глав таких древнерусских терминов, как *тиун* и *тиунство*, т.е. терминов, не имеющих ничего общего с южнославянской основой лексики Кормчей, терминов, корни которых уводят в пределы Северной Европы. Следовательно, необходимо выяснить: когда появились в Кормчей эти термины — в момент перевода с греческого или в процессе предполагаемой позднейшей правки славянского перевода. Задача, разумеется, не простая. Однако попробуем разобраться в этом.

Греческий текст этих глав опубликован в издании Древнеславянской кормчей²⁶. Перевод этих глав по Ефремовской кормчей, опубликованный там же, выглядит следующим образом:

«33. Аще ли съключитъся поставляемоумоу епископу подѣ властию оужика своего быти, отъ того поставления самовластьнь да боудеть. Боголюбивыимъ же епископомъ и мьнихомъ ни отъ единого же закона приставникъ или тиоунъ, коегождо лица бивати не даемъ. 34. Помъ же и диакономъ и подьякономъ, правдьнымъ и единѣмъ приближения на приставничьство или тиоуньство призываемомъ, таково примати слоужение подаемъ...»²⁷.

Как видно из текста, первая часть 33-й главы самостоятельна. Это объявление самозванцем епископа, поставленного в этот сан «под властью» своего родственника (в греческом тексте — родителя, γονέως).

²⁶ Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича. СПб., 1906. Т. 1. Вып. I—III. (Далее — ДСК). С. 768—769. «Λγ'.Εἰ δὲ συμβῆ τὸν χειροτονουμένον ἐπίσκοπον ὑπὸ τῆν καὶ ἰδίου γονέως ἐξουσίαν εἶναι, ἐξ αὐτῆς τῆς χειροτονίας αὐτεξούσιος ἔστω. τοὺς δὲ θεοφίλοτάτους ἐπισκόπους καὶ μονάκους ἐκ μηδενὸς νομοῦ ἐπιτρόπους ἢ κουράτορας οἰουδήποτε προδῶπου γίνεσθαι συχωροῦμεν. λδ. Τοὺς δὲ πρεσβυτέρους καὶ διακόνους καὶ ὑποδιακόνους τῷ δικαίῳ καὶ μόνῳ τῆς συγγενείας εἰς ἐπιτροπὴν [η] κουράτοριαν καλούμενους τὴν τοιαύτην ὑποδέχσθαι λειτουργίαν συχωροῦμεν...»

²⁷ Там же.

Вторая часть главы и ее продолжение в 34-й главе повествуют о запрещении, не взирая ни на какие указания (законы), епископам и монахам, т.е. черному духовенству, выступать в роли опекунов, попечителей или управителей (что конкретно имеется здесь в виду, на первый взгляд не вполне ясно). И, наоборот, попам, дьяконам и иподьяконам, т.е. представителям белого духовенства, если они «праведны» и их приглашают на эту роль, разрешается пребывание в этой должности. Статья 34 имеет продолжение, где разъясняются некоторые технические условия перехода в названные должности. В этой части уже фигурирует только один термин — *περί ἄλλην κουράτοριαν*, переведенный в Ефремовской кормчей: *от(ъ) иного тиоуньства*.

В тексте обеих глав неясен смысл терминов *приставникъ* и *тиунъ* (и, соответственно, *приставничество* и *тиунство*). Термин *приставникъ* в переводных текстах имеет самое разное значение, в том числе и в текстах самой Ефремовской кормчей. Это — надсмотрщик, управитель, служитель, слуга. Термином *приставникъ* обозначали некоторые византийские церковно-судебные должности. Так, в текстах постановлений Карфагенского собора, вошедших в Ефремовскую кормчую, в § 97 этим термином переведено греческое *ἐκδικους* (эдик, прокурор), в § 138 — греческое *ἐκβιβαστας* (от *ἐκβίβαξω* — отводить, толкать). В самом «Собрании в 87(93) главах» этим термином переведено греческое *ἐκκληπτορους* в значении «сборщик», а также термин *ρέφερενδάριοι* — референдарий. В постановлениях Халкидонского собора (§ 3) как «приставник» переведено греческое *μισθωτάι* («наиматель, откупщик»). И. И. Срезневский в «Материалах для Словаря...» нигде не фиксировал словоупотребление *приставникъ* (равно как и *приставничество*) в значении «опекун» (опекунство). Единственным исключением является интересующая нас Ефремовская кормчая²⁸.

Древнерусский термин *тиунъ* в подавляющем большинстве случаев употребляется, как известно, в значении «слуга, домоправитель, управляющий», а также как «должностное лицо в системе княжеского управления городом или округой». В интересующем нас значении термин *тиунъ* в древнерусских источниках не употребляется. У И. И. Срезневского *тиунъ* (тиунство) используется в значении «опекун» лишь в 33-й и 34-й главах «Собрания в 87(93) главах» Ефремовской кормчей.

²⁸ Кроме интересующих нас фрагментов можно также упомянуть цитацию в Ефремовской кормчей 7-го титула Прохирона, где *ἐπιτρόπος κουράτορας* переведены как «приставник». См. *Щапов Я. Н. Указ. соч. С. 74.*

Обращение к греческому тексту Кормчей мало что меняет, поскольку там фигурирует греческое ἑπιτροπός, имеющее значение *управитель, заведующий, попечитель, опекун*. Наряду с греческим термином в Кормчей стоит и латинский термин *коруэторас*, имеющий точно те же значения «управитель, заведующий, попечитель, опекун». Употребление латинских терминов в греческой Кормчей — явление не редкое, обусловленное самой историей права. Более того, совпадение семантической нагрузки обоих терминов может дать повод для предположения о том, что перед нами просто синонимы (греческий термин и латинская параллель).

Древнейший перевод Ефремовской кормчей, к сожалению, не помогает нам утвердиться в этом суждении, поскольку в нем фигурируют термины в довольно неожиданном для них значении.

Проясняет ситуацию обращение к истории греко-римского права. Дело в том, что древнее римское право знало два вида опеки: а) *tutela* — опека несовершеннолетних, где главной целью была охрана семейных интересов, и б) *cura* — иные виды опеки, основной целью которых была охрана классовых, корпоративных интересов²⁹. Эти тонкости в различии опеки формально были восприняты и юстиниановым законодательством³⁰. Интересующий нас текст в новелле 123 сар. 5 в латинской версии выглядит следующим образом: «Deo autem amabiles episcopus & monachos, ex nulla lege tutores, aut curatores cujuscunque personae heri permittimus, presbyteros autem, & diaconos, & subdiaconos jure & lege cognationis tutelam aut curam suscipere haereditatis, permittimus proprio & solo gradu cognationis ad tutelam & curam vocatis, hujusmodi suscipere administrationem permittimus...»³¹.

Итак, греческие параллели для латинского *tutela* (tutores) — ἑπιτροπῆ, ἑπιτροπός; для латинского *cura* (curatores) — *коруэторεία, коруэторас*. Содержание латинской параллели почти во всем совпадает с текстом 33-й и 34-й глав «Собрания в 87 (93) главах» в греческой Кор-

²⁹ Zacharia von Lingenthal K. E. Geschichte des griechischen-römischen Rechts (далее — *Zacharia*...). Berlin, 1892 S. 120

³⁰ Там же. S. 121

³¹ Corpus juris civilis. In quator partes distinctum. Dionisio Gothofredo I. C. auctore, cui appendicis & auctarii loco... adjecta sunt, in primis Francisci Modii, I c. Brugensis ad omnes l. Pandectatandem... Francofurti ad Maenum..., 1663. Tomo III. Methodica novellarum Iustiniani dispositio & epitome ad ordinem. Edicti perpetui accomodata. Novellae Iustiniani. Novellae Leonis. Canones apostolarum (далее — *Corpus juris civilis*, t. III). P. 253.

мчей XIV титулов. Однако есть и сокращения, наличие которых в Синтагме затруднило понимание текста славянскими переводчиками. В латинской параллели говорится о том, что попу, а с другой стороны, и диакону, и иподиакону, которые по праву или положению родственника берут на себя попечение о наследстве или опеку, это разрешается; исключительно лишь степень кровного родства (*cognationis*) и приглашение к опеке или попечению разрешают взятие на себя такого рода функции. Таким образом, требования соблюдения условий кровного родства по существу дела исключали для переводчика возможность применения термина *тиунъ*. Но именно этот акцент фактически устранен в греческом тексте Кормчей. Это наблюдение остается в силе, невзирая на то, что до сих пор не обнаружено греческой параллели текста «Собрания в 87 (93) главах», совпадающей с текстом Ефремовской кормчей во всех деталях, поскольку в данном фрагменте текст Кормчей имеет точную греческую параллель.

Далее, если латинское *tutela* имело единственное значение опеки, защиты, покровительства, то греческая параллель — *ἐπιτροποις* обозначала и опеку, и управление, заведывание и т.д. Этот термин в византийском праве часто подразумевал душеприказчика вообще (а не только воспитателя), и, по мнению некоторых исследователей, двоякое его значение часто сбивало с толку византийских юристов³².

В византийском законодательстве очень рано оба понятия опеки стали сливаться³³. Уже в Эклоге (VIII в.) в VII титуле в значении «опекунство» употребляется только термин *κουράτορεία* (*κουράτορας*), поскольку там речь идет главным образом о проблемах имущества. С другой стороны, структура византийского церковно-имущественного управления уже знала институт *эпитропов* как преемников ктитора (церковного благотворителя, основателя храма и т.п.), как управителей его наследством³⁴. Это свидетельствует о слиянии *tutela* с древним понятием *cura, curatores*.

Практически то же заметно и по тексту самой греческой Кормчей, послужившей основой перевода архетипа Ефремовской кормчей. В конце 34-й главы, там, где речь идет о необходимости соблюсти ряд формальностей для вступления в должность опекуна, в частности, говорится, что выполнение их лишает основания претензии со стороны

³² *Zachariä... S. 120. Com. 501.*

³³ Там же. *S. 123, 162*

³⁴ *Соколов П.л. Церковно-имущественное право в Греко-Римской империи. Опыт историко-юридического исследования. Новгород, 1896. С. 245 и др.*

инного кураторства (*περὶ ἄλλῃν κουράτοριάν*). Таким образом, вместо прежнего параллельного упоминания обоих видов опеки стоит лишь один термин (в латинском тексте новеллы 123, сар. 5 сказано: *in alia tutela aut cura*). Это важный показатель того, что в самом греческом тексте Сборника XIV титулов оба термина начинают сливаться и одно-временное их употребление — дань старой традиции.

Обращаясь к переводу Ефремовской кормчей, мы видим, что, несмотря на явные трудности понимания текста греческого оригинала ввиду его сокращения, переводчики, хотя и неловко, но все-таки передали оттенок древней традиции различения видов опеки. В термин *эпитрон* — «приставник», вероятно, вкладывалось понимание опеки сирот, а в термин *куратор* — опека имущества. Только в этом случае может быть объяснено употребление в качестве аналога *куратору* древнерусское *тиун*. Хотя, строго говоря, и *приставник*, и *тиун* — термины не для обозначения опекунов при условиях кровного родства. Здесь уместно напомнить, что древнерусский перевод VII титула Эклоги (перевод, вероятнее всего, более ранний, чем перевод архетипа Ефремовской кормчей), где контекст сосредоточен вокруг опеки имущества, термин *опекун* (*κουράτορας*) передан весьма своеобразно — как «старейшина»³⁵, т.е. в полном соответствии с традициями обычного права. В канонах же, касающихся служителей церкви, такой термин был явно неуместным (впрочем, может быть и потому, что этот термин фигурировал в совсем иных значениях).

В связи с этим чрезвычайно интересен текст сербской Кормчей XIII в. Как известно, в основу ее легли комментированные тексты церковных канонов и тексты светских постановлений. Вместе с тем в ней есть части, общие с Ефремовской кормчей, которые во многом переведены заново, хотя местами проглядывает и использование старого перевода. Интересующий нас текст 33-й и 34-й глав «Собрания в 87 (93) главах» кое в чем отличен от Ефремовской кормчей. Вот эти фрагменты:

«33. Аще же прилоучит' се поставляемому еп(и)с(ко)поу подь властью своего родителя и еще быти от(ь) врѣмене того поставления самовластьнь да боудеть. Б(о)голюбивым же еп(и)с(ко)помь и мни-

³⁵ Мерило Праведное по рукописи XIV века. Издано под наблюдением и со вступ. статьей акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961. С. 366–367; Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. С. 56. О гипотезе древнерусского перевода Эклоги см.: Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1 [см. также настоящее издание, с. 79–110 — примеч. ред.].

хомъ ни въ единомъ же законѣ приставникомъ или печальникомъ коемоу любо лицу быти не повелѣваемъ.

34. Прозвутеромъ же и диакономъ, иподиакономъ праведнымъ единѣмъ сродствомъ на приставничество или на попечение дѣтии призываемомъ таковое приети слоужение пращаемъ...»³⁶.

Во-первых, из приведенного текста следует, что первая часть 33-й главы есть по существу исправленный и уточненный перевод, представленный Ефремовской кормчей. Уточнения встречаются и стилистические, и содержательные (в частности, вместо *ужика* — родителя). То же самое мы наблюдаем и по последующему тексту. Более четко в сербском переводе подчеркнуто условие кровного родства для вступающего в роль опекуна («единѣмъ сродствомъ» вместо раннего «единѣмъ приближения»). Преемственность же со старым переводом видна в выражениях «боголюбивым», «в единомъ законе».

Греческие *ἐπιτροπος* и *κουράτορας* в сербском тексте обозначены как *приставник* и *печальник*. Последний термин встречается в источниках в значении «попечитель, покровитель, защитник». Таким образом, если *приставник* является как бы остатком старого перевода или совпадает с ним, то термин *печальник* фактически игнорирует греческую основу текста и служит лишь синонимом термина *приставник*.

Разгадка подобного осмысления текста заключается в том, что переводчики и юристы, работавшие над Кормчей Саввы сербского, опирались не только на древние тексты кормчих, но и на более поздние комментарии к ним, а также на более поздние византийские юридические кодексы. В частности, в Сербскую кормчую был включен сербский перевод Прохирона (Градского закона). В Прохироне уже четко проявилось всеобщее употребление термина *ἐπιτροπος* и в значении «опекун, воспитатель, попечитель», и в значении «душеприказчик, управитель наследством». В 36-м титуле Прохирона «περὶ ἐπιτρόπων» (Об эпитропах) куратор фигурирует уже на втором плане, являясь в сущности лицом, подчиненным эпитропу, его техническим помощником. Условие ближайшего родства предъявлялось только к эпитропу. Куратор, таким образом, уже не опекун. В сербском переводе для греческого *ἐπιτροπος* применен, как и ранее в Ефремовской кормчей, термин *приставник*, а греческое *κουράτορας* переведено как «хранитель», что даже отдаленно уже не

³⁶ ГИМ ОР. Воскрес. собр. № 29. Л. 223 об. Здесь цитируется текст по Рашскому списку Кормчей сербской редакции, датируемому 1305 г.

напоминает прежнюю терминологию римского права³⁷. Думается, что именно вследствие этого при переводе 33-й и 34-й глав «Собрания в 87 (93) главах» оборот $\epsilon\pi\iota\tau\rho\omicron\upsilon\pi\omicron\upsilon\varsigma$ ἢ $\kappa\omicron\upsilon\upsilon\rho\acute{\alpha}\tau\omicron\rho\alpha\varsigma$ передан в принципе однозначно как «приставник и печальник». В тексте 34-й главы термин печальник заменен на вариацию «попечение дѣтии», что, на наш взгляд, резче выделяет одно из значений термина $\epsilon\pi\iota\tau\rho\omicron\upsilon\pi\omicron\upsilon\varsigma$ ³⁸. Следовательно, сербский перевод в этом фрагменте еще более современен.

Поставим теперь вопрос: а какой славянский текст использовался при новом переводе греческих текстов и формировании новой Кормчей книги? Речь идет, в частности, о разделе Кормчей, известном как «Собрание в 87 (93) главах». Выше было замечено, что в этом разделе сербского перевода в ряде мест обнаруживается явное сходство с Ефремовской кормчей (т.е. ее протографом или списком с нее). Чем же пользовались переводчики и редакторы Саввиной кормчей: Ефремовской кормчей (ее протографом или списком с нее) или южнославянским переводом, выполненным в Болгарии или смежных с нею пределах?

В качестве допущения можно принять и последний вариант, хотя, скорее всего, в ту пору раннеболгарский текст не сохранился. Тем не менее в порядке предположения мы вправе в изучаемых фрагментах 33-й и 34-й глав «Собрания в 87 (93) главах» не исключать возможности наличия следов древнейшего южнославянского текста Кормчей.

В этом случае можно допустить, что основная терминология 33-й и 34-й глав Сербской кормчей перешла в нее из южнославянского древнейшего перевода (т.е. термины: *приставник*, *печальник*; обороты: *попечение дѣтии*, *от иного попечения*). Тогда, следуя логике, нужно сказать и другое: эти термины в протографе Ефремовской кормчей были исправлены в древнерусской редакции и вместо *печальник* поставлен *тиун*, вместо *попечения дѣтии* — *тиунство*, вместо *от иного попечения* — *отъ иного тиунства*. Подобная редакция настолько маловероятна, что не

³⁷ Например, 4-я и 5-я главы 36-го титула Прохирона в сербском переводе даны следующим образом: 4. «С(ы)нови, его же отецъ въ плѣнении, приставникъ не дається, нь хранитель имѣния дається. Възвратившоу бо се отцоу бываеть емоу с(ы)нь паки подь властию, яко николи же плѣненоу бывшоу». 5. «Имуцемоу приставника недоужна или старца дається хранитель, иже правитель имѣнию, паче есть и гл(аго)лемьи помощникъ бѣды ради приставник от кнеза поставляетьсе». (ГИМ ОР. Воскрес. собр. № 29. Лл. 311 об.—312). См. также: O Procheiros Nomos. Imperatorum Basili Constantini et Leonis Prochiron. Ed. Zachanae v. Lingenthal. Heidelbergae, 1837. P. 203–204.

³⁸ Формально это никак не соответствует термину *куратор*.

выдерживает критики даже при допущении, что в древнейшем переводе всюду стояли только термины *приставник* и *печальник* (приставничество и печалование). Термин *печальник* (печалование) не сопряжен ни в каком аспекте с термином *тиун*. Предположить в древнем тексте гипотетического древнего славянского перевода какой-либо синоним вышеприведенному термину весьма затруднительно ввиду отсутствия такой терминологии.

Следовательно, появление термина *тиун* (тиунство) в тексте протографа Ефремовской кормчей может быть объяснено не позднейшей правкой, а лишь непосредственным переводом с греческого. Переводчик не вполне уяснил суть постановлений (а это можно видеть и в других местах Кормчей). Этому способствовало, как было сказано выше, сокращение текста 5-й главы 123-й новеллы. Подробности текста этой новеллы оттеняют эту ошибку, так как там заявлено наиболее четко, что речь идет (а) об опеке наследства и что (б) эту функцию представители белого духовенства могли выполнять, будучи кровно родственны опекаемому. Ни древнерусский *тиун*, ни даже *приставник* в таком качестве в источниках не выступают.

Таким образом, перед нами — ошибка, причем ошибка не позднейшей редакции, а непосредственного перевода с греческого. Можно полагать, что ошибка перевода была усугублена отсутствием в тогдашней древнерусской терминологии точного аналога греческим терминам.

Другим, на наш взгляд, весьма серьезным аргументом древнерусского происхождения перевода протографа Ефремовской кормчей служит использование переводчиком древнерусского термина *завьница* для перевода греческого *ληγάτους*. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что *легат* переводится термином *завьница* не только в Ефремовской кормчей. Исследуя полный древнерусский перевод Эклоги, сохранившийся в юридических сборниках «Мерило праведное», автор этих строк обратил внимание на то, что переводчик активно использовал термин *завьница* для перевода, во-первых, понятия «имущество умершего, наследуемое не по завещанию, а по закону» и, во-вторых, не вполне правомерно применял этот термин для перевода греческого *ληγάτους* (легат) как особого рода дарений завещателя³⁹. *Легатарии*, т.е. те, кому завещан легат, не считались наследниками в точном смысле этого слова, так как они, в противоположность наследникам, не несли ответственности за долги завещателя. В то же

³⁹ Милов Л. В. О древнерусском переводе Византийского кодекса законов VIII века (Эклоги). С. 149–154 [см. также настоящее издание, с. 90–97 — примеч. ред.].

время легат мог быть реализован лишь через основного наследника. Было высказано предположение, что, прибегая к термину *завьница*, древнерусский переводчик, возможно, стремился подчеркнуть, что *легат* не наследство (κληρονομία) в собственном смысле слова⁴⁰. Эта мысль опирается на предположение, что древнерусское право знало термин *наследство* и *наследники*, однако в юридических источниках сохранилась терминология, связанная не с бесспорными случаями наследования, а с процедурой судебного установления судьбы имущества умершего, т.е. *завьници*. Разумеется, что подобная трактовка легата древнерусскими переводчиками-юристами далеко не бесспорна, но в то же время она выступает как прямое доказательство того, что Византийский свод законов VIII в. был непосредственно переведен в Древней Руси⁴¹.

В полном соответствии с указанной традицией сделан и перевод ряда текстов в архетипе Ефремовской кормчей. Все они концентрируются в «Собрании в 87 (93) главах», т.е. в завершающей части основного греческого текста Кормчей XIV титулов. Это главы 24, 26 и 77, причем 26-я глава специально посвящена проблеме легатов⁴².

В поисках ответа на вопрос, является ли применение термина *завьница* в значении «легат» результатом непосредственной переводческой работы с греческим текстом Кормчей или итогом «обрусения» древнего южнославянского перевода, важно ознакомиться с южнославянской традицией трактовки термина *легат*, сохранившейся в Сербской кормчей начала XIII в.⁴³

Сразу же следует отметить, что единого подхода к трактовке термина *легат* в этом юридическом сборнике не прослеживается. Видимо, все зависело от юриста-переводчика. Так, в составе Кормчей помещен полный сербский перевод Прохирона (Градского закона), в котором

⁴⁰ В более поздний период легаты в пользу церкви стали называться на Руси вкладами по душе.

⁴¹ Фонд старославянского языка не содержит термина *завьница* ни в значении «наследство», ни в значении «имущество умершего». См. *Slovník jazyka staroslovenského*. 11 Praha, 1965.

⁴² ДСК. С. 759–762, 790.

⁴³ Необходимо оговорить весьма важное обстоятельство. Термин *завьница* в переводе Ефремовской кормчей не смешивается с термином *наследие*, *наследство* — κληρονομία, который употреблен в Кормчей по прямому своему назначению. (См. ДСК. С. 78, 793 и др.) Широко употребляется термин *наследие* и в Сербской кормчей (ГИМ ОР. Воскрес. собр. № 29. Лл 220 об., 231 об. и др.) Эти моменты, видимо, сводят на нет возможность рассуждения об «обрусении» терминологии Кормчей.

35-й титул (из 8 глав) специально посвящен проблеме легата («Περὶ Λεγάτων»). Термины *легат* и *легатарий* переведены здесь в традиции ранних старославянских переводов, т.е. не единым термином, а описательно, объяснением природы явления. В частности, заголовок титула звучит следующим образом: «Περὶ Λεγάτων» — «О дарѣхъ, дасмыхъ въ завѣтѣ или въ животѣ по смърти».

Приведем текст и сербский перевод первых трех глав этого титула:

1. Ὁ Ληγάταριος οὐ δύναται μέρος καταδέχεσθαι καὶ μέρος παραίτετεςθαι. — Даровникъ, рекше въземлеи дары, не можетъ чести възети и другое чести от(ъ)рещисе.

2. Ἀγέλης Ληγατευθείσης, καὶ τὰ προστεθέντα λαμβάνει ὁ Ληγατάριος εἰ δὲ καὶ μειωθῆ, κἄν εἰς ἓνα βοῦν περιστῆ, λαμβάνει αὐτὸ ὁ Ληγατάριος εἰ καὶ ἐπανσατο εἶναι ἀγέλη. — Стадоу оставлену бывшу въ даръ, и прибывшая, рекше природившаясе, въземлетъ даровникъ. Аще же и оумалитьсе, аще же и едино животно останетьсе, въземлетъ е даровникъ. Аще и прѣстало быти стадо, рекше скончалосе.

3. Καὶ οἴκου Ληγατευομένου καὶ καιομένου, λαμβάνει τὸ ἔδαφος. — И двор, еще будетъ оставлень въ даръ и погарить въземлетъ даровникъ землю»⁴⁴.

Переводы цитированных статей показывают, что термины *дар* и *даровник* настолько глухи и приблизительны, что их точное значение, адекватное греческому, не всегда ясно даже из контекста переводов.

Таким образом, сербский перевод Градского закона свидетельствует об отсутствии в южнославянской юридической традиции специальной терминологии, аналогичной византийским юридическим понятиям, и об отсутствии даже каких-то приближенных аналогий. Знакомство с другой частью текста Сербской кормчей, с «Собранием в 87 (93) главах», дает несколько иные наблюдения. Текст 78-й главы (77-й по нумерации Ефремовской кормчей) трактует термин *легат* в традиции сербского перевода Прохирина:

«Аще кто на избрание бракоу или дѣтотворения, или вѣна ради, или брачнаго дара или дасть что, или оставить своимъ дѣтем или иномоу коемоу любо лицу достояние или даръ, или испрва чисто оставляеимъ...»⁴⁵.

⁴⁴ О Procheiros Nomos Imperatorum Basilii, Constantini et Leonis Prochiron Ed. Zachariae v. Lingenthal. Heidelbergae, 1837. P. 202; ГИМ. ОР. Воскрес. собр. № 29. Л. 311.

⁴⁵ О Procheiros Nomos. Imperatorum Basilii, Constantini et Leonis Prochiron Ed. Zachariae v. Lingenthal. Heidelbergae, 1837. P. 202; ГИМ. ОР. Воскрес. собр. № 29. Лл. 230–230 об.

Здесь обороту *достояние* или *даръ* соответствует греческое κληρονομίαν ἢ λεγάτων, т. е. *легат* переведен как «дар»⁴⁶. В других же главах перевод качественно иной. Так, в конце 24-й главы «Собрания 87 (93) глав» фрагмент, содержащий оборот τῶν λεγάτων χαὶ τῶν κληρονομίῶν⁴⁷, в сербском переводе звучит так: «... и с(вя)тымъ ц(е)рквамъ и инъмъ всъмъ чьстнымъ домоу тькмо 40 лѣтъ прѣшьствие противу нолагати повелѣвасмъ семоу съблюдаемоу и въ истезание ноклада и наслѣдья на бл(а)гочьстивые вины оставляемаго»⁴⁸. Термин *легат* здесь переведен как «поклад», т. е. употреблено оригинальное лаконичное понятие, не имеющее преемственности с до сих пор приводимыми случаями перевода.

Столь резкая разница в переводах разных текстов Сербской кормчей позволяет высказать предположение, во-первых, о принадлежности этих текстов разным переводчикам, во-вторых, об отсутствии единой общепринятой терминологии. Впрочем, можно допустить, что перевод термина *легат* как «дар» был общепринятым, а перевод его как «поклад» — нововведением.

Для выяснения этого обстоятельства полезно сравнить оба цитируемых перевода с переводами Ефремовской кормчей. Приведем переводы параллельных фрагментов:

Гл. 77. «Аще кѣто изволениемъ брака или дѣтосътворения, или дара ради, или брачныхъ даровъ или дасть, или оставить своимъ дѣтмъ или иномоу каковоумоу оубо кѣгда лицу причастье и задъницю или из начала чистѣ оставляющимъ...»;

Гл. 24. «... с(вя)тымъ ц(е)рквамъ или инъмъ всъмъ чьстнымъ домоу едино четьрьдесять лѣтъ написание противу положите повелѣваемъ таковоумоу хранимоу и въ въздани задъницъ и причастии въ благочьстивыя вины оставляемымъ»⁴⁹.

Из сопоставления переводов первого фрагмента становится очевидным большое сходство текстов. Абсолютно совпадает порядок слов и основные словоупотребления. Похоже, что это один перевод; только в сербском тексте сделаны грамматические уточнения и подновления (вместо: *изъбрание* — *изволениемъ*, вместо: *дара ради* — *въна ради*, вместо: *дасть* — *дасть что*, вместо: *иномоу каковоумоу* — *иномоу коему либо лицу*, вместо: *изначала* — *исперва*). Небольшой фрагмент из 24-й главы также схож в общей последовательности перевода.

⁴⁶ ДСК. С. 790.

⁴⁷ Там же. С. 759

⁴⁸ ГИМ ОР. Воскрес. собр. № 29. Л. 220 об

⁴⁹ ДСК. С. 790, 759.

Правда, уточнения и поновления здесь более решительные (вместо: *таковому храниму — сему соблюдаему*, вместо: *въ възданици — въ истезание* и т.д.), и лишь концовки совпадают полностью.

Для более определенных выводов дополним сопоставление переводов приведенных текстов текстами переводов 26-й главы «Собрания в 87(93) главах»:

Ефремовская кормчая	Рашская кормчая
<p>Еще ли задъница боудеть повелѣваеми: равно шести м(е)с(я)щъ от(ъ) явления завѣтоу ищитающеъ, симъ всѣми образы подаяти имъ же оставлено естъ. Аще ли ожидають того отягчени таковую задъницу подаяти и плоды, и лихвы, и всяко законное възращение въздають от(ъ) врѣмене и оумъртвия оставышааго.</p> <p>Аще ли задъница чьстьноумоу нѣкоемоу оставитъся: ни каземъ же образьмъ таковы задница придати. Мѣста же или лица от(ъ) нихъ же се подати повелѣно боудеть далече: да боудоуть тѣгда подобаетъ онѣмъ имъ же се оставлено естъ или объдържаемая часть сѣключаетъся измѣняти задъницю, и большее примати паче того прибывание доброкоупно съ прилаганиемъ не мѣне четвъртыя части и оставленааго количества, а не многими людьскыми даньми отягчени: аще ли продати възсхотятъ не мѣне въ цѣноу примати елико же от(ъ) таковыя задъница нежели на 30 и 5 лѣтъ събирати тако оубо яко таковую цѣноу на пользное прѣжереченааго чьстьнааго домуу останеть вѣмѣститися⁵⁰.</p>	<p>Аще же покладъ боудеть повелѣваемъ: прѣжде шести м(е)с(я)щъ скончания появлени завѣта разычитающе, сего всѣми образы прѣдати имъ же оставленъ ес(тъ).</p> <p>Аще же прѣстоупеть реченаг(о) врѣме того имоуще невѣдаеть таковаго поклада и плода, и лихвы, и всего законнаго прибытка истезани боудоуть от врѣмене, въ не же сконьчасе оставивы покладъ.</p> <p>Аще же покладъ чьстьноумоу нѣкоемоу храмоу оставленъ боудеть: ни единѣмъ же образомъ таковаго не продати. Аще же мѣста или ч(е)ловици от нихъ же то отдано быти повелено ес(тъ) далече отидоше: тогда подобаетъ тѣмъ, имъ же таковое оставлено ес(тъ), аще и дрѣжимая чьсть приключаетсе противна покладу, и испълнити зато прибьтъкъ добръ съ приложениемъ не мѣнше четвъртое чести оставленааго имѣния числа, и не стоужаемомъ быти; людскыми даньми, аще же боудеть или село или винограды или ино нѣко таковыя мѣсто: и аще възсхоцеть продати не мѣншыоу того цѣноу възмоуть нѣ елико же от таковаго мѣста за трии десети и петъ лѣтъ събираетсе яко же таковую цѣноу на пользное прѣждѣ реч(е)ноумоу чьстьноумоу домуу еже оставлено быти истьщити подобаетъ⁵¹.</p>

⁵⁰ ДСК. С. 761.

⁵¹ ГИМ ОР. Воскрес. собр. № 29. Лл. 221–222 об.

Общий просмотр обоих текстов дает основание для вывода о том, что перед нами — разные переводы. Вместе с тем можно заметить, что эти переводы чрезвычайно близки друг к другу. Прежде всего важно отметить общий стиль, в основе которого один и тот же принцип построения фраз. Затем необходимо подчеркнуть, что сербский перевод во многих местах отличается от более древнего лишь уточнением грамматических форм, исправлением ошибок и подновлением отдельных, видимо, устаревших слов и выражений. Так, в сербском тексте стоит: *аще же покладъ боудеть, повелѣваемъ* — вместо: *аще ли задъница боудеть, повелѣваемы*. В сербском: *сего встымы образы прѣдати имъ же оставлень есть* вместо: *симъ встыми образы подаяти имъ же оставлено есть*. В сербском: *и плода и лихвы и всего законнаго прибытка* вместо: *и плоды и лихвы и всяко законное*. В сербском: *и испльнити зато прибытъкъ добръ съ приложениемъ не мѣнше четвертое чести оставленаго имѣнья числа* — вместо: *и большее приимати паче того прибывание доброкоупно съ прилаганиемъ не мѣне четвертъя части оставленнаго количества*.

Таким образом, налицо следы определенной работы по обновлению перевода. В фрагменте сербского текста: *ни единемъ же образомъ таковаго не продати*, видимо, вкралась описка — *продати* вместо *прѣдати*. В целом же от древнего варианта этот фрагмент отличают подновление отрицательного оборота, сокращение слова *задъница* и синоним к выражению *никаким способом* (*ни кацѣмъ же образомъ таковыя задъница прѣдати*). Число примеров такой обработки древнего перевода можно увеличить. Отметим лишь одну поразительную деталь. В сербском переводе повторено вслед за Ефремовским списком чисто индивидуальное *далече* в значении «далеко, вдали и слишком далеко». Эта деталь, на наш взгляд, весьма выразительно подчеркивает факт использования сербскими юристами предшествующего перевода, дошедшего до нас в древнейшем списке Ефремовской кормчей.

Разумеется, на практике работа над Сербской кормчей была также намного сложнее. В частности, текст рассматриваемой нами 26-й главы содержит фрагмент, не имеющий параллели и в греческом тексте Кормчей XIV титулов, и даже в 12-й главе 131-й Новеллы латинской версии новелл Юстиниана («аще же боудеть или село или винограды или ино нѣко таковыя мѣсто») ³². Из контекста следует, что этот пас-

³² Corpus juris civilis. Т. III. Р. 278

саж поясняет содержание термина *μίστο*, означенного в греческом тексте как *τόπος*, а в латинской версии текста новеллы — как *locus*. Причем приведенный пассаж комментирован скорее всего на основе знания рассматриваемого здесь латинского текста новеллы, ибо в контексте новеллы *locus* может быть переведен как «имение, поля» и т.д., т.е. *ἀγρός*.

Итак, подведем итог сравнительной плодотворности обоих предложений. Одно из них состоит в том, что сербский переводчик опирался на древнейший южнославянский перевод (т.е. древнеболгарский). Второе сводится к тому, что такой опорой создателям Сербской кормчей XIII в. служил текст архетипа Ефремовской кормчей, либо какого-то списка с него. В первом случае нас интересует вопрос, каким термином в древнейшем старославянском тексте был обозначен термин *legat*. Как показывает материал Сербской кормчей XIII в., возможны два варианта. Один из них — обозначение термина *legat* как *дар*. Этот вариант наиболее вероятен, так как он широко представлен в переводе Градского закона (Прохирона) и отчасти в тексте «Собрания в 87 (93) главах». При рассмотрении этой версии самым важным является объяснение того, как из старославянского *даръ*, т.е. термина, как правило, не несшего смысловой нагрузки в значении «легат», при «обрусении» текста Кормчей появилось древнерусское *задъница*, причем в значении, опять-таки не вполне характерном для этого юридического термина. Логичного объяснения такому предположению нет. Иначе говоря, такой ход событий не мог быть реальным.

Рассмотрим второй вариант — обозначение термина *legat*⁵³ как *поклад(ъ)*. При этом сразу же надо отметить отсутствие жесткой смысловой определенности этого малоупотребительного термина, в других источниках почти не встречающегося⁵⁴. Больше того, этот термин в составе той же Сербской кормчей XIII в. имеет близкую лексическую параллель с совершенно иным значением. Сербский перевод 18-го титула Прохирона «*Περί καταθήκης*» (О вкладах или вещах,

⁵³ Таким образом, совпадение чисто индивидуальной манеры употребления термина *задъница* в протографе Ефремовской кормчей и в протографе перевода Эклоги из Мерила Праведного служит важнейшим аргументом в пользу датировки обоих переводов одной эпохой, т.е. первой половиной XI в.

⁵⁴ Ср. *покладати* в значении «сделать вклад» в надписи на кресте Ефросиньи I Полоцкой 1161 г. // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века М., 1960. С. 255.

сдаваемых на хранение) обозначает греческое *παρακαταθήκη* как *покладежь*.

Вот текст и сербский перевод первых двух статей этого титула:

«Παρακαταθήκη ἐστὶ τὸ ἐπίπαραφυλακῇ τίνι δίδόμενον»
 («Покладежь есть еже на хранение кому даемое»)

«Ἐπὶ τῶν ἀπὸ θορύβου ἢ ἐμπρησμοῦ ἢ σὺν πτώσεως ἢ ναυαγίου παρατιθεμένων κατὰ μὲν τοῦ λαβόντος εἰς τὸ διπλοῦν ἀγωγὴ ἢ ἀρμόζει. Κατὰ δὲ τῶν κληρονόμων ἀπο μὲν δόλου τοῦ διατιθεμένου εἰς τὸ ἀπλοῦν, ἀπὸ δὲ οἰκειοῦ εἰς τὸ διπλοῦν. ἐπὶ δὲ τῶν λοιπῶν παρακαταθηκῶν εἰς τὸ ἀπλοῦν ἢ ἀγωγὴ ἢ δίδεται».

(«Иже мятежа ради или пожара или падения или истопления полагаемы покладежи, сиѣѣ имѣють новъземлющеому, сьгубицею наемь подобаетъ по наслѣдником же лъстию оубо положышаго соугоубицею, от своего же единосугубь, от прочихъ же покладежихъ единогоубицею наемь даетьсе»)⁵⁵.

При всем лаконизме перевода, опускающего существенные детали статьи, где речь идет о вариантах вознаграждения за хранение ценностей при своеобразной системе страхования, четко следует постоянное и последовательное толкование вклада, сдаваемого на хранение, как *покладежь*⁵⁶. Если предположить (что, строго говоря, нереально) бытование в старославянском лексическом массиве обоих, трудно различимых между собою терминов *поклад* и *покладежь*, близких по семантической нагрузке, но весьма редких и малоупотребительных, то становится ясным следующее. Предположение, что в процессе «обрусения» старославянского (древнеболгарского) текста Кормчей XIV титулов именно термин *поклад* в значении греческого *λεγάτους*, а не *παρακαταθήκη*, мог быть передан как *зядьниця*, абсурдно, так как при близости обоих терминов *поклад* и *покладежь* наиболее вероятная ошибка на старославянской основе могла быть только в придании одному из них значения другого, почти не отличимого термина. Собственно, так и случилось спустя примерно столетие. В сокращенном сербском переводе Синтагмы Матвея Властаря термин *поклад* (*покладѣ*) упот-

⁵⁵ О Procheiros Nomos. Imperatorum Basilii, Constantini et Leonis Prochiron. Heidelbergae, 1837. P. 111, ГИМ ОР. Воскрес. собр. № 29. Л. 188

⁵⁶ Ср. древнерусское *поклажаи*, *поклажея* в значении «вещь, вверенная на сохранение». См. Срезневский И. И. Материалы... Т. II. Стб. 1104–1105.

ребляется в значении *покладежь* из 18-го титула Прохирона. Первая глава так называемого «II состава» в греческом оригинале Синтагмы Матвея Властаря озаглавлена Περὶ παρακαταθήκης, а в переводе сербских юристов первой половины XIV в. — «О покладѣ». Соответственно и текст статьи выглядит следующим образом: «Закон о покладѣ. Покладъ ес(ть) иже на съхранение некому даемое...» и т.д.⁵⁷ Перед нами, таким образом, изменение семантической нагрузки термина, который в начале XIII в. в тексте Сербской кормчей был явным новообразованием, а термин *покладежь* из той же Сербской кормчей к середине XIV в., видимо, уже исчез.

В нашем же случае приходится полагать, что, если термин *поклад* фигурировал в болгарском протографе, то на Руси он был разгадан правильно (т.е. в значении греческого λεγάτους), а реализован... неверно (т.е. переведен в древнерусском варианте как *задъница*). Гипотеза эта алогична, так как противоречит реальной исторической судьбе термина. Больше того, каким образом термин *даръ* в 76-й главе отредактирован как *задъница* и термин *поклад* в 24-й и 26-й главах отредактирован также как *задъница*? Ведь уяснить подлинный смысл того и другого здесь не помог бы даже контекст! Это возможно лишь в одном случае: при знании греческого текста.

Таким образом, цепь выдвинутых предположений неизбежно отягощается абсурдными допущениями.

Если же предположить, что при работе над Сербской кормчей XIII в. переводчики имели древнерусский текст перевода Кормчей XIV титулов, то все становится на свое место. Перевод термина *legat* в протографе Ефремовской кормчей XI в. тесно связан с традицией древнерусского перевода Эклоги, где, вероятно, впервые *legat* был осмыслен как *задъница*, что явно неточно, но, тем не менее, на какой-то период стало общепринятым. Сербским же переводчикам Градского закона (Прохирона) полный древнерусский перевод Эклоги, вероятно, не был известен, поэтому *legat* (λεγάτους) был передан ими в традициях первых южнославянских переводов, т.е. описательно (как «дар, даваемый в завещании»). При этом важно отметить, что перевод Прохирона был, видимо, предпринят ранее работ над переводом Сербской корм-

⁵⁷ Флоринский Т. Памятники законодательной деятельности Душана царя Сербов и Греков. Хрисовулы. Сербский законник. Сборники византийских законов. Киев, 1888. С. 353, 426.

чей архиепископа Саввы. Предпринимая новые переводы, переводчики-редакторы Сербской кормчей в частях Кормчей, общих с текстом древнего перевода Кормчей XIV титулов, и, в частности, в «Собрании в 87(93) главах», опирались на этот ранний древнерусский перевод. Вероятно, переводчик, работавший с текстами 26-й главы и смежных с ней текстов, столкнулся с практикой обозначения термина *legat* древнерусским *зядница*. Возможно, это вынудило его в сербском тексте дать экспромтом свой, новый аналогичный термин *поклад*, как потом оказалось, удивительно похожий и почти совпадающий с термином *покладеж* 18-го титула Прохирона.

Таким образом, приведенные наблюдения, на наш взгляд, служат серьезным доводом в пользу гипотезы древнерусского происхождения славянского перевода Синтагмы XIV титулов без толкований, древнейший экземпляр которого представлен Ефремовским списком конца XI — начала XII в.⁵⁸

Соображения, изложенные в пользу древнерусского происхождения перевода текста архетипа Ефремовской кормчей, при условии их развития на основе дальнейших наблюдений, могут быть учтены и в объяснении причин создания Кормчей конца XIII в. — так называемой Русской редакции. Если считать перевод архетипа Ефремовской кормчей принятым при Ярославе (а это был, вероятно, не только перевод, но и подбор статей дополнительной части), то именно данная кормчая должна считаться Кормчей Русской редакции. Она была крупнейшим и авторитетнейшим церковно-юридическим руководством, поскольку ссылки на нее и переводы из нее сохранились в источниках с XI по XVI в.

Когда во второй половине XIII в. была предпринята работа по воссозданию письменной и культурной традиции домонгольской Руси, закономерно и естественно, что основой для обновления Кормчей стала древнейшая Кормчая Русской редакции (Ефремовской редакции). Вся работа по созданию новой кормчей в рамках основной части ее (включая «Собрание в 87(93) главах») велась на ее основе, так как из Сербской кормчей были взяты только толкования. Тексты правил и канонов даны по Сербской кормчей в этой части лишь в порядке исключения. Стремление использовать старый авторитетнейший текст прослеживается даже в дополнительной части этого сборника.

⁵⁸ Наш вывод не подвергает сомнению предположение о возможном существовании в Болгарии конца IX — начала X в. старославянского перевода.

Нелишне заметить, что в русском средневековье не делали различий между старой Кормчей книгой, новой и новейшей. И, вполне возможно, именно потому, что в основе поздних редакций сохранялся древнейший перевод, предпринятый на Руси. Характерны с этой точки зрения слова митрополита Даниила (20-е годы XVI в.), обращенные к старцу Вассиану: «Ведома тебе великая книга: священныя правила апостольския и отеческия и седми вселеньскихъ собор и поместных и прочихъ святыхъ отецъ и от градскихъ законовъ к нимъ же приложена и сочтанна... И тоя книги не смее никто же разрешити или чемъ поколебати от седмаго собора до руского крещения, а в нашей Руской земли та книга больши пети сот летъ соборную же церковь содержитъ и все православное христьянство просвещаетъ и спасаетъ»⁵⁹.

Таковы некоторые соображения о происхождении ранних юридических переводов в Древней Руси в первые десятилетия после принятия христианства.

Опубл.: История СССР. 1980. № 5.
С. 103—123.

⁵⁹ Цит. по: Бенеманский Мих. Закон градской. М., 1917. С. 111.

ЦЕРКОВНЫЙ УСТАВ ЯРОСЛАВА

УСТАВ ЯРОСЛАВА

(К проблеме типологии и происхождения)

Устав Ярослава принадлежит к числу наиболее ранних памятников церковной юрисдикции в Древнерусском государстве, о происхождении которых существуют самые разные суждения. В частности, такие ученые, как А. С. Павлов, В. М. Чернов, М. Н. Тихомиров, С. В. Юшков, Я. Н. Щапов и др. относят этот памятник к домонгольской эпохе (Я. Н. Щапов непосредственно к 1051–1054 гг.). В то же время ряд исследователей (Е. Е. Голубинский, Н. С. Суворов, А. А. Зимин) считает Устав Ярослава более поздним по своему происхождению (XIII–XIV вв.).

Недавнее академическое издание Устава Ярослава с максимальным учетом сохранившихся списков этого памятника свидетельствует о сложной генеалогии его списков¹. Между тем обилие редакций и изводов памятника, разнообразие вариантов его текста — один из важных косвенных показателей его практического применения на протяжении многих столетий, в течение которых текст его редактировался под влиянием практики. В этом рукописная традиция Устава Ярослава резко отличается, в частности, от русской рукописной традиции Закона Судного людем Краткой редакции, текст которого на протяжении веков был удивительно устойчив². От списка к списку изменения в нем носят почти исключительно характер простых описок и ошибок технического характера³.

Сложность генеалогии списков текста Устава Ярослава создает большие трудности в определении древнейшей редакции. Тем не менее ряд

¹ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976.

² Закон Судный людем Краткой редакции / Подгот. к печати М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов. Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961.

³ Пожалуй, единственным исключением служит чтение *пеняви* в изводе Мерила Праведного в отличие от *стляви* во всех остальных изводах текста ЗСЛ. Кстати, денежный счет является важным свидетельством практического применения и Устава Ярослава, где присутствуют наряду с ранними элементами денежного счета и наиболее поздние.

характерных черт, присущих текстам Устава Ярослава, помогает, на наш взгляд, сделать некоторые наблюдения о времени происхождения его архетипа.

Думается, что поскольку Устав Ярослава регламентирует юрисдикцию древнерусской христианской церкви, а, как известно, христианская церковь является одной из мировых религий, поставленных на службу классовому обществу, то данный памятник целесообразно рассматривать в системе основных юридических комплексов восточно-православной христианской церкви VI—XI вв. в целом. Именно такой подход к памятнику позволит резче выявить как его оригинальные черты, так и черты более общего порядка, свойственные юрисдикции христианской церкви в феодальном классовом обществе.

Между тем в литературе последних лет наметились суждения иного рода. Так, в частности, Я. Н. Щапов считает возможным говорить о том, что Устав Ярослава был противопоставлен его создателями Кормчей книге (Номоканону) — юридическому сборнику, систематизировавшему основные памятники церковного и светского права христианского раннесредневекового и средневекового мира и прежде всего византийской церкви и византийских императоров. По мысли ученого, высказывавшейся им неоднократно, фразу в начале текста Устава Ярослава «сложил есмь греческий номоканун» следует понимать как «отверг» греческий Номоканон⁴. Таким образом, речь идет о торжественном отказе от «византийского правового наследства» — Кормчей книги (или греческого Номоканона). Наиболее общее объяснение этому Я. Н. Щапов видит в разнице уровней общественного и государственного строя Византии VI—IX вв. и Руси X—XIII вв.⁵ Думается, что столь своеобразное прочтение источника очень спорно. Специфичность проявления форм церковного суда на Руси вовсе не вызывала необходимость демонстративного отказа от всех основных канонов христианской православной церкви.

В самом деле, если взять тексты церковного устава Ярослава в кормчих книгах (устав в т. наз. краткой редакции), т. е. текста в основе своей,

⁴ Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 237, 251, *Его же*. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. // Византийский временник. М., 1971. Т. 31

⁵ Щапов Я. Н. Византийское... наследие... С. 236, 237.

видимо, наиболее раннего⁶, то мы встретим следующее. В тексте устава после статьи о церковной десятине следует фраза о том, что князь, посоветовавшись с митрополитом («сгадал есмь с митрополитом»), «сложил», т.е. положился на греческий номоканон в следующем: «аж не подобает(ь) сих(ь) тяж(ь) судити князю и бояром(ь)... тѣ суды, что писаны в правилах(ь), в номоканунѣ»⁷. Из текста вполне очевидно следует, что цель устава в разграничении сфер светского («князю и бояром») суда и суда церковного. Причем в уставе конкретно названы виды преступлений и проступков, подлежащие суду церкви (в терминологии устава — «митрополиту»). В тексте прямо заявлено, что это разбор дел, которые нормированы в греческом Номоканоне («тѣ суды, что писаны в правилах(ь), в номоканунѣ»)⁸. Больше того, в заключительной части устава вновь идет пассаж, имеющийся в главных чертах и в краткой, и в пространной редакциях: «а в соуды митрополичи, что есмь дал(ь) митрополиту и церкви и пископыям по всѣ градом(ь) по правилом святых(ь) отець судившие казнити по закону»⁹.

Таким образом, из текста недвусмысленно следует, что судить митрополиты (и церковь) должны по Номоканону. Я. Н. Шапов полагает, что в древнейшем тексте Устава Ярослава не было фрагментов с упоминанием о необходимости судить по «правилам святых отцов» и «номоканону». При этом автор при реконструкции архетипа текста Устава прибегает к сопоставлению текстов всех редакций и изводов. В итоге к архетипу отнесены им лишь чтения, общие для всех редакций и изводов. Подобный методический прием закономерен, но нельзя ограничиваться только им, так как он не учитывает, с одной стороны, возможность наибольшего сохранения древнейшего текста в одном из изводов, а с другой стороны, вероятность радикальной переработки текста в других изводах и редакциях. В итоге предпочтение отдается чисто количественному фактору (т.е. наиболее распространенному чтению), а не качественному (древнейшие чтения).

⁶ Эту редакцию А. А. Зимин называл краткой группой восточно-русской редакции и считал текстом, наиболее сохранившим первоначальный вид (Памятники русского права Киевского государства X—XII вв. / Сост. А. А. Зимин. М., 1952. С. 258).

⁷ Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. Стб. 737.

⁸ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 110.

⁹ Там же. С. 115, а также с. 90.

Что же касается вышеприведенных фрагментов с упоминанием обязательности суда по «правилам» и «номоканону», то первый из них отсутствует лишь в т.наз. Основном изводе Пространной редакции (в терминологии последнего издания Устава Ярослава). Заключительный же фрагмент с упоминанием обязательности суда по «правилам святых отцов» присутствует практически во всех редакциях и изводах Устава Ярослава вплоть до позднейшего «Свитка Ярославля»¹⁰. Следовательно, даже в русле методики Я. Н. Щапова можно удостовериться в том, что эти чтения принадлежат к древнейшим. Уязвимо и предположение Я. Н. Щапова о том, что ссылки на «правила» и «номоканон» были вставлены в текст тогда, когда спустя столетия стали действительно судить строго по Номоканону. В этом случае остается неясным, почему же редакторы, делая вышеназванные вставки, не редактировали Устав по существу юридических норм, а сохраняли в целом его архаику неизменной.

Итак, вышеприведенные ссылки на «правила святых отцов» и «номоканон» несомненно были в древнейшем тексте Устава Ярослава. В этом наблюдается и некая преемственность с церковным уставом Владимира, где, по сути, сказано то же самое, с той лишь разницей, что о Номоканоне говорится в ином, но синонимичном выражении («разверзъше грецьскыи номоканонъ»)¹¹.

Вместе с тем, между уставами Владимира и Ярослава в этой части есть весьма существенная разница. По гипотезе С. В. Юшкова, в основе Устава Владимира лежит т.наз. «подтвердительная грамота» Владимира, являвшаяся в сущности своеобразной и очень краткой инструкцией, санкционировавшей выделение из княжеской юрисдикции дел, подсудных церковному суду¹².

В Уставе Ярослава о церковных судах отражен принципиально иной этап — этап, связанный с развитием и конкретизацией судебных функций церкви. Возможно, он приурочен к оформлению русской митрополии. Кроме простого разграничения судебных дел между светской властью и церковной Устав Ярослава на основе традиционных местных норм права определяет конкретные типы судебных дел и размеры де-

¹⁰ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 90—91, 103—107, 120, 125, 136, 138 и др. Его нет в позднейшем Маркеловском изводе и Румянцевской редакции, но в последней ссылка на номоканон есть в начале текста.

¹¹ Там же. С. 23.

¹² Юшков С. В. Исследования по истории русского права. Новоузенск, 1925. Вып. I. С. 145—146.

нежных штрафов, идущих в пользу церкви. В этом его оригинальная правовая основа, не касающаяся соотношений с Номоканоном.

Однако на этом содержание Устава Ярослава не исчерпывается, так как помимо денежной системы наказаний в нем присутствуют и иные санкции. Не останавливаясь на подробном анализе этих санкций и изучении проблемы их альтернативности, в общих чертах упомянем, что в тех видах дел, которые целиком были отнесены Уставом к компетенции церкви, после указания суммы судебного штрафа можно читать: «а епископу в вине», «митрополит судит», «во что их обрядить» (статьи 32, 33, 34, 35, 36). Есть и более четкие указания: «а во опитемии и в казни по закону», «опитемию примутъ», «опитемия по закону» (статьи 14, 15, 18, 19 и др.)¹³.

В таком построении Устава Ярослава, когда наказание дается и по светскому, и по церковному закону, есть поразительное типологическое сходство с Законом Судным людем Краткой редакции, являющимся своего рода специфическим «раннехристианским» кодексом, внедрявшим сравнительно мягкие формы христианского наказания (в противовес светским наказаниям) и использовавшим их как средство вовлечения в лоно христианской религии. Эта особенность Устава Ярослава служит важнейшим свидетельством того, что перед нами также своеобразный типологически раннехристианский кодекс.

В свое время В. М. Чернов вообще считал, что Устав Ярослава создан под прямым влиянием Закона Судного людем¹⁴. Думается, что сходство это не от прямых заимствований, хотя какие-то детали и могли быть заимствованы; сходство имеет, как уже говорилось, типологический характер. Конкретно-текстологически же памятники различаются довольно существенно.

В частности, в тексте юридической компиляции, созданной, как принято считать в новейшей литературе, Кириллом-Константином на основе XVII титула греческой Эклоги и получившей название Закон Судный людем, наблюдается следующая закономерность¹⁵. Здесь, как правило, если наказание альтернативно, то дается и конкретная санкция

¹³ Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. С. 110—113.

¹⁴ Чернов В. М. К вопросу о болгарском влиянии на Устав Ярослава // Юбилейный збірник на потану академика М. С. Грушевського. Київ, 1928. Т. II. С. 428—438.

¹⁵ Vařica I. Origine cyrillo-méthodienne du plus ancien code slave dit Zakon Sudnyi ljudem // Byzantinoslavica. 1951. № 12.

по «людскому закону» (светскому законодательству) и так же конкретная санкция по «церковному закону». В случае же двойного наказания (и светского, и церковного) все они также излагаются конкретно. Так, глава 6 Краткой редакции ЗСЛ гласит: «Блудия чюжую рабу, да подасть 30 стлязь господину рабѣ, самъ дасться в пост 7 лѣт»¹⁶. Полный текст этой епитимьи семилетнего поста дан в ЗСЛ только в одном месте — в главе 4: «да стоит внеуду божия храма 2 лѣта въ время литургия, а 2 лѣта влазити в церковь до святого еуангелия, а прочее внѣ стояти и послушати литургия, друзи ж 2 лѣта до “Верую въ единого бога”, а 7-е лѣто всю да стояти, не взимати же, но кончавше 7 лѣт, въ осмое же лѣто всю приимати, достоить же ... ясти хлебъ их толико и водъ седмь лѣт»¹⁷. В остальных статьях, когда речь идет о церковной епитимьи в виде семи лет поста, в ЗСЛ кратко обозначено: «пост 7 лѣт, яко же и рекохом», либо просто: «пост 7 лѣт» (главы 6, 10, 12, 15)¹⁸. Точно также епитимья в 15 лет поста полностью раскрыта в 8-й главе, а в 7-й главе кратко обозначено: «а по церковному закону постъ 15 лѣт да предлагается ему». Лишь в 17 главе памятника, где речь идет о поджогах, не раскрыто содержание епитимьи 12-летнего поста¹⁹. Однако вполне возможно, что в протографе здесь также имелась в виду епитимья в 15 лет поста, т.е. не было необходимости повторять ее полностью.

Итак, в ЗСЛ Краткой редакции всюду, где речь идет о церковном наказании, санкция приведена конкретно, полностью.

В Уставе Ярослава при аналогичном применении санкций по светскому и по церковному законам этого не наблюдается. Здесь приведены лишь общие указания о применении епитимьи, хотя последнее отнюдь не означает, что это лишь формальная ссылка.

Дело в том, что юридическая компиляция, известная под названием Закона Судного людем, была создана, как известно, Кириллом-Константином в ходе переводческой и церковно-устроительной деятельности Кирилла и Мефодия в пределах Велико-Моравского княжества, плоды которой позднее получили бурное развитие в Болгарском царстве. Закон Судный людем при этом был создан в тот период, когда не было еще славянского перевода Номоканона, предпринятого Мефоди-

¹⁶ Закон Судный людем Краткой редакции. С. 105.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 105–106.

¹⁹ Там же. С. 106–107.

ем позднее²⁰. А именно в Номоканоне и содержались росписи основных церковных санкций и наказаний, принятых восточно-православной христианской церковью за те или иные преступления.

Кроме того, политическая ситуация была такова, что Закон Судный людям вместо ссылок на Номоканон, где имелся набор различных по тяжести церковного наказания санкций, должен был иметь лишь однозначные церковные епитимьи, помещенные в самом тексте Закона. Противоборство западной и восточной христианских церквей в Моравском регионе исключало возможность применения греческого текста Номоканона. Да это и не соответствовало основному смыслу миссии как переводческой деятельности просветителей. Следовательно, введение в текст ЗСЛ конкретных епитимий было, видимо, мерой экстраординарной, вынужденной.

Что же касается Устава Ярослава о церковных судах, то этот кодекс, видимо, был важнейшим звеном в целой системе мероприятий, предпринятых при Ярославе Мудром, и одним из них был, на наш взгляд, перевод на Руси текста Номоканона XIV титулов без толкований²¹. Именно в этой связи становится понятным, почему в Уставе Ярослава нет конкретных санкций по церковным законам. Устав в части этих санкций был неразрывно связан в единое целое с текстом Кормчей, ибо в ней и были даны конкретные для тех или иных проступков епитимьи.

Статьи с указанием епитимьи или с более общей ссылкой на церковное наказание («епископу в вине») сохранились в той части текста Устава Ярослава, которая наиболее полно сохранила текст архетипа. На наш взгляд, эта часть текста начинается примерно со статьи 8 Краткой редакции Устава извода Кормчих («Аже муж от жены блядеть...»)²². Здесь меньше позднейших изменений и подновлений «под старину» в денежных штрафах. Счет ведется просто на гривны. Исключение составляет лишь интерполяция ст. 12 о куме с кумою, где значится гривна золота, а также подвергшаяся поздней обработке статья 25 об оскорблении жены «великих бояр» (как, впрочем, и начальные статьи

²⁰ Vašica I. Methodiev preklad nomokanonu // Slavia 1955. XXIV/1. S. 9–41; см. также: Grivec F. Cynilo-Methodiana. II. O Methodievom Nomokanonu. Slovo. 6–8 // Vajsov Zbornik. Zagreb, 1957. S. 35–45.

²¹ Милов Л. В. О древнейшей истории Кормчих книг на Руси // История СССР. 1980. № 5 [см. также настоящее издание, с. 233–260 — *примеч. ред.*].

²² Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 111

Устава 2, 3, 4 и 7)²³. Именно в этой части текста Устава статьи с прямым указанием на применение епитимьи идут единым блоком почти без изменений и сохранились практически без нарушений их порядка как в пространной, так и в краткой редакциях. Это статья 12 о блуде кума с кумою с лаконичным указанием: «и во епитимии». Статья о блуде с сестрою (14), где обозначено: «а во опитемии и в казни по закону». Статья 15 («Аже ближний род поиметься...») с концовкой «а опитемию да примут». Статья 18 о блуде с черницею и с животиною, первоначально, видимо, составлявшая 2 разные статьи, с концовкой «а во опитемию вложить» и статья 19 о блуде свекра с снохою («а опитемия по закону»). Есть все основания считать, что в статьях 16 («Аже двѣ женѣ кто водить...»), 17 («Аже моужь с женою по своей воле распуститься...»), 20 («Аже кто с двѣма сестрома...»), 21 («Аже деверь с ятровью...»), 22 («Аже кто с мачехою...») и 23 («Аже два брата будутъ со одиною женкою...») епитимийные наказания подразумевались по аналогии²⁴. Такой стилевой лаконизм вообще присущ древнерусским юридическим текстам.

Как уже говорилось, лаконичные указания на применение епитимьи в Уставе Ярослава подразумевали использование текстов с нормировкой церковных наказаний в Номоканоне (Кормчей книге). Конкретное же цитирование извлечений из Номоканона (даже в переводе) по части епитимий было, видимо, делом весьма сложным. Да и обстоятельств, сходных с ситуацией, в которой был Кирилл-Константин, не было. История древнерусской церкви показывает, что позднее столь сложную функцию изредка брали на себя крупнейшие, авторитетные церковно-политические деятели, опираясь на противоречия и затруднения реальной практики применения правил из Номоканона.

В раннехристианскую эпоху ситуация была иной. Устав Ярослава стоял лишь у истоков юрисдикции древнерусской церкви. Поэтому затруднений для априорного выбора тех или иных наказаний епитимийного характера было немало.

В частности, в Кормчей книге XIV титулов без толкований в правилах Трулльского собора есть канон 53, трактующий о духовных восприемниках и соответствующий статье 12 Устава Ярослава («Аже кум с кумою створить блуд...»). Вот текст этого канона:

²³ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 110–113.

²⁴ Там же. С. 111–112.

53. «І понеже больше своисто иже по д(у)сѣ плѣтскихыхъ съвѣкоупления, оувѣдѣхомъ въ нѣкихыхъ мѣстѣхъ нѣкыя отъ с(вя)т(о)го и сп(а)сьнааго хрещенія дѣти приемлющихъ, и потомъ съ тѣхъ матерями въдовоующими брачное съвѣкупающе съчетаніе заповѣдаемъ отъселѣ ничьсо же таковааго дѣяти. Аще ли нѣции по бывѣшимъ канонѣ оувѣдѣнии боудоуть се творяще първообразно оубо такови да останоуться безаконнааго того съчетанія. По семь же въ запрѣщеніе блодь творящихихъ да вѣложени боудоуть»²⁵.

Как видно из текста, конкретного наказания в каноне нет. Есть лишь квалификация, относящая преступление в разряд «блудъ творящих». Стало быть санкцию надо искать в иных правилах Трульского собора, трактующих о блуде вообще. Как известно, в Номоканоне XIV титулов правила Василия Великого были наиболее концентрированным собранием епитимийных наказаний, но даже в пределах этих текстов Номоканона была возможность выбора епитимий по одному и тому же проступку. Так, в правилах Василия Великого есть общая санкция церковного наказания за блуд (правило 59) в виде семилетнего поста²⁶. В то же время в канонах Василия Великого есть и санкции по конкретным проявлениям этого преступления (правила 62, 63 и т.д.)²⁷. О двоеженцах идет речь и в 4, и в 12, и 77 правилах²⁸. Охране отношений свойства посвящено огромное послание Василия Великого к Диодору Тарсянину²⁹ и в то же время целая серия канонов (75, 76, 77, 78, 79, 24 и др.)³⁰.

Видимо, затруднением могли быть и чисто текстовые моменты. Так, например, статья 14 Устава Ярослава соответствует епитимья 75-го канона Василия Великого. Однако она воплощена в весьма просторном и сложном тексте, цитация которого в кратком уставе нереальна³¹. Наконец, буквальное цитирование Номоканона (Кормчей книги) осложнялось и тем, что санкция часто приводилась в одном из правил, а в других присутствовала лишь оговорка о том, что санкция (епитимья) та же самая. Так, статье 15 Устава Ярослава («Аже ближний род пои-

²⁵ Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. И. Бенешевича. СПб., 1907. Т. 1 Вып. I—III. С. 178—179.

²⁶ Древнеславянская Кормчая. С. 499.

²⁷ Там же. С. 500.

²⁸ Там же. С. 467—468, 504.

²⁹ Там же. С. 517.

³⁰ Там же. С. 502—504, 486.

³¹ Там же. С. 502.

меться...») соответствует, в частности, 68 канон Василия Великого, где преступления квалифицируются как прелюбодеяние, а, в свою очередь, прелюбодеяние рассматривается как преступление с соответствующей епитимьей в каноне 58³². Примерно так же обстоит дело со второй частью статьи 18 Устава Ярослава: соответствующий канон Василия Великого — 63, а епитимья — по 62 канону³³. Статья 16 Устава Ярослава («Аже двѣ жене кто водит...») аналогична 77-му канону Василия Великого, где приводится содержание епитимьи: «Оставляяи убо законьно съчетавшююся съ ним женоу и иноу приведъ, по г(оспод)ню осожужению прѣлюбодѣника повиннъ есть соудоу. Оуправлено же бысть отъ о(те)ць нашихъ таковыимъ: лѣто плакатиcя вьнѣ ц(е)ркве, дѣвѣ лѣтѣ послушати вѣ притворѣ ц(е)рк(о)внѣмъ и исходити съ оглашенными, три лѣта вьноутрѣ ц(е)ркве вѣходити и съ оглашенными исходити, вѣ семое же стати съ вѣрными и тако приношения съподобитѣся, аще съ слъзами покаеться»³⁴. На этот текст ссылаются некоторые другие каноны Василия Великого. Так, статья 20 Устава Ярослава («Аще кто съ двѣма сестрома...») соответствует 78-му канону Василия Великого, который, в свою очередь, отсылает к 77-му канону, где приведена епитимья. Еще сложнее со статьей 22 Устава Ярослава («Аже кто с мачехою...»). Она соответствует 79-му канону Василия Великого, а в 79-м каноне стоит ссылка на епитимью 78-го канона, а канон 78, как мы уже знаем, отсылает к епитимье 77-го канона Василия Великого³⁵.

Вполне вероятно, что столь сложные переплетения и взаимосвязанность правил, характерные для Номоканона в целом и иллюстрированные нами на примере канонов Василия Великого, были также затруднением к конкретному цитированию Кормчей в Уставе Ярослава. В итоге создатели Устава Ярослава, вероятно, сочли возможным лишь прибегнуть к неоднократному и настойчивому напоминанию в преамбуле Устава и в заключении его о необходимости судить по правилам «святых отцов», по Номоканону.

В центре внимания составителей Устава Ярослава был, конечно, кропотливый отбор самих типов судебных дел. Здесь Устав представляет оригинальный юридический кодекс, хотя типологически сходный с

³² Древнеславянская Кормчая. С. 501, 499.

³³ Там же. С. 500.

³⁴ Там же. С. 502.

³⁵ Там же. С. 504.

ЗСЛ. Это утверждение не противоречит тому, что большинство статей Устава Ярослава имеют соответствие в канонах, собранных и систематизированных в Кормчей XIV титулов без толкований.

Вместе с тем в нем есть немало оригинальных статей, не имеющих прямых аналогий в Кормчей книге (статьи 25, 26, 28, 29 и др.)³⁶. Видимо, неслучайно, что при разбирательстве многих из этих типов судебных дел, как правило, епитимийные наказания не предусматриваются. Так, в частности, заключение к статье 27 Устава Ярослава («Аже муж иметь красти конопли...») гласит: «а епископу в вине с князем наполю», из чего очевидно, что речь может идти только о наказании традиционным для древнерусского права штрафом³⁷.

В Уставе Ярослава есть и статьи, точное происхождение которых установить довольно сложно. В частности, это статья 13 («Аже кто зажжет двор или гумно или что иное...»)³⁸. В канонах Кормчей книги эти сюжеты не рассматриваются. Статья явно светского происхождения и в Уставе Ярослава она дана в окружении статей, охраняющих нормы христианской нравственности. Видимо, именно это обстоятельство заставило некоторых ученых (в частности В. М. Чернова) предполагать заимствование Уставом Ярослава ряда текстов (в том числе и этого) из Закона Судного людем, поскольку аналогичная статья о поджоге, правда, более сложная и пространная по тексту, фигурирует в нем в подобном же окружении статей о нравственности. Определенно судить об источнике трудно. В Уставе Ярослава статья 13 о поджоге имеет санкцию в виде штрафа, а в качестве альтернативы княжеское наказание («а князь казнит»). В ЗСЛ предусмотрена кроме светской казни епитимья³⁹.

Вполне возможно, что составители Устава Ярослава опирались не только на славянскую компиляцию ЗСЛ, но имели и греческий текст Эклоги, на основе XVII титула которой и некоторых иных и был составлен ЗСЛ. В 41 параграфе XVII титула Эклоги, в частности, сказано: «Те же, кто вне городской территории с злым умыслом поджигает селения или поля, или постройки на полях, предаются казни мечом»⁴⁰. Это могло явиться отправным моментом при создании ста-

³⁶ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 110–115.

³⁷ Там же. С. 113.

³⁸ Там же. С. 111.

³⁹ Закон Судный людем Краткой редакции. С. 107.

⁴⁰ Эклога. Византийский законодательный свод XIII века / Вступ. статья, перевод и комм. Е. Э. Липшиц. М., 1963. С. 72.

тьи 13 Устава. Статья 18 Устава, там, где речь идет о блуде с черницею, также ближе к самой Эклоге, поскольку в 23 параграфе ее XVII титула повествуется о наказании за связь с монахиней, а в ЗСЛ речь идет о блуде чернца (статья 7)⁴¹.

Вопрос о греческой Эклоге, как одном из юридических источников, служивших ориентиром в выработке нормативов Устава Ярослава, актуален, на наш взгляд, по следующей причине.

В древнерусском юридическом сборнике Мерило Праведное, ранний список которого датируется 3-й четвертью XIV в., а сам сборник, вероятно, восходит к концу XIII века, дошел до нас полный перевод Эклоги⁴². Как показывает исследование текста, перевод этот имеет древнерусское происхождение⁴³. Есть ряд весьма веских аргументов в пользу датировки перевода XI веком и, скорее всего, пределами первой половины или середины XI в. Вполне возможно, что Устав Ярослава создавался в момент, когда полный древнерусский перевод Эклоги уже существовал. Не исключено при этом, что практика применения Устава Ярослава предполагала не только использование Кормчей книги для определения формы епитимийного наказания, но и использование в отдельных (и довольно редких) случаях древнерусского перевода Эклоги.

В связи с этим следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Как уже говорилось, в Уставе Ярослава и, в равной мере, в ЗСЛ действовали и светские санкции, и церковные наказания. Светские санкции выступают как система традиционных для древнерусского права денежных штрафов. Церковные наказания применены не повсюду, а в основном в статьях о нравственных преступлениях и проступках, и выступают как средство вовлечения в лоно христианской религии. Мягкость этих наказаний резко контрастирует с непомерно высокими нормами денежных штрафов, правда, дошедших до нас большей частью в искаженном виде. Это дает нам основание предположить, что в практике чаще применялись именно церковные санкции. Во всяком случае, на это, видимо, рассчитывали законодатели. Наконец, в Уставе Ярослава четко видна и третья линия, третья разновидность наказаний. Речь идет

⁴¹ Закон Судный людем Краткой редакции. С. 106.

⁴² Мерило Праведное по рукописи XIV века / Изд. под набл. и со вступ. статьей М. Н. Тихомирова. М., 1961.

⁴³ Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1 [см. также настоящее издание, с. 79–110 — примеч. ред.].

о том, что в некоторых статьях наряду с денежным штрафом стоит санкция: «а князь казнит» (статьи 2, 3, 4, 7, 8, 13, 14, 16, 25, 26)⁴⁴. Разумеется, что точность расположения этой санкции по статьям весьма приближенна, так как даже наиболее близкий к архетипу текст краткой редакции Устава Ярослава в изводе Кормчих именно в этих случаях несет много позднейших искажений (например, ст. 14, 25, 26 и др.). Тем не менее приближенно первичный слой наметить все же можно.

Внимательный анализ текста Устава приводит нас к наблюдению, что чаще всего санкция «а князь казнит» добавлена там, где мы имеем дело с тяжкими, с точки зрения христианской морали, преступлениями. Это прежде всего статьи 2, 3, 7, 13 Устава Ярослава. Правда, большая часть из них подвергнута позднейшей обработке путем добавлений дифференциации штрафов по разным сословным группам, но основа, видимо, была древнейшая. Вполне возможно, что мы имеем здесь дело с попыткой ввести в древнерусскую юридическую практику византийские нормы наказания членовредительством (отрезание носа, языка и т.д.), которые широко представлены в Эклоге. Общеизвестна, в частности, попытка киевского князя Владимира ввести смертную казнь за убийство. В конце X в. она не удалась. Видимо, в Уставе Ярослава мы встречаемся с новой попыткой ввести жестокие санкции по некоторым видам преступлений и в первую очередь за изнасилование⁴⁵. В Эклоге похищение светской девушки и ее обесчещение карается отрезанием носа, а сообщники — изгнанием (титул XVII, § 24)⁴⁶. Изнасилование также карается обрезанием носа (§ 30, 31)⁴⁷. Таким образом не исключено, что в статьях 2, 3, 7 Устава Ярослава выражение «князь казнит» подразумевает санкции Эклоги. Это относится и к статье 13 Устава о поджоге, где нет в отличие от ЭСЛ епитимийного наказания.

Возможно, что санкции Эклоги имеются в виду в статье 8 Устава о муже, блудящем от жены (по § 19 XVII титула Эклоги санкция предусматривает наказание в 12 «смен» ударов по провинившемуся)⁴⁸,

⁴⁴ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 110–113.

⁴⁵ Статья 29 Устава, где речь идет об убийствах, карающих вирую «князю съ владыкою наполю», представляется позднейшей вставкой.

⁴⁶ Эклога. С. 70.

⁴⁷ Там же. С. 71.

⁴⁸ Там же. С. 69. Е. Э. Липшиц переводит число ударов как 12 ударов. В. Г. Васильевский полагает, что в таких случаях имеются в виду «смены» ударов, когда один бьет до усталости и его сменяет другой (см. Труды В. Г. Васильевского. Л., 1930. Т. IV. С. 178).

в статье 16 о двоеженце, где повторное преступление вызывает санкцию «казнию казнити его» (в § 35 XVII титула Эклоги двоеженец наказывается плетью, а вторая жена изгнанием)⁴⁹. Использование санкций Эклоги в Уставе Ярослава проведено эпизодически и весьма гибко и осторожно — лишь как один из возможных вариантов наказания. Разграничение функций церкви и княжеской власти приведено не формально.

Таковы наблюдения над текстом Устава Ярослава, проведенные с учетом его непосредственных функциональных связей с другими юридическими кодексами восточно-православной христианской церкви, позволяющие, на наш взгляд, отнести памятник в своей основе к эпохе 30–50-х годов XI в., характерной существенными изменениями в статусе древнерусской христианской церкви.

*Оубл.: Русско-български връзки през вековете.
София: БАН, 1986. С. 82–90.*

⁴⁹ Эклога. С. 71.

РУССКАЯ ПРАВДА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРОСТРАННОЙ РУССКОЙ ПРАВДЫ

250 лет назад, в 1738 г., историк В. Н. Татищев
нашел первый список Русской Правды

Пространная Русская Правда (ПРП) имеет сравнительно большую источниковедческую литературу, где основное внимание обращено на прочтение и толкование статей этого законодательного свода. Хотя вопросам о месте и времени появления ПРП уделялось сравнительно меньше внимания, тем не менее, они вызвали немало разноречий во мнениях ученых.

Разнообразие точек зрения на время появления ПРП было свойственно еще дореволюционной историографии. Так, И. Ф. Г. Эверс датировал ПРП XIII в., а П. Мрочек-Дроздовский считал, что текст ПРП (по Синодальному списку) относится ко времени «от конца XI до половины XII в.»¹. Если Н. А. Рожков полагал, что древнейшая редакция ПРП (по Троицкому списку) может быть отнесена к первой половине XII в., то В. О. Ключевский утверждал, что законченный состав ПРП относится ко второй половине XII в. или началу XIII в. К началу XII в. относил ПРП В. И. Сергеевич².

Среди советских исследователей также нет единства взглядов на время появления ПРП. Так, Б. Д. Греков, С. В. Юшков и А. А. Зимин относят ПРП к началу XII в.³, а М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин считают, что в целом ПРП возникла лишь в начале XIII в., и

¹ Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / Пер. И. Платонова СПб., 1835. С. 229, 358–359; Мрочек-Дроздовский П. Н. Исследования о Русской Правде. М., 1885. Вып. II. С. XXXVI.

² Рожков Н. А. Из русской истории. Очерки и статьи. Пг., 1923. Т. 1. С. 24–130; Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1 // Соч. М., 1956. Т. 1. С. 219, 216, 232; Сергеевич В. И. Русская Правда и ее списки // ЖМНП. 1899. Январь. С. 8, 12.

³ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 87; Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 90; Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. / Сост. А. А. Зимин. М., 1952. С. 76.

связывают это событие с антиростовщицескими волнениями 1209 г. в Новгороде⁴.

Неоднозначны и мнения о составе ПРП. Еще И. Н. Болтин выделял из ПРП ее вторую часть — Устав Владимира Мономаха. Э. С. Тобин считал, что ПРП состоит из древнейшей части с добавленными к ней более поздними установлениями и, в частности, Уставом Мономаха. Некоторые поздние статьи Э. Тобин относит к XIII в.⁵ Близостью к этой позиции отличается труд Н. Ланге, который первую часть ПРП относил к законодательству Изяслава с братьями, а вторую — к дополнениям Владимира Мономаха. П. Мрочек-Дроздовский считал первую часть сводом, появившимся не позднее конца XI в.⁶

В советской историографии часть исследователей подвергла состав ПРП наиболее пристальному анализу, хотя и в этот период взгляды ученых не были едиными. М. Н. Тихомиров, впервые в исторической литературе привлекая огромный материал по происхождению списков Русской Правды и тщательно изучивший сопутствующие ей тексты, полагал, что ПРП сложный памятник, вобравший в себя к началу XIII в. и Краткую Правду, и Устав Владимира Мономаха, и ряд иных источников⁷. С. В. Юшков считает ПРП не единым памятником, а двумя различными сводами правовых норм, объединенных писцами в одно произведение. Первый из них имеет в основе Краткую Правду конца XI в., пополненную в конце XI — начале XII в. новыми нормами. Всю вторую часть ПРП С. В. Юшков считает Уставом Владимира Мономаха, датируемым им 1113 г.⁸ А. А. Зимин полагает, что ПРП в целом появилась около 1116 г., а в основу ее первой части был положен само-

⁴ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде (Происхождение текстов). М.; Л., 1941. С. 219–223; Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 276–278.

⁵ Болтин И. Правда Русская или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. СПб., 1792; Tobin E. Sammlung kritisch bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes. В. I. Pravda Russkaja und ältesten Tractate Russlands. Dorpat, 1844. S. 20.

⁶ Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1858. Кн. 1. С. 4–10, 25; Мрочек-Дроздовский П. Н. Исследования о Русской Правде. Вып. II // Уч. зап. Моск. ун-та. Отд. юрид. Вып. 4. М., 1885. С. XXXVI.

⁷ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 62–70.

⁸ Юшков С. В. Правда Русская. М., 1950. С. 293–303.

стоятельный памятник, не дошедший до нас, — Правда Ярославичей, которая, по мнению ученого, отлична от Устава Ярославичей. Позднее, при Святополке Изяславиче, появились статьи 47–52⁹.

Таким образом, едва ли не единственный метод датирования ПРП и ее частей, применяемый всеми исследователями, может быть определен как историко-социологический метод. В основе его лежит трактовка целых совокупностей статей ПРП как своего рода социально-правовых отзвуков на социальные и классовые движения или волнения, зафиксированные в летописных известиях. Важным компонентом этого метода является поиск в летописи следов реформаторской деятельности отдельных князей в тех областях внутренней политики, которые находят какие-либо аналоги в тематике статей ПРП.

В литературе полнее всего эта методика отразилась в работе Л. В. Черепнина. Развивая идеи Э. С. Тоби́на и П. Мрочек-Дроздовского, Л. В. Черепнин выделяет первую часть ПРП в качестве так называемого Кодекса 1097 г., дополненного статьями 47–52 при Святополке Изяславиче. Как в первую, так и во вторую часть ПРП вошли статьи так называемого Домениального устава Святослава Ярославича (ст. 8, 32, 33, 34, 35, 37, 39, 67, 72, 75, 78, 79, 81, 82)¹⁰. Вторая часть ПРП создавалась путем постепенного приращения материала. В основе ее лежит Устав Владимира Мономаха (ст. 53–66)¹¹. В 1136–1146 гг. были созданы ст. 67–73, 75–85, составлявшие Устав Всеволода Ольговича Черниговского. Примерно в это же время ПРП пополнилась статьями Устава по наследству (ст. 90–95, 98–106)¹². В 70-х годах XII в. появилась ст. 74 «О накладах» (Л. В. Черепнин полагает, что она создана во Владимиро-Суздальской земле). Наконец, ст. 110–111, составляющие Устав о холопстве, были созданы, по мнению ученого, при владимирском князе Всеволоде Юрьевиче в 70-х гг. XII в.¹³ Ряд дополнительных статей был присовокуплен к ПРП уже в 1209 г., когда состав статей ПРП получил свое завершение¹⁴.

⁹ *Зимин А. А.* Памятники права Киевского государства X–XII вв. М., 1952. С. 76.

¹⁰ *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Цапов Я. Н.* Указ. соч. С. 197–203.

¹¹ Там же. С. 236–237

¹² Там же. С. 258.

¹³ Там же. С. 272, 274.

¹⁴ Там же. С. 276–278.

Однако историко-социологические подходы к определению времени появления ПРП отличаются неизбежным субъективизмом, который явно прослеживается в разноречивых оценках места и времени происхождения ПРП.

В основе такого подхода лежит, на наш взгляд, недостаточность внимания к проблемам текстологии. Так, например, большинство исследователей отмечают чрезвычайно сильную, буквально уникальную архаичность Троицкого I списка (Т I) ПРП из юридического сборника второй половины XIV в., известного под названием Мерила Праведного. Однако, пожалуй, никто не объяснил, чем обусловлена эта необычайная архаичность и близость к архетипу ПРП и почему древнейший Синодальный список ПРП конца XIII в. отстоит сравнительно дальше от этого архетипа.

В числе препятствий, мешающих правильному объяснению архаичности Т I, можно назвать традиционную методику оценки и классификации списков ПРП. На ее основе можно лишь в грубом виде выделить ряд изводов (видов) и более точно определить крупномасштабные группы списков.

Между тем для Синодально-Троицкой группы списков ПРП, включающей в себя около 70 списков, наиболее важно уяснить соотношение изводов друг к другу. Но сделать это можно, только построив генеалогическое древо списков группы на основе учета всей суммы наиболее значимых различий. Подобную работу можно сделать лишь с помощью ЭВМ.

Однако на основе новейшей методики создание такой стеммы с применением ЭВМ по «методу групп», разработанному французскими текстологами для религиозно-канонических текстов, и его модификациям для текстов ПРП оказывается невозможным. Причина тому в сложном механизме напластований в списках ПРП различий, когда один и тот же список мог унаследовать варианты различий не только со своего непосредственного протографа, но и целого ряда иных протографов ПРП. Таким образом, в списках ПРП слишком много так называемых сводных текстов, в то время как современная машинная обработка различий рассчитана на однозначный вариант постепенного накопления изменений текста по принципу: «от каждого предыдущего к каждому последующему».

И тем не менее, воссоздание общей структуры стеммы для текстов ПРП, хотя и косвенным путем, все-таки возможно. Для получения ее

целесообразно использовать тексты произведений, составляющих, по выражению Д. С. Лихачева, своеобразный «конвой» для ПРП. Текстом «конвоя» является такое произведение, которое непременно помещалось в тех же сборниках, что и ПРП. Благодаря общим принципам редактирования или переписывания таких сборников типы разночтений общи как ПРП, так и текстам из «конвоя». Для ПРП эту особенность разночтений выявил в свое время М. Н. Тихомиров¹⁵. Таким образом, благодаря своего рода эффекту внутреннего единства систем соотношения списков разных текстов друг к другу мы можем восстановить в общих чертах стемму ПРП, пользуясь таким текстом из «конвоя», разночтения которого удовлетворяли бы требованиям их обработки на ЭВМ.

Такая работа была проделана с текстами древнейшего памятника славянского права — Закона Судного людем (ЗСЛ)¹⁶. Полученная на ЭВМ стемма ЗСЛ полностью совпала с классификацией списков ПРП Синодально-Троицкой группы, сделанной в академическом издании Русской Правды¹⁷, не только в своих основных компонентах, но даже в деталях¹⁸. Следовательно, были созданы веские основания считать генеалогические соотношения списков ЗСЛ характерными в основных чертах и для ПРП¹⁹.

Исключив из нашей стеммы всего три списка, не содержащие текстов ПРП (Устюжский, Варсонофьевский и Иоасафовский), получим стемму непосредственно для списков Синодально-Троицкой группы ПРП. В нее не вошли лишь два сравнительно поздних и не столь существенных для истории текстов ПРП вида или извода (Рогожский и Мясниковский).

Из анализа стеммы следует важнейшая оценка сравнительной близости к протографу ПРП древнейших списков ПРП (Троицкого I (Т I) и Синодального). Она заключается в том, что Троицкий список в стемме гораздо ближе к протографу ПРП, чем Синодальный, несмотря

¹⁵ Тихомиров М. Н. Указ. соч.

¹⁶ Бородин Л. И., Милов Л. В. О некоторых аспектах автоматизации текстологического исследования (Закон Судный людем) // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977. [см. также настоящее издание, с. 27–70 — примеч. ред.]

¹⁷ Правда Русская / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940. Т. 1. Тексты.

¹⁸ Бородин Л. И., Милов Л. В. Указ. соч. С. 260–279 [см. также настоящее издание, с. 51–70 — примеч. ред.].

¹⁹ См. приложение к статье.

на то, что последний датируется очень ранним временем (1280 г.). Эти выводы нельзя сделать традиционным путем.

В этой связи особого внимания заслуживает не только собственно Т I ПРП, но и сама рукопись Троицкого Мерила Праведного, датируемая нами концом третьей — началом четвертой четверти XIV в.²⁰

Наиболее обстоятельно в литературе этот юридический сборник был изучен академиком М. Н. Тихомировым. Он доказывал, что сборник был создан в итоге переработки какого-то древнего сборника, содержащего, в частности, текст Поучения митрополита Никифора, современника Владимира Мономаха, обращенного к этому великому князю²¹. Авторство Никифора определено, на наш взгляд, вполне убедительно. М. Н. Тихомиров обнаружил в конце I Поучения своеобразное «оглавление» к древнему сборнику («заповеданая от святых духовных труд прехвальных апостол и всея вселенныя шести сбор и поместных святых собравшихся, святых отец наших, подавая в них повеления и благочестивых наших цесарь и правоверных князей»). Ученый считал, что, судя по «оглавлению», в древнем сборнике были извлечения из апостольских правил, памятники, «подобные градскому закону, церковные Уставы русских князей»²². В состав этого сборника входили и назидательные тексты, составлявшие его первую часть (до статьи «О исправлении суда»)²³.

Между тем более пристальный анализ текстов Мерила Праведного приводит к выводу, что текст Поучения Никифора на самом деле является лишь Предисловием, или Введением, к древнему сборнику, изначально создававшемуся как древнейший вариант Мерила Праведного. Создан он был при Владимире Мономахе и посвящен ему («сей еще труд есть пред мною к тебе, великому князю и ко всем сыном твоим русским князем»)²⁴. Копии этого древнейшего сборника Мерило Праведное посылались с посвящением другим князьям — современникам Владимира Мономаха. В одном из позднейших вариантов Мерила Праведного сохранилось посвящение Ярославу Святославичу — муромс-

²⁰ Милов Л. В. Тверская школа книжного письма второй половины XIV в. (из истории Троицкого Мерила Праведного) // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984. С. 124 [см. также настоящее издание, с. 224 — примеч. ред.].

²¹ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 91–93.

²² Там же. С. 94–95.

²³ Там же. С. 94.

²⁴ Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961. С. 10 (л. 5 об.). Далее — Мерило Праведное.

кому князю (ум. 1129 г.), бывшему некоторое время (1123—1127 гг.) и черниговским князем²⁵.

В древнейшем сборнике действительно находились памятники, «подобные градскому закону», т.е. светские, «гражданские» законы византийских императоров²⁶. Таким законодательным сводом является византийская Эклога — свод середины VIII в. В древнейшем составе сборника Мерило Праведного был и сохранился дошедший до нас полный не славянский, а древнерусский перевод этого свода законов²⁷.

Состав древнейшего сборника Мерило Праведное был подвергнут кардинальному дополнению в конце XIII — начале XIV в., ибо дошедшие до нас сборники Мерило Праведное имеют уже тексты, перешедшие в них из Кормчей 1280 г. (Новгородской), и тексты из Сербской Кормчей, созданной в начале XIII в. попечением архиепископа Саввы²⁸. Несмотря на это, в дошедших до нас сборниках сохранились довольно обширные составные части древнейшего сборника Мерило I Праведное первой четверти XII в.

В частности, в сборнике сохранились тексты свода законов, которые М. Н. Тихомиров назвал «подобными градскому закону». «Подобные» потому, что сам полный текст Прохирона, или Градского закона, попал в Мерило Праведное лишь в конце XIII — начале XIV в. из Сербской Кормчей (на самой последней стадии работы над обновленным Мерилом Праведным). Об этом ученый несомненно знал.

В конце «Оглавления» древнейшего сборника начала XII в. прямо указывалось на цесарей и правоверных князей, которым «по человеколюбию» поручена власть, а они «градские законы уставиша». Термин «градские» в контексте означает «гражданские», т.е. светские, законы («им же по своему человеколюбию область поручи — градские законы уставиша»)²⁹. Текст «Оглавления» дает основание полагать, что из

²⁵ Милов А. В. Указ. соч. С. 124—125 [см. также настоящее издание, с. 224—227 — примеч. ред.].

²⁶ Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича. СПб., 1906. Т. 1. Вып. I—III. С. 795 (л. 308); ГИМ. Отд. рук. Синод. собр. № 132. Л. 423 об.; Мерило Праведное. С. 262 (л. 130 об.). В последнем случае «градским законом» названо «Собрание 87 глав», включающее в себя Новеллы Юстиниана.

²⁷ Милов А. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1 [см. также настоящее издание, с. 79—110 — примеч. ред.].

²⁸ Мерило I Праведное. С. 262, 393, 399, 427, 463 и др.

²⁹ Там же. С. 16 (л. 8—8 об.).

византийских «градских» законов были прежде всего «Новеллы Юстиниана», ибо текст 137-й новеллы начинается с фразы, буквально совпадающей с вышеприведенной («В гражаньстем законе, его же область нам богъ по своему человеколюбию поручи...»)³⁰. Однако в сборнике Мерило Праведное, переработанном и дополненном в конце XIII — начале XIV в., «Новеллы Юстиниана» (Собрание 87—93 гл.) даны уже в комбинации древнерусского и сербского перевода³¹. Зато, как уже говорилось, в неприкосновенности сохранился другой «гражаньстей закон» — полный древнерусский перевод Эклоги, т. е. византийский свод законов середины VIII в. Поскольку Эклога действительно относится к «повелениям благочестивых наших цесарь», постольку содержание «Оглавления» подтверждается фактами. Отсюда следует еще один важный вывод: мы можем теперь считать, что к «повелениям... правоверных князей» относятся не только церковные уставы русских князей, как полагал М. Н. Тихомиров, но и русский «гражаньстей закон» — Правда Русская.

В подкрепление этого вывода нам придется привести еще ряд текстологических наблюдений.

Троицкая рукопись Мерила Праведного третьей четверти XIV в. имеет множество интереснейших и уникальных палеографических особенностей³². Однако сейчас нас интересует лишь одна — чистые места, т. е. пробелы, оставленные, в частности, в тексте XVII «зачала» (титула) древнерусского перевода византийской Эклоги. Первый из них, размером в две полные страницы (л. 188 об.—189), чуть позже времени создания рукописи был заполнен посторонним текстом³³, а два других так и остались незаполненными (л. 191 об., 194). На л. 194 даны лишь заголовок и начало главы 40 и не хватает примерно 3 строк текста (т. е. оставлен пробел)³⁴. Иными словами, дефект является чисто механическим. Но произошел он, и это особенно важно, не потому, что в протографе был

³⁰ Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Л. 308.

³¹ Мерило Праведное. С. 262—288.

³² Милов Л. В. Из истории древнерусской книжной письменности XIV в. (палеографические наблюдения) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8: история. 1963. № 3 [см. также настоящее издание, с. 197—211 — примеч. ред.]; Зализняк А. А. Противопоставление букв о и ѿ в древнерусской рукописи XIV в. «Мерило Праведное» // Советское славяноведение 1978. № 3, 5, Милов Л. В. Тверская школа книжного письма.

³³ См.: Милов Л. В. К истории древнерусского права XIII—XIV вв. // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 55—58 [см. также настоящее издание, с. 190—196 — примеч. ред.].

³⁴ Интересно, что в Чудовском списке этот пропуск еще больше по размеру.

сделан обычный пропуск при переписке. В оригинале, видимо, был просто угасший текст, и писец Троицкого списка Мерила Праведного оставил место, чтобы восстановить его по другим каким-либо спискам.

Эта особенность для нас чрезвычайно существенна. Можно предположить, что редакторам нового сборника Мерило Праведное, создававшегося в конце XIII — начале XIV в., было просто необходимо реконструировать или восстановить по другим спискам угасшие места древнего сборника начала XII в. Ведь на л. 191 об. оставлено место для целых двух глав (по нумерации Троицкого списка это 20-я и 21-я главы).

Заметим, что уже в других, более поздних по времени списках Мерила Праведного (С II, С III, КБ)³⁵, а также Чудовской Кормчей 1499 г.³⁶ и Печатной Кормчей середины XVII в.³⁷ пробелы для угасших текстов уже не оставлены, хотя сами эти тексты остались невосстановленными. Иначе говоря, с течением времени надежда на восстановление текстов была потеряна, и с пропусками смирились. Больше того, в Чудовском списке перевода Эклоги 1499 г., как и в более поздней Печатной Кормчей 1650 г., пропущенные главы уже не учитывались в общей нумерации глав титулов («зачал»), как это было еще в Троицком списке Мерила Праведного и более поздних списках (С II, С III, КБ).

Пробел на л. 188 об.—189 Троицкого списка Мерила Праведного имел более сложную судьбу. Он здесь больше, чем пропуск угасших текстов в других списках Мерила Праведного (С II, С III, КБ), а также Кормчей 1499 г. и Печатной Кормчей, где еще есть (или уже восстановлен) полный текст четвертой главы («О боях волных») и текст третьей главы. Правда, третья глава начинается в них с полуфразы («съ иными кленется на нь или крестьянское житие творя...»)³⁸. Здесь нет ее начала («Поднимающего восстание против императора или злоумышленника или...»)³⁹. Таким образом, по С II, С III, КБ и ПК про-

³⁵ ГИМ. Отд. рук. Синод. собр. № 525, 524; РНБ. Отд. рук. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 145 (1222).

³⁶ ГИМ. Отд. рук. Чудовское собр. № 167.

³⁷ Книга глаголемая греческим языком номоканон, словенским же сказаемая закона правило. Издание 1650 г. (далее — Печатная Кормчая, ПК).

³⁸ ГИМ. Отд. рук. Синод. собр. № 525. Л. 214.

³⁹ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц (далее — Эклога). М., 1965. С. 68.

бел касался текста только первых двух глав XVII титула (если они в древнерусской редакции шли именно в начале этого титула — «зачала») и начала третьей главы.

Но этим пробел в протографе не исчерпывался. В наличествующих текстах обнаруживается, что размер его первоначально был больше, но часть пробела была восстановлена по другим текстам. Речь идет о том, что обнаруженный нами пробел начинается сразу же после текста XVIII титула Эклоги, поставленного в древнерусском переводе впереди XVII титула («зачала»).

Однако анализ древнерусского перевода XVIII титула византийской Эклоги («О разделении корысти») показывает, что в его тексте есть более поздняя вставка, призванная восполнить часть указанного нами пробела⁴⁰.

Дело в том, что стилистически и содержательно статья Эклоги «О разделении корысти» делится на две разные части. Первая (примерно до слов: «та же богу дающу...») представляет собой точный древнерусский перевод XVIII титула византийской Эклоги, а вторая (примерно со слов «победу шестую часть...») взята из третьей главы Закона судного людем («О полоне»)⁴¹, где, между прочим, есть и текст, соответствующий первой части XVIII титула. Сравнение обоих вариантов переводов первой части с очевидностью выявляет, что это абсолютно разные переводы одного и того же греческого текста. Юристы-редакторы обновленного Мерила Праведного конца XIII — начала XIV в., стремясь реконструировать угасший текст древнего оригинала Мерила Праведного XII в., привлекли для этого текст второй части статьи «О полоне» ЗСЛ.

Факт привлечения текста ЗСЛ для восстановления одного из угасших текстов древнего протографа вполне объясним, так как при создании обновленного сборника Мерило Праведное проводилась большая работа по формированию тематических подборок юридических норм из разных законодательных памятников. Такой кодификации подверглось, например, законодательство о свидетелях и

⁴⁰ ГИМ. Отд. рук. Синод. собр. № 525. Л. 214–215.

⁴¹ Закон Судный людем Краткой редакции / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961. С. 36, 42, 47–48, 59, 70–71, 91. Первоначально автор этих строк придерживался другого мнения (см.: Милов Л. В. К истории текста ЗСЛ Краткой редакции // Советское славяноведение. 1978. № 6. С. 97–107) [см. также настоящее издание, с. 71–78 — примеч. ред.].

свидетельстве, о правах епископов и т.д.⁴² Работали над этим эрудированные юристы, хорошо знающие законодательные памятники. Думается, что именно такой юрист, зная (и притом дословно) юридические нормы византийского и югославянского происхождения, четко представлял себе суть ЗСЛ как компиляции с частичной переработкой ряда титулов и параграфов византийской Эклоги. Не имея под руками греческого текста Эклоги, он привлек для восстановления части ее текста (XVIII титула «О разделении корысти») соответствующую статью из ЗСЛ.

Вставленный в начало нашего пробела текст из ЗСЛ вовсе не имеет характер точного (а весь древнерусский перевод — это точный перевод с греческого) перевода. Больше того, здесь (как и в ЗСЛ в целом) есть ряд оригинальных дополнений греческого закона. Они в литературе хорошо изучены, и нет смысла останавливаться на этом. Отметим лишь главное. По тексту византийской Эклоги шестая часть военной добычи идет в казну. Древнерусский переводчик перевел греческое δημόσια (казна) как «людское», т. е. дал буквальный перевод. В других местах Эклоги термин «казна» также переводится как «людское», или «часть людская», т. е. общее, общественное, народное⁴³. Сделано это было, видимо, потому, что в языке переводчика еще не было древнерусского эквивалента термину «казна». В ЗСЛ, откуда был взят текст для реконструкции XVIII титула, вместо «казны» шестая часть добычи отчисляется «князю» (как главе государства). Кроме того, в ЗСЛ текст 3-й главы «О полоне» завершается фразой: «Тако бо и глаголено, и писано от пророка Давыда». Такой формулы в греческих списках Эклоги нет⁴⁴. Зато в указанной вставке в древнерусский перевод она имеется, так как была механически списана с текстом из ЗСЛ. Таким образом, разница с греческим текстом столь кардинальна, что мысль о том, что реконструированный, восстановленный фрагмент XVIII титула является не вставкой, а первичным текстом, принадлежащим

⁴² Милов Л. В. Древнерусский перевод Эклоги в кодификационной обработке конца XIII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: история. 1984. № 3 [см. также настоящее издание. с. 111–124 — примеч. ред.].

⁴³ Мерило Праведное. С. 348, 353, 361, 375; и др.

⁴⁴ Ecloge. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V. Herausgegeben von Ludwig Burgmann. Lowenklaus — Gesellschaft F. V. Frankfurt am Main, 1983. S. 244.

древнерусскому переводчику византийской Эклоги, представляется абсолютно не обоснованной⁴⁵.

Итак, наблюдения над пробелами Троицкой рукописи Мерила Праведного приводят нас к заключению, что древнейший сборник Мерило Праведное был дефектным, в нем плохо сохранились тексты, а местами и вовсе угасли. Если это было свойственно не только тексту Эклоги, а сборнику в целом, то пробелы или плохо читаемые фрагменты могли быть и в других разделах сборника. Эта мысль подтверждается, в частности, состоянием текста 9-й главы Пандекта Антиоха⁴⁶. Древнерусский перевод этого произведения был предпринят еще в XI в., и поэтому логично предположить, что текст этой главы в обновленное Мерило Праведное конца XIII — начала XIV в. попал из древнейшего сборника первой четверти XII в. Предположение это подтверждается тем, что в Троицком Мериле Праведном (как и в его копиях) помещен тот же самый известный нам перевод Пандекта Антиоха по Воскресенскому списку XI в.⁴⁷

Сравнение обоих текстов показывает, что текст в Мериле Праведном третьей четверти XIV в. и в более поздних списках (С II, С III) сохранился с большими потерями. Прежде всего нет начала главы 9 «О мздоимании» (со слов «Мьздоимецъ, ти лихоимецъ, ти сребролюбьць...» и до слов «тожде же и апостоль: блаженнее есть даяти, неже възимати»)⁴⁸. Это составляет примерно 760 букв сплошного текста или страницу ру-

⁴⁵ Подобную мысль отстаивает, например, Я. Н. Щапов (см.: *Щапов Я. Н. ЗСЛ и Славянская Эклога. К истории краткой редакции Закона на Руси // Byzantino-slavica. Т. XLVI. 1985. Fasc. I. S. 137–138*). То обстоятельство, что вторая часть текста статьи «О разделении корысти» является вставкой из ЗСЛ, в литературе отмечено давно. Например, что перевод «Эклоги ни по стилю, ни по языку, ни по особенностям содержания не служил прообразом ЗСЛ» (*Ганев В. Законъ Соудный людьмъ. Правно-исторически и правно-аналитически проучвания. София, 1959. С. 87 и др.*). Автор этих строк, сравнивая тексты ст. «О разделении корысти» в ЗСЛ, древнерусском переводе Эклоги, а также Прохироне и Земледельческом законе также пришел к аналогичному выводу (*Милов Л. В. К истории текста ЗСЛ краткой редакции. С. 97–101 [см. также настоящее издание, с. 71–78 — примеч. ред.]*). Я. Н. Щапову эта работа осталась неизвестной, как, впрочем, и работа о древнерусском переводе Эклоги (см. *Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклоги) [см. также настоящее издание, с. 79–110 — примеч. ред.]*).

⁴⁶ Мерило Праведное. С. 92–93.

⁴⁷ Пандект монаха Антиоха По рукописи XI в., принадлежавшей Воскресенскому монастырю. Под наблюдением О. М. Бодянского. М., 1913.

⁴⁸ Там же. С. 49–50.

кописи в 4°, написанную некрупным уставом. Текст имеет много мелких нарушений⁴⁹. Наконец, в тексте Мерила XIV в. есть обширный пропуск в речи Давыда со слов «нечтivity безаконины...» до слов «за безвестие пльтьнаго жития» (примерно 230 букв). Отсутствует и конец текста (со слов «безумие в сию мощь», это примерно 92 буквы).

Поскольку в тексте I Пандекта Антиоха XIV в. есть и превышения по сравнению с Воскресенским списком XI в. (например, «не приде мьзда в руже мой» или «бес правды от праведного» вместо «от праведника»), то вполне очевидно, что в древний сборник Мерило I Праведное текст попал не с Воскресенского списка XI в., а в конечном счете с его протографа. В то же время оба списка различаются массой мелких разночтений, а список Мерила XIV в. содержит и осмысления ряда мест, видимо, плохо читавшихся в его протографе⁵⁰.

Все эти наблюдения о разночтениях, свойственных, с одной стороны, Воскресенскому списку Пандекта Антиоха XI в., а с другой — Троицкому списку Мерила Праведного XIV в., а также спискам С II, С III, позволяют, на наш взгляд, говорить о том, что протограф, с которого списан текст I Пандекта Антиоха, был с дефектами и, в частности, с фрагментами угасшего текста, поскольку отсутствующие фрагменты расположены так, что не позволяют говорить о специальном сокращении для Мерила Праведного текста гл. 9 Пандекта Антиоха.

Необходимо отметить, что в сборнике Мерило I Праведное XIV в. и его поздних списках (С II, С III, КБ) помещено еще одно произведение, которое, как и Пандект Антиоха, входило в первую назидательно-поучительную часть древнего Мерила Праведного начала XII в. — «Слово Василия Великого о судиях и клеветах»⁵¹. Весьма важно, что это произведение дано в Мериле Праведном в том же переводе, и в том

⁴⁹ Это, в частности, замена слов: «не исправи» вместо «не оправди»; «судьяхъ» — «людехъ»; «оправляющему» — «оправдающему»; «ни» — «не»; «вашея» — «чьея»; «Самоиль» — «Амось» и т. д. Это ряд искажений: «праведного» — «праведника»; «губитель» — «гоубиться»; «надра» — «нядра» и т. д. Это пропуск слов и словосочетаний: «и оукаря, рече», «и инь дарове и мьзды ослепляютъ очи мудрыхъ», «и паки», «и съ мужи крови и живота моего. Ихъ же во роукахъ безакония».

⁵⁰ Так, вместо «не направляет ся на пути» в Мериле Праведном читаем «исправится пред богом»; «И Исаея пособуя рече» — «Исаея же оукаря град глаголетъ», причем «оукаря» взято из идущего после, строкой ниже текста с ликвидацией этого последнего фрагмента («И оукаря, рече»).

⁵¹ Мерило Праведное. С. 39–42 (л. 20–21 об.).

же объеме, как и в Юридическом сборнике Мусина-Пушкина (или Пушкинского сборника, МП), а также других сборниках этого типа⁵². Это обстоятельство, отмечавшееся еще Н. В. Калачовым и М. Н. Тихомировым, прямым образом свидетельствует о том, что юридические сборники Пушкинского типа, с постоянно меняющимся составом, видимо, вообще ведут свое происхождение от сборников Мерило Праведное первой четверти XII в. Это лишь чисто практически-юридическая его модификация, а текст Слова Василия Великого в юридических сборниках типа МП есть лишь остаток бывшей когда-то в них вводной назидательной части. По всей вероятности, эта модификация освободилась от престижных византийских памятников, ввиду необходимости включения в них текстов, более необходимых в практике.

Сопоставление Слова Василия Великого по трем спискам Мерила Праведного и Пушкинскому сборнику выявляет, что в целом текст МП наиболее поздний: в нем много явно позднейших искажений и осмыслений. Вместе с тем ряд мест здесь сохранился лучше, чем в сборниках Мерило Праведное. Это также свидетельствует о дефектности и плохой сохранности того экземпляра древнейшего сборника Мерила, который был взят за основу для кардинального обновления его состава в конце XIII в.⁵³

Теперь закономерно предположить, что ко времени создания обновленного Мерила Праведного в конце XIII — начале XIV в. в древнем и, как мы выяснили, довольно дефектном сборнике Мерило Праведное начала XII в. мог быть дефектным и текст ПРП (если он действительно там был). В таком случае для восстановления плохо читаемых или угасших мест в тексте ПРП должен был быть привлечен какой-то иной список ПРП. Предполагаемая ситуация весьма вероятна, ибо, как доказал М. Н. Тихомиров, в конце XIII в. была начата огромная работа

⁵² Русские достопамятности, издаваемые Имп. Обществом истории и древностей российских, учрежденным при Имп. Московском университете. М., 1843. Ч. II. С. 1–3. В сборнике Мусина-Пушкина нет лишь 2–4 строк начала текста, видимо, из-за дефекта первого листа протографа.

⁵³ В частности, это выявляют такие разночтения, как: «ближняго» вместо «ближнего своего» в МП; «благосвесте» — «благосвятен»; «подобает же судимаго» — «подобает же судимого испытати»; «или преподобен» — «или праведень»; «и от ложа чиста» — «и чисть ото лжа»; «истяжить» — «богь истяжить»; «его» — «есте»; «в повеленьи» — «ни в повеленьи»; «яко» — «яко судь»; «терпениемь» — «длоготерпениемь» и др.

по восстановлению традиций древнерусской письменности, сложенных нашествием Орды⁵⁴. Создание нового сборника Мерило Праведное, кардинально обновленного и расширенного, было, видимо, частью этой работы, поскольку он был подготовлен после Владимирского собора 1274 г. и появления Синодальной Кормчей книги 1280 г.

Вполне очевидно, что для проверки, т.е. считывания, текста ПРП не могли быть использованы какие-либо списки дошедшей до нас Синодально-Троицкой группы, поскольку в конце XIII в. такой группы списков просто еще не существовало. Вероятнее всего, могли иметь хождение лишь списки разного рода практически-юридических модификаций Мерила Праведного, далекие «предки» Пушкинского сборника XIV в.

Если это так, то угасшие фрагменты и дефектные чтения ПРП из древнего сборника Мерило Праведное начала XII в. восстанавливались по сборнику Пушкинского типа. В этом случае ряд ошибочных чтений, изначально свойственных спискам ПРП Пушкинского типа, мог перейти в списки Мерила Праведного.

Для выявления реальности именно такого хода событий необходимо в разночтениях списков ПРП выделить наиболее древний их слой.

М. Н. Тихомиров считал, в частности, что Синодальный список близок Пушкинскому списку и спискам всей Пушкинской группы⁵⁵. Ученый недооценил при этом близость к Пушкинскому списку не Синодального, а Троицкого I списка, т.е. из Троицкого Мерила I Праведного третьей четверти XIV в. Хотя он допускал, что первоначальный текст ПРП лучше сохранился в Троицком I списке, а не в Синодальном, тем не менее значение последнего (видимо, как самого древнего из уцелевших) он постоянно подчеркивал⁵⁶.

На самом деле в сравнительно немногих случаях, когда чтения Синодального списка сближают его с Пушкинским, практически речь должна идти лишь о наиболее поздних искажениях, свойственных только изводу Мерила Праведного (т.е. спискам Т I, С II, С III и КБ).

Уверенность в этом дает нам, во-первых, охарактеризованная выше стемма списков Синодально-Троицкой группы, во-вторых, наблюдения над разночтениями. Ведь во всех наблюдавшихся М. Н. Тихомировым

⁵⁴ Тихомиров М. Н. Воссоздание письменной традиции в первые десятилетия татарского ига // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 3.

⁵⁵ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. С. 104.

⁵⁶ Там же. С. 102–103.

случаях к Пушкинскому списку близок не только один Синодальный список, но и все остальные списки Синодально-Троицкой группы. А это означает, что к Пушкинскому списку был близок не столько ближайший протограф Синодального, сколько наиболее отдаленный от него. Исключение составляет лишь извод Мерил Праведных обновленного типа.

Приведем ряд разночтений Троицкого I списка и извода, с одной стороны, и Синодального извода; Новгородско-Софийского извода (Н-С), Рогожского извода (РЛ), Мясниковского извода (М), Чудовского (Р), Ферапонтовского (ФМ) изводов, а также Пушкинского извода (МП1)⁵⁷, с другой. Это ст. 20 («а от виры помечного» вместо «помочнаго» во всех остальных изводах Синодально-Троицкой группы и Пушкинском изводе); ст. 47 («не даль ему кун за много летъ» — во всех остальных изводах Синодально-Троицкой группы и Пушкинском изводе слова «кун» нет); ст. 53 («созва дружину» — «созвав дружину»); ст. 54 («чи то товар» — «чьи куны»); ст. 69 («то по верви искати татя» — «искати в себе татя»); ст. 74 («на мехъ» — «за мехъ»); ст. 83 («зажгутъ гумно» — «зажъжетъ гумно»); ст. 102 («то творити всяко» — «то творити ей всяко»); ст. 108 («который детьский» — «то которыи детьский»); ст. 114 («а платитъ в то никто же» — «а не платитъ»). В ст. 66 в Троицком I списке после заголовка «О послушстве» идет начало текста «А послушства на холопа...» (вместо «На послушство холопа» во всех других списках). Данное разночтение могло появиться в процессе переписки. Писец, не заметив недорисованного в оригинале инициала «Н», сразу сделал свой инициал «А», но, вовремя увидев оплошность, исправил ее, поставив «на холопа», вместо «холопа», и сохранил тем самым смысл текста. Однако при этом явно позднее происхождение этого разночтения извода Мерил Праведных вполне очевидно. В ст. 98 в Троицком изводе есть тоже позднее искажение («но свобода им смертию» вместо «с материю», как в остальных списках), хотя в некоторых списках Пушкинского извода (СМ V) вновь появляется «смертию», как и в Карамзинской группе (Т IV, К, ВА, ТБ V), что, скорее всего, плод некомпетентной правки. В ст. 106 в Троицком изводе стоит «перваго ли, другаго ли» вместо «перваго ли мужа, другаго ли» в Пушкинском изводе и Карамзинской группе. В Синодальном списке фрагмента «перваго ли мужа, другаго ли» нет

⁵⁷ Правда Русская. Т. 1

совсем, однако в Н-С, РЛ, М, РМ, ФМ стоит именно это выражение. Следовательно, в общем протографе Синодально-Троицкой группы слово «мужа» было, а ошибка Троицкого извода также является поздней ошибкой обновленных Мерил Праведных. Таким образом, в тех случаях, когда обнаруживается близость Синодального и Пушкинского списков, на самом деле мы имеем дело с близостью Пушкинского и всей Синодально-Троицкой группы, кроме извода Мерил Праведных.

Больше того, в Синодальном списке наблюдаются разночтения чисто индивидуального характера, причем не отражающих чтение его основного протографа. Примеров тому достаточно много⁵⁸. Следовательно, Синодальный список 1280 г. имеет неповторимые чтения. Иначе говоря, он не использовался для «тиражирования» текста Русской Правды, а функционировал лишь как сокровище (книжный «клад»). Наоборот, разночтения Троицкого извода и Пушкинской группы свидетельствуют о неоднократных правках одного списка ПРП по другому.

Прежде всего, это самый поздний по времени слой общих чтений, с одной стороны, Троицкого извода, а с другой — Пушкинского списка, что свидетельствует о возможной правке одного из протографов Троицкого извода по протографу Пушкинского списка (или наоборот). Например, в ст. 9 в Троицком изводе нет заголовка, а есть лишь текст, причем текст древний, явно играющий одновременно и роль заголовка («А се покони вирнии были при Ярославе»). Точно так же начинается ст. 9 и в Пушкинском списке. А в Археографическом изводе, входящем в Пушкинскую группу, есть специальный заголовок «А се покони вирнии», который есть и во всех остальных списках Синодально-Троицкой

⁵⁸ Вот ряд разночтений такого типа. Это, во-первых, пропуск целых двух статей (18 и 19). Далее в ст. 27 стоит «полвиры» вместо «полувирия», как во всех списках Синодально-Троицкой и Пушкинской групп. В ст. 38 нет заголовка «О челядине»; в ст. 57 стоит «кову» вместо «купу»; в ст. 59 описка: «7 кун» — «60 кун»; в ст. 64 «нъ оже господинь инде налезуть» — «но оже где и налезуть»; в ст. 69 «борть» — «бобръ»; в ст. 80 «а за вервь гривна кун» — «а господину за вервь гривна кун»; в ст. 83 «исплатити» — «исплатившю»; в ст. 92 «разделить дом» — «разделить дом свои детям»; «то то задница не надобе» — «то тои задница не имати»; в ст. 99 «что поимал будеть или истеряль» — «что ли будеть ростеряль»; в ст. 105 «то воротятъ братья» — «то въворотитъ брату»; в ст. 106 пропуск слов: «перваго ли мужа, другаго ли»; в ст. 107 «мятельнику» — «метельнику»; в ст. 108 «дечькии дети и их делит» — «детьскии идеть их делит»; в ст. 111 «а даче» — «а в даче»; «вязебное» — «вязебную», пропуск слов: «и гоня а»; в ст. 115 «или вести» — «или повесть»; в ст. 120 «поемель» — «поиметь».

группы. В ст. 63 в Троицком изводе и в Пушкинском списке нет заголовка «О холопе». В то же время он есть во всех остальных изводах Синодально-Троицкой группы и в Археографическом изводе.

Другой, более ранний, слой общих чтений обнаруживается и у Троицкого извода, с одной стороны, и всей Пушкинской группы в целом (т.е. правка протографа Пушкинской группы по протографу Троицкого извода или наоборот). Так, в ст. 31 в изводе Мерил Праведных (Троицком) и Пушкинской группе стоит «попъхнеть мужь мужа» вместо «пъхнеть мужь мужа» во всех остальных списках Синодально-Троицкой группы. В той же статье в изводе Мерил Праведных и Пушкинской группе стоит «не имати тому» вместо «то тому не имати» во всех списках Синодально-Троицкой группы. В ст. 64 в Троицком изводе и Пушкинской группе стоит «аже закуп выведеть что» вместо «аже закуп уведеть что», как в списках Синодально-Троицкой группы. В ст. 23 в Троицком изводе, как и в Пушкинской группе, отсутствует заголовок «Оже кто ударить мечем», а в остальных изводах Синодально-Троицкой группы он есть.

Хотя заголовки, обычно писанные киноварью, были наиболее подвижным элементом юридического текста и вследствие этого менее надежны как аргументы, но в ряде случаев (например, в вышеприведенном) они весьма показательны.

Во всех указанных примерах правился, видимо, текст Мерила Праведного, так как практические пособия для судей (а тексты типа Пушкинского находились именно в них) были, очевидно, более надежны.

Выяснив это, можно поставить задачу вскрыть самые архаичные слои взаимосвязей ПРП Троицкого извода и Пушкинской группы. Для чего необходимо поднять более древний пласт разночтений, пласт того времени, когда не было не только сохранившегося до нас Троицкого извода, но и всех изводов Синодально-Троицкой группы. Естественно, что при этом нельзя использовать и тексты Пушкинской группы.

В таких условиях список, близкий к архетипу ПРП, мог иметь синхронные списки только из практических юридических руководств, причем очень отдаленных протографов Пушкинской группы. Следы такого сборника можно искать в другой крупной группе списков, наиболее отдаленной не только от Синодально-Троицкой группы, но даже от Пушкинской группы. На наш взгляд, для этой цели наиболее подходящим является древнейший и лучший список Карамзинской группы — Троицкий IV список (Т IV) начала XV в.

Все исследователи обычно отмечают сводный характер Троицкого IV списка⁵⁹. Наиболее внимательно он был изучен М. Н. Тихомировым, который пришел к выводу о том, что источником для T IV были по крайней мере три текста⁶⁰. Причем основным протографом ученый считал протограф Археографического и I Пушкинского изводов, т.е. протограф Пушкинской группы, к которому был сделан ряд корректировок по другим спискам (Троицкого извода, Синодального извода, списка Мясниковского извода). Важно отметить и оценку М. Н. Тихомировым большой полноты и исправности T IV⁶¹, хотя, в свою очередь, отметим, что в этом списке есть и следы поздних попыток комментировать, пояснить лаконичные обороты древнего памятника. Все это тем не менее не исключает того, что в T IV сохранились и архаичные, близкие к архетипу чтения. Пользуясь ими, можно было бы выявить ошибочные чтения протографа I Пушкинской группы, а также протографа Синодально-Троицкой группы. При реальности такой ситуации это означало бы, что при восстановлении дефектных мест древнего сборника Мерило I Ираведное начала XII в. по отдаленному протографу Пушкинской группы от последнего, в свою очередь, действительно могли бы перейти ошибки, присущие ему.

Поиск более древних, чем в Синодально-Троицкой и Пушкинской группах, чтений не столь уж безнадежен.

Начнем с того, что в группе статей «Оже кто ударить мечем» в ст. 26 вместо «не терпя ли противу тому оутнетъ мечемъ» (T IV) в Синодально-Троицкой и Пушкинской группах всюду написано «не терпя ли противу тому оударить мечемъ», что, на наш взгляд, неверно. Ведь в статьях этой группы четко различаются две ситуации: когда мечом действуют, как палкой, т.е. ударяют, не вынув меча из ножен, или бьют рукояткой и т.д., и второй случай — когда бьют обнаженным мечом. В этом случае в тексте употреблен термин «тнуть», «утнуть» (т.е. ткнуть, уткнуть). Именно эту ситуацию охватывает текст «оже ли вынезь мечь, а не оутнетъ». Поэтому, когда пострадавший от удара батоном или рогом и т. п. (ст. 25), не стерпев, отвечает ударом меча (причем обнаженного меча), то протограф несомненно употреблял термин «тнуть», как это дано в T IV. Следовательно, этот список сохранил древнее чтение.

⁵⁹ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской I Правде. I Происхождение текстов. С. 170.

⁶⁰ Там же. С. 174—176.

⁶¹ Там же. С. 176.

В ст. 7 «Оже станеть безъ вины на разбои» во фрагменте «но выдать и всего с женою и с детми на поток и на разграбление» должно читаться не «и всего» (его всего), а «и самого» (его самого), что более соответствует логике и стилю древнего текста. Троицкий IV список, будучи сводным, объединяет в данном случае чтение протографа I Пушкинской и Синодально-Троицкой групп с чтением какого-то наиболее древнего текста ПРП. Именно поэтому указанное место T IV дает так — «но выдать и самого всего с женою и с детми». Здесь перед нами механическое объединение двух вариантов (одного из списков Синодально-Троицкой и Пушкинской групп, а другого — из наиболее древнего протографа, датируемого не позже 70-х гг. XIII в.). К древнейшему варианту и принадлежит выражение «его самого» («и самого»). Можно полагать, что древнейшим чтением в T IV является и дополнение в конце ст. 2 («А судным кунам ростов нету»), чего нет ни в Синодально-Троицкой, ни в Пушкинской группе⁶². Также предположительно можно считать, что в T IV наиболее древним является и название второй части Пространной Правды: «А се устави Володимер князь Всеволодичь по Святопольце, созвав дружину свою на Берестовем». Чтение Троицкого извода носит скорее летописный характер («Володимер... созва дружину свою... и устави до третьяго реза...»). Пушкинская же группа дает по сравнению с T IV лишь редакторское оформление, привнеся только лишний заголовок «Устав Владимира князя. А се устави ...». Скорее всего, этот заголовок, как и многие из статейных заголовков, появился в силу усиления справочной функции самого заголовка (для быстрой ориентации в сборниках на практике). Не исключено, что вообще число заголовков со временем возросло.

Наконец, еще одно наиболее древнее чтение T IV. Речь идет о расположении заголовка «А се уроци скоту», относящегося к перечню штрафов за пропажу различного рода мелкого и крупного скота. В списках Синодально-Троицкой и Пушкинской групп этот заголовок вторгся в перечень скота между указанием штрафа за пропажу (кражу, фиксированную без поличного) княжьего коня и пропажу рабочей лошади (кобылы). В академическом издании Русской Правды эта ошибка большинства текстов замечена. При публикации сводных текстов начало ст. 45 отнесено (и вполне логично) к фразе «Паки ли лица не будет, а будет был княжь конь»⁶³.

⁶² Поэтому в литературе обычно считают это позднейшей дополнительной статьей.

⁶³ Правда Русская. Т. 1. С. 420.

Дело в том, что в группе статей, посвященных краже скота, сначала изложены нормы размеров «продажи» за сам факт кражи с учетом того, что краденое возвращено (ст. 37, 38). Затем идет статья о краже снопов из скирда на гумне и зерна (жита) из зерновых ям. Здесь также прежде всего фиксируется размер «продажи» как наказания за кражу (3 гривны 30 кун). Далее, после оговорки, что если найдут наличное зерно, то пострадавший берет его обратно, идет уже фиксация возмещения ущерба за погибшее (исчезнувшее) зерно по возрасту зернового запаса («а за лето возметь по полугривне»). И только потом идут статьи об «уроках» — в данном случае штрафах, возмещавших ущерб в пользу потерпевших за пропавший в итоге кражи скот. Эта серия статей и начинается со слов «Паки ли лица не будет»⁶⁴.

Таким образом, почти все тексты Синодально-Троицкой и Пушкинской групп имеют вполне очевидную общую ошибку.

Иная ситуация с Троицким IV списком и с Мясниковским списком конца XIV в. В Мясниковском списке заголовок «Уроци скоту» начинается ст. 42 («Оуроци скоту. Иже крадуть скот на поле...»)⁶⁵. В Т IV он точно так же поставлен перед ст. 42. Поскольку Троицкий IV список имеет сводный характер, то в нем оказались объединенными чтения Синодально-Троицкой и Пушкинской групп, с одной стороны, и протографа Т IV, с другой. Возможно, что Мясниковский список также правлен по одному из протографов Т IV. В итоге в Т IV ст. 42 имеет заголовок «О татьбе же, оуроци скоту». О том, что заголовок «А се оуроци скоту» в Троицком I и других списках Синодально-Троицкой и Пушкинской групп должен был стоять по крайней мере точно так же, как в Т IV, т.е. в начале 42 ст., свидетельствует и поздняя поправка в Троицком Мериле Праведном (Т I): над киноварным «О татьбе же» сверху приписано «Иже кто скота взицеть»⁶⁶, что отдаленно напоминает о том, что именно здесь должен быть заголовок «А се оуроци скоту».

На наш взгляд, в Т IV заголовок тоже стоит не на месте, ибо, как уже говорилось, его место в ст. 43 перед «Паки ли лица не будеть...». Но если считать заголовок ст. 42 «О татьбе же» своего рода промежуточным ориентиром, то присутствие в Т IV двойного заголовка представляется более точным.

⁶⁴ Исследователи в этих текстах не всегда отличают продажи (ст. 41–42) от уроков (ст. 44–45). См., напр.: Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 213.

⁶⁵ Правда Русская. Т. 1. С. 191.

⁶⁶ Мерило Праведное. С. 672 (л. 335 об.).

Во всяком случае, неопровержимо одно: в Синодально-Троицкой и Пушкинской группах заголовков «А се оуоци скоту» является следствием ошибки и отсутствие его в данном месте в Т IV подтверждает это. Вопрос лишь в том, откуда и куда перешла эта ошибка: из протографа Синодально-Троицкой группы в протограф Пушкинской группы или наоборот.

Предпринятый нами выше экскурс в палеографические особенности Троицкой рукописи Мерила Праведного третьей четверти XIV в. дает, на наш взгляд, достаточно веские основания считать следующее. В очень ранний период (возможно, еще до создания обновленного Мерила Праведного) текст древнего списка ПРП, как и всего сборника Мерило Праведное первой четверти XII в., был восстановлен (а не сверен!) в своих угасших фрагментах по тексту одного из протографов дошедших до нас юридических сборников Пушкинского типа, как единственных носителей действующего текста ПРП. Эта работа не была сверкой или правкой, а лишь восстановлением угасшего, пропавшего текста. Однако в ходе ее указанная ошибка в расположении заголовка «А се оуоци скоту» из протографа Пушкинской группы перешла в текст протографа ПРП, предшествовавшего обновленному Мерило Праведному, где на этом месте был угасший текст примерно в 300 букв (от заголовка «О татьбе же» и до заголовка «А се оуоци скоту»). Отсюда она попала позже в Синодальную Кормчую, в Мерило Праведное обновленного типа и списки его извода, а также в Кормчие Новгородско-Софийского, Чудовского и Ферапонтовского изводов.

Таким образом, приведенные наблюдения несомненно доказывают, на наш взгляд, что в Мерило Праведном XII в. был текст ПРП. Видимо, этот сборник впервые дал официальный текст нового «свода» законов. Честолюбивый Владимир Мономах с помощью своих юристов создал юридический сборник, где ПРП была в одном ряду с памятниками мирового (по тогдашним понятиям) уровня. Одним из них несомненно была византийская Эклога в древнерусском переводе, который был сделан, вероятнее всего, при Владимире Святославиче в конце X в.⁶⁷

Больше того, есть весьма веские основания полагать, что при разработке тематики статей второй части ПРП («Устава Володимера Всеволодовича») юристы киевского князя отталкивались от текстов

⁶⁷ Милов Л. В. Некоторые вопросы истории культуры Древней Руси (о книге Б. А. Рыбакова «Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки») // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8.: история 1986. № 6. С. 36–38.

византийской Эклоги. В частности, речь идет о параграфах второго и отчасти десятого титулов Эклоги, посвященных вопросам имущественных прав супругов, их детей и других наследников. О близости содержания этих статей Эклоги статьям ПРП «О заднице» (ст. 90–95, 98–106) писали еще дореволюционные историки русского права (прежде всего это В. Никольский, В. И. Сергеевич, а также К. А. Неволин, В. О. Ключевский)⁶⁸. В данной работе нас интересует одно обстоятельство. Почему из всего комплекса материалов об имущественных правах супругов, их детей и иных наследников параллели с Эклогой имеют лишь статьи ПРП «О вдовах и сиротах»? Анализ содержания соответствующих статей ПРП показывает, что эта тема была действительно ведущей, главной темой статей о «заднице». О положении вдовца-мужа ПРП говорит очень редко, да и то в чрезвычайно сжатой форме. Постараемся показать это на фактах.

Так, § 7 второго титула Эклоги гласит: «Если жена, имеющая детей, умрет раньше своего мужа, то есть их отца, то муж становится владельцем и всего ее приданого и всего ее имущества, не входящего в состав приданого»⁶⁹. Поскольку в параграфе речь идет прежде всего о правах мужа-вдовца, юристы ПРП не затронули этот вопрос. Зато окончание § 7 нашло отклик в ПРП, ибо в нем речь шла о втором браке отца и правах детей от первого брака на материнское имущество:

Эклога. Тит. II, § 7	Пространная Правда
<p>... Если же ему случится вступить во второй брак, когда дети его еще малолетние, то у него сохраняется материнское имущество без какого-либо уменьшения; если же дети достигли уже законного возраста, то, если они пожелают, отец должен им беспрекословно возвратить это их имущество⁷⁰.</p>	<p>ст. 94. . . . Будут ли дети, то что первое жены, то то возмуть дети матери свося⁷¹.</p>

⁶⁸ Никольский В. О началах исследования по древнему русскому праву. М., 1859. С. 255, 317, 320–321, 351, 354 и др.; Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. С. 542–543, 545–546, 553–555; Неволин К. А. Полн. собр. соч. В 6 т. Т. 3. С. 350–353; Ключевский В. О. Соч. М., 1959. Т. 1. С. 211; и др.

⁶⁹ Эклога. С. 46–47.

⁷⁰ Там же. С. 47.

⁷¹ Правда Русская. Т. 1. С. 444.

§ 6 второго титула Эклоги, наоборот, начинается с текста, охраняющего права вдовы-матери после смерти мужа и это находит отклик в ПРП:

Эклога. Тит. II, § 6	Пространная Правда
<p>Если при наличии детей муж умрет раньше своей жены, то жена, то есть мать его детей, является владелицей всего своего приданого и всего мужне-го имущества. И она несет все заботы по управлению... Если же она имеет (что-либо) сверх приданого, то она обязана доказать... И не имеют права ее дети противостоять ей и требовать от нее отцовское имущество... ей надлежит давать им приданое, какое пожелает. Если же случилось бы ей вступить во второй брак, то ее дети имеют право оставить ее и взять на себя все распоряжение отцовским имуществом... Приданое и... дар передается ей⁷².</p>	<p>ст. 93. Аже жена сядеть по мужи, то на ню часть дати. А что на ню мужь вьзаложить, тому же есть госпожа. ст. 103. А матерня часть не надобе детем, но кому мати дасть, тому же взяти. Дасть ли всем — а вси розделять. ст. 102. Не хотети ли начнуть дети ени на дворе, а она начнет всяко хотети и седети, то творити всяко волю (ее. — Л. М.), а детем не дати воли... ст. 101. Аже жена ворчеться седети по мужи, а ростеряет добыток и поидеть замужь, то платити ей все детем⁷³.</p>

Отличия в положении женщины в том и другом обществе вполне очевидны. В Византии середины VIII в. жена-мать занимала весьма почетное место, а вдовы-матери обладали всей полнотой имущественных прав владения. Иное дело в Древней Руси, где вдова, имея детей, без завещания получала лишь определенную долю (причем не оговорено, возвращается ли к ней приданое и предбрачный дар мужа — «то на ню часть дати»). Впрочем, видимо, в более ранний период, у вдовы-матери в недрах патриархальной семьи не было и этих прав. По Пространной Правде полнота прав вдовы на владение всем имуществом целиком зависела от воли умирающего мужа («что на ню мужь возложить, тому же есть госпожа»). Иначе говоря, муж по завещанию мог, на наш взгляд, сделать свою жену полновластной единоличной владелицей всего наследства. Вдовья же часть наследства охраняется от посягательства детей. Ее права тем более охраняются при получении

⁷² Эклога. С. 46.

⁷³ Правда Русская. Т. 1. С. 442, 448.

во владение и имущества мужа. Все эти нововведения имеют большое принципиальное значение, укрепляя статус малой семьи⁷⁴. Как видно из сопоставлений, эти законоположения Эклоги и Пространной Правды совпадают. В том и другом памятнике вдова имеет право делить свое имущество среди детей. При вторичном выходе замуж и в Эклоге, и в Пространной Правде имущество переходит к детям. Причем в ПРП находят отражение и нюансы Эклоги:

Эклога. Тит. II, § 11	Пространная Правда
<p>Мужу, вступающему во второй брак, не разрешается ничего брать от своей первой жены. Если же имеются малолетние дети, то отец должен охранять их имущество до того времени, как они станут совершеннолетними. Если же дети уже достигли совершеннолетия, то отец обязан уже с этого времени передать им полностью имущество матери⁷⁵.</p>	<p>ст. 94. Будут ли дети, то что первое жены, то то возмуть дети матери своей; любо си на (вторую. — Л. М.) жену возложил обаче матери своей возмуть⁷⁶.</p>

Следовательно, и по Эклоге, и по ПРП муж не имеет права передавать второй жене имущество своей покойной супруги. Заметим, что в ПРП эта норма сформулирована гораздо четче, чем в Эклоге, но сформулирована так, что внешне речь идет только о женах, отец присутствует лишь между строк, т. е. по существу дела. Обратим внимание и на то, что древнерусские юристы поместили в ПРП особую статью, не имеющую параллели в Эклоге, о судьбе имущества матери-вдовы, умершей без завещания (ст. 103 «...Без языка ли оумреть, то оу кого будет на дворе была и кто ю кормил, то тому взяти») ⁷⁷.

Особенно ярко четкая направленность в разработке имущественных прав вдов и сирот видна в следующей текстовой параллели Эклоги и ПРП:

⁷⁴ Об этом в общих чертах писал еще В. Никольский. См.: *Никольский В. Указ. соч.* С. 286, 340, 371

⁷⁵ Эклога С 48

⁷⁶ Правда Русская. Т. 1. С. 444

⁷⁷ Там же. С. 448.

<p style="text-align: center;">Эклога. Тит. II, § 11</p> <p>...И если у отца будут дети и от второго брака и случится ему умереть, то и дети от первого брака и от второго брака имеют право унаследовать имущество своего отца, как равно и матери⁷⁸.</p>	<p style="text-align: center;">Русская Правда</p> <p>Ст. 104. Аже будут двою мужю дети, а одиное матери, то онем своего отца задница, а онем своего.</p> <p>Ст. 105. Будет ли потерял своего иночима что, а онех отца, а умрет, то возворотить брату. На не же и людье вылезуть, что будеть отец его истерял иночимля. А что ему своего отца, то держать⁷⁹.</p>
--	---

Как следует из сопоставления, ситуация Эклоги, где разобраны имущественные права детей одного отца и двух матерей на отцовское наследство, в ПРП превращается в другую ситуацию — прав детей одной матери и двух отцов по поводу материнского имущества, ибо такая постановка вопроса, по мысли законодателей, больше отвечала целям нового закона об имущественных правах вдов и материнских сирот.

Акцент на круг материнских прав по сохранению и приращению имущества ее детей, унаследованного от отца, четко просматривается на ст. 99 ПРП. Здесь параллель с Эклогой ограничивается лишь об- щими, весьма кратко сформулированными установками:

<p style="text-align: center;">Эклога. Тит. II, § 12</p> <p>...Жена, вступающая во второй брак, если она имеет от первого брака детей, должна найти до вступления во второй брак опекуна для своих детей...</p> <p>...Если же этого не будет, то она несет и своим имуществом и имуществом своего второго мужа ответственность за возврат причитающегося детям отцовского имущества⁸⁰.</p>	<p style="text-align: center;">Пространная Правда</p> <p>ст 99. Аже будуть в дому дети мали, а не д(ю)жиси будуть сами собою печаловати, а мати им поидеть за мужь, то кто им ближии будеть, тому же дати на руке и с добыткомь, и с домом, донеле же возмогуть. А товар дати перед людми. А что срезить, товаром тем ли пригостить, то то ему себе. А истый товар воротить им. А прикуп ему себе, зане кормил и печаловался ими.</p> <p>Яже от челяди плод или от скота, то то все поимати лицемь. Что ли будеть ростерял, то то все ему платити детем тем.</p> <p>...Аче же и отчим прииме дети с задницею, то тако же есть ряд.</p> <p>Ст. 100. А двор без дела отень всяк меньшему сынови⁸¹.</p>
--	--

⁷⁸ Эклога. С. 48

⁷⁹ Правда Русская. Т. 1. С. 448.

⁸⁰ Эклога. С. 48.

⁸¹ Правда Русская. Т. 1. Тексты. С. 446.

На первом плане в ПРП тонко и глубоко разработанные юристами правовые аспекты опеки матери-вдовы над отцовским наследством детей, хотя, судя по Эклоге, в центре этой статьи должен был быть текст только о поиске опекуна для детей перед вторым замужеством и текст об ответственности за отцовское наследство, если дети первого мужа переходят в новую семью. Этим ПРП существенно отлична от Эклоги. И это отличие вновь продиктовано главной темой «Устава о наследстве» — темой вдов-матерей и сирот. Примечательно, что лишь лаконичным тезисом освещены права и обязанности отчима по отношению к имуществу пасынков и падчериц. Напомним, что в Эклоге, правда, очень скупо, но все же освещена ситуация, когда муж обладает имуществом умершей жены, т. е. материнским наследством своих детей. В этом случае он обязан к его «безущербному и полноценному сохранению и сбережению, естественно, вместе с тем приростом, который произойдет», и передаче его совершеннолетним детям (тит. II, § 4)⁸². Вполне логично, что этот аспект в ПРП отражение не нашел.

Наконец, отметим, что даже в тех случаях, когда в Эклоге юридические санкции сформулированы в равной мере к правам и обязанностям и матери и отца, т. е. речь идет о родительских правах и обязанностях, то в ПРП это вновь трансформируется весьма однозначно, т. е. на первый план ставятся интересы матери-вдовы. В частности, можно привести в пример статьи памятников, где оговаривается возможность произвольного выбора наследников-детей:

Эклога. Тит. V, § 5	Пространная Правда
<p>Если завещание выполнено полностью и если родители опускают при составлении завещания своих законных детей или одного из них, то пусть судьи расследуют дело. И если они установят, что дети часто оскорбляли своих родителей или наносили им удары другого характера, да останется распоряжение родителей нерушимым...⁸³.</p>	<p>ст. 106. А матери которой сын добр, первого ли, другаго ли (мужа. — Л. М.) — тому же дасть свое. Аче и вси сынове ей будут лиси⁸⁴, а дчери может дати, кто ю кормить⁸⁵.</p>

⁸² Эклога. С. 46.

⁸³ Там же. С. 52–53. См также тит. VI § 13. С. 55.

⁸⁴ Т.е. недобры, злонамеренны.

⁸⁵ Правда Русская Т. 1. С. 450.

Выявление в составе статей ПРП о «заднице», в особенностях организации самого их текста четкого стремления юристов Древней Руси осветить круг имущественных прав и обязанностей вдов и сирот позволяет более определенно толковать и лаконичные формулировки ряда статей о «заднице», носящих более общий характер. В первую очередь здесь речь должна идти о ст. 92 ПРП («Аже кто умирая разделить дом свои детем, на том же стояти. Паки ли без ряду умереть, то всем детем, а на самого часть дати души»)⁸⁶. В связи с вышеизложенным вполне очевидно, что обе ситуации передачи «задницы» (без завещания и при его наличии) имеют в виду отсутствие в семье жены. Последовательное отстаивание законодателем имущественных прав вдов и сирот позволяет обратить внимание на акцент статьи («на том же стоять»). Эта деталь подтверждает явную новизну правопорядка, стремление ограничить переход имущества отца-вдовца только в пользу детей, а не родственников в рамках большой семьи⁸⁷. Переход «задницы» к детям в равной мере законен и без составления завещания, что особенно важно (в этой части ст. 92 имеет точную параллель в Эклоге: «Если кто-либо умирает без завещания и у него остаются дети или внуки, то все они наследуют»)⁸⁸. В то же время в отличие от византийских правопорядков в ПРП наследуют имущество лишь сыновья («аже будет сестра в дому, то тои заднице не имати, но отдадять ю замужь братия, како си могут»)⁸⁹. Дочери получают, как правило, лишь приданое («како си могут»).

В общем контексте имущественных прав членов малой семьи, прежде всего вдов-матерей и детей, должны быть рассмотрены и ст. 90, 91 ПРП, устанавливающие статус «задницы» смердов и привилегированной знати в лице дружинников и бояр. Важно отметить сопряженность этих статей, хотя и отдаленную, с Эклогой. В них реализуются с учетом конкретных условий Древней Руси идеи конфискации выморочного имущества:

⁸⁶ Правда Русская Т. 1. С. 442.

⁸⁷ В общем плане тенденцию принципиальной новизны комплекса статей «о заднице» справедливо отмечает Ю. Г. Алексеев (*Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 94–95*). Раньше его новые нормы статей о «заднице» квалифицировал как «распад общинных норм под влиянием развития частной собственности» А. А. Зимин (*Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. М., 1965. Т. 76. С. 268*).

⁸⁸ Эклога. С. 47.

⁸⁹ Правда Русская Т. 1. С. 442–444.

<p style="text-align: center;">Эклога. Тит. VI, § 6</p> <p>Если же у умершего нет родственников, но имеется жена, то она наследует половину всего (его) имущества. Другая же половина поступает в фиск. Если же нет жены у умершего, все его имущество как безнаследованное поступает в фиск.</p>	<p style="text-align: center;">Пространная Правда</p> <p>ст. 90. Аже смерд умереть, то задница князю. Аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на не. Аже будуть за мужем, то не даяти части им.</p>
<p style="text-align: center;">Эклога. Тит. II, § 10</p> <p>...Если кто-либо связан законным браком с бедной женщиной и (муж) умрет, не имея детей и не оставив завещания, то жена получит четвертую часть его состояния до 10 литров. Если же состояние мужа превышает 10 литров, то она не имеет права получить что-либо еще, и оставшееся переходит либо к наследникам по закону, либо... в фиск⁹⁰.</p>	<p>ст. 91. Аже в боярех, любо в дружине, то за князя задница не идеть.</p> <p>Но оже не будеть сынов, а дчери возмуть⁹¹.</p>

Совершенно очевидно, что в юридических нормах здесь сходства нет, т.е. нет прямого заимствования. В то же время вполне допустимо, что материал Эклоги мог быть для древнерусских юристов образчиком того, как эти вопросы решались в византийском обществе VIII в. В Пространной Правде по сравнению с Эклогой принцип передачи в фиск выморочного имущества введен в практику с очень большими различиями. В Эклоге строго различается право наследования бездетной жены с приданым и бесприданницы, а бесприданница имеет право лишь четвертой доли имущества при максимуме в 2,5 литра. При этом во всех случаях та или иная доля имущества идет в казну.

Иное положение установлено Пространной Правдой. В сопоставлении с Эклогой выявляется, на наш взгляд, полная очевидность того, что институт конфискации выморочного имущества на Руси делал лишь первые шаги, поскольку он не затрагивал основные прослойки господствующего класса (дружину и бояр)⁹². В Эклоге принцип конфискации выморочного

⁹⁰ Эклога. С. 54, 47–48.

⁹¹ Правда Русская. Т. 1. С. 442.

⁹² Возможно, как полагают В. Никольский и Б. А. Рыбаков, в более древний период имущество дружинников вообще шло в пользу князя. Но, вероятнее всего, то был иной институт, уходящий корнями в догосударственную эпоху, в эпоху военной демократии.

имущества распространялся на все слои населения. На Руси государственный аппарат, видимо, был на такой стадии развития, когда реализовать подобное было еще не под силу. Достаточно обратить внимание на резкое различие в терминологии, означающей понятие казны, фиска. В первом памятнике фигурирует *δημόσιχ* (фиск), а во втором — «князь». Объяснение такому различию нужно, на наш взгляд, искать в политических особенностях системы государственного феодализма в Древней Руси. Здесь фигура князя как главы государства еще, так сказать, синкретична. Особая казна, как и казенное (государственное) хозяйство, в начале XII в., вероятно, еще не дифференцировалась от князя как частного лица, т.е. феодала⁹³. Поэтому неточностей за счет перевода Эклоги, использованной при создании юристами ПРП, здесь быть не может. Древнерусский переводчик византийской Эклоги перевел термины «казна», «фиск» в доступном ему аспекте, т.е. буквально как «людское». Но реального, политического понятия «людское» как казны еще не было.

Поэтому широко известная и издавна вызывающая споры ученых статья «Аже смерд умереть, то задница князю» вряд ли может быть расценена как указ о конфискации выморочного имущества, имеющий действие для всего сельского населения страны (т.е. смерд в этом случае понимается как крестьянин-общинник, иначе говоря, сельский житель). Под смердом здесь, скорее всего, следует понимать особую категорию населения, находящуюся под непосредственной юрисдикцией князя как главы государства. Об этом давно писали В. Никольский, П. Цитович и др.⁹⁴ Оригинальное толкование, развивающее позиции названных ученых, было недавно предложено Б. А. Рыбаковым, и думается, что оно ближе к истине. Б. А. Рыбаков считает, что смерды XI—XII вв. являлись низшим звеном госаппарата, звеном, где слиты воедино и государственные функции (участие в военных походах, обслуживание погостов как центров сбора ренты-налога), и функции непосредственного производителя (смерды «живут по селам», имеют хозяйство, пашут пашню, платят дань князю)⁹⁵.

⁹³ Еще Н. Дювернуа считал, что здесь отражается не подчинное право князя, а «князь является представителем общественного интереса» (*Дювернуа Н. Пособие к лекциям по гражданскому праву. Вып. I. СПб., 1899. С. 125–126*).

⁹⁴ *Никольский В. О началах исследования по древнему русскому праву. М., 1859. С. 351–361; Цитович П. Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870. С. 34–53.*

⁹⁵ *Рыбаков Б. А. Смерды // История СССР 1979. № 1. С. 52–53, 57; № 2. С. 36–37, 54–57.*

Итак, выморочное имущество смерда идет «князю». Судя по Эклоге, его бездетная жена при отсутствии завещания имеет право на долю имущества мужа (не говоря о возврате приданого). Во всяком случае, так можно понять ст. 93 («Аже жена сядет по муже, то на ню часть дати»). Остальная часть «смердѣй задницы», видимо, также идет в казну («князю»).

Думается, что проведенные наблюдения демонстрируют довольно своеобразную связь обоих памятников. Юридические разработки византийской Эклоги по наследственному праву были весьма творчески использованы в Уставе о наследстве ПРП. Этот Устав справедливо должен быть квалифицирован как «Устав об имущественных правах вдов и сирот», ибо их интересы прежде всего и соблюдает ПРП⁹⁶. Как уже говорилось, статьи этого Устава отражают главный итог социального развития основной массы населения — превращение малой семьи в основную социальную ячейку соседской общины. Стимулирование ее развития опиралось прежде всего на сужение круга наследников вдовой с детьми, резким усилением роли матери-вдовы и т.п. Эти тенденции были новыми для общества, им оказались созвучными правопорядки раннесредневековой Византии середины VIII столетия. Если бы ПРП закрепляла и фиксировала всего лишь древние, традиционные тенденции в развитии обществ, то в высшей мере странно было бы излагать их формулировками, весьма близкими к формулировкам Эклоги.

Вместе с тем чрезмерный лаконизм Пространной Правды может быть преодолен именно с помощью подробных и детальных установлений Эклоги. Византийский свод помогает понять и чрезвычайную дробность и «автономию» статей Пространной Правды.

Тематическая заданность «Устава об имущественных правах вдов и сирот» делает, на наш взгляд, неоспоримой версию о причастности Владимира Мономаха к созданию этого Устава.

В знаменитом «Поучении к детям» Владимир Мономах ставит себе в заслугу именно эту законодательную инициативу («убогие вдовице не дал есмь силным обидети»)⁹⁷. Данный аспект назидания детям является одной из ведущих идей Поучения («всего же паче убогих не

⁹⁶ В литературе между тем есть тенденция оценивать совокупность статей ПРП «о заднице» как вообще Устав по наследственному праву. См.: Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 252; Алексеев Ю. Г. Указ. соч. С. 92.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 1. С. 251.

забывайте, но елико могуще по силе кормите и придавайте сироте и вдовицю оправдаите сами»). Этот же мотив социальной политики получает наибольшее развитие (уже с явным оттенком назойливости) и во Вводном назидательном разделе Мерила Праведного.

Этот раздел, хотя и в меньшем объеме, несомненно был и в древнейшем варианте Мерила Праведного (первой четверти XII в.), открывавшемся своего рода Похвалой Владимиру Мономаху, ибо в нем есть явные параллели одних и тех же цитирований (т.е. Поучения Владимира Мономаха и назиданий Мерила Праведного). Так, в Поучении фигурирует широко известная в средневековье цитата из пророка Исая: «избавите обидима, судите сироте, оправдаите вдовицу»⁹⁸, а в Мериле Праведном помещен большой фрагмент «От пророчества Исаина», где, в частности, также говорится: «Положию судъ во оупование и милость в Мерила. Людие правду створше... просяты у мене суда праведна. Останетеса от злобъ вашихъ, научитеса добро творити, взищите суда, избавите обидима, судите сироту, оправдаите вдовиць, придете да стяжисясъ»⁹⁹. Чуть ниже во фрагменте «От второго закона» снова читаем: «...и заповедахъ судьямъ вашимъ: послушайте межю братье вашею, судите праведно межю мужем и межю братом его и межю пришельцемъ, сироты и вдовицы. Не познаеши лица на суде, ни примеши мьзды...»¹⁰⁰. За ним снова идут строки из «Слова пророка Исаии к немилостивым князьям и злым судьям» («судите и милости и щедроты каждо искрьнему своему, вдовиця и сироты, пришельца убога не насильствуйте.... Не послушайте закона моего — грабите дома вдовиць, насильствуете убогимъ, взопиють ко мне, — и услышу я и пошлю на вы мечь ярости») ¹⁰¹. А через несколько страниц помещен целый раздел «О вдовах и сиротах: да не обидите их» («Рекии: азъ есмь отецъ сиротам и мститель вдовиць») ¹⁰².

Думается, что цитированные тексты были в том или ином виде и в древнейшем сборнике Мерило Праведное, т.е. в его вводной назидательной части. Их назначение прямым образом было связано с усилением политического авторитета законов Владимира Мономаха о «заднице».

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 1. С. 243.

⁹⁹ Мерило Праведное. С. 30 (л. 15 об.).

¹⁰⁰ Там же. С. 34–36 (л. 17 об.–18).

¹⁰¹ Там же. С. 35 (л. 18).

¹⁰² Там же. С. 46–47 (л. 23 об.–24).

Твердая уверенность в причастности Владимира Мономаха к «Уставу об имущественных правах вдов и сирот» дает возможность более пристального сопоставления тематики византийской Эклоги, с одной стороны, и ПРП (ее второй части) — с другой. Ведь Устав о вдовах и сиротах сопоставим с довольно широким материалом Эклоги. Титулы II–VII посвящены главным образом имущественным отношениям в семье (титул II — О браках и наследовании жены, мужа и детей; титул III — О приданом; титул IV — О дарениях; титул V — О не имеющих права завещания; титул VI — О наследниках без завещания; титул VII — О сиротах и опеке над ними)¹⁰³.

Если перейти к более широким сопоставлениям, то становится ясным, что творческая переработка в ПРП I параграфов византийской Эклоги по семейному праву, сопровождающаяся в отдельных случаях почти буквальным следованием ее текстам, представляет собой лишь частный момент. В целом же речь должна идти о том, что Эклога ориентировала юристов Владимира Мономаха в выборе наиболее существенных, актуальных для начала XII в. сюжетов в законодательной области.

Упомянем, в частности, о том, что с рядом титулов византийской Эклоги (титул X — О займах, титул IX — О продаже и покупке, титул XIII — О наймах-арендах, титул XV — О мировых сделках)¹⁰⁴ могут быть соотнесены законы Владимира Мономаха об ограничении резов (ростовщических процентов), законы о закупничестве, ст. 54 «Аже который купец истопиться». Даже ст. 49 «О поклаже», т.е. о сдаче на хранение имущества, находит соответствие в небольшом титуле XI Эклоги «О вкладах»¹⁰⁵.

Упорядочение законов о ростовщических процентах, займах, долговых обязательствах и т.п. отразилось в тогдашней публицистике как защита Владимиром Мономахом «убогих» от «сильных». Этот мотив есть в Почуении¹⁰⁶, есть он и в назидательной части Мерила Праведного¹⁰⁷.

¹⁰³ Эклога. С. 41–74.

¹⁰⁴ Там же. С. 58–60, 62, 63.

¹⁰⁵ Там же. С. 60.

¹⁰⁶ «И худого смерда... не дал есм сильным обидети», «всего же паче убогих не забывайте... не вдавайте сильным погубити человека, ни права, ни крива не убивайте...» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 251, 245–246). Упоминание о защите смердов также может дать основание считать Владимира Мономаха причастным к созданию статей о смердах во второй части ПРП.

¹⁰⁷ «Слово от приточъ» — «суди все добро, суди в правду, расужая убога и немощна... Мужь яръ притваряеть свары, а терпеливи гордаго укротить и угасить суд»; «От пророчества Иоанна» — «горе примешающимъ домъ к дому и село к селу... горе разумивымъ о себе... и худого насильствующимъ...» (Мерило Праведное. XIV в. С. 20, 31).

Цикл статей о «заднице», в целом характеризующий семейные правоотношения по поводу имущества среди свободного населения, имеет и статью «О робьих детях», где дети свободного человека от рабыни лишаются права на «задницу» («Аже будут робьи дети от мужа, то задници им не имати, но свобода им с материю»). Еще в дореволюционной историографии указывалось, что в лице этой статьи (В. Никольский)¹⁰⁸, ст. 66 «О послушестве» (В. О. Ключевский)¹⁰⁹ и других (сюда можно добавить ст. 89 «А в холопе и робе виры нетуть») ПРП сводила на нет древние традиции патриархального рабства, когда «робичич» Владимир мог стать в конечном счете великим киевским князем. В этой связи привлекает внимание, что параграфы титула VIII Эклоги («Об освобождении рабов и возврате в рабство») перекликаются со статьями ПРП 110–121, условно называемыми в литературе «Уставом о холопах». Статус холопа становится адекватным рабскому статусу. Вместе с тем юридическая разработка «Устава о холопах» глубоко самобытна и может в известной мере соперничать с юридической разработкой византийской Эклоги¹¹⁰.

Столь четкое соответствие структур обоих юридических сводов и оригинальность разработки большинства статей второй части ПРП делают весьма прозрачным стремление создателей ПРП противопоставить этот новейший юридический «свод» Древнерусского государства византийской Эклоге как свод такого же уровня.

Вместе с тем соответствие структур обоих юридических сводов является, на наш взгляд, дополнительным аргументом в пользу тезиса о существовании в составе древнего Мерила Праведного (первой четверти XII в.) Пространной Русской Правды. Существенно усиливают аргументы в пользу данного тезиса и идеи защиты вдов, сирот, убогих и слабых, последовательно и даже навязчиво проводимые в назидательной части сборника Мерило Праведное.

Вместе с тем важным отличием ПРП от византийской Эклоги является полное невнимание ПРП к преступлениям в области се-

¹⁰⁸ Никольский В. Указ. соч. С. 351–352.

¹⁰⁹ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 211.

¹¹⁰ О принадлежности законов о закушничестве Владимиру Мономаху в литературе по существу нет расхождений, как и, впрочем, об Уставе о холопстве. Пожалуй, лишь Л. В. Черепнин датировал Устав о холопстве, хотя и не очень убедительно, семидесятыми годами XII в. На наш взгляд, в данном случае такая датировка скорее была обусловлена общей позицией Л. В. Черепнина о времени происхождения ПРП в целом как начале XIII в. См.: Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 274.

мейной и половой морали, магии и колдовства, хотя в Эклоге этому уделено (в титуле XVII) достаточно места. Объяснение этому следует искать, видимо, в том, что эта область правонарушений на Руси еще со времени Владимира Святославича и Ярослава Мудрого была полностью в сфере церковной юрисдикции. Впрочем, еще М. Н. Тихомиров полагал, что в древнем сборнике XII в. (под которым мы разумеем Мерило Праведное) были и основные церковные уставы русских князей¹¹¹.

Последняя особенность, о которой необходимо напомнить, это подмеченная М. Н. Тихомировым (вслед за К. Л. Гетцем) смесь в ПРП конкретных юридических формул и моральных сентенций¹¹². На наш взгляд, это обстоятельство лишний раз свидетельствует о том, что ПРП как свод была создана именно для такого сборника, как древнее Мерило Праведное, где моральные сентенции играют выдающуюся роль¹¹³. Точнее можно было бы сказать, что Мерило Праведное создано было как «форма обнародования» нового русского юридического «свода» законов.

Поместив Пространную Правду Русскую в сборник постановлений, включающий выдержки из апостольских правил, правил «вселенских» и региональных соборов христианской церкви и памятники законодательства византийских императоров, митрополит Никифор и окружение Владимира Мономаха поставили новый «свод» русских законов на уровень тогдашних мировых эталонов. Сборник этот был размножен в виде копий с персональными посвящениями тем или иным русским князьям.

Так была создана своего рода первая публикация ПРП, так был создан юридический сборник, в центре которого были древнерусский перевод византийской Эклоги и новый «свод» законов Древнерусского государства. Этот «свод» законов был отражением сравнительно быстрого процесса развития в стране феодальных правопорядков. ПРП подвела итоги целому столетию (начиная с 1015 г.) усилий древних юристов в области законодательства. Создание Пространной Русской

¹¹¹ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде (Происхождение текстов). С. 95.

¹¹² Там же. С. 217–219.

¹¹³ На характер сборника Мерило Праведное повлияла, в свою очередь, византийская Эклога, где сухие изложения юридических норм перемежаются с многочисленными назиданиями.

Правды завершало период становления практических, функциональных основ юридической надстройки в процессе развития Древнерусского государства, период, характернейшей чертой которого было отмирание остатков традиционализма первобытнообщинного строя. Крепнущий господствующий класс в условиях становления феодального строя, прежде всего как общества «государственного феодализма», увеличивал долю прибавочного продукта через налогово-фискальные рычаги государственной машины. В этих условиях традиционность санкций старого суда уже, вероятно, уходила в прошлое, а черты нового проявляли себя, пожалуй, лишь в растущей произвольности приговоров. Эти черты эпохи с ярким лаконизмом и некоторой односторонностью были охарактеризованы в знаменитом Предисловии к «Начальному своду» 90-х гг. XI в.: «...за наше несытство навел бог на ны поганья, а и скоты наши, и села наши, и имѣния за тѣми суть, а мы своих злых дѣл не останем... Отсѣле, братия моя возлюбленная, останемся от несытства своего, но довольны будете уроки вашими»¹¹⁴.

Однако правительство Владимира Мономаха в отличие от призывов Предисловия «Начального свода», согласно которым «древнии князи и мужи их... ни творимых вир, ни продаж въскладаху (на) люди, но оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружинѣ на оружье»¹¹⁵, ставило во главу угла новые задачи, в центре которых было создание так называемого «праведного суда» по наиболее сложным и актуальным правовым конфликтам. В Похвале Владимиру Мономаху создатели древнего сборника Мерило Праведное писали о нем, как о «мудром кормчем», который «заступника во истину въстави, устрашающа словеса на суде, храняща истину во веки, творяща суд и правду посреде земля»¹¹⁶. По словам создателей сборника, Владимир Мономах «добре добродетelmi въспита и украси, законоположении, аки некими стенами чудными, свое стадо крестьянское огради и камень твердости в основу вложи...»¹¹⁷. Новый «Свод» актуальных законов в лице Пространной Правды и был призван быть этими «чудными стенами», ограждающими общество от социальной эрозии и бесправия.

¹¹⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 104.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Мерило Праведное. С. 9–10.

¹¹⁷ Там же.

Вместе с тем «Свод» законов Киевской Руси не создавался изолированно от тогдашних эталонов в области кодификации феодального права. Лишь обстоятельная системность работы древнерусских юристов по созданию справочников, которая не обходила вниманием юридическое римско-византийское наследие, обеспечила древнерусскому феодальному обществу многообразное и в конечном счете весьма стремительное развитие государственно-правовой надстройки.

ПЕРЕЧЕНЬ СПИСКОВ

Пространной Русской Правды Синодально-Троицкой Группы

3. Чудовский	1499 г.
4. Розенкамповский	XV в. кон.
5. Троицкий V	XVI в. кон.
6. Список Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина [ныне — РНБ. — Примеч. ред.]	XV в. кон.
7. Соловецкий II	XVI в. нач.
8. Троицкий II	XVI в. нач.
9. Царского II список	XVI в. вторая пол.
10. Крестининский	XV в. кон.
11. Овчинниковский I	XV в. кон.
12. Академический II	XVI в. нач.
13. Антониево-Сийский	XVI в. нач.
14. Ионовский	XVI в. кон.
15. Троицкий III	XVI в. нач.
16. Музейский I	XVI в. вторая пол.
17. Возмицкий	1533 г.
18. Забелинский	XVII в. кон.
19. Ферапонтовский	XVI в. сер.
20. Толстовский II	XVI в. вторая пол.
21. Фроловский I	XVI в. кон.
22. Соловецкий IV	XVI в. вторая пол.
23. Егоровский IV	XVI в. кон. — XVII в. нач.
24. Архивский II	XVI в. кон.
25. Румянцевский II	1620 г.
26. Рогожский II	XVII в. нач.
27. Кирилло-Белозерский I	XVI в. вторая пол.

28. Кирилло-Белозерский II	1590 г.
29. Погодинский II	XVII в. первая пол.
30. Погодинский III	XVII в. вторая пол.
31. Царского III список	XVII в. первая пол.
32. Хлудовский	XVII в. первая пол.
33. Никифоровский	XVI в. вторая пол.
34. Софийский	1470—1490 гг.
35. Румянцевский	XV в. кон.
36. Вязниковский	XV в. вторая пол.
37. Ярославский	XV в. кон.
38. Прилуцкий	1534 г.
39. Соловецкий III	1519 г.
40. Архивский I	XV в. нач. — XVI в. кон.
41. Егоровский I	XVI в. нач.
42. Царского I список	XVI в. сер.
43. Овчинниковский II	1518 г.
44. Хворостининский	XVI в. кон.
45. Толстовский III	XVI в. кон.
46. Егоровский II	XVI в. вторая пол.
47. Годуновский II	XVI в. вторая пол.
48. Фроловско-Браиловский	XVI в. вторая пол.
49. Троицкий	XIV в.
50. Синодальный II	1467—1481 гг.
51. Кирилло-Белозерский	XVI в. сер.
52. Синодальный III	1587 г.
53. Новгородский	1280 г.

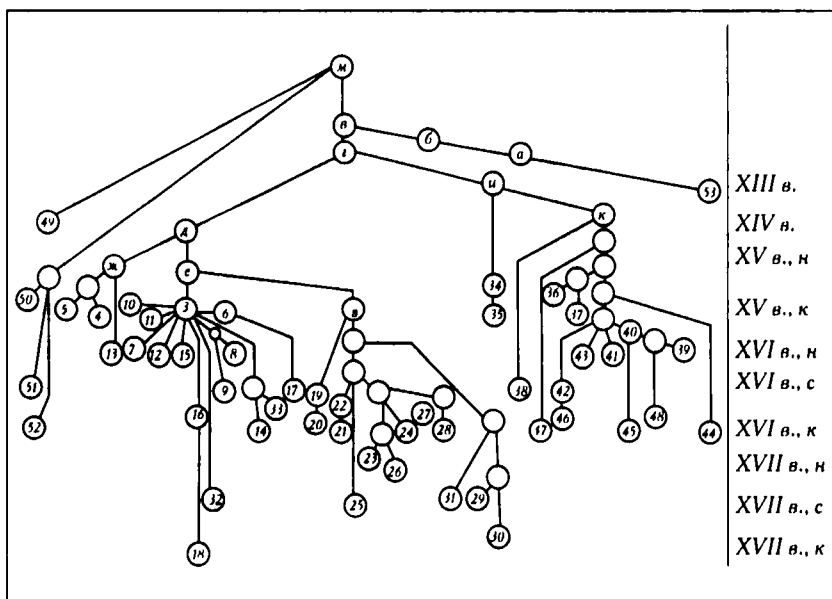
Элементы стеммы с арабской нумерацией — реально сохранившиеся списки.

Элементы стеммы, помеченные буквенной нумерацией — наиболее древние, ключевые для генеалогии протографы. Из них элемент «М» — основной протограф извода Мерил Праведных, элементы «Ж», «Е» — основные протографы Чудовского (Розенкамповского) извода, элемент «Э» — основной протограф Ферапонтовского извода, элементы «И», «К» — основные протографы Новгородско-Софийского извода.

Пустые элементы стеммы — остальные протографы, вычисленные на ЭВМ.

Приложение

Генеалогическое древо списков Пространной Русской Правды Си-
нодально-Троицкой группы

Опубл.: Вестник Московского университета.
Серия 8: история. 1989. № 1. С. 3–29.

ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Система судебных наказаний в первые века древнерусской государственности прошла, стремясь к византийским образцам, сложный путь развития. Складывающемуся государственному механизму на первых этапах становления пришлось опираться на традиции обычного права разлагавшегося родоплеменного общества, применявшего, как известно, в качестве наказания за различного рода преступления систему денежных штрафов. В Древней Руси традиция взимания таких штрафов была особенно прочной. Столь грандиозное событие в истории, как крещение Руси в конце X в., всегда вызывало у исследователей вопрос: ведь принятие христианства должно было означать восприятие не только христианских религиозно-идеологических догматов, но и тщательно разработанной обширной системы церковного права, касающейся не только церковных людей, но и мирян (особенно в области семейно-брачных отношений, наследственного права и т.п.).

Однако историки практически не знают, решалась ли в реальности такая задача, применялись ли на Руси византийские нормы права. В дореволюционной, да и советской, литературе в течение вот уже целого столетия считается, что основным памятник византийского церковного права (Номоканон XIV титулов без толкований) попал на Русь из Болгарии, где был переведен с греческого в конце IX — начале X в.¹ Что же касается византийского свода законов, известного под названием Эклога («избранные законы»), то до недавних пор считалось, что он также пришел к нам из Болгарии, хотя время его проникновения на Русь было, по существу, неизвестно². Единственный текст Эклоги, которым пользовались исследователи, это текст Печатной Кормчей 1650 г. Практически неизвестным был Троицкий список XIV в. из юридического сборника «Мерило Праведное»³. О нем мимоходом упомянул в курсе лекций

¹ См. об этом: *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978.

² *Мерило Праведное по рукописи XIV века.* М., 1961.

³ См., напр.: *Saturnik Th. Príspevky k širehi byzantského práva u slovanů.* Praha, 1922; *Васильевский В. Г.* Законодательство иконоборцев // Труды В. Г. Васильевского. Л., 1930. Т. IV.; *Андреев Мих.* Римское право и славянскато Еклога (за някои отклонения на славянската Еклога от римското право) // Годишник на

В. О. Ключевский⁴. Еще в XIX в. об этом сборнике установилось господствующее мнение как о памятнике, возникшем на основе Сербской Кормчей не ранее конца XIII в. Иначе говоря, возможность наличия в нем более древних текстов и не предполагали⁵. В 50-х гг. XX в. с текстом Эклоги из «Мерила Праведного» ознакомился болгарский историк М. Андреев, снова оценивший его как древнеболгарский перевод.

Между тем автору этих строк удалось доказать, что текст Эклоги из Троицкого сборника «Мерило Праведное», как и все сохранившиеся списки «Мерила Праведного» и Кормчей в соединении с «Мерилом Праведным», представляет собой полный перевод византийского свода законов 20—30-х гг. VIII в., сделанный не в Болгарии, а в Древнерусском государстве⁶. Основным аргументом в пользу древнерусской принадлежности перевода памятника послужил характер лексики. В нем содержится довольно солидная группа чисто древнерусских юридических терминов, то есть таких языковых явлений, которые возникли в среде восточных славян в период после миграции части племен из Среднего Поднепровья на Балканы (VI — начало VIII в.). В частности, речь идет о широком употреблении в полном переводе Эклоги термина «задница» в значении выморочного или завещанного имущества, а иногда и наследства. Этот термин встречается в переводе статей 6 и 7 пятого титула, первой статьи седьмого титула, пятой статьи шестнадцатого титула Эклоги. В старославянских (древнеболгарских) текстах такого термина нет. Там есть лишь праславянское «задница» в первичном понятии «седалище», то есть место, которым человек сидит.

К числу особенностей древнерусского перевода Эклоги относятся и его неточности, свидетельствующие о невозможности адекватного перевода богатой юридической терминологии Византии VIII в. на язык гораздо более отсталого, малоразвитого общества. Так, в серии статей

Софийския университет. Юридически факултет. Т. 1 (50). 1959; *Ганев В.* Закон Соудный людемь: I Правно-исторически и правно-аналитически проучвания. София, 1959 и др.

⁴ *Ключевский В. О.* Курс русской истории Ч. 1. Лекция XIV // Соч. М., 1956. Т. 1 С. 227

⁵ *Павлов А. С.* Книги законные. СПб., 1885. С. 16. Такого же мнения придерживался и М. Бенеманский (см. *Бенеманский Мих.* Закон Градской. М., 1917. С. 88).

⁶ *Милов Л. В.* О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1 [см. также настоящее издание, с. 79—110 — примеч. ред.].

Эклоги, посвященной проблеме легатов (посмертных даров) и легатариев (тех лиц, которым легаты завещаны), древнерусский переводчик также употребил термин «задница» (статьи 7, 11, 12 шестого титула и др.). Иначе говоря, переводчик не стал (не мог!) делать различие между понятием «оставшегося после умершего имущества» и «посмертного дара», которым в Византии распоряжался основной наследник. К числу чисто русских приемов работы переводчика относится передача термина «легатарий» словом «задничник», что, возможно, было новообразованием.

Вторым очень важным моментом в пользу сугубо древнерусского происхождения перевода Эклоги является применение весьма древнего термина «госпо́да» (жен. рода) в значении «полная собственность». Сам по себе термин «госпо́да» очень архаичный и, видимо, праславянский (в значении «гостиница» он сохранился у всех славянских народов). Но в значении «власть, господство» он известен только историческим текстам Древней Руси. Первоначально эта «власть» понималась как совокупность «господ» («госпо́да» — собирательное). Об этом свидетельствует ряд текстов (Хроника Георгия Амартола, л. 146 об.; Сказание о Борисе и Глебе, л. 131: Новгородская летопись под 6906 годом; Псковская Судная грамота и др.). Древнерусский переводчик Эклоги, столкнувшись с необходимостью передать понятие «полная собственность» (титул XVII, статья 12: «...Если же не захочет получить своего раба, то пусть отдаст его в полную собственность тому, кто подвергся краже»), прибег к термину «госпо́да». В древнеболгарских текстах такого термина в значении «власть, господство» нет, там встречается «госпо́да» лишь в значении «гостиница», как и в сербохорватском, словенском, чешском, словацком, польском, лужицких языках (гостиница, постоялый двор и т. д.).

Между прочим, предшествующие поколения исследователей становились сторонниками древнеболгарского происхождения перевода Эклоги из-за текста XVIII титула Эклоги. Во всех сохранившихся текстах славянского (древнерусского) перевода греческого варианта текста, известного под названием *Ecloga privata*, этот титул содержит сугубо южнославянский термин «жюпан» в значении «полководец», «глава области» и т. п. Однако автором этих строк было доказано, что текст XVIII титула, стоящий во всех списках, сохранившихся в России, перед XVII титулом Эклоги, представляет собой результат более позднего (может быть, в конце XIII в.) исправления дефектно-

го текста архетипа, от которого ведут происхождение все известные нам тексты⁷. В архетипе вторая часть XVIII титула «О разделении добычи» была просто утрачена. Древнерусские юристы, обладавшие обширными познаниями в области рецепции византийского права, использовали для восстановления утраченного текста древнеславянскую компиляцию из Эклоги, известную под названием «Закон Судный людем» (судя по новейшим работам, создателем ее был один из славянских первоучителей Кирилл-Константин). Так, в полном переводе Эклоги во второй части XVIII титула появился текст, заимствованный из статьи «О полоне» «Закона Судного людем». В нем в неприкосновенности сохранился ряд дополнений и изменений, внесенных в греческий текст создателем «Закона Судного людем», которых нет ни в одном греческом списке Эклоги (в частности, фраза: «тако бо и глаголано и писано от пророка Давыда»). Все это понималось как зависимость ряда фрагментов славянского перевода Эклоги от «Закона Судного людем», как свидетельство общей среды (В. Ганев), в которой появились оба памятника.

Вот это место, попав в текст Печатной Кормчей (а также ряд терминов и редакторских искажений, сделанных при подготовке Печатной Кормчей в XVII в. в Москве), и способствовало рождению легенды о древнеболгарском переводе Эклоги.

Важнейшей задачей является установление времени создания древнерусского перевода Эклоги.

В древнейшей летописи есть текст, относящийся к эпохе крещения Руси, где речь идет о том, что, собравшись вместе, церковные иерархи, «епископы» предложили Владимиру Святославичу ввести за разбой наказание в виде казни (причем имелась в виду не только смертная казнь, а и казнь как телесное наказание). Летописная статья Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, повествующая об этом, помещена под 996 годом, т.е. отнесена ко времени сразу же после создания митрополичьей кафедры в Киеве и, вероятно, начавшейся процедуры образования епископий. Иначе говоря, основная структура церкви была уже сформирована, и можно полагать, что были готовы и средства, реализующие юрисдикцию церкви.

⁷ Милов Л. В. О происхождении Пространной Русской Правды // Вестник Московского университета. Серия 8: история. 1989. № 1. С. 9–10 [см. также настоящее издание, с. 284–285 — примеч. ред.].

Предложение круто изменить систему традиционных наказаний, сделанное епископами, было, вероятнее всего, подготовлено изучением норм византийского права. Еще в конце 60-х гг. нашего века польский историк А. Поппе предположил, что применение казни за «разбой», предложенное Владимиру, подразумевало введение в практику норм византийского права. Эта версия удивительно логично подтверждается исследованием полного перевода Эклоги, сделанного, скорее всего, в Киеве под патронажем церкви. Архаичный характер перевода вполне соответствует эпохе конца X — начала XI в. Ведь епископы должны были предложить конкретные юридические пособия, и этим пособием, вероятнее всего, и был исследованный нами перевод Эклоги.

Далее следует заметить, что в той же статье 996 года сразу же отмечена и неудача нововведения: ведь те же епископы вместе со старцами через какой-то период времени подняли вопрос о том, что для большого войска необходимо оружие и кони, которые раньше приобретались на средства, полученные от денежных штрафов.

Епископы Владимира, предложившие ему отказаться от взимания вирных платежей и ввести в действие византийские законы, вероятнее всего, использовали дошедший до нас древнерусский текст Эклоги, включенный затем, на каком-то этапе, в юридический сборник «Мерило Праведное», ибо в Эклоге содержались нормы наказаний за убийство и за ряд правонарушений, граничащих с убийством, чреватых убийством и т.п.

Наказания эти сосредоточены главным образом в XVII титуле Эклоги (ст. 45, 46, 47, 48, 49, 50), а более полудесятка преступлений, предусмотренных Эклогой, могут квалифицироваться как «мягкие формы» разбоя (XVII, ст. 1, 4, 5, 13, 14, 16, 24, 30)⁸. За все эти преступления полагалась не только смертная казнь, но и другие виды «казни» (отсечение носа, руки, языка), а также изгнание, наказание плетью и т.п.

Ряд наблюдений, позволяющих подтвердить высказанную гипотезу, можно увидеть в самом тексте собственно древнерусского перевода Эклоги. Перевод этот в точности повторяет основную структуру гре-

⁸ Эклога: Византийский законодательный свод VIII в. / Вступ. ст., перевод, коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1963 (далее — Эклога). См. также: *Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V / Hrsg. L. Burgmann. Frankfurt am Main, 1985* (далее — *Ecloga*).

ческих текстов (в варианте *Ecloga privata*) как по порядку титулов («за-чатков»), так и по разбиению их на отдельные статьи или параграфы. В частности, варианту *Ecloga privata* четко соответствует перестановка XVI титула в текст между V и VI титулами. Вместе с тем в отличие от греческих списков в русских текстах в VIII титуле нет статей 8 и 9, а о том, что XVIII титул слит с XVII титулом и поставлен впереди него, мы уже упоминали.

Важным отличием древнерусской редакции Эклоги является стремление переводчика-юриста дать титулам Эклоги более подробные, чем в оригинале, заголовки. Больше того, он ввел особые заголовки к отдельным статьям почти всех титулов или к целым группам статей, объединенных в целостные новые разделы тех или иных титулов.

Больше того, вполне вероятно, что древнерусский юрист подобрал для XVII титула специальный вариант греческого списка, где в начале расположены наиболее важные для древнерусского социума статьи титула. В традиционном официальном тексте теперь следовали лишь три первые статьи (1 — о праве провинившегося субъекта укрыться в церкви и праве иерея обеспечить законное расследование в отношении его; 2 — о ложной клятве на евангелии; и 3 — о заговорщиках и поднимающих восстание против императора)⁹. Однако потом сразу же идут статьи 45, 46, 47, 48 и 49. В новой редакции им присвоены теперь номера глав: 4, 5, 7, 8 и 6. Последующие главы (9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20 и 21) взяты из самых разных мест текста (это статьи официальной Эклоги 27, 30, 32, 24, 31, 33, 36, 29, 19, 20, 21, 22, 38 и 39)¹⁰.

⁹ Еще на первом этапе исследования нами было установлено, что архетип всех сохранившихся ныне текстов древнерусского перевода Эклоги имел в титуле XVII дефект, заключающийся в отсутствии (утрате) текста первых двух статей и начала третьей статьи. См.: Милов Л. В. О древнерусском переводе... С. 143–144 [см. также настоящее издание, с. 81–83 — примеч. ред.].

¹⁰ Эклога. С. 69–72; *Ecloga*. S. 230–236. На эти изменения в общей форме указывал еще В. Г. Васильевский, который судил о тексте лишь по Печатной Кормчей 1650 г. В. Г. Васильевский обратил внимание только на то, что этим изменениям нет аналогов ни в одном известном ему греческом списке Эклоги. См.: Васильевский В. Г. Указ. соч. С. 185–186. Опираясь на это наблюдение, автор этих строк расценил порядок статей XVII титула Эклоги как итог редактур в самом Киеве, в то время как новейшая публикация текстов Эклоги Л. Бургманом показывает, что такая структура свойственна уцелевшим греческим спискам *Ecloga privata*. Следовательно, возможно, что именно из-за этой особенности порядка статей XVII титула *Ecloga privata* и была взята для киевского перевода.

На наш взгляд, такой порядок статей в XVII титуле Эклоги соответствовал их актуальности и прямому практическому назначению в контексте реформ Владимира Святославича. Иначе говоря, он связан с двумя важнейшими моментами: а) крещением населения страны и б) резким обострением преступности (так называемого «разбоя»). Именно поэтому вслед за первыми статьями, направленными на мощную поддержку новой религии и борьбу с выступлениями против нее и государственной власти вообще, в использованном варианте данного титула Эклоги сразу же следуют статьи 4 и 5 (ст. 45, 46) о карах за предумышленное убийство, за удар мечом, повлекший смерть или ранение потерпевшего. В 6-й главе (ст. 49) разбирается факт смерти раба от плетей или палочных наказаний (что, кстати, не карается), а также от отравления ядом, истязаний или пыток огнем, т.е. в тех случаях, когда смерть раба наказывается той же карой, что и убийство. В главе 7 (ст. 47) предусмотрена кара за драку, в итоге которой была смерть от удара дубиной или тяжелыми камнями или от удара ногой, за что отсекалась рука. В особой главе 8 (ст. 48) речь идет о смерти от удара рукой в драке.

Эта серия статей удивительно созвучна по духу своему, по своей, так сказать, «идеологии» легендарному тексту «Повести временных лет» («И умножишася зело разбоеве. И реша епископы Володимеру: се умножишася разбоеве, почто не казниши их?»).

Вслед за статьями о различного рода убийствах в принятом древнерусскими юристами варианте титула «О казнях» идет не менее актуальная (в связи с принятием христианства) серия статей, направленная на укрепление семьи и новой христианской морали в отношениях мужчины и женщины. Это глава 10 (ст. 30, о карах за изнасилование девушки), глава 11 (ст. 32, о бесчестии чужой невесты), глава 12 (ст. 24, о похищении девушки или монахини), глава 14 (ст. 33, о кровосмешении и нарушениях отношений свойства в рамках большой патриархальной семьи), глава 15 (ст. 36, о жене, забеременевшей от другого), глава 16 (ст. 29, о связи с девушкой с ее согласия), глава 17 (ст. 19 и 20, о женатом и неженатом развратнике), главы 18 и 19 (ст. 21, 22, о связи женатого со своей или чужой рабой). Несохранившиеся главы 20 и 21 соответствовали статьям 38 и 39 о мужеложестве и скотоложестве. Под номером 22 идет статья 51 о клеветниках, а под номером 23 — статьи официальной Эклоги 42, 43 и 44, об отравлении жены мужем

или наоборот, о карах за колдовство, знахарство и амулеты. Глава 24 посвящена соблазнению монахини (ст. 23), глава 25 (ст. 34) наказывает за связь мужчины с женщинами, являющимися матерью и дочерью, а глава 26 (ст. 35) наказывает за двоеженство. Наконец, глава 27 соответствует статье 50 официального текста Эклоги и посвящена она собственно разбойникам.

Таким образом, в позднейшей редакции Эклоги вслед за серией разбойных дел идет целая серия статей (ст. 10–26), в которой сконцентрированы меры пресечения правонарушений в области христианской морали, наиболее актуальных для общества, только что принявшего новую религию.

Вместе с тем и в остальных статьях XVII титула, поставленных во вторую половину титула, есть также немало сюжетов, касающихся отношений мужчины и женщины (по официальной версии греческого текста это ст. 4, 6, 14, 15, 25, 28, 37 и 52). Остальные же 13 статей можно отнести к области чисто светского права.

Итак, из приведенных выше наблюдений может быть сделан довольно уверенный вывод о том, что за глухим летописным легендарным сказанием о мерах против «умножения разбоев» скрывалась бывшая в реальности крупная правовая реформа, представлявшая собой не только введение системы жестоких наказаний за предумышленные убийства и разбойные нападения, но и практику внедрения византийского правового обеспечения норм христианской морали, охраны церкви и служителей культа. Реальным средством осуществления этой политики должен был стать прежде всего комплекс статей, сосредоточенных в XVII титуле Эклоги¹¹.

Однако практика стремительного перехода к принципам византийских наказаний потерпела крах. В рассказе летописи о событиях, связанных с отменой *вир* и введением «казни», в сжатом виде несомненно отражается довольно протяженный период действия византийских норм права. И через какое-то время (5 или 10 лет — об этом можно только догадываться) те же видные деятели государства забили тревогу в связи со стремительным истощением казны

¹¹ Впервые в качестве предположения этот вывод был сделан в 1986 г. См.: Милов Л. В. Некоторые вопросы истории культуры Древней Руси (о книге Б. А. Рыбакова «Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки») // Вестник Московского университета. Серия 8: история. 1986. № 6. С. 36–37.

(«И реша епископы и старцы: «Рать многа, оже вира — то на оружьи и на коних буде». И рече Володимер: «Тако буди!» И живяше Володимер по устроенью отню и дедню»¹²). Следовательно, с прекращением поступлений в казну «вир», а возможно, и «продаж» образовался острый «бюджетный дефицит». В итоге стало очевидным, что отмена системы судебных штрафов невозможна, и вследствие этого Древнерусское государство вновь вернулось к традиционным распорядкам.

Открытие столь интересного факта неудавшейся правовой реформы Владимира Святославича создает новый исторический контекст, позволяющий по-новому объяснить и причины появления Правды Ярослава, и причины существования в составе ее, наряду с правовыми новациями, элементов глубокой архаики в лице знаменитой первой статьи, утверждающей законность и незыблемость кровной мести.

Дело в том, что византийские законы XVII титула Эклоги карали за убийство человека казнью мечом, т.е. смертной казнью (ст. 45, 46). Следовательно, с вводом Эклоги в действие институт кровной мести на Руси, так сказать, «автоматически» прекратил свое существование, как и сама практика вирных платежей и продаж за действия, влекущие смерть или чреватые смертью пострадавшего. После какого-то, вероятно, довольно протяженного по времени периода применения в Руси санкций Эклоги вынужденный отказ Владимира от византийских норм физических наказаний (отсечения носа, руки, языка, избияния плетьюми, острижения, изгнания и смертной казни) тем самым вернул юридическую практику судопроизводства к старым нормам. Причем, каков был по форме этот отказ, мы не знаем. Можно лишь предположить, что отказ этот создал на какой-то период ситуацию неопределенности, дававшей почву для своеволия в текущей практике наказаний. В целях преодоления этой своего рода нестабильности, возможно, и была создана Правда Ярослава¹³.

Первая статья Правды Ярослава возвращает общество к прежней традиции, и именно поэтому создатель ее вынужденно декларирует

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126–127.

¹³ Подробнее об этом см.: *Милов Л. В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право / Ius antiquum. М., 1996. № 1 [см. также настоящее издание, с. 125–152 — примеч. ред.]*.

общее положение о кровной мести. Но поскольку основной целью реставрации была не сама кровная месть, а возвращение к практике взимания виры и продаж, то древнерусские юристы прежде всего резко ограничили круг родственников-мстителей.

Таким образом, перед нами факт тесной, хотя и, так сказать, обратной взаимосвязи бытования норм права Эклоги и первой статьи Древнейшей Правды. Больше того, факт замещения византийских правовых норм нормами древнерусскими можно увидеть и в довольно большом сходстве отобранных древнерусскими юристами типов наказуемых Правдой преступлений. Иначе говоря, сама тематика установлений Эклоги была в существенной мере использована, и отвергнутый византийский свод послужил основой для разработки местными киевскими юристами уже своих законов с применением традиционных наказаний (Закона Русского). Схож даже порядок следования сюжетов преступлений.

Таким образом, при всей неясности деталей процесса возврата к старой практике борьбы с грабежами и убийствами вполне очевидно, что именно Древнейшая Правда была здесь наиболее кардинальным шагом, причем ведущим не только к прошлому, но и к будущему.

Впрочем, довольно загадочной вехой на этом пути, вероятно, был еще и Церковный устав Владимира.

Представляется немаловажным и многозначительным, что Древнейшая Правда, состоящая из 16 статей, совсем не касалась внедрения христианских норм половой нравственности. А ведь древнерусский перевод Эклоги уделял этим вопросам большое внимание. Думается, что разрешить это своего рода противоречие помогает именно Церковный устав Владимира. Его текст в наиболее архаичном варианте Оленинской редакции очень сложен и, возможно, является итоговым текстом, суммирующим несколько разновременных постановлений. Упоминание же в тексте имени княгини Анны позволяет полагать, что первые льготы церкви были даны в конце X — начале XI в. (до смерти Анны в 1011 г.).

При этом вполне возможно, что византийские санкции в отношении нарушения норм новой христианской морали и половой нравственности Владимиром не были отменены. В этой связи становится понятным, почему в Церковном уставе Владимира лишь перечислены виды преступлений и нет самих конкретных видов наказаний. Однако в то же

время наказания были в Эклоге¹⁴: 1. «Роспусты» — титул II, ст. 14, 15; 2. «Смильное» — титул XVII, ст. 19, 20; 3. «Заставание» — титул XVII, ст. 19, 20; 4. «Умыканье» — титул XVII, ст. 24 (но это не обрядовое похищение); 5. «Пошибание» — титул XVII, ст. 24, 30; 6. «Промежи мужем и женою о животе» — титул XVII, ст. 9, 11; 7. «О племени или о сватовстве поимуться» — титул XVII, ст. 33; 8. «Ведовство» — титул XVII, ст. 43; 9. «Урекание» — титул XVII, ст. 51 (клевета могла быть ложным обвинением в виде оскорбления); 10. «Узлы» — титул XVII, ст. 44; 11. «Зелье» — титул XVII, ст. 42, 43; 12. «Еретичество» — титул XVII, ст. 52; 13. «Иже истяжутся о заднице» — титул XVI, ст. 1, 2, 4, 5 и др.

Итак, лишь в трех случаях в Эклоге нет соответствия в фиксации преступлений, на которые распространяется юрисдикция церковных судов Руси («зубоядение», «иже отца и матерь бьют», «или сын и дочи бьется»).

В связи с этим стоит подчеркнуть, что в подавляющем большинстве случаев преступления, названным в Церковном уставе Владимира, соответствуют строго определенные одна—две статьи Эклоги. Иначе говоря, практическая ситуация была, с точки зрения выбора церковным судом санкции, максимально упрощена. И это является еще одним аргументом, убеждающим в том, что Устав Владимира составлял как бы целостный комплекс с действующими нормами Эклоги, хотя уже передавал часть судопроизводства церкви.

Следующим важнейшим и известным нам шагом в процессе рецепции византийского права в Древней Руси было создание Церковного устава Ярослава Мудрого в середине XI в. На этот раз система наказаний была сконструирована очень осторожно, в духе раннехристианских судебных книг типа «Закона Судного людем»¹⁵. Суть этих судебных книг в том, что они назначают за одно и то же преступление альтернативные наказания. В частности, в «Законе Судном людем» дается возможность выбора либо церковного покаяния с соблюдением строгого поста (епитимия), либо византийской нормы наказания (усекновение руки, носа,

¹⁴ Российское законодательство X—XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 139—140; Эклога. С. 44—73; см. также: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976.

¹⁵ См.: Милов Л. В. Устав Ярослава (к проблеме типологии и происхождения) // Русско-български връзки през вековете. София, 1986 [см. настоящее издание, с. 261—274 — примеч. ред.]

битье плетью, изгнание и штраф). В Уставе Ярослава предложено сразу несколько принципов наказания за те или иные прегрешения или преступления,

Во-первых, Устав на основе традиционных норм права, оставляя в компетенции церкви определенные типы судебных дел, устанавливает размеры денежных штрафов, идущих в пользу церкви. Однако помимо денежной системы наказаний в нем присутствуют и альтернативные наказания епитимией, в одних случаях сформулированные четко (статьи 14, 15, 18, 19 и др.), а в других — менее определенно (статьи 32, 33, 34, 35, 36). В отличие от «Закона Судного людем» в Уставе Ярослава нет сколько-нибудь конкретных описаний характера той или иной епитимии. Объясняется это тем, что, создавая «Закон Судный людем», Кирилл-Константин, не имея славянского перевода Кормчей, должен был давать конкретное изложение процедуры той или иной епитимии. Устав Ярослава в отличие от «Закона Судного людем» создавался в то время, когда на Руси уже был свой, древнерусский перевод Номоканона XIV титулов без толкований. Для создателей Устава представлялось достаточным в начале текста и в конце его торжественно заявить, что все наказания должны соответствовать Номоканону и «правилам святых отец». Да и конкретное изложение процедур церковного наказания по Кормчей книге дело крайне сложное. Выбор его, таким образом, целиком возлагался на духовного иерарха («а епископу — в вине», «а во епитимии и в казни по закону» и т.д.). Таким образом, чрезмерный лаконизм Устава Ярослава в нормах альтернативных наказаний вполне объясним.

Помимо Номоканона XIV титулов, одним из юридических источников тех или иных альтернативных наказаний, возможно, была уже упомянутая здесь Эклога. Дело в том, что в Уставе альтернативные церковные наказания предусмотрены не повсюду, а в основном в статьях о нравственных преступлениях и поступках, и выступают они как средство вовлечения в лоно христианской религии. Мягкость этих норм сильно контрастирует с непомерно высокими нормами денежных штрафов (в большинстве списков Устава, дошедших до нас почти всегда в искаженном виде). В ряде других случаев наряду с денежным штрафом стоит санкция: «а князь казнит» (статьи 2, 3, 4, 7, 8, 13, 14, 25, 26). Эта, третья, разновидность наказания чаще всего стоит там, где речь идет о наиболее тяжких с точки зрения христианской морали преступлениях, хотя в расположении этой санкции по статьям в большинстве списков памятника много позднейших искажений. Вполне

возможно, что в лице этой системы наказаний мы вновь имеем дело с попыткой применить юридические нормы византийской Эклоги. Ведь за похищение светской девушки и ее обесчещение Эклога карает отрезанием носа и изгнанием сообщников (§ 24, XVII), отрезанием носа карается и изнасилование (§§ 30, 31, XVII) и т.п. Возможно, что санкции Эклоги имеются в виду в статье 8 Устава Ярослава о блудящем муже (§ 19 XVII титула предусматривает наказание с 12 «смен» ударов), в статье 16 Устава Ярослава о двоеженце, где повторное преступление влечет санкцию: «казнию казнить его» (в § 35 XVII титула за это следует наказание плетью и изгнанием второй жены) и т.д.

Использование Эклоги при применении Устава Ярослава столь же логично, сколь логично и применение епитимийных наказаний по Номоканону XIV титулов без толкований. Заметим, однако, что использование санкции Эклоги в Уставе Ярослава проведено эпизодически и весьма гибко и осторожно — лишь как один из возможных вариантов наказания.

Во втором десятилетии XII в. появляется новый «свод» законов — «Русская Правда Пространной редакции». Не исключено, что в выборе ряда юридических проблем древнерусские юристы-кодификаторы, работавшие над ней, ориентировались на Эклогу как на своего рода образец собрания важнейших установлений. Так, статьи Пространной Правды об ограничении ростовщических процентов, серия статей о долговых работниках («закупах»), о купеческих кораблекрушениях, о средневековом ломбарде («о поклаже») и т.п. могут быть соотнесены с тематикой IX, X, XI, XIII, XV титулов Эклоги. Серия статей Пространной Правды о правах наследования вдов и сирот находит параллели в статьях II, III, IV, V, VI, VII титулов Эклоги. Автор этих строк попытался доказать, что серия статей о наследственных правах вдов и сирот появилась в древнерусском «своде» как итог внимательного изучения и творческой переработки материала византийской Эклоги¹⁶. Эта серия статей Пространной Правды может быть названа «Уставом о наследстве». Статьи этого устава отражают главный итог социального развития общества в X—XI вв. — превращение малой семьи в социальную ячейку общества,

¹⁶ Милов Л. В. О происхождении Пространной Русской Правды. С. 18–24 [см. также настоящее издание, с. 297–306 — *примеч. ред.*].

хотя о полном ее выделении из рамок более крупной ячейки говорить еще слишком рано. Стимулирование развития малой семьи опиралось прежде всего на сужение круга наследников вдовой и детьми, резким усилением роли матери-вдовы. Этим акцентом на роль вдовы статьи Пространной Правды отличаются от санкций Эклоги, но отличаются только уменьшением внимания к вдовцу и его правам. В ряде случаев древнерусская переработка норм Эклоги не подлежит сомнению.

Необходимо отметить, что восприятие греко-римских норм права после Владимира Святого совершалось более гибко и осторожно.

В целом же традиционные нормы наказаний в древнерусском праве уступали место новым санкциям чрезвычайно медленно. Лишь с началом эпохи единого Русского государства (примерно с XV в.) процесс рецепции византийского права стал заметно более активным.

*Опубл.: Судебник 1497 г. в контексте истории
российского и зарубежного права. XI–XIX вв.
М., 2000. С. 97–107.*

Указатель имен

- Алексеев Ю.Г.* 169, 170, 176, 302, 305
Алексей, архиепископ новгородский 197
Анастас Корсунянин 129
Андреев М. 77, 79, 87, 125, 173, 174, 314, 315
Анна, княгиня 323
Арсений 212
Арциховский А.В. 208
Афанасий, игумен 193
- Беляев И.Д.* 139, 149
Беляев П.И. 139, 152
Бенеманский М. 63, 80, 99, 111, 174, 212, 260, 315
Бенешевич В.Н. 80, 234–236, 241, 267, 279
Берж К. 30, 34
Бодянский И.О. 238
Бодянский О.М. 286
Болтин И.Н. 276
Борис Александрович, князь тверской 194
Бородкин Л.И. 27, 71, 279
Брике Г.
Бургманн Л. (Burgmann L.) 127, 157–160, 176, 285, 318, 319
Буслаев Ф.И. 237
- Василий Великий* 269, 270
Василий Дмитриевич, великий князь московский 194
Васильевский В.Г. 79–81, 84, 86, 87, 97, 125, 135, 273, 314, 319
Вассиан 260
Вашица И. (Vašica J.) 64, 241, 265, 267
Вейнгард 97
Владимир Святославич, князь киевский 3, 4, 127, 128, 130, 131, 138, 139, 145, 151, 162, 178–180, 182–184, 187–189, 273, 308, 309, 317–324, 326
Владимир Всеволодович Мономах, князь киевский 4, 162, 171, 172, 225–227, 229, 230, 276, 277, 280, 294, 305–307, 310
Владимирский-Буданов М.Ф. 142, 144, 149, 152, 155
Востоков А.Х. 238
Всеволод Ольгович, князь черниговский 277
Всеволод Юрьевич, князь владимирский 277
- Ганев В.* 5, 79, 125, 173, 286, 315, 317
Гвозденко К.С. 4
Гетц Л.К. (Goetz L.K.) 141, 152, 309
Голенищев-Кутузов Д. 152
Голубинский Е.Е. 261

- Голубовский П.В.* 17
Горский А. А. 4
Греков Б.Д. 6, 54, 139, 141, 275, 279
Григорович В.И. 238
Грыцько И. 154
- Даниил*, митрополит 260
Данилова В.М. 212, 213
Диодор Тарсянин 269
Дмитрий Александрович, великий князь владимирский 224, 225
Дмитрий Иванович Донской, великий князь московский 194, 230
Добрыня 129
Дубенский Д.Е. 17, 149, 152, 153
Дурново Н.Н. 97, 155, 242
Дьяконов М.А. 152
- Ефросиния Полоцкая*, княжна 256
- Загоровский А.И.* 153
Зализняк А.А. 213, 222, 224, 231, 282
Зимин А.А. 4, 85, 139, 140–142, 153, 169, 261, 263, 275–277, 302
Златарский В. 236, 237
- Игорь*, князь киевский 130
Изяслав Ярославич, князь киевский 276
Иларий 212
Иларион, митрополит киевский 128
- Иоаким*, епископ новгородский 129
Иоанн Схоластик 155
Исайя, пророк 306
Истрин В.М. 97, 98, 239
- Калачов Н.В.* 63, 79, 80, 111, 112, 152, 174, 212, 288
Карамзин Н.М. 139, 152, 153
Каринский Н.М. 197, 210
Карский Е.Ф. 152, 197, 198, 212, 238
Киприан, митрополит 193
Кирилл (Кирилл-Константин), просветитель славян 64, 184, 242, 265, 266, 268, 317, 324
Кирилл II, митрополит Русский 225
Кириллин В.М. 143
Ключевский В.О. 141, 152, 174, 180, 297, 308, 315
Константин, император Византии 114
Копыленко М.М. 98
Костюхина Л.М. 217
Кучкин В.А. 18, 142, 224
- Лавров П.А.* 224
Ланге Н. 139, 153, 276
Леон (Лев), император Византии 114
Липищ Е.Э. 72, 74, 79, 80, 94, 99, 100, 103, 113, 115, 116, 118, 119, 121, 126, 157–159, 163, 177, 188, 271, 283, 318
Литаврин Г.Г. 161, 186
Лихачев Д.С. 27, 279

- Лихачев Н.П. 7
 Лопатин В.В. 18
 Любимов В.П. 8, 55, 58, 59, 66,
 197, 211

 Макарий (Булгаков) 129, 227
 Макарий, митрополит всея Руси 6
 Максимейко Н.А. 142, 152, 154
 Мефодий, просветитель славян
 64, 242, 266
 Мещерский Н.А. 98, 239
 Миклошич Ф. 238
 Милов Л. В. 3–5, 18, 55, 63, 71,
 74, 82, 113–115, 125, 127, 131,
 135, 136, 152, 155, 157, 158,
 162, 174, 176, 178, 184, 187,
 212, 213, 222, 247, 250, 261,
 267, 272, 279–282, 284–
 286, 296, 315, 317, 319, 321,
 322, 324, 326
 Михаил Александрович,
 князь тверской 194, 224,
 228, 230
 Михаил Ярославич,
 князь тверской, великий князь
 владимирский 228, 230
 Михаил, митрополит 129
 Моисей, архиепископ
 новгородский 197
 Морозова Л.Е. 47
 Морошкин Ф.Л. 152
 Мошин В. 217
 Мрочек-Дроздовский П.Н. 154,
 275–277
 Мусин-Пушкин А.И. 12, 14,
 16–18

 Напьерский К.Е. 193

 Неволин К.А. 297
 Никифор Исповедник 9
 Никифор, митрополит Киевский
 225–227, 280
 Никольский В.О. 165, 170, 297,
 299, 303, 304, 308
 Новосельцев А.П. 276, 277

 Обнорский С.Н. 237
 Олег, киевский князь 130
 Ольга, княгиня 107
 Орлов А.С. 242
 Орошаков Х.
 (Oroschakoff Н.) 5

 Павлов А.С. 63, 73, 79, 80, 112,
 155, 174, 185, 212, 235–237,
 242, 261, 315
 Пашуто В.Т. 185, 276, 277
 Пимен, архиепископ
 новгородский 6
 Погодин М.П. 151, 238
 Подобсдова О.И. 232
 Попов А. 227
 Поппе А. (Рорре А.) 130, 131, 179,
 318
 Пресняков А.Е. 152
 Приселков М.Д. 197
 Путята 129

 Рачка Фр. 238
 Рейц А. 128
 Рожков Н.А. 275
 Розенкамф Г.А. 112, 212
 Розов Н.Н. 128
 Рыбаков Б.А. 140, 161, 170, 181,
 303, 304

- Самуил, болгарский царь 238
Сатурник Т. (*Saturnik Th.*)
5, 79, 125, 173, 314
Свердлов М.Б. 4, 128, 139, 141,
144, 147, 149, 154
Святополк Владимирович,
князь 139
Святополк (Михаил) Изяславич,
князь киевский 225, 228, 277,
294
Святослав Ярославич,
князь киевский 103, 197, 277
Сергеевич В.И. 131, 143, 152,
275, 297
Сергий Радонежский 197
Симеон, болгарский царь 238, 242
Смирнов И.И. 212
Смирнов С.И. 225
Соболевский А.И. 73, 89, 97,
197, 239, 241, 242
Соколов Пл. 246
Сперанский М.Н. 155, 212, 225,
228, 242
Срезневский И.И. 6, 62, 65, 93,
99, 102–104, 153, 155–158,
177, 193, 209, 212, 235, 238,
244, 257, 263
Стратонов А.И. 139
Струбе де Пирмонт 152
Суворов Н.С. 5, 261
Сумникова Т.А. 18
Сухов А.А. 152
Сюзюмов М.Я. 158, 177, 178
Тарасий, патриарх
константинопольский 235
Татищев В.Н. 129, 139, 141,
153, 275
Тихомиров М. Н. 3–7, 12, 14, 19,
21, 26, 46, 55, 56, 58–61, 63,
66, 72, 74, 80, 81, 85, 111, 115,
140, 142, 154, 175, 181–183,
190, 191, 194, 198, 212, 224,
225, 228, 247, 261, 272, 275,
276, 279–282, 284, 288, 289,
293, 309
Тобин Э.С. (*Tobin E.*) 276, 277
Толстой Н.И. 239
Тришкан И.Е. 4
Троицкий (Троицки) С.В. 112,
235, 237
Удинцов В. 154
Фасмер М. 98
Федор, епископ ростовский 129
Флоринский Т. 258
Флоря Б. Н. 4
Фроже Дом.Ж. (*Froger Dom. J.*)
27, 44, 45
Хаусдорф 30
Христофилопулос А.
(*Χριστοφίλοπουλος Α.*) 177,
178
Цахариэ фон Лингенталь К.Е.
(*Zachariae von Lingenthal K. E.*)
177, 245, 246, 249, 252
Цитович П. 304
Черепнин Л.В. 4, 131, 139, 170,
172, 181, 275, 277, 295, 305,
308
Чернов В.М. 261, 265, 271
Черноуцов Е. 153

- Шафарик П.И.* 238, 239
Шахматов А.А. 140
Шевырев С.П. 212
Шушарин В.П. 276, 277
- Щапов Я. Н.* 112, 143, 153, 154, 173, 185, 187, 188, 234–240, 244, 261, 262, 264, 276, 277, 286, 314, 323
Щепкин В.Н. 224, 239
Щепкин Е.Н. 153
- Эверс И.Ф.Г.* 129, 144, 154, 275
- Юстиниан, император Византии 130, 155, 157, 177, 243
Юшков С.В. 85, 139, 140, 142, 143, 152, 261, 264, 275, 276
- Ягич В.* 237
Яковкин И.И. 139
Янин В.Л. 129, 154
 Янь Вышатич 142
 Ярослав Владимирович (Ярослав Мудрый), князь киевский 4, 139, 141, 144, 146–151, 153, 161, 162, 181–187, 189, 192, 237, 242, 259, 261–274, 309, 3220, 324–326
 Ярослав Святополкович, князь владимиристо-волинский 228
- Ярослав Святославич, князь муромский 225–227, 230, 280
- Burgmann L.* см. Бургманн Л.
Froger Dom. J. см. Фроже Дом.Ж.
Goetz L.K. см. Гетц Л.К.
Grives F. 235
Mehr J.C.B. 127
Oroschakoff H. см. Орошаков Х.
Roppe A. см. Поппе А.
Renaud 45
Saturnik Th. см. Сатурник Т.
Schmid H. F. 235
Tobin E. См. Тобин Э.С.
Vařica J. см. Вашица И.
Zachariae von Lingenthal K. E. см. Цахариэ фон Лингенталь К.Е.
Χριστοφίλοπουλος Α. см. Христфилопулос А.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРОВ 3

ЗАКОН СУДНЫЙ ЛЮДЕМ НА РУСИ

К истории текста Закона Судного людем
Пространной редакции 5

О некоторых аспектах автоматизации текстологического
исследования (Закон Судный людем)..... 27

К истории текста Закона Судного людем Краткой редакции... 71

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЭКЛОГА И ДРЕВНЕРУССКОЕ ПРАВО

О древнерусском переводе византийского кодекса
законов VIII в. (Эклоги)..... 79

Древнерусский перевод Эклоги в кодификационной
обработке конца XIII в..... 111

Легенда или реальность? (О неизвестной реформе
Владимира и Правде Ярослава) 125

Об «изводе пред 12 человека» Правды Ярослава..... 153

Византийская Эклога и Пространная Русская Правда
(проблемы рецепции)..... 162

Византийская Эклога и «Правда Ярослава»
(к рецепции византийского права на Руси)..... 173

К вопросу об истории церковного устава Владимира 187

О ДРЕВНЕРУССКИХ СБОРНИКАХ ЮРИДИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

- К истории древнерусского права XIII–XIV вв 190
- Из истории древнерусской книжной письменности XIV в.
(палеографические наблюдения) 197
- Тверская школа книжного письма второй половины XIV в.
(из истории Троицкого Мерила Праведного) 212
- О древнейшей истории Кормчих книг на Руси 233

ЦЕРКОВНЫЙ УСТАВ ЯРОСЛАВА

- Устав Ярослава (к проблеме типологии и происхождения) . . . 261

РУССКАЯ ПРАВДА

- О происхождении Пространной Русской Правды 275

ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВА В ДРЕВНЕЙ РУСИ 314

- Указатель имен 328

Научное издание

Милов Леонид Васильевич

**Исследования по истории памятников
средневекового права**

Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Корректор *М. В. Бучная*
Компьютерная верстка *Н. А. Ищик*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 16.02.2009
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная Усл-печ. л. 21,0. Тираж 1000 экз. Заказ 1399

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42
(отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ПИСАНЪ ПИСАНЪ
ОТО ЖЕВО ТО ЖЕ
Ъ ПОСЛОЦКЪ. В. Г.
А ПИСАНЪ
ЮРОККО
НА МЕНОВ
А ПИСАНЪ
СВѢТЪ. С
ТАЮЩИНА

РОССТЭН